

Министерство образования Республики Беларусь

Учреждение образования
«Мозырский государственный педагогический университет
имени И. П. Шамякина»

СЛОВО. ТЕКСТ. СОЦИУМ

Сборник научных трудов
преподавателей филологического факультета

Мозырь
2011

УДК 378.4.096:80:316(082)
ББК 80+6/8+94
С48

Редакционная коллегия:

Исмайлова Л. В., кандидат педагогических наук, доцент, декан филологического факультета (ответственный редактор);

Мазуркевич Л. Н., кандидат филологических наук, доцент, заместитель декана филологического факультета по научной работе;

Анисимов В. И., доктор педагогических наук, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы;

Шур В. В., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой белорусского языкознания;

Кириллов Ю. Н., кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой социально-гуманитарных наук;

Кураш С. Б., кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка;

Сузько Е. В., кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой белорусской литературы;

Сыманович Т. Н., кандидат педагогических наук, заведующий кафедрой истории и МПИ.

Рецензент

кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой английского, общего и славянского языкознания УО «Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова»

Е. Е. Иванов.

Печатается по решению редакционно-издательского совета учреждения образования «Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина»

Слово. Текст. Социум : сб. науч. тр. преподавателей филол. фак.
С48 / редкол.: Л. В. Исмайлова (отв. ред.) [и др.]. – Мозырь : УО МГПУ им. И. П. Шамякина, 2011. – 252 с.

ISBN 978-985-477-455-8.

Сборник содержит статьи преподавателей филологического факультета, которые являются результатами работы учёных над проблематикой кафедральных исследований за 2006–2010 годы. В центре научного внимания авторов – актуальные проблемы лингвистики, литературоведения, теории и практики обучения и воспитания в вузе и школе, а также вопросы истории, политологии и культурологии.

Материалы публикуются в авторской редакции.

**УДК 378.4.096:80:316(082)
ББК 80+6/8+94**

ISBN 978-985-477-455-8

© Коллектив авторов, 2011

© УО МГПУ им. И. П. Шамякина, 2011

Научное издание

СЛОВО. ТЕКСТ. СОЦИУМ

Сборник научных трудов
преподавателей филологического факультета

Ответственный за выпуск С. С. Борисова
Технический редактор Н. В. Ропот
Корректоры: Л. Н. Боженко, М. М. Макаревич
Оригинал-макет Е. В. Юницкая

Подписано в печать 04.07.2011. Формат 60x90 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Ризография. Усл. печ. л. 31,5.
Тираж 100 экз. (1-й з-д 1–48). Заказ 35.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования
«Мозырский государственный педагогический университет
имени И. П. Шамякина».

ЛИ № 02330/0549479 от 14 мая 2009 г.
Ул. Студенческая, 28, 247760, Мозырь, Гомельская обл.
Тел. (0236) 32-46-29

ПРЕДИСЛОВИЕ

Научно-исследовательская работа кафедр филологического факультета в прошедшей пятилетке (2006–2010 гг.) была направлена на реализацию задач инновационного развития, дальнейшую интеграцию науки и образования в соответствии с современными требованиями.

Основными итогами работы кафедр стало развитие научно-педагогических школ, увеличение количества научных мероприятий, выделение приоритетных направлений научных исследований.

В рамках Государственной программы фундаментальных исследований «Белорусский язык и белорусская литература в историческом развитии и современном обществе, их связи и взаимодействии с другими языками и мировым литературно-художественным процессом» в прошедшей пятилетке учёными факультета выполнялось 3 финансируемые темы (руководители – доктор филологических наук, профессор Шур В. В., кандидат филологических наук, доцент Кураш С. Б., кандидат филологических наук, доцент Нуждина Т. С.). Кроме того, доцент Кураш С. Б. руководил коллективом по выполнению проекта БРФФИ. Отдельный проект МОРБ выполнялся под руководством доктора педагогических наук Анисимова В. И.

В сфере научных интересов преподавателей факультета органично сочетаются традиционные для отечественной филологии, истории и культуры фундаментальные направления исследований и перспективные проекты, связанные с региональной проблематикой:

- «Исследование текстов и текстовых единиц в аспекте когнитивной лингвистики, лингвокультурологии и лингводидактики» – кафедра русского языка;
- «Современная культурология: основные методологические подходы к анализу сущности культур» – кафедра социально-гуманитарных наук;
- «Сравнительно-типологические аспекты изучения и преподавания литературы в школе и литературоведческих дисциплин в педагогическом вузе» – кафедра русской и зарубежной литературы;
- «Социально-экономическое и культурное развитие Полесской области» – кафедра истории и МПИ;
- «Рэгіянальны кампанент і яго роля ў вобразна-мастацкай сістэме беларускай літаратуры другой паловы XIX – пачатку XXI стагоддзяў» – кафедра белорусской литературы;
- «Актуальныя праблемы лексікалогіі і анамастыкі на матэрыяле народна-дыялектнай мовы, мовы фальклору і літаратурна-мастацкіх твораў» – кафедра белорусского языкознания.

Традиционными научными мероприятиями, проводимыми на факультете, стали научные чтения, конференции, семинары, Дни науки, круглые столы, олимпиады, конкурсы научных работ, презентации научных изданий и др. Кафедры факультета регулярно проводят научные семинары, посвящённые актуальным составляющим их проблемного поля. Среди них: «Актуальные проблемы языкознания и методики преподавания филологических дисциплин» (кафедра русского языка, кафедра белорусского языкознания), «Компетентностный подход как основа современного государственного стандарта высшего образования» (кафедра русской и зарубежной литературы), «Мазыршчына ў часе і прасторы» (кафедра белорусского языкознания, кафедра истории и МПИ) и др.

В прошедшей пятилетке на факультете было проведено 6 научно-практических конференций международного уровня и 1 – республиканского. Международные конференции «Текст. Язык. Человек», «Актуальные проблемы лексикологии и ономастики славянских языков», Шамякинские чтения стали не только значительным событием в жизни факультета, но и вызвали интерес отечественных и зарубежных учёных.

Активизировалось участие преподавателей факультета в научных мероприятиях. За отчётный период подготовлено и опубликовано 1 учебное пособие с грифом Министерства образования Республики Беларусь, 5 пособий с грифом Национального института образования, 1 – с грифом УМО высших учебных заведений Республики Беларусь по педагогическому образованию, 13 монографий, 33 учебно-методических пособия, 15 курсов лекций, 1 словарь, более 150 статей в научных журналах.

Данный сборник научных статей, авторами которых являются преподаватели филологического факультета, содержит основные результаты их научно-исследовательской деятельности за прошедшую пятилетку.

В первом разделе сборника рассматриваются теоретические и практические аспекты обучения и воспитания в вузе и школе. В работах второго раздела освещаются актуальные комплексные проблемы русского и белорусского языкознания. Статьи, посвящённые вопросам литературоведения, включены в третий раздел. В рамках четвёртого раздела представлены работы по истории, политологии, культурологии.

Надеемся, что представленные материалы будут интересны не только научным работникам, преподавателям высших и средних учебных заведений, аспирантам, магистрантам, студентам, но и всем тем, кто интересуется проблематикой современного гуманитарного образования.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ В ВУЗЕ И ШКОЛЕ

В. И. Анисимов

О ДРАМОГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОМ ВЕКТОРЕ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ПЕДАГОГИКИ ИСКУССТВА

Интерес педагогических вузов к «артистизму педагогического труда», «социо-игровой педагогике», «социо-игровому стилю обучения», «театральным приемам обучения» и т. д. существовал всегда. Особенно активно «театральные маршруты в педагогике» стали разрабатываться в конце 70-х – начале 80-х годов (кафедра педагогики Полтавского педагогического института, Клайпедский театрально-филологический факультет Литовской государственной консерватории, педвузы Перми, Новокузнецка, Даугавпилса, Минска и др. городов). Со временем эти поиски оформились в виде нового направления в педагогике – *драмогерменевтики* (и международной всемирной ассоциации «Драма ин эдьюкейшен»), возникшей на пересечении трёх сфер человеческой деятельности – *театральной, герменевтической и педагогической*.

Из *театральной* сферы драмогерменевтика заимствует понятие трёх типов человеческого общения. «Первый: нелегальное (партизанское) общение зрителей друг с другом в зале во время спектакля. Второй: фиксированно-ритуальное общение актеров на сцене. (Ту же картину мы можем встретить и на школьном уроке: за партами – нелегальное, партизанское общение учеников во время объяснения или опроса учителем материала, и у доски – чинно-ритуальное, фиксированность которого определяется текстами учебников и программ.)

Известно, что смена фиксированно-ритуального общения на сцене общением подлинным, импровизационным (что при фиксированном тексте пьесы, казалось бы, невозможно!), освобождает зрительный зал от нелегального общения, и он начинает жить с персонажами единой жизнью, как бы растворяясь в происходящем. Это третий тип общения, демонстрируемый театром.

Такое общение возможно и на уроке. Когда одни ученики становятся учениками-импровизаторами, то интерес других к происходящему не-

изменно активизируется. Ученики-зрители начинают увлечённо считывать импровизационное общение (или участвовать в нём), извлекая при этом информацию гораздо более обширную, чем при лицезрении фиксированно-ритуального общения учителя с вольными или невольными статистами.

Забота о смене псевдообщения на сцене (или у доски) и «нелегального» общения в зале (или в классе) на общение подлинное, живое, импровизационное, увлекающее всех присутствующих – роднит профессию режиссёра с профессией педагога, хотя пути достижения этой смены у них явно разные» [1, с. 324].

Литературу как школьный предмет нельзя освоить, как осваивается, допустим, физика или биология. Т. е. посредством её «изучения», «усвоения суммы знаний о писателе, героях, стиле, направлениях и т. д.» [2, с. 26]. В процессе чтения мы не просто что-то познаём, удовлетворяем своё любопытство. Мы постоянно «взвешиваем» воспринимаемое нами на своих «оценочных весах», относимся к нему как чему-то «живому», непосредственно нас касающемуся (а не просто как к некоей зафиксированной в формуле объективной закономерности), устанавливаем связи между чужой жизнью и своей собственной. Этот протекающий внутри нас процесс сотворчества, в известной степени, является мерилем нашего «Я», нашей внутренней культуры (С. Н. Рерих).

От *герменевтической* деятельности драмогерменевтика наследует мысль о том, что понимание литературных (классических) произведений не однозначно и не одномоментно. «Безличное или обезличенное понимание есть равнодушие и к какому-либо пониманию отношения не имеет» [1, с. 324]. По мере расширения жизненного опыта субъекта или опыта истории это понимание может изменяться, расширяться и углубляться. Число «сторон», «углов», «точек зрения» и т. д., с которых можно подойти ко всякому тексту, широко, хотя и не беспредельно [3, с. 140]. «Хаос не должен преодолеваться и тем более изгоняться жестоким регламентом обучения и доминированием учителя, поскольку с таким изгнанием в значительной мере будет изгоняться и сама неорганизованная творческая энергия, а творчество рискует превратиться в формальное оперирование готовыми штампами и категориями. Хаос должен именно преобразовываться в поле сотворчества учителя и ученика...» [4, с. 265].

Очень многое драмогерменевтика связывает и с *педагогической* деятельностью. Для опытных учителей литературы выразительное чтение служит показателем, как общего, так и специального литературного образования. «Услышав выразительное чтение стихотворения учеником, мы ставим «5» и больше ни о чём не спрашиваем. Его интонация, паузы, мимика и жесты убедительнее свидетельствуют о глубоком понимании поэзии, чем ответ по учебнику» [5, с. 142].

К сожалению, на занятиях по теории и истории литературы в педвузах проблема озвучивания книжно-письменных текстов либо вовсе не ставится, либо решается формально – сводится к сакраментальному требованию «Читай выразительно!» Произведение не раскрывается перед обучаемыми в качестве лично значимой эстетической ценности. На занятиях студенту-*читателю* практически не представляется возможности проявить себя как творческой индивидуальности, раскрыть своё отношение к прочитанному.

Традиционный курс «Выразительного чтения», включаемый в учебные планы педагогических вузов, лишь частично резервирует возможности этого вида учебно-творческой деятельности. Даже старшекурсники при «озвучивании» стихотворения, воссоздании его интонационного рисунка зачастую стесняются собственного голоса, бывают скованными, слишком сдержанными в передаче своих эмоций. Что совершенно определенным образом «аукается» затем в школе. Об этом в статье «Искусство чтения» В. П. Острогорский ещё в позапрошлом веке писал так:

«Наши ученики и ученицы, за чрезвычайно редкими исключениями, не только не умеют сколько-нибудь порядочно читать своих родных поэтов (об европейских мы уже не говорим), не только поразительно мало знают из них наизусть, но часто даже мало знакомы и с самими их сочинениями. Попробуйте спросить на выпускном экзамене, какой или какие из поэтов у оканчивающих курс любимые, что выучено наизусть из этого поэта по собственному выбору и охоте, есть ли тетрадь с выписками любимых, понравившихся мест; есть ли, например, свой собственный экземпляр сочинений этого поэта, его портрет, биография, – попробуйте, и вы увидите, какими удивлёнными, недоумевающими глазами посмотрит на вас юноша. Ведь он или она пишет довольно правильно, а иногда и очень связно (что до того, что в сочинении бедность мыслей, а об изяществе, красоте речи нет и помину), знает бойко, <как> разбирать грамматически, развязно и гладко умеет рассказать со слов учителя краткую биографию и <дать> критическую оценку главнейших писателей, – чего же вам больше? Формальное знание языка достигнуто; есть кое-какие сведения из истории словесности и истории литературы; развитие же эстетическое, знание поэтов и любовь к ним, а тем более устное хорошее произнесение их великих творений, – все это считается в нашем, довольно грубом и узко материальном, современном обществе ненужной роскошью, а то и просто пустяком. В погоне за формальными знаниями мы совершенно забываем о гуманном, сердечном, эстетическом воспитании наших детей. <... > Чтение – самый тонкий критик художественного произведения и отличное средство проверки своих первых впечатлений. Как часто стихотворение, увлечшее нас чудесной формой или каким-нибудь особым отношением к нашей

собственной личности, например, по воспоминаниям, по отношению к нашим личным вкусам или симпатиям, оказывается совершенно не стоящим внимания, когда мы станем подробно анализировать его для чтения вслух. Таковы, например, многие, излюбленные малоразвитыми эстетически людьми произведения Никитина, Бенедиктова и др. То же – наоборот. Как часто непонятны и малоинтересны юношеству многие вещи Шекспира, Гёте, Шиллера, Байрона, да, пожалуй, и наших Пушкина и Лермонтова, только потому, что оно не берёт на себя труда хорошенько вдуматься в слова и выражения, что при подготовке к чтению вслух непременно <произойдет>».

Наиболее ценное в учении, по П. Ф. Каптереву, – получение впечатлений и осмысленная их переработка. Задача учителя литературы заключается не только в том, чтобы самому овладеть техникой выразительного чтения, крайне важно, чтобы элементами выразительного чтения овладели ученики. «Развитие можно воспитывать лишь развитием, становление – становлением, духовность – духовностью, искание и творчество – только жизненными шагами искания и творчества» [6, с. 3].

Художественно-эстетическое, в том числе литературное образование глубоко лично по своей природе. Произведение искусства, не пропущенное через личность самого педагога, «не дойдёт» до ученика, во всяком случае, не заденет, не «заразит» его – только личность может воздействовать на личность [7, с. 5–6].

Читающий вслух обращён не столько внутрь книги – к тексту, сколько наружу – к слушателю. Не он входит в книгу, но текст как бы выходит из неё, облекаясь в звучащее слово.

Оценка учебных достижений школьников в области литературного образования должна включать в себя «оценку умений и навыков сотворческого восприятия, создания (воссоздания) художественных текстов и художественной коммуникации» [8, с. 15].

Что же даёт будущим учителям литературы выразительное чтение при его правильной постановке?

Оно позволяет:

– оказывать интонационное воздействие на духовно-нравственный мир обучаемых, развивать их ценностное сознание, формировать и корректировать их ценностные ориентации и предпочтения; открывать, условно говоря, «себя в Пушкине, а Пушкина в себе» [9, с. 59];

– развивать интеллектуальные, художественные способности; обретать навыки самостоятельной и посильной продуктивной учебы. Затруднения, которые возникают, и стремление преодолеть их, обуславливает развитие школьника;

– осуществлять приоритетное развитие эмоционально-чувственной сферы, воображения, творческих способностей (Л. Н. Толстой, М. Монтессори);

– бороться с так называемой «долбней или бессмысленным зубрением» (В. П. Острогорский), дотошным комментированием и постановкой большого количества зачастую ненужных и бессмысленных вопросов, убивающих живую душу произведения;

– осуществлять деятельностный подход к обучению. «Обучение путем дела» в 6–7 раз продуктивнее обучения путем «слушания» [10, с. 279]; осваивая образный мир лирического произведения в единстве его восприятия, анализа и исполнения.

Проблема драмогерменевтического, социо-игрового подхода к художественной литературе со времен Д. И. Писарева и В. П. Острогорского не только не потеряла своей актуальности, но, наоборот, еще более обострилась. «Трагедия нашей школы – не единственная, конечно, но одна из главных, и не только российской, но и западноевропейской, и американской – состоит в том, что, отвечая требованиям научно-технического прогресса, ставшего в Новое время господствующей силой в культуре, она абсолютизировала дидактику преподавания естественнонаучных дисциплин и лежащей в их основе математики, перенося их на преподавание гуманитарных дисциплин; в результате уроки художественной литературы были превращены в преподавание примитивизированного литературоведения как науки о литературе, и – что оказалось закономерным для позитивистского типа мышления – было объединено с преподаванием языка, природа которого в корне отлична от природы искусства слова, в силу чего литературоведение и лингвистика – разные по сути их науки, объединение которых ведет к подмене понимания поэтической жизни слова изучением его прагматического функционирования. А между этими двумя полюсами находится преподавание истории, которое сейчас в большинстве случаев точно так же подчиняет изучение школьниками истории человечества тому методу, каким преподается физика и биология. Разумеется, гражданская история и даже история культуры – не история литературы как искусства, но отношение к прошлому человечества, в частности и, в особенности, к истории своего народа, не может отождествляться с отношением к атомам, молекулам, морям и лесам, флоре и фауне, и задача учителя истории – не ограничиваться рассказом о фактологической стороне исторического процесса, но возбуждать у учеников ощущение причастности каждого человека к деяниям своих предков, т. е. не чисто рационального, безучастно-стороннего отношения к фактам, но их переживания, конечно, не такого, какое вызывают произведения искусства» [11, с. 109].

Чтобы со временем стать подлинным «вдохновителем» учебно-воспитательного процесса, студент-филолог должен научиться приобщать к искусству слова *методами самого искусства* слова, в частности – овладеть способностью переводить слово письменное в слово звучащее.

Ведь впечатляющая сила «образцового чтения образцовых произведений» такова, что может потрясать даже тех, «которые не потрясались никогда от звуков поэзии» [12, с. 190]. Эффективности литературного образования может содействовать ознакомление с опытом продуктивной деятельности, который активно накапливается сегодня в многочисленных *театрах поэзии*:

театр поэзии Аллы Демидовой: moskva.fm;

театр музыки и поэзии Елены Камбуровой: kamburova.theatre.ru;

театр Живой Поэзии «Эмпирей»: empyreantheatre.com;

театр поэзии «CREDO»: afishagoroda.ru > [look/articles/](#);

Золотой стихофон – архив образцов искусства художественного чтения, виртуальная аудиокнига классической поэзии, в которой собраны голоса великих русских поэтов в mp3: gold.stihophone.ru; sk-kotel.com > statkotel/86.php.

Вбирающая в себя этот опыт, литературно-преподавательская деятельность обретает черты реально практикующего искусства.

Литература

1. Общение на уроке, или Режиссура поведения учителя / П. М. Ершов [и др.]. – Изд. 2. – М.: Флинта, 1998. – 350 с.
2. Мушинская, Т. Ф. Философско-психологические аспекты идейно-нравственного опыта при изучении школьного курса литературы / Т. Ф. Мушинская // *Веснік адукацыі*. – 2004. – № 5. – С. 24–27.
3. Ломинадзе, С. Смысл и целостность (об анализе поэтического произведения) / С. Ломинадзе // *Вопросы литературы*. – 1979. – № 8. – С. 135–157.
4. Волов, В. Т. Синергетика как базовая методология гуманитариев XXI века / В. Т. Волов. – Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН, 2005. – 365 с.
5. Гуревич, С. Что значит знать литературу / С. Гуревич // *Вопросы литературы*. – 1961. – № 8. – С. 139–157.
6. Батищев, Г. Человек совершенствующийся / Г. Батищев // *Учительская газета*. – 1988. – 3 марта.
7. Ильин, Е. Н. Путь к ученику. Раздумья учителя-словесника: кн. для учителя: Из опыта работы / Е. Н. Ильин. – М.: Просвещение, 1988. – 220 с.
8. Гуляева, Е. Г. К вопросу об оценке качества образования по предмету «Отечественная и мировая художественная культура» / Е. Г. Гуляева // *Веснік адукацыі*. – № 11. – 2007. – С. 14–16.
9. Крылова, Н. Б. Культурология образования / Н. Б. Крылова. – М.: Народное образование, 2000. – 299 с.
10. Подласный, И. П. Педагогика / И. П. Подласный. – М., 1996. – 310 с.
11. Диалог в образовании // Сборник материалов конференции. Серия «Symposium», выпуск 22. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. – 350 с.
12. Гоголь, Н. В. Статья об архитектуре нынешнего времени / Н. В. Гоголь // *Собр. соч.*: в 7 т. – М.: Худ. лит., 1986. – Т. 6. – С. 189–195.

В. И. Анисимов

СОДЕРЖАТЕЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ КОММУНИКАТИВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬСКИХ УМЕНИЙ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Характер вербальных контактов, яркая, впечатляющая форма учебных занятий имеют совершенно особое значение в деятельности учителя литературы, который совместно с преподавателями ИЗО и музыки приобщает школьников не столько к научным, сколько, в первую очередь, к *художественным, образно-эмоциональным* ценностям. Одно и то же литературное произведение, *прочитанное вслух по-разному*, – это *разные* произведения. Вполне правомерно поэтому, что в числе требований классической и современной дидактики к учителю-словеснику *умение говорить* не только *логично и ясно*, но и по возможности *красиво и увлекательно*, осуществлять не только *речевую*, но и *исполнительскую* деятельность (выразительно читать стихи, отрывки из пьес или романов, руководить подготовкой литературных вечеров и т. д.) устойчиво называется одним из самых главных.

Несмотря на это, однако, лишь незначительная часть педагогов-практиков овладевает названными умениями в должной мере. Во многом это объясняется тем, что в интересующем нас отношении *содержание* как прикладных, так и специальных дисциплин, предназначенных для будущих учителей литературы, реализует свои потенциальные возможности далеко не в полном объеме. В особенности возможности, связанные с *эстетической* организацией учебного сообщения, *языком* учебников и учебных пособий по теории и истории литературы (как и учебно-педагогическим языком вообще). Довольно успешно разрешая проблемы *логико-педагогического* структурирования учебного материала, авторы не всегда ставят перед собой задачу повысить его эстетическую действенность, придать учебному тексту личностную окрашенность, эмоциональную «манкость» с тем, чтобы преподаваемый материал переставал быть «вещью в себе», а вызывал бы живой интерес, желание спорить, соглашаться или не соглашаться. Задача эта, как показывает анализ вузовских учебников, продолжает расцениваться как малозначительная, второстепенная. Учебники по истории литературы в абсолютном большинстве построены как объективно обезличенные.

Именно стремлением разрушить данное положение дел и найти способы преодолеть противоречие между «речевым мастерством» (В. П. Чихачев) школьного учителя, с одной стороны, и «языком обучения» (Л. Клинберг), «учебной педагогической речью» (Ю. В. Рождественский), с другой, отмечен целый ряд появившихся в последнее время специальных

работ Т. Ф. Завадской, М. Г. Качурина, Л. С. Перетрухиной, Н. И. Шевелева, Б. Я. Буяльского, Л. Ю. Коренюка, Р. Р. Маймана, С. Б. Найденова, Н. М. Соловьевой, А. И. Капской и др.

В этом контексте *дидактическая целесообразность интеграции как содержательной предпосылки формирования у обучающихся коммуникативно-речевых умений* обуславливается тем, что

в научно-предметном плане

– значение речевой подготовки, речевого мастерства в деятельности учителя трудно переоценить (подсчитано, что примерно 70% своего времени, помимо сна, человек посвящает чтению, письму, разговору, слушанию – четырем основным разновидностям речевой деятельности [1, с. 75]); речевая культура, по В. А. Сухомлинскому, – зеркало духовной культуры: «Искусство воспитания включает в себя прежде всего искусство говорить, обращаться к человеческому сердцу» [2, с. 33];

– художественно-эстетическая информация, с одной стороны, создается и передается через *эмоциональную* оценку, а с другой стороны, полноценно воспринимается только при условии ее *подлинного переживания*. «В литературе идеи и чувства превращаются в слова, чтобы вновь стать идеями и чувствами реципиента» [3, с. 214];

в психолого-физиологическом плане

– речь, речевые навыки развиваются прежде всего под влиянием слуховых впечатлений и рефлкторной деятельности; «Человек овладевает тем языком, который слышит и воспроизводит сам» [4, с. 34];

– учебное изложение не может не иметь четкой ориентировки на *своего* слушателя и (или) читателя – будущего словесника, для которого *эстетические импульсы языка* учебника или лекции выполняют роль своеобразного катализатора активности;

– художественно-эстетическое образование *глубоко лично по своей природе*; произведение искусства, не пропущенное через личность самого педагога, «не дойдёт» до ученика, во всяком случае, не заденет, не заразит его – только личность может воздействовать на личность;

в собственно дидактическом плане

– коммуникативно-речевая культура учителя-филолога не сводится к понятиям «правильности речи» и «языковой нормативности»; представитель этой профессии, как и любой *преподаватель искусства* в школе, должен постоянно отдавать себе отчет не только в том, о чем он ведет (или поведет) речь, *что* он хочет сказать своим подопечным, *ради чего* он собирается вступить с ними в коммуникативный контакт, но и *как* он собирается воздействовать на школьников, в *какую* он должен «войти роль», *какие средства выразительности* использовать, чтобы на занятии возникла атмосфера («аура»), соответствующая и *данному автору*, и *данному художественному произведению*; в любом случае «педагогика искусства»

отторгает речевые стереотипы, учительский «монотон», и, наоборот, предполагает диалогические формы общения, живое взаимодействие обучающихся с педагогом и друг с другом;

– постигая в вузе основы литературоведения и других наук, студенты-филологи овладевают, прежде всего, *книжной* речью, ее учебно-научной разновидностью, в работе же со школьниками им придется использовать такие формы звучащей, разговорной речи (беседа, «круглый стол», открытый микрофон и т. д., в которых значительное место занимает оценочно-личностный план, публицистичность и т. п.; т. е. формы, благодаря которым речь становится не только средством приобретения и передачи информации, но и средством *воздействия* на слушателей.

В процессе содержательного наполнения специальных дисциплин формирование умения будущего словесника эстетически организовывать процесс коммуникативно-речевого общения со школьниками, не допуская ни его сухости, ни обезличенности, может быть обеспечено с помощью разнообразной системы лингвистических и экстралингвистических (или психолингвистических) средств. Например, *на уровне порождения словесного текста, оформления предметного содержания высказывания* – с помощью таких способов актуализации языка учебных сообщений, выражения личностного отношения автора к излагаемому, как *особый порядок слов, противопоставления, сравнения, повторения, прямые обращения к читателям (слушателям)* («взгляните», «как вы увидите далее», «прежде всего, выясним», «внесем ясность» и т. д.), использование других эмоционально-выразительных возможностей текстовой конструкции.

Если классическими образцами решения проблемы *эмоционально-образной формы изложения* справедливо считают книги К. Д. Ушинского и Л. Н. Толстого (их текстам присуще качество быть словно не написанными, а произнесенными – настолько четко они сохраняют ориентацию на эстетику устной речи – живой, разговорной, импровизированной), то среди наиболее удачных последних попыток преодолеть внеличностный, сугубо рационалистический стиль общения со своими потенциальными читателями следует назвать учебник по литературе, созданный под редакцией Ф. Ф. Кузнецова [5]. Стиль *этого* учебника, не претендуя на художественность, тем не менее, ощутимо ориентирован на образную речь писателя. Оценка силы и значения того или иного произведения, образа, нравственного поступка здесь подкрепляется не только логикой, но и тем непосредственным впечатлением, которое они производят на самого автора сообщения.

При определении диапазона общеязыковых средств, вовлекаемых в научно-учебное изложение, необходимо полнее учитывать, что хотя язык науки и ограничен в своем словоупотреблении и синтаксическом строе, однако ему не чужды эмоционально-экспрессивные элементы. Тем более не должен резко противопоставляться языку художественной литературы

язык ее учебной теории и истории. При *максимуме научности* эстетический анализ должен сочетаться с *максимумом живости, образности, эмоциональности*.

Предпосылки для формирования у студентов-филологов коммуникативно-речевых умений создает *включение в систему их практической подготовки* (семинарские занятия, курсовые, контрольные и дипломные работы и т. д.) *таких форм работы*, как *составление аннотаций, написание отзывов, рецензий, рефератов, литературных очерков (эссе) на темы литературы и искусства* (допустим, отзывов на просмотренные теле- и киноэкранизации классики); *исполнительский анализ* прозаических, стихотворных и драматургических текстов; подготовка специальных заданий и спецвопросов по таким *интегративным* темам, как «Слово и интонация народной сказки», «Лиризм и музыкальность романов И. С. Тургенева», «Искусство пейзажа (портрета) Л. Н. Толстого»; *анализ учебника по литературе как речевого произведения*, определение особенностей изложения в нем учебного материала и т. п.

Многолетние наблюдения показывают, что особенно благоприятные условия для сопереживания, эмоционально-оценочной деятельности студентов-филологов создают концерты грамзаписи, в которые включается авторское исполнение стихов С. А. Есенина (монолог Хлопуши из поэмы «Пугачев»), монологи Барона и Сатина из пьесы «На дне» в исполнении В. И. Качалова, чтение стихов С. А. Есенина, М. И. Цветаевой, Б. Л. Пастернака такими исполнителями, как Т. Доронина, В. Высоцкий, А. Фрейдлих, Е. Киндинов, С. Юрский, М. Ульянов. Большим потенциалом эмоционального воздействия обладают музыкальные иллюстрации Г. В. Свиридова к повести А. С. Пушкина «Метель», его же переложения лирики С. А. Есенина «Отчалившая Русь» (солисты – Д. Хворостовский и В. Пьявко); театральная инсценировка Г. Товстоногова «Идиот» (князь Мышкин – И. М. Смоктуновский, Рогожин – Е. А. Лебедев); фильмы-экранизации А. А. Алова и В. Н. Наумова «Бег», С. Ф. Бондарчука «Они сражались за родину», Л. Шепитько «Восхождение»; опера А. Рыбникова «Юнона» и «Авось», – по произведениям Ф. М. Достоевского, М. А. Булгакова, М. А. Шолохова, А. А. Вознесенского, В. В. Быкова и др.

Эти задания позволяют «ухватывать» суть тех или иных явлений в искусстве методами, близкими к искусству, – одновременно, целостно. Формы «педагогической драматургии», в состав которых они могут быть включены: *семинары-репетиции, учебный спектакль одного актера, выступление с творческими этюдами, «пробами на роль» на практических занятиях, коллоквиумах, зачетах и экзаменах*.

Таким образом, наряду с *уровнем начитанности* (кругом чтения, включающим в себя как собственно художественные, так и научно-критические тексты) другим не менее важным критерием литературного

образования (развития) студентов-филологов выступает *степень овладения ими системой практических действий* оценочно-эстетического и коммуникативно-речевого характера (умение оценить место того или иного явления в системе других художественных явлений, умение организовать учебную деятельность в классе или вне его «как двусторонний процесс, в котором участвует искусство, учитель его представляющий, и ученик, его познающий» [6, с. 80].

Среди такого рода *интегративных* действий особой профессиональной значимостью обладают те, что связаны с *умением сравнивать идеи и образы писателя с их отражениями на киноэкране, театральной сцене или в книжной иллюстрации, а также умением выстраивать учебное сообщение об искусстве с учетом эстетической специфики этого вида человеческой деятельности*. Важность этих умений обуславливается тем, что они, соответствуя основным компонентам профессиональной деятельности *учителя-филолога*, в то же время обеспечивают оперативность, гибкость, динамичность и обобщенность знаний, приобретаемых *студентом-филологом*.

Состав и структура ныне действующих программ и учебников по теории и истории литературы (русской и зарубежной) не имеют достаточно четкой ориентации на овладение такой сложной стороной технологии педагогического труда, как *мастерство слова будущего учителя-филолога, его умение пользоваться всем арсеналом средств и приемов усиления выразительности речи, повышения эстетической действенности учебного сообщения*. Даже на старших курсах студенты нередко думают, что достаточно отобрать необходимый учебный материал, определить, *о чем* будешь говорить на уроке, составить его план-конспект, а все, что касается *формы* урока (чтения как перевода графического языка в звуковой и т. д.), «придёт» само собой. Однако без специально подобранного материала, позволяющего отрабатывать *исполнительско-речевые* умения (умение владеть стилистически окрашенной лексикой, передавать в чтении тонкие оттенки мысли и чувства автора, выражать собственное отношение к предмету разговора и т. п.), будущему учителю-филологу весьма затруднительно стать *художником своего урока*, а значит, оказывать воздействие не только на ум, рассудок, но и на чувства, эмоции школьника.

Всемерное использование в любых *речевых произведениях*, адресуемых будущему учителю-филологу, связей литературоведения и лингвистики (психолингвистики), с одной стороны, и логики, эстетики, искусства слова, ораторской речи, с другой, будет способствовать наиболее полному выражению интегративной сущности этой специальности, объединяющей в себе язык и литературу [7, с. 168–183].

Литература

1. Ладыженская, Т. А. Развитие речи учащихся как теоретическая и практическая проблема межпредметного характера / Т. А. Ладыженская // Советская педагогика. – 1978. – № 9. – С. 75–80.
2. Сухомлинский, В. А. О воспитании. Выдержки из книг и статей / В. А. Сухомлинский. – М.: Политиздат, 1973. – 272 с.
3. Споры о сущности литературы // Иностранная литература. – 1973. – № 1. – С. 205–225.
4. Архипова, Н. М. Проблема развития речи в трудах русских педагогов (о методическом наследии Л. И. Поливанова) / Н. М. Архипова // Развитие речи учащихся на уроках литературы: сб. науч. тр. – М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1980. – 104 с.
5. Русская литература XX века. Очерки. Портреты. Эссе: кн. для учащихся 11 кл. сред. шк.: в 2-х ч. / сост. Е. П. Пронина; под ред. Ф. Ф. Кузнецова. – М.: Просвещение, 1991. – Ч. 2. – 351 с.
6. Максимова, В. Н. Межпредметные связи как дидактическая проблема / В. Н. Максимова // Советская педагогика. – 1981. – № 8. – С. 78–84.
7. Зозуля, М. Каким должен быть вузовский учебник по истории литературы? / М. Зозуля // Вопросы литературы. – 1967. – № 2. – С. 168–183.

Л. В. Исмайлова

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОЕ РАЗВИТИЕ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ

Динамизм и масштабность задач, стоящих перед школой, сложность профессиональных функций предъявляют повышенные требования к субъекту педагогической деятельности – учителю и, соответственно, к процессу его подготовки в вузе. Закономерным результатом высшего педагогического образования в соответствии с современными образовательными стандартами является профессиональное и личностное развитие специалиста.

Особенность педагогической деятельности заключается в том, что одним из средств и условий ее функционирования выступает личность самого педагога, в педагогическом процессе реализуется единство профессиональных и личностных влияний учителя на ученика. Как отмечает В. А. Сластёнин, эта деятельность приобретает сегодня принципиально новое назначение – поддержку человека в автономном самостроительстве, формирование способности к жизненному самоопределению, диалог и сотрудничество, сотворчество взрослого и ребенка, в которых доминирует взаимовыгодный обмен личностными смыслами и опытом [1]. Современной школой востребован учитель, способный создать оптимальные условия для развития потенциальных возможностей каждого ребенка, обладающий современным педагогическим мышлением, готовностью к саморазвитию, четко выраженной педагогической позицией.

Этим обусловлен интерес исследователей и практиков к проблеме профессиональной подготовки учителя, его личностного роста, успешной самореализации.

Становление профессионала связано с его развитием как личности и предполагает либо появление у него новых качеств и свойств, либо развитие имеющихся. В связи с этим под профессионально-личностным развитием учителя понимают:

– рост, становление, интеграцию и реализацию в педагогическом труде профессионально значимых личностных качеств и способностей, профессиональных знаний и умений, активное качественное преобразование учителем своего внутреннего мира, приводящее к принципиально новому его строю и способу жизнедеятельности [2];

– процесс формирования личности, ориентированной на высокие профессиональные достижения; как непрерывный процесс ценностно-смыслового определения относительно собственной деятельности, способа ее осуществления и самореализации [1];

– процесс и результат системных преобразований развивающейся личности, органично сочетающий формирование профессиональной компетентности, творческого потенциала, профессионально важных свойств и качеств, позитивной Я-концепции [3].

При этом подчеркивается необходимость интегрирования в высшем синтезе личностной позиции будущего педагога, его профессиональных знаний и умений. Это единство, с точки зрения авторов, представляет собой качественно новое образование, целостность и внутренняя структура которого выражают цели подготовки и формирования личности педагога.

Вышесказанное позволяет рассматривать профессионально-личностное развитие учителя как длительный, динамичный, многоуровневый процесс прогрессивного изменения личности под влиянием социальных воздействий, профессионального обучения и деятельности, собственной активности. Этот процесс не ограничивается лишь периодом обучения в вузе и включает в себя несколько этапов:

1) зарождение и формирование профессиональных предпочтений и намерений, интереса к педагогической деятельности, ценностных ориентаций и установок, мотивов выбора профессии (довузовский этап);

2) профессиональная подготовка в условиях педагогического вуза;

3) вхождение в самостоятельную педагогическую деятельность, профессиональная самореализация.

Эффективность первого этапа обеспечивается налаженной системой ориентации на педагогическую профессию, развитием системы довузовской подготовки, наличием четких представлений о профессии, ранней диагностикой пригодности к педагогическому труду, что особенно важно в условиях снижения интереса абитуриентов к филологическим специальностям.

После поступления в педвуз, в процессе профессиональной подготовки, происходит адаптация студентов к условиям вузовского обучения, формируются ценностные ориентации, личностные позиции, профессиональное мышление, педагогическая направленность, профессионально значимые качества личности, система знаний и базовых профессиональных умений. В этот период важное значение приобретает формирование учебной мотивации, позитивного отношения к своей будущей профессии и к самому себе как к потенциальному субъекту профессиональной деятельности. Принципиально важно, чтобы процесс вузовской подготовки педагога был максимально ориентирован на сферу и условия его профессионального использования и самореализации, учитывал квалификационные требования к специалисту, модель его деятельности и личности. Подготовка учителя в вузе обязательно предполагает развитие профессионального сознания, социального и профессионального интеллекта, эмоционально-волевой сферы, компетентности, самостоятельности. Этот этап состоит из нескольких стадий, каждая из которых предполагает решение конкретных задач и преодоление возникающих противоречий кризисных явлений.

Так, студенты первого курса приспособляются к условиям и содержанию профессионально-образовательного процесса, осваивают новые виды деятельности, необходимые для дальнейшего обучения и выполнения профессиональных функций. Опыт показывает, что в вуз приходят студенты с разными уровнями подготовленности, сформированности способностей и личностных качеств. Выбор ими профессии зачастую обусловлен интересом к предмету, а не к педагогической деятельности в целом. Значительная часть первокурсников испытывает трудности в организации своей жизнедеятельности в новых условиях, в освоении учебного материала, в установлении контактов между собой, переживает порой разочарование в выборе профессии.

Очевидно, что первокурсникам необходима помощь в адаптации к новым условиям. Такая помощь осуществляется по следующим направлениям:

- диагностика готовности к учебно-познавательной деятельности, изучение мотивов учения, ценностных ориентаций;
- помощь в развитии учебных умений, умений самостоятельной работы;
- помощь в преодолении трудностей самостоятельной жизни, в установлении комфортных взаимоотношений с преподавателями и однокурсниками;
- развитие интереса к педагогической профессии, к учебной деятельности; формирование ценностного отношения к ней.

Программа работы со студентами первого курса включает в себя проведение в группах бесед об учительской профессии, кураторских часов, встреч с ведущими учеными факультета, мастерами педагогического труда, консультаций по вопросам организации учебной деятельности,

оптимизации межличностных отношений. Результативность этой работы обеспечивается тесным сотрудничеством кураторов групп и преподавателей, оперативным взаимным информированием об индивидуальных особенностях студентов и их учебных достижениях.

На 2–4 курсах продолжается развитие общих и профессиональных способностей студентов, формирование системы профессионально значимых знаний и качеств личности, технологических умений. Основные задачи этого этапа:

- формирование профессионального мировоззрения будущего учителя;
- развитие познавательной самостоятельности, индивидуально-творческих возможностей студентов;
- развитие потребности в личностном и профессиональном самосовершенствовании;
- становление профессиональной культуры.

Подготовка учителя не может осуществляться в отрыве от потребностей современной школы. При этом модель педагогического образования должна носить опережающий характер, предвосхищать тенденции развития школы. На реализацию задач профессиональной подготовки студентов направлены все предметы учебного плана. Однако особая роль в подготовке будущих учителей принадлежит, на наш взгляд, специальным дисциплинам и дисциплинам психолого-педагогического цикла, которые призваны не только сформировать у будущих педагогов систему знаний и умений, но и развивать потребность в личностном и профессиональном самосовершенствовании, воспитывать ценностное отношение к профессиональной деятельности, ее гуманистическому потенциалу.

Важным условием успешности этого этапа является обеспечение оптимального сочетания фундаментальной подготовки и практической направленности педагогического образования. В этих целях используется активное включение студентов в реальную педагогическую деятельность, развитие исследовательских навыков в процессе выполнения творческих заданий, работа на экспериментальных площадках.

В учебные планы по специальностям «Белорусский язык и литература. Русский язык и литература», «Белорусский язык и литература. Мировая и отечественная культура», «Русский язык и литература. История» включено более 20 спецкурсов и спецсеминаров: «Новые педагогические технологии в литературном образовании школьников», «Инновационные технологии как путь оптимизации обучения русскому языку», «Внеклассная работа по русскому языку», «Внеклассная работа по русской литературе» и др. В учебном процессе активно используются современные образовательные технологии, рейтинговая система оценки знаний студентов, управляемая самостоятельная работа, тренинги, ролевые и имитационные игры.

Проведение тренингов и игровых занятий позволяет создавать свободную, эмоционально-положительную рабочую атмосферу; обеспечивает включение всех студентов в учебные ситуации; способствует овладению знаниями не только на репродуктивном, но и творческом уровне за счет создания ситуации интеллектуального и эмоционального напряжения. Такие занятия являются школой сотрудничества обучающего и обучающихся, развивают самостоятельность студентов, их субъектную позицию в учебно-воспитательном процессе.

Для успешной реализации профессиональных функций учителю необходимо овладеть технологией педагогического взаимодействия. Показателями сформированности коммуникативной культуры учителя являются: динамичность и адекватность установления контакта с учениками, управление межличностными отношениями в системе «учитель – ученик», понимание ситуативной внутренней настроенности и ожиданий учащихся, преодоление стереотипных и негативных установок по отношению к учащимся.

В связи с этим в процессе подготовки филологов особое внимание уделяется формированию коммуникативной культуры, включающей в себя культуру речи, культуру слушания и эмоциональную культуру. В программе коммуникативной подготовки студентов выделяются следующие взаимосвязанные направления:

- формирование ценностного отношения к личности ученика и к предстоящей деятельности как деятельности коммуникативной;
- овладение системой знаний по проблемам взаимодействия, развитие коммуникативных умений;
- развитие у студентов интереса к своему внутреннему миру и внутреннему миру других людей;
- создание условий для развития и совершенствования качеств и свойств, необходимых для эффективного общения, для развития профессионального образа «Я»;
- осуществление мониторинга и коррекции готовности студентов к профессиональному взаимодействию.

На реализацию этой программы направлены, прежде всего, следующие дисциплины учебного плана: «Педагогика», «Психология», «Методика преподавания русского языка», «Методика преподавания русской литературы», спецкурсы и спецсеминары «Основы педагогического мастерства», «Культура педагогического общения», «Основы межкультурных коммуникаций», «Основы речевой деятельности», «Выразительное чтение». Студенты имеют возможность реализовать свой творческий потенциал, участвуя в конкурсах ораторского мастерства, литературных вечерах, мастер-классах, днях самоуправления и т. д.

На 5 курсе важное значение приобретает профессиональное самоопределение личности, отождествление себя с будущей профессией, проявление продуктивной профессиональной Я-концепции, осознание личностного смысла предстоящей деятельности, развитая способность к профессиональной самопрезентации. Продуктивная Я-концепция характеризуется убежденностью специалиста в своей профессиональной компетентности, эмоциональной зрелостью, эмпатией, готовностью к конструктивному взаимодействию с учениками, коллегами, что особенно важно для учителя. Особая роль на этом этапе принадлежит педагогической практике, в ходе которой студенты проводят учебно-воспитательную работу по предмету, внеклассные воспитательные мероприятия, изучают психолого-педагогические особенности класса, выполняют творческие задания кафедр.

Критерием успешного завершения вузовской подготовки является профессиональная готовность – интегративное качество личности, представляющее собой единство ценностного отношения, теоретической и практической подготовки к предстоящей деятельности. Структура готовности включает в себя мотивационно-ценностный, содержательный и деятельностный компоненты.

Мотивационно-ценностный компонент отражает профессиональные установки, мотивы, интересы, ценностное отношение к педагогической работе и профессиональной подготовке, сформированные на этой основе профессионально-личностные качества. Для высокого уровня сформированности этого компонента характерны положительные мотивы получения профессии, личное настойчивое желание заниматься в будущем данным видом деятельности, наличие устойчивого интереса к ней, ярко выраженное стремление к профессиональному росту и самосовершенствованию. Низкий уровень проявляется в недостаточной выраженности мотивов выбора профессии и мотивов предстоящей деятельности, организаторских, коммуникативных, перцептивных и других способностей, профессионально-личностных качеств.

Содержательный компонент предполагает наличие системы профессионально значимых фундаментальных, теоретических и методических знаний. Характер этих знаний обусловлен, в первую очередь, содержанием будущей деятельности. Студентов с высоким уровнем сформированности данного компонента готовности отличают глубина и осознанность знаний, самостоятельность и доказательность суждений, использование приемов сравнения, синтеза, обобщения при воспроизведении знаний, способность творчески применять изменяющиеся знания в изменяющихся ситуациях, целостное восприятие фактов, событий, педагогических процессов, способность анализировать и соотносить педагогические действия с целями и результатами деятельности.

Деятельностный компонент представлен комплексом профессионально-педагогических умений (аналитических, академических, организаторских, коммуникативных, конструктивных). Высокий уровень развития профессиональных умений позволяет студентам обоснованно осуществлять выбор объекта действия, определять цель и планировать свою деятельность, осуществлять анализ ее эффективности и результатов, творчески действовать, находить оригинальные решения в конкретной педагогической ситуации.

Опыт показывает, что успешному самоопределению выпускника в избранной профессии способствует увеличение диалогичных форм проведения занятий, расширение взаимодействия преподавателя со студентами, личностное погружение студента в процесс освоения профессиональной деятельности как части человеческой культуры.

Эффективность профессионально-личностного развития будущего учителя обеспечивается реализацией в учебно-воспитательном процессе вуза ряда основных условий: ориентации процесса обучения на интегративность приобретаемых студентами знаний и умений в сочетании с их личностным ростом; ориентации содержания образования и технологий обучения на модель профессиональной деятельности и личности педагога; развития субъектной позиции студента в процессе обучения.

После окончания учебного заведения наступает этап реализации профессиональных позиций, знаний, умений, личностных качеств и возможностей в самостоятельной педагогической деятельности. Основная задача этого этапа – достижение профессионализма. Важным условием эффективности этого этапа выступает нацеленность молодых специалистов на активное вхождение в профессию, на творческое саморазвитие и самореализацию.

Таким образом, профессионально-личностное развитие будущего учителя выступает важнейшей составляющей профессионального становления специалиста. Это – длительный процесс, в котором важная роль принадлежит профессиональной подготовке педагога в условиях вуза.

Литература

1. Слостёнин, В. А. Профессионализм учителя как явление педагогической культуры / В. А. Слостёнин // Педагогическое образование и наука. – 2004. – № 5. – С. 4–15.
2. Митина, Л. М. Психология профессионального развития учителя / Л. М. Митина. – М., 1998. – 200 с.
3. Деркач, А. А. Акмеологические основы развития профессионала / А. А. Деркач. – М., 2004. – 752 с.

М. Г. Лобан

ФАКУЛЬТАТИВНЫЕ ЗАНЯТИЯ ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ В СИСТЕМЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ШКОЛЬНИКОВ

В 1967 году факультативные занятия были включены в систему литературного образования школьников. Первоначально факультатив (фр. *facultative* < лат. *facultas* – возможность) рассматривался как «необязательный (дополнительный) учебный курс в школе или вузе, изучаемый по желанию» [6, 934]. В методике преподавания русской литературы за ним закрепилось определение как одной из «промежуточных» форм внеклассной работы по предмету, тесно связанной с основным курсом.

С течением времени факультативные занятия начали утрачивать свои образовательные ресурсы: интерес к ним со стороны и учителей, и учащихся стал падать. Реанимировать и открыть новые возможности этого средства «развития познавательных интересов школьников, их способностей», средства «углубленного изучения одного из предметов по выбору самих учащихся» пытаются современные ученые, методисты, педагоги-словесники [4, 226]. Воспитательный и обучающий потенциал литературы, способствующий социализации учащихся, приобщению их к культурным образцам и ценностям прошлого, по мнению многих исследователей, может быть обеспечен особой системой факультативных занятий «нового поколения». Культурологическая модель литературного образования, «основанная на аксиологическом (ценностном) подходе», может быть сформирована на факультативных курсах через осмысление и эстетическое «проживание-переживание» детьми ценностей прошлых эпох и современности [1, 25].

Из прикладного, практико-направленного методического модуля, сфера факультативов сегодня переориентируется в область методологии: происходит изменение целеполагания данного вида учебных занятий, расширяются формы их проведения, пересматривается содержательный компонент. Из «переходного» вида учебных занятий факультативы перемещаются в особую образовательную систему «Урок-факультатив» и становятся наравне с уроком литературы полноправным ее элементом (см. таблицу).

Таблица – Сопоставительный анализ качественных характеристик факультативов в разных образовательных модулях

Критерии	Факультатив как «промежуточная форма»	Система «Урок-факультатив»
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>
1. Целевые установки	Углубление интереса к предмету	Активизация познавательной деятельности через индивидуализацию и дифференциацию обучения; развитие творческих способностей; повышение качества знаний

Продолжение таблицы

1	2	3
2. Принципы	Свободы выбора; практической направленности	Гуманизации; свободы выбора; самоопределения; индивидуализации; личностной ориентации; практической направленности; вариативности; преемственности; дифференциации на индивидуальном (субъектном) уровне
3. Форма	Внутришкольная	Модель дифференцированного обучения; внутришкольная; межшкольная; сетевая
4. Методы	Иллюстративные, репродуктивные	Исследовательский; метод проектов; проблемное обучение
5. Участие в работе факультатива	Добровольное	Обязательное
6. Мониторинг	-	+

На изменение методологической стратегии факультативных занятий по русской литературе нацеливает учителей и школьная программа. В ней заложен основной содержательный минимум литературного образования, установленный Министерством образования Республики Беларусь. Реально реализовать принцип вариативности в изучении конкретных тем, показать жизнь и творчество отдельных писателей (не изучаемых монографически) в широком социальном и историко-культурном контекстах, представить самые известные «имена» и произведения в неразрывном единстве с творчеством белорусских и зарубежных авторов – такова концептуальная основа факультатива «нового поколения» – «Художественный образ в литературе, живописи, музыке» (для учащихся 9 классов)» (авторы-составители М. Г. Лобан, И. Л. Чернейко) [2; 3].

«Идея непрерывности литературного процесса, необходимость осознания историко-литературных тенденций, идейно-художественных влияний» заставила авторов обратиться к исследованию литературных направлений (методов), бытовавших в русской культуре первой половины XIX века. Каждый из художественных методов – это история «имен», это живой процесс переосмысления культурных традиций прошлого и выработка новаторских приемов изображения человека в художественном

пространстве, это периоды культивирования определенных идейно-эстетических доминант и вместе с тем «бесконечный нравственный и философский поиск».

Культурная модель первой половины XIX века на факультативном курсе «Художественный образ в литературе, живописи, музыке» выстраивается с помощью эстетических категорий «художественный метод» и «художественное направление», выполняющих систематизирующую и интегрирующую функции [2; 3]. Каждый из методов, создавая свою картину мира и человека, исторически закрепляет идеалы своего времени и тем самым подчеркивает их непреходящее значение.

Цель факультатива: расширить знания школьников о концепции мира и человека в каждом из литературных методов и способах её художественного воплощения в литературных текстах первой половины XIX века и их интерпретаций в смежных видах искусства, совершенствовать возможности применения межпредметных и внутрипредметных связей в эстетическом воспитании учащихся старших классов.

Дидактическая целесообразность интегративного подхода к изучению литературных произведений обосновывается стремлением включить русскую классику первой половины XIX века в современную систему культурных ценностей, удовлетворить потребности учащихся в общении с лучшими образцами изобразительного, музыкального и словесного искусства. Художественная интерпретация классического произведения в глазах современных школьников становится источником обостренного интереса: возникает, по И. П. Павлову, «эффект отстранения», превращающий известное в «странное», а «познанное до конца» в объект новых размышлений. У подростков возникает желание сверить собственные представления о любимых героях с их живописными и музыкальными аналогиями, идентифицировать личностные переживания и жизненные идеалы.

В программе факультатива реализуется также коммуникативно-деятельностный подход, предполагающий овладение учащимися следующими умениями:

- чтения, анализа и интерпретации художественных произведений;
- интерпретации произведений музыки и живописи на уровне концепции;
- сопоставление лучших образцов изобразительного, музыкального и словесного искусства;
- создание продуктивных устных и письменных высказываний (научных, литературоведческих, литературно-критических, искусствоведческих) на заданную тему;
- ведение диалога (полилога) на литературную тематику;
- написание исследовательских литературно-творческих работ.

Эффективность работы на данном факультативе во многом зависит, во-первых, от выбора произведений, их идейно-эстетической значимости, тематического и жанрово-стилевого разнообразия и, во-вторых, от разумного сочетания различных приемов работы с художественным текстом: исторического экскурса, стилистического эксперимента, различного рода сопоставлений, комментированного чтения, анализа сюжета, тематики, проблематики, композиции, образной системы, языка художественного произведения. Объектом исследования здесь являются художественные произведения и авторы, не включенные программой в список для обязательного изучения. Интегративный характер факультативного занятия позволяет не только выявить внутрисубъектные типологические связи литературных монографических тем, но и расширяет возможности межпредметного изучения курса русской словесности XIX века. «Человеческое ядро искусства в его историческом развитии и изменчивости» постигается учащимися через эстетические категории «художественный метод» и «художественное направление» [7, 3].

Программа факультатива «Художественный образ в литературе, живописи, музыке» связана с основными темами курса русской литературы девятого класса и служит их творческим продолжением. Первый раздел «В начале было Слово...» посвящен истории древнерусской культуры, исследованию духовного наследия Древней Руси X–XII веков. «XVII век – блистательный век Просвещения» (второй раздел) рассказывает школьникам об особенностях развития классицизма как художественного метода, помогает увидеть отличительные признаки западноевропейского искусства, раскрывает общественно-исторические предпосылки возникновения русского классицизма. Третий раздел «Сие к далекому стремленью...» знакомит учащихся с ролью романтизма в мировой литературе, живописи, музыке, показывает развитие романтических тенденций в творчестве В. А. Жуковского, К. Ф. Рыльева, Е. А. Баратынского. «Золотой век русской культуры» (раздел четвертый) исследует реалистические признаки изображения действительности в искусстве первой половины XIX века. Раздел пятый «Петр Великий бросил вызов России, а она ответила ему Пушкиным» посвящен изучению родословной поэта, ее творческому отображению в поэме «Езерский», стихотворении «Моя родословная», повести «Арап Петра Великого». Интерес А. С. Пушкина «к чудесам немых искусств» позволяет интегрировать на факультативных занятиях интерпретации многих пушкинских шедевров в изобразительном искусстве, скульптуре, музыке, кинематографе и пр. Раздел шестой «Пускай истории страстей и дел моих хранят далекие потомки» раскрывает перед школьниками историю творческих и духовных исканий М. Ю. Лермонтова. Седьмой раздел «Нашим современникам открывается подлинный лик Гоголя как великого духовного писателя

России» знакомит современных старшеклассников с христианскими исканиями и духовными основами творчества Н. В. Гоголя.

Общие методологические подходы, заложенные в программе факультатива «Художественный образ в литературе, живописи, музыке», нашли свое отражение в структуре дидактических материалов для учащихся, а также в методических рекомендациях для учителей-словесников, которые включают примерное планирование и разработку развернутых конспектов уроков по сопоставительному изучению произведений русской литературы и живописи, музыки и кинематографа (межпредметные связи), по сравнительному анализу художественных произведений в рамках одной литературной темы (внутрипредметные связи), по исследованию основных принципов художественных методов (классицизм, романтизм, реализм) в аспекте русско-белорусских взаимосвязей [2; 3].

Каждая из предложенных тем дидактических материалов для организации факультативных занятий в 9 классе общеобразовательных учреждений с белорусским и русским языками обучения является творческим продолжением уроков литературы, поэтому включает дополнительные сведения не только по истории русской словесности, но и истории живописи, музыки, театра. Вначале предлагаются задания для фронтальной работы, которые помогают выявить уровень изученного, т. е. умение отвечать на прямые вопросы и повторять определения. Так, в разделе IV «Золотой век русской культуры» к занятию № 1 «*“Не может быть великим то, что неправдиво...”: реалистические тенденции в литературе, живописи, музыке, театре первой половины XIX века*» предлагаются следующие вопросы:

1. *Что такое реализм? Назовите основные признаки реализма как литературного направления. Перечислите основных представителей русского и западноевропейского реализма в литературе, музыке, живописи, скульптуре. Каковы отличительные признаки русского реализма? Какие признаки западноевропейского искусства позаимствовал русский реализм?*

2. *Дайте определение основным литературным жанрам русской реалистической литературы первой половины XIX века. Приведите примеры.*

3. *Что объединяет следующие архитектурные памятники: Красная площадь (1815), Театральная площадь (1821–1824), Александровский сад (1820–1822), Триумфальные ворота (1827–1834), Первая Градская больница (г. Москва, 1828–1832)?*

4. *В 1852 году был открыт первый в России художественный музей. Дайте его полное название.*

5. *В первой половине XIX века происходит становление русского театра как общественного явления (формируются постоянные актерские труппы, русские драматурги создают пьесы, затрагивающие большие общественные проблемы). На подмостках отечественных театров*

выступают знаменитые актеры, создающие славу русскому театру. Вспомните и назовите их фамилии.

6. Назовите автора проекта Александринского театра. Какой из драматических театров в Москве получил название Дома Островского? Почему? Перечислите репертуар этого драматического театра.

7. В 1818 году на Красной площади был установлен первый памятник. Что это за памятник? В честь кого он был установлен? Что вы знаете о героях ваяния? Кто автор?

8. Назовите автора живописных полотен «Последний день Помпеи», «Всадница», «Итальянское утро», «Итальянский полдень», «Вирсавия».

9. В начале XIX века появились крупные музыкальные шедевры, в которых были широко использованы национальные мотивы. Назовите такие произведения и их авторов.

10. Перечислите наиболее известных композиторов первой половины XIX века. Кто из них написал музыку к романсам, созданным на слова русских поэтов?

Задания для групповой и индивидуальной работы в пособии носят исследовательский характер: они направлены на глубокое осмысление текста художественного произведения, на выявление авторской позиции, на определение роли художественных деталей и изобразительно-выразительных средств.

Индивидуальные задания (раздел IV, занятие № 1):

1. Научный доклад «Салон З. А. Волконской и его роль в русской культурной и литературной жизни второй половины 1820–1830 годов».

2. Заочная экскурсия в картинную галерею «О. А. Кипренский – один из лучших портретистов первой половины XIX века».

3. Придумайте один из светских анекдотов, который могли рассказывать молодые люди первой половины XIX века.

Групповые задания (раздел IV, занятие № 1):

1. Пользуясь материалами литературно-критических статей, эпистолярными записками, воспоминаниями русских поэтов и писателей XIX века, напишите эссе «Дружеские литературные общества первой четверти XIX века».

2. Придумайте и нарисуйте эмблемы литературных объединений первой четверти XIX века. Подберите к ним девиз, используя цитаты из стихов-поэтов современников. Обоснуйте свой выбор.

3. Составьте научное сообщение «Образ читателя в русской реалистической поэзии первой половины XIX века».

Ряд вопросов-заданий носят творческий характер и направлены на выявление межпредметных связей (интерпретация произведений русских писателей в живописи, музыке, кинематографе). В пособии большое внимание уделяется устному и письменному слову читателя, который хочет поскорее выразить свои мысли и чувства, обсудить проблемные

вопросы, поделиться собственными впечатлениями от чтения. Поэтому блок литературно-творческих заданий помогает применить полученные знания на практике: самостоятельно проанализировать художественные произведения, выделить особенности языка и стиля любимых авторов, отметить характерные особенности персонажей, провести параллели между авторскими системами, сопоставить произведения смежных видов искусства в рамках одного художественного направления.

Индивидуальные задания (раздел IV, занятие № 2):

1. Литературоведческое исследование «Весь роман – это как бы огромный психологический комментарий к гениальной комедии А. С. Грибоедова» (Ю. Тынянов «Смерть Вазир-Мухтара»).
2. Заочная экскурсия «Путешествие по грибоедовской Москве».
3. Эссе «Чем больше имеешь знаний, тем лучше можешь служить Отечеству» (А. С. Грибоедов).

Групповые задания (раздел IV, занятие № 2):

1. Составить хронологическую канву жизни и творчества А. С. Грибоедова с учетом хронологии декабристского движения.
2. Составьте кадроплан к последней сцене романа Ю. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара».
3. «А это мысль!»: литературный аукцион крылатых выражений из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума».

Каждый из разделов учебного пособия заканчивается тестами, которые носят занимательный характер («найди лишнее», «узнай героя», «найди ошибку» и т. д.).

ТЕСТ к разделу IV

1. Архитектурные памятники первой половины XIX века несли на себе отпечаток классицизма. Общим трезвым рационалистический подход классицизма к реальным явлениям, присущая ему ясность художественного мышления, нормативность, стремление установить определенные закономерности в художественном воспроизведении жизни формировали эстетику реализма. Вспомните выдающиеся скульптурные памятники первой половины XIX века, установите соответствия между ними и фамилиями их авторов.

1) Исаакиевский собор	а) А.А. Бетанкур
2) Александровская колонна	б) Осип Иванович Бове
3) Скульптура ангела на Александровской колонне	в) Август Августович Монферран
4) Казанский собор	г) Борис Иванович Орловский
5) Манеж	д) Андрей Никифорович Воронихин

Ответ: 1в, 2в, 3г, 4д, 5аб

2. Восстановите фрагмент критической статьи из «Вестника Европы» (1802–1830): «В комедии А. С. Грибоедова многие персонажи

имели свои прототипы. Это были реальные лица, которые послужили автору основой для создания литературного образа, характера. Так, современники писателя «узнавали» в персонажах его комедии людей, хорошо известных в Москве. Например, в(1) видели Алексея Федоровича Грибоедова –(2) сочинителя, а в Татьяне Юрьевне – (3), хорошо известную москвичам».

Ответ: 1 – Фамусов, 2 – дядя (сочинителя), 3 – Прасковья Юрьевна Кологривова

3. Найдите и исправьте ошибки в сочинении учащегося 9 класса: «В основном методе творчества Грибоедов не реалист, не классик, а романтик, великий единомышленник и соратник основоположника новой русской литературы – Гоголя».

Ответ: «В основном методе творчества Грибоедов не классик, не романтик, а реалист, великий единомышленник и соратник основоположника новой русской литературы – Пушкина».

4. Кто из русских актеров никогда не исполнял роли Чацкого?

- 1) П. Мочалов;
- 2) М. Царев;
- 3) А. Миронов;
- 4) С. Юрский;
- 5) О. Меньшиков;
- 6) С. Безруков.

Ответ: 6

5. Признанным мастером какого художественного жанра по праву является Д. Н. Кардовский, иллюстратор комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума»?

Ответ: Жанр книжной графики

В рубрике «Советуем прочитать» к каждому разделу имеются рекомендации для знакомства с самыми новыми и самыми редкими изданиями.

➤ **Советуем прочитать** (раздел V, занятие № 1):

1. Минина, А. И. Пушкин: альбом. – Ленинград: Изокombинат «Художник РСФСР», 1989. – 32 с. – (Серия «Семья художника»).

2. 100 человек, которые изменили ход истории. Александр Пушкин. – Выпуск № 25. – 2009. – 31 с.

Таким образом, в новых образовательных условиях организация факультативного обучения меняет подходы к изучению литературных произведений, трансформирует порядок проведения занятий, их техно-

логическое обеспечение и, как следствие, расширяет свои образовательные ресурсы. Сочетание коммуникативно-деятельностного, интегративного и культурологического подходов на факультативных занятиях повышает уровень развития креативных способностей учащихся, воспитывает культуру устной и письменной речи, формирует умения анализировать художественные явления с различных точек зрения. Грамотное сочетание разнообразных фронтальных, индивидуальных и групповых видов заданий позволяет на факультативах не только заинтересовать школьников произведениями русской литературы, но и помогает сформировать общее представление об особенностях развития русской культуры в целом.

Литература

1. Брюханова, О. В. О культурологическом подходе к образованию и воспитанию школьников / О. В. Брюханова // Литература в школе. – 2007. – № 11. – С. 25–27.
2. Лобан, М. Г. Художественный образ в литературе, живописи, музыке. 9 класс: пособие для учащихся общеобразовательных учреждений с белорусским и русским языками обучения / М. Г. Лобан, И. Л. Чернейко. – Минск: Народная асвета, 2010. – 96 с.
3. Лобан, М. Г. Художественный образ в литературе, живописи, музыке. 9 класс: пособие для учителей общеобразовательных учреждений с белорусским и русским языками обучения / М. Г. Лобан, И. Л. Чернейко. – Минск: Народная асвета, 2010. – 80 с.
4. Львов, М. Р. Словарь-справочник по методике русского языка / М. Р. Львов. – М.: Просвещение, 1988. – 240 с.
5. Методика преподавания литературы: учебник для пед. вузов / под ред. О. Ю. Богдановой, В. Г. Маранцмана: в 2 ч. – М.: Просвещение, ВЛАДОС, 1994. – Ч. 2. – 400 с.
6. Новый словарь иностранных слов / гл. ред. В. В. Адамчик. – Минск: Современный литератор, 2008. – 1088 с.
7. Хомякова, О. Р. Теория литературы: художественный метод, литературное направление и течение: пособие / О. Р. Хомякова. – Минск: БГПУ, 2008. – 80 с.

Т. Н. Чечко

ИНТЕГРАТИВНЫЙ СПЕЦСЕМИНАР КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ КЛЮЧЕВЫХ АКАДЕМИЧЕСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ СТУДЕНТОВ-ФИЛОЛОГОВ

Начиная со второго курса, в учебные планы филологического факультета включается такая прочно утвердившаяся в вузе форма практической подготовки студентов, как *спецсеминары*. В процессе подготовки и обсуждения семинарских докладов создаются условия для активного интеллектуально-речевого развития студентов, повышения их творческого потенциала. Участникам семинара предоставляется возможность не просто осваивать заранее заданные, фиксированные знания, но осуществлять самостоятельный поиск необходимой информации, её обработку и т. д. [1, 59].

Спецсеминар как *третье, завершающее* звено научно-методической системы формирования ключевых академических компетенций студентов-филологов в адаптационный период вузовского обучения призван обеспечить актуализацию и систематизацию ранее приобретенных знаний и придать (на этой основе) новое качество интеллектуально-речевым умениям.

Основная цель спецсеминара – продолжить формирование и развитие учебно-познавательных и коммуникативно-деятельностных компетенций студентов путем решения нескольких групп *задач*:

а) овладение инструментарием системного и сравнительного анализа наиболее важных взаимосвязей слова и изображения в литературе и искусстве Древней Руси;

б) дальнейшее совершенствование навыков и умений работы с научными и художественными текстами посредством самостоятельной оценки и осмысления смежно-литературных процессов и явлений и создания таких речевых жанров, как научные доклады и рефераты.

Для решения этих задач содержание спецсеминара должно быть достаточно ёмким, интегрированным и вместе с тем обладать необходимой структурированностью, возможностью выделить в его составе отдельные проблемно-тематические модули.

Этим исходным требованиям отвечает спецсеминар «Взаимосвязи слова и изображения в литературе и искусстве Древней Руси».

Его интегративный, междисциплинарный характер обусловливается *самой природой литературы и искусства Древней Руси*. «Понимание древней русской литературы особенно тесно связано с пониманием других искусств», – утверждает академик Д. С. Лихачев [2, 6]. По его мысли, литература этого времени отражается в изобразительном искусстве, и сама отражает это искусство как в противопоставленных зеркалах. То же «Слово о полку Игореве» неотделимо от шедевров храмового зодчества и творений древнерусских иконописцев Киева, Владимира, Боголюбова, Чернигова, Пскова (Софийский собор в Киеве, Дмитровский собор во Владимире, церковь Покрова на Нерли, Боголюбровский дворец близ Владимира, Георгиевский собор Юрьева монастыря, церковь Спаса Нередицы в Новгороде). Даже в основе портретных изображений святых, князей и государей, ветхозаветных и новозаветных персонажей лежит не только живописная традиция, но и литературная. Искусство слова входит в контакт с изобразительным искусством, как через памятники письменности, так и через памятники фольклора (ярчайший пример: сцена убийства Андрея Боголюбского, изображенная в Радзивилловской летописи).

Взаимосвязанное изучение слова и изображения находит своё обоснование в *традиции комплексного изучения искусств*. Заложена ещё Лессингом («Лаокоон, или о границах живописи и поэзии», 1766) и его

прямым предшественником Ж. Б. Дюбо («Критические размышления о поэзии и живописи», 1719), эта традиция продолжает развиваться в наши дни. Объектом изучения в целом ряде исследований становится комплексное изучение литературы и изобразительного искусства, системная целостность художественной культуры, а не отдельные виды искусства [3], [4]. Центральная закономерность развития современного научного знания в целом – «от дифференциации наук к их интеграции, от изолированности к междисциплинарности, от замкнутости к взаимодействию, от множественности к единству» [5, 135–137].

С точки зрения *теории и методики обучения* одним из оснований для включения подобного спецсеминара в процесс профессиональной подготовки студентов может служить установленная педагогическая закономерность: эффективность обучения возрастает, если оно опирается на визуальные образы. Из увиденного в памяти остается 30% информации, из услышанного – 20%. Изображение конкретизирует слово, обогащает представления о событиях и героях книги. Привлечение наглядных «опор» в виде изобразительно-графических образов облегчает переход от конкретного к абстрактному, от частного к общему и обратно. Поскольку истина познаётся в сравнении, то сопоставление литературных произведений с произведениями изобразительного искусства развивает у студентов умение видеть то общее, что объединяет между собой разные виды искусства. Например, этикетность древнерусской литературы и живописи. Изучение взаимосвязей слова и изображения позволяет увлечь будущих наставников изучаемой предметной областью, сформировать устойчивый интерес к ней, пробуждает в них стремление к самообразованию, желание овладеть дополнительными знаниями и умениями, необходимыми для полноценных контактов со смежными видами искусства. В педагогике способность учителя литературы использовать на своих занятиях взаимосвязи разных видов искусств расценивается как исключительно важная.

Содержание спецсеминара (в зависимости от характера взаимосвязей слова и изображения в литературе и искусстве Древней Руси) дифференцируется на три *проблемно-тематических модуля*. В первом модуле студентам для учебного исследования предлагаются наиболее очевидные – *контактные* – взаимосвязи изображений и текста (надписи на иконах), во втором – *типологического* характера (на основе *стилевого* сходства произведений литературы и живописи), в третьем – *художественно-интерпретационного* характера (в жанре книжной иллюстрации др.).

Исследование контактных взаимосвязей слова и изображения в **первом модуле** относится к числу старейших научных проблем. О тематической, сюжетной и стилевой общности различных видов древнерусского искусства, в том числе и домонгольского периода, в литературоведении

накоплено уже довольно много свидетельств [6]. Надписи, подписи и сопроводительные тексты постоянно вводятся в древнерусские станковые произведения, стенные росписи и миниатюры. Искусство живописи как бы тяготеет своей молчаливостью, стремится «заговорить». И оно «говорит», но говорит особым языком. Изображения святых на иконах обращаются к молящимся, показывая им раскрытые книги, развёрнутые свитки.

Проблемно-тематическое поле первого модуля (темы рефератов на выбор): Пиктографическое письмо. Надпись как элемент живописи. «В иконе есть душа её – надписи» (П. А. Флоренский). Слово и текст как вербальный источник иконы. Икона и слово: виды, уровни и формы взаимосвязи. Надписи на иконах Древней Руси. Икона в древнерусской литературе и фольклоре. Сказания о чудотворных иконах как особый жанр древнерусской литературы. Икона в различных жанрах русского фольклора. Икона в светской художественной литературе XVIII–XX веков.

Объектами осмысления во **втором модуле** становятся *типологические* связи. Случаи, когда оба искусства, имея между собой непосредственную связь, развиваются параллельно, но при этом подвергаются «воздействию сходных стилей» достаточно многочисленны: «Слово о полку Игореве» и мозаики Софии Киевской XI в. – стиль монументального историзма; «Повесть о Петре и Февронии» и «Троица» А. Рублёва – стиль психологической умиротворённости и т. д. [2, 101].

Сравнительное изучение литературы и искусства Древней Руси «Наша литература и искусство – это точно двое близнецов неразлучных, врозь немислимых», – утверждает В. В. Стасов [7, 374].

Проблемно-тематическое поле второго модуля (темы рефератов на выбор): Проблема синтеза и взаимодействия искусств в эстетике и искусствознании. О соотношении визуального и словесного образа. Традиция совмещения письма с изображением. Изображение и слово в дохристианском искусстве. Слово и образ в их христианском понимании. Древнерусская литература в ее отношениях с изобразительным искусством (концепция Д. С. Лихачёва). Общность сюжетов, тем мотивов древнерусской литературы и живописи. Литературность сюжетов древнерусского изобразительного искусства. Стилистические особенности художественной культуры Древней Руси. Стилиевая связь древнерусской литературы и живописи. Произведения Епифания Премудрого и Феофана Грека как образцы эмоционально-экспрессивного стиля. «Повесть о Петре и Февронии Муромских» и «Троица» А. Рублёва. «Повесть о Петре и Февронии Муромских» – общие особенности стиля психологической умиротворённости. Смеховой стиль в литературе XVII века и искусстве лубка.

Третий модуль: художественно-интерпретационные взаимосвязи.

Большими образовательными возможностями обладает рассмотрение древнерусской литературы в её взаимосвязях с *художественными*

интерпретациями, т. е. переводами её идей и образов на язык живописи. Интерес, который вызывает у студентов восприятие литературного памятника в новом, незнакомом – живописно-графическом (или музыкальном воплощении) связан с установлением соответствия изобразительно-графических или музыкальных интерпретаций содержанию и структуре (эстетике и поэтике, духу и «букве») литературного первоисточника. В чём именно и каким образом достигается это соответствие? Что в тексте видоизменяется, оказывается особо выделенным, а что дано «под сурдинку» или вовсе оставлено без внимания?

Проводя параллели между «оригиналами» и «переводами», нельзя ограничиваться простой констатацией тех или иных совпадений и расхождений. Необходимо определять, достигнуто ли *принципиальное* соответствие «перевода» «оригиналу». В расчёт должна приниматься *сложность* соотношения между художественной интерпретацией и литературной первоосновой. Следует всячески избегать *прямолинейных* сопоставлений словесных и несловесных искусств. Нельзя требование адекватности перевода оригиналу возводить в абсолют.

Проблемно-тематическое поле третьего модуля (темы рефератов на выбор): Художественная иллюстрация как изобразительный комментарий литературного произведения. Литературность книжной графики. Особенности искусства иллюстратора. Искусство древнерусской миниатюры (жития святых, исторические повести и сказания). Миниатюры и текст древнерусских летописей. Миниатюрист как читатель иллюстрируемого им текста. Зрительная конкретизация текста в миниатюрах Радзивилловской летописи и Никоновского лицевого свода.

Темы рефератов в каждом модуле объединяются общей дидактической задачей, но при этом обладают разной степенью сложности, что позволяет при их распределении учесть индивидуальные особенности обучающихся, их интересы и способности. Помимо тематики рефератов каждый из трёх проблемно-тематических модулей включает в свой состав *контрольные вопросы* и *перечни основной и дополнительной учебной литературы*. Чтобы работа над семинарскими докладами (рефератами) развивала не только интеллектуальные, но и речевые умения в списки рекомендованной литературы включались источники, которые представляют собой образцы разных стилей (научных, научно-публицистических и т. д.).

Практическая апробация спецсеминара, проведённая на двух потоках филологического факультета, показала, что эта организационно-методическая форма обучения обладает большим образовательным потенциалом, особенно в плане развития междисциплинарного мышления студентов, помогает не только продолжить, но и интенсифицировать личностное развитие будущих учителей-словесников в исследуемом направлении. У студентов совершенствуется умение отделять в изучаемых явлениях

«значительное от незначительного, характерное от нехарактерного, закономерное от случайного, вскрыть такие закономерности и такие факты, которые оставались бы для нас скрытыми, если бы мы изучали каждое искусство (и в том числе литературу) изолированно друг от друга» [8, 293].

Тематика спецсеминара является открытой, позволяющей сохранить преемственность работы студентов над ней и в последующие годы, постепенно «доводя» *семинарский реферат* до *курсовой* и *дипломной работы*. Сам принцип взаимосвязанного рассмотрения искусств может быть использован при изучении следующих периодов русской литературы: литературный классицизм может быть рассмотрен в сопоставлении с живописными и скульптурными произведениями П. Лосенко («Зевс и Фетида», «Владимир и Рогнеда», «Прощание Гектора»), А. И. Иванова («Подвиг молодого киевлянина»), Ф. Г. Гордеева («Прометей»), М. И. Козловского (памятник Суворову), И. П. Мартоса (памятник Минину и Пожарскому), В. И. Демут-Малиновского («Русский Спеволд»); романтизм и реализм В. А. Жуковского, К. Рылеева, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя в сопоставлении с живописными полотнами В. А. Тропинина, А. Г. Венецианова, К. П. Брюллова, П. А. Федотова. В свою очередь художественно-интерпретационные взаимосвязи древнерусской литературы со смежными видами искусства могут быть рассмотрены на материале творчества В. М. Васнецова и И. С. Глазунова («После побоища Игоря Святославича с половцами», «Князь Игорь с молодым князем»), Н. А. Римского-Корсакова и А. П. Бородина («Сказание о невидимом граде Китеже и девице Февронии», «Князь Игорь»).

При современном уровне развития мультимедийной техники преподавание литературы в таком аспекте становится не только желательным, но и возможным. Студенты начинают по достоинству оценивать высокую художественность древнерусской литературы. Ведь немеркнущая эстетическая ценность лучших памятников средневековой словесности далеко не всегда становится их личной ценностью. В отличие, скажем, от ценности той же Киевской Софии, поразительное мастерство и талант создателей которой сегодня (вследствие туризма, альбомов, соответствующих сайтов Интернета) уже как бы «самоочевидны» и не нуждаются в особом «доказательстве». (Хотя еще в XVIII веке даже люди просвещенные относились к подобным творениям достаточно пренебрежительно: «Пусть охотники до старины соглашаются с похвалами, приписываемыми каким-то Рублёвым... и прочим живописцам, жившим гораздо прежде царствования Петра: я сим похвалам мало доверяю» [9, 13].) Ценность же и красота древнерусской словесности, еще раз подчеркнем это, не столь очевидна. Они не устанавливаются непосредственно переживанием и лицезрением, минуя такое явление, как «языковой барьер» (в виде старославянской графики и лексики).

Литература

1. Алиев, С. Н. Спецсеминар – важное средство формирования профессиональной компетентности будущего учителя / С. Н. Алиев // Иностранный язык в школе. – 2008. – № 2. – С. 59–65.
2. Взаимодействие древнерусской литературы и изобразительного искусства. Труды отдела древнерусской литературы / отв. ред. Д. С. Лихачев. – Л.: Наука, 1985. – Т. XXXVIII. – 544 с.
3. Комплексное изучение художественного творчества. Краткая библиография. 1963 – 1977 // Взаимодействие и синтез искусств. – Л., 1978. – С. 255–265.
4. Пигарев, К. В. Русская литература и изобразительное искусство. Очерки (XVIII – первая четверть XIX века) / К. В. Пигарев. – М.: Наука, 1966. – 292 с.
5. Гинецинский, В. И. Знание как категория педагогики. Опыт педагогической когнитологии / В. И. Гинецинский. – Л.: Изд-во Лен. ун-та, 1989. – 142 с.
6. Булахов, М. Г. «Слово о полку Игореве» в литературе, искусстве, науке: крат. энцикл. словарь / М. Г. Булахов. – Минск: Университетское, 1989. – 300 с.
7. Стасов, В. В. Избранные сочинения: в 3 т. / В. В. Стасов. – М., 1952. – Т. 1. – С. 374.
8. Лихачёв, Д. С. Историческая поэтика русской литературы. Смех как мировоззрение и другие работы / Д. С. Лихачёв. – СПб: Алетейя, 2001. – 566 с.
9. Лихачёв, Д. С. Заметки о русском / Д. С. Лихачёв. – М., 1981. – С. 13.

Т. Н. Чечко

«ФАКТОР ПЕРВОКУРСНИКА» И ФОРМИРОВАНИЕ КЛЮЧЕВЫХ АКАДЕМИЧЕСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ ЛИТЕРАТУРЫ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

В теории и методике обучения выявлена и экспериментально обоснована общедидактическая закономерность: *качество обучения, в том числе профессионального, зависит от степени сформированности умений учиться* (составляющих на этапе ранней профессионализации сердцевину академических компетенций) – «эффективен не тот, кто просто много знает, а тот, кто владеет инструментами приобретения, организации и применения знаний из различных источников информации...» [1, 90]. И соответственно: «Обучение не может быть успешным, если не ставится задача вооружить учащихся системой умений и навыков учебного труда – начиная от умений читать и писать до самостоятельного планирования работы, осуществления самоконтроля за ее выполнением и внесения последующих коррективов» [2, 4].

Задача укрепления суверенитета нашего государства, его духовных и материальных основ определяет повышенные требования со стороны общества и государства к мобильности, конкурентоспособности специалистов всех профилей и уровней. А значит, и к их – отвечающим вызовам времени

и востребуемым на рынке труда, в социальной и профессиональной деятельности, – компетенциям и компетентностям. Переход на новые образовательные стандарты, основанные на компетентностном подходе, становится сегодня одной из актуальных проблем теории и методики профессионального образования.

Подготовка специалиста, обладающего ключевыми компетенциями, рассматривается экспертами Совета Европы (в частности, на симпозиуме «Ключевые компетенции для Европы», который проходил в 1996 году в Берне) в качестве желаемого результата образования. В состав этих компетенций (научиться делать, научиться жить вместе с другими людьми и др.) входят и такие, которые могут быть идентифицированы как академические. Это *способность учиться на протяжении всей жизни, способность познавать, а также владеть устной и письменной коммуникацией*.

Учеными разных профилей (психологами, дидактами и т. д.) этап ранней профессионализации, т. е. обучение на младших курсах вуза, устойчиво выделяется в качестве самостоятельного объекта исследования. Именно в это время большинство студентов остро испытывают трудности, связанные с тем, что старые, проверенные школьной практикой способы учебной деятельности не приносят должного эффекта, а новые, соответствующие требованиям высшей школы, еще не сформировались. Вместе с тем традиционная модель профессиональной (в данном случае – литературоведческой) подготовки студентов-филологов в педагогическом вузе недостаточно нацелена на формирование академических компетенций, сердцевину которых составляет *умение учиться*. Овладение ими во многом происходит «самотеком», стихийно, бесконтрольно.

Отсутствие целенаправленной и систематической работы в этом направлении *особенно пагубно* сказывается на результатах профессионального обучения *первокурсников*. Выделение первого курса как одного из наиболее напряженных и чувствительных в этом смысле периодов студенческой жизни – многолетняя традиция, прочно закрепившаяся в педагогической науке (В. А. Слостенин, Н. Г. Колызаева, Д. А. Андреева, Л. Ф. Мирзаянова и др.) [2], [3]. В том числе и терминологически. Чаще всего, стремясь подчеркнуть качественную определенность этого периода, используются такие термины, как «адаптивный», «адаптационный» и т. д. [4].

Процесс адаптации в зависимости от ее разных видов (психофизиологической, социальной, педагогической) может продолжаться от нескольких недель и месяцев до 3 лет [5]. Однако именно на первом курсе, включая и такие его «пиковые ситуации», как подготовка и сдача первой, а затем и второй сессии, закладывается база для дальнейшего учебно-профессионального роста студента, определяется общая магистраль его последующего развития. С тройками, полученными на первых сессиях, невоз-

можно рассчитывать на получение «красного диплома», даже если получишь отличные оценки на всех последующих сессиях. С другой же стороны, успешное начало учебы в вузе служит хорошим стимулом, чтобы и дальше поддержать свое «реноме» и в собственных глазах, в глазах товарищей-однокурсников и преподавателей. В том числе и плане накопления в зачетке «золотого запаса» отличных оценок.

Именно на этом курсе *учебная* деятельность студентов-филологов, вчерашних школьников, начинает приобретать *учебно-профессиональный* характер. Предшествующий (школьный) запас литературоведческих (литературных) знаний в процессе изучения таких дисциплин, как «Устное народное творчество», «История древнерусской литературы» и др., существенным образом обновляется, расширяется и углубляется. Ранее освоенные литературные факты, понятия предстают в новых связях и отношениях, применяются в новой обстановке. От усвоения фабулы, проникновения в сюжетный конфликт через понимание характеров студент-первокурсник идет к постижению авторского мира и художественной картины мира в целом.

Все это требует от начинающих студентов, в том числе и студентов-словесников, развитой системы учебных или академических компетенций [6].

Между тем на сегодняшний день работа по их формированию на первом курсе филологического факультета педвуза зачастую носит стихийный, неупорядоченный характер. Нередко сводится к «точечным» воздействиям: одни преподаватели занимаются этой работой в порядке личной инициативы, другие – нет. Не выделены и системно не представлены направления и этапы адаптационной работы. В частности, не проанализированы технологические возможности, которыми располагают в этом плане специальные дисциплины, входящие в состав литературоведческой подготовки и т. д.

Не обладая достаточно развитым умением учиться, осваивать науки о литературе, студенты-филологи слабо успевают. Энтузиазм, связанный с поступлением в вуз, у некоторых из них сменяется инертностью, пассивностью, разочарованием [4, 81].

Проблему усугубляют:

- ориентация специальной подготовки не на специальность учителя, а на предметную специализацию;
- низкий уровень реализации межпредметных и внутрпредметных связей;
- отсутствие необходимой преемственности, взаимосвязи и взаимодействия школьного и вузовского этапов (звеньев) обучения, и соответствующих предметных методик.

Словом, есть основания говорить о наличии противоречия между необходимостью в повышении качества профессионального образования

преподавателей-словесников на основе *новых компетентностных государственных стандартов* и сохраняющимися *традиционными подходами* к обучению, основанными на «*знаниевой*» парадигме.

Чтобы сделать адаптационный этап вхождения будущих учителей-словесников в свою профессию менее болезненным, должна соблюдаться определенная последовательность действий преподавателей и сотрудников деканата, работающих на филологическом факультете.

На **первом** (подготовительном или стартовом) этапе работы, еще до того, как вчерашние школьники станут студентами, необходимо организовать серию профориентационных мероприятий с возможными будущими абитуриентами: проведение Дня открытых дверей факультета и кафедр; создание специальных сайтов в Интернете, телепередач на местном ТВ, газетных статей о жизни кафедр и факультета; разработка заданий профориентационного характера для студентов-практикантов; проведение научно-практических конференций, семинаров, литературно-музыкальных вечеров для студентов, школьников и школьных учителей и т. д. В последние годы в связи усилением конкурентной борьбы за абитуриентов эта работа в вузах стала проводится все более активно.

В задачи этого этапа входит обобщение практического опыта преподавания литературоведческих дисциплин в педагогическом вузе; разработка концепции, модели и экспериментальной программы проведения опытной работы на первом курсе филологического факультета.

Поскольку «абстрактных», «беспредметных» компетенций не бывает, они «формируются и проявляются в привязке к определенной предметной основе» [7, 15], то важную часть подготовительной работы составляет раскрытие сущности ключевых академических компетенций, формируемых в процессе начальной литературоведческой подготовки. В состав этих компетенций входят:

– во-первых, *историко-функциональная компетенция*, которая позволяет будущему учителю выявлять в классических произведениях самое главное, значительное с точки зрения современности и современного школьника, видеть их «нынешними очами» (Н. В. Гоголь), избегая на уроках литературы излишнего академизма, избыточного соотношения «всего со всем»;

– во-вторых, *метасистемная (или межпредметная) компетенция* (МПК), которая позволяет систематизировать изучаемые процессы и явления, устанавливать между ними необходимые связи [8, 42–46], воспринимать произведение литературы в контексте художественной культуры той или иной эпохи (литературное произведение как часть целостной метасистемы и литературное произведение как целостная, гармоничная система);

– в-третьих, *коммуникативно-деятельностная компетенция* (КДК), которая связана с развитием у студентов навыков и умений устной и письменной речи, оформлением ее в виде разных речевых продуктов [9].

В этой программе должны быть определены показатели и методы диагностики формируемых компетенций.

В задачи **второго** (диагностического) этапа входит сбор данных об уровне и характере готовности студентов-филологов к обучению в педвузе, выявление проблемных зон в их академической подготовке, составление портфолио каждого поступившего.

Главная задача **третьего** (основного) этапа – вовлечение первокурсников в активную как внеучебную, так и учебную деятельность: проведение таких традиционных мероприятий, как «Посвящение в студенты», «Алло, мы ищем таланты», «День первокурсника» и др.; презентация студентам 1 курса студенческих общественных объединений, организаций, кружков, клубов, обществ, спортивных команд, лучших студентов, спортсменов, активистов общественных дел вуза; кураторские часы и т. д.

При организации процесса начальной литературоведческой подготовки важно учитывать зависимость между развитием учебно-познавательных умений (операций познания, логических операций) и системным раскрытием объектов познания [10, 148].

Познавательное и речевое развитие первокурсников осуществляется эффективно, если:

- знания подаются и осваиваются не рядоположенно, а во взаимной связи (системно);
- в процессе изучения литературоведческих дисциплин организуется поисковые творческие процессы;
- студенты своевременно получают развернутую инструкцию или методические советы по порядку осуществления тех или иных познавательных действий, им дается ориентировка в общих способах выполнения тех или иных познавательных операций.

В задачи **четвертого** (итогового) этапа входит определение достигнутого уровня сформированности ключевых академических компетенций, а также проведение отсроченного контроля.

В ходе целенаправленной и систематической работы над формированием ключевых академических компетенций изменяется компонентный состав способностей, детерминирующих успешность учебной деятельности первокурсников в таких важнейших сферах, как:

- *ценностно-мотивационная* – у большей части студентов усиливается интерес к обучению, возникает устойчивая мотивация к самостоятельной учебной деятельности;
- *интеллектуально-речевая* – студенты адаптируются к формам организации учебного процесса в вузе, у них развиваются мыслительные операции, совершенствуются коммуникативные умения [11, 61–65].

Таким образом, для повышения качества профессионального обучения студентов-филологов на первом курсе стержневое значение имеет выработка

академической или *учебной культуры, академических компетенций*. Помощь в овладении академическими (учебными) компетенциями признается в качестве основополагающей для полной реализации возможностей обучающихся, а необходимость специального обучения этим умениям расценивается как несомненная [12, 3].

Центральное звено ключевых академических компетенций составляют способности студента-филолога учиться, т. е. свободно ориентироваться в информационных потоках, уметь превращать информацию в знание, находить ему наиболее эффективное практическое применение. Словом, эффективно организовывать учебную деятельность, как на аудиторных занятиях, так и в процессе самостоятельной работы, достигать качественных результатов образования и самообразования с меньшими усилиями и за более короткие промежутки времени. Формированию этой группы компетенций содействует разработка системы организационного, научно-методического сопровождения аудиторной и внеаудиторной работы студентов, уровень профессионального мастерства преподавателей и др.

Литература

1. Бабанский, Ю. К. О специфике исследования проблем оптимизации процесса обучения / Ю. К. Бабанский // Советская педагогика. – 1980. – № 12. – С. 90–106.
2. Усова, А. В. Формирование у учащихся учебных умений / А. В. Усова, А. А. Бобров. – М.: Знание, 1987. – 80 с.
3. Куратору, работающему с первокурсниками: метод. пособие / сост. Л. И. Станиславчик. – Барановичи: БГВПК, 2001. – 150 с.
4. Сендер, А. Н. Научно-педагогические основы формирования профессиональной направленности студентов / А. Н. Сендер. – Минск: РИВШ, 1998. – 150 с.
5. Симаева, И. Н. Динамика эмоционально-чувственного состояния личности в процессе адаптации к деятельности / И. Н. Симаева. – Калининград: Издательство КГУ, 2002. – 150 с.
6. Горденко, Н. В. Формирование академических компетенций у студентов вузов: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / Н. В. Горденко; Ставроп. гос. ун-т. – Ставрополь, 2006. – 26 с.
7. Вербицкий, А. А. Активное обучение в высшей школе: контекстный подход / А. А. Вербицкий. – М.: Высшая школа, 1991. – 207 с.
8. Чечко, Т. Н. Ключевые академические компетенции студентов-филологов педагогического университета / Т. Н. Чечко // Высшая школа. – 2009. – № 4. – С. 42–46.
9. Барабанова, Н. Р. Междисциплинарная координация в формировании коммуникативно-речевой компетенции студентов / Н. Р. Барабанова // Актуальные проблемы теории коммуникации: сб. науч. трудов. – СПб: Изд-во СПбГПУ, 2004. – С. 271–280.
10. Ильясов, И. И. Структура процесса учения / И. И. Ильясов. – М.: Изд-во МГУ, 1986. – 148 с.
11. Чечко, Т. Н. Способы повышения качества начальной литературоведческой подготовки будущих преподавателей-филологов на основе компетентностного подхода / Т. Н. Чечко // Весн. Мазыр. дзярж. пед. ун-та. – 2010. – № 1 (26). – С. 61–65.
12. Хамблин, Д. Формирование учебных навыков / Д. Хамблин; пер. с англ. – М.: Педагогика, 1986. – 160 с.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

П. Е. Ахраменко

КАТЕГОРИЯ БЕЗЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ И ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НА БЕЛОРУССКИЙ ЯЗЫК (на материале произведений В. Быкова и И. Мележа)

Каждый язык по-своему создает языковую картину мира, представление о мире, обозначает чувства, видение окружающего. Язык, как отмечал В. Гумбольдт, отражает «дух народа». В языке выражается весь тот запас знаний, культуры, мировосприятия, который накоплен предыдущими поколениями. Для того чтобы правильно воспринимать текст (в широком смысле этого слова), нужно знать и лингвистическую, и экстралингвистическую базу, на основании которой создавались эти тексты [1, 56–58, 86–88]. Язык отражает определенный способ восприятия, т. е. «концептуализацию» мира отдельным человеком и в целом народом. Так, как отмечает А. Вежбицкая, ключевыми концептами русского языка являются эмоциональность, иррациональность, неагентивность, любовь к морали [2, 33]. Эти понятия легче всего наблюдаются на уровне лексики и фразеологии. Синтаксические же особенности отмечаются не так ярко, а воспринимаются опосредованно через различия в мировосприятии. Безличность же проявляется именно на уровне синтаксиса.

Следует отметить, что, сталкиваясь с разнообразием русских безличных конструкций, не имеющих прямых эквивалентов в других языках, отдельные ученые склонны искать причины этого явления не в истории и системе самого языка, а в экстралингвистических факторах: специфических культурных традициях, своеобразии менталитета русского народа и т. п. В этой особенности русской грамматики видят и фатализм, и иррациональность, и алогичность, и страх перед непознанным, и даже агностицизм всего русского народа. При отсутствии общепринятых концептуальных подходов и методики рассмотрения соответствующих фактов главная опасность в данном случае в том, что отдельные ученые-лингвисты на основе безличных единиц в контексте этнической культуры и культурологии приходят в результате рассуждений вот к таким неправомерным выводам, даже к идеологизации объекта исследования [3, 15].

Так, А. Вежбицкая, рассматривая русский язык как бы сквозь «амбразуру» синтаксически и морфологически скудного английского, видит в безличности некую «неконтролируемость и иррациональность»

русского менталитета, «общую пациентивную ориентацию» русского синтаксиса, которая якобы является следствием взгляда на мир как на совокупность событий, не поддающихся ни человеческому контролю, ни человеческому разумению [2, 55–76]. Аргументированную критику указанной точки зрения с различных теоретических позиций выразили такие ученые, как Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю., Тарланов З. К. и др. [3, 5–16], [4, 240–241].

Категория безличности выражает когнитивные модели, сформировавшиеся в национальном сознании, при обозначении которых человек только наблюдает или обозначает ситуацию, но над ней не властен. Он подчинен некоторой, порой необъяснимой, внешней или внутренней стихийной силе, может становиться орудием её действия [5, 75].

В грамматической литературе общим свойством безличных предложений считается то, что «в них нет грамматического подлежащего в форме существительного или другой субстантивированной части речи в именительном падеже, а в форме сказуемого не выражено значение лица и по форме связи его нельзя определить» [5, 123].

Следует отметить, что безличность создаётся не тем, что в предложении нельзя вставить подлежащее (синтаксическая позиция подлежащего может сохраняться), а тем, что безличным предложением предполагается возможность изобразить действие в отрыве от деятеля, а признак – в отрыве от носителя признака, как состояние, как общую оценку предмета речи (мысли).

Семантической основой безличных предложений является отсутствие именно активного деятеля (или носителя признака), а собственно указание на деятеля (или носителя признака) в предложении всё-таки может быть, однако в такой форме, которая не допускает грамматического подлежащего. Сравним примеры: *Я дышу легко* и *Мне дышится легко*. В безличном предложении *Мне дышится легко* есть указание на лицо (*мне*), однако форма глагола-сказуемого не допускает именительного падежа, его нельзя установить и по связи с другими словами, и действие представляется как протекающее независимо от деятеля.

Исследование проблемы особенностей перевода языковых единиц различного уровня с одного языка на другой проводилось на протяжении почти всего предыдущего столетия. Анализировались языковые явления, способы их перевода. Отмечались факторы, содействующие не просто передаче смысла, но и различных коннотаций, «чувств» текста, его тончайших оттенков.

Художественный перевод – это не просто «перевод» произведения с одного языка на другой, но и «перевод» его из одной национальной культуры в другую. При переводе сопоставляются, приходят в активное взаимодействие не только два языка, но и две национальные культуры,

литературы. Не только от степени родства исходного и переводящего языков, но и от характера близости воспринимаемой и воспринимающей культур во многом зависит своеобразие художественного перевода.

Художественный перевод, как и любой другой, не является простой заменой слов на языковом и тематическом уровне согласно грамматическим правилам. В текстах художественной прозы или поэзии язык не только является средством передачи информации, но и служит средством художественного воплощения, носителем эстетической значимости произведения. С точки зрения А. В. Федорова, задачей перевода становится воссоздание функций особенных черт языка оригинала путем использования аналогичных средств выражения языка перевода [7, 171].

Таким образом, перевод художественного текста – это не только точное изложение содержания мыслей, сообщенных на языке оригинала, но и воссоздание средствами языка перевода всех особенностей стиля и формы сообщения. Именно это – воссоздание единства содержания и формы – отличает художественный перевод от иных способов передачи сообщения на другом языке, например, пересказа или реферирования.

Основная проблема заключается в том, что в большинстве случаев язык оригинала и язык перевода оказываются различными по внутренней структуре. А. В. Федоров отмечает, что грамматические явления того или иного языка, связанные с закономерностями его строя и им обусловленные, в своей совокупности отличны от грамматических явлений другого языка. Эти расхождения являются результатом своеобразия каждого из языков [7, 170]. Несовпадения в строе двух языков неизменно вызывают необходимость в преобразованиях текста, с помощью которых осуществляется переход от единиц оригинала к единицам перевода – переводческими трансформациями, в том числе грамматическим.

Материалом для перевода, который, прежде всего, является речевой деятельностью, служат две языковые системы – оригинальная и приемная. Естественные языковые системы не существуют в изоляции, но представляют собой неотъемлемую часть той культурной среды, в которой существуют носители языка.

В авторизованном переводе В. Быков безличные синтаксические единицы употребляет и как самостоятельное простое предложение, и как составную часть сложных построений различного типа: *Значыць, трэба асцярожней. – Значит, надо осторожней.* («Дожить до рассвета»); *Ля кустоў жа было спакойна, перад імі ляжаў голы, не надта заснежаны схіл з клоччам быльнягу па межах. – Здесь же, возле кустарника, было спокойно, перед ними лежал голый, не очень заснеженный склон с гривками бурьяна по межам.* («Дожить до рассвета»)

В целом как структура самого предложения, так и семантический тип безличного предложения при переводе не изменяются, например: *Яму і*

сапраўды не хацелася ні піць ні есці, і нічога не трэба было, апроч цяпла і спакою. – Ему и в самом деле не хотелось уже ни пить, ни есть, и ничего не нужно было, кроме тепла и покоя. («Сотников»); Калі на двары павальнела, Сцепаніда сабрала ў чыгунок рэшту старой варанай бульбы з цабэрка, трохі насыпала яе вобмежкай, зірнула ў акенца. – Когда во дворе опустело, Степанида собрала в чугунок остатки старой вареной картошки из ушата, немного присыпала ее отрубями, глянула в окошко. («Знак беды»)

Однако если нужно выделить различные состояния субъекта, его мироощущения, которые описываются автором, то возможны случаи, когда обозначается лишь безличная единица: *У мокрай траве было дужа няўтульна нагам. – В мокрой траве поначалу было неприятно босым ногам, но при ходьбе ноги согревались. («Знак беды»)*

Двусоставные единицы с морфологизованным субъектом в форме подлежащего в белорусских текстах при переводе могут заменяться безличными единицами: *У падворку драў горла дым, які абвалок хату, істопку, шызаі пеляной расцягнуўся ўздоўж па бульбянішчы, над горадам. – Першило в горле от дыма, которым обволокло хату, истопку, сизая пелена его расползалась по картофельному полю над огородом. («Знак беды»)*

Структурное наполнение простых предложений с безличным глаголом, обозначающим состояние окружающей среды, как правило, при переводе остается без изменений: *Праз момант, аднак, ярка засвяціла над хмызнякамі адразу ў двух мясцінах. – Спустя несколько секунд, однако, ярко засветило сразу в двух местах над кустарником. («Дожить до рассвета»); Было не сцюдзёна, трохі зябкавата нагам у воглай траве і ветрана. – Было не холодно, хотя и зябковато ногам в мокрой от росы траве и ветрено. («Знак беды»)*

Для уточнения данный тип безличных единиц может осложняться темпоральным компонентом: *Тым часам цямнела. – Тем временем быстро темнело. («Обелиск»); Тым часам амаль развіднела. – Тем временем почти рассвело. («Знак беды»); Але, здаецца, цяпер там было пуста, пара было гнаць жывёлу дадому. – Но теперь там было пусто и тихо, начинало смеркаться, надо было вести корову домой. («Знак беды»)*

Для обозначения более длительной процессуальности сказуемое в данном семантическом типе безличного предложения может быть изменено с именного на глагольное: *Стала зусім ужо цёмна. – Стемнело. («Обелиск»)*

В безличных предложениях со значением состояния окружающей среды слово категории состояния «ціха» замещается в зависимости от актуализации лексемами «тихо» и «безветренно»: *Пакуль, аднак, было ціха і цёмна. – Покамест, однако, было темно и тихо. («Дожить до рассвета»); Я быў згоднены ісці, тым больш, што надвор'е пад вечар яшчэ палепшала:*

было цѣпла, цїха, ні адзін лісцік на вязах не варухнеца, а глянцаватая стужка пустой шашы так і клікала даць волю нагам. – Я согласился идти, тем более, что погода под вечер стала ещё лучше: было тепло и безветренно, ни один листочек на вязах не шелохнулся, а глянцеvidная лента пустынного шоссе так и манила дать волю ногам. («Обелиск»)

В таких безличных построениях возможно изменение не только видо-временной характеристики сказуемых, но и самой синтаксической структуры предложения: Яна спалохалася, каб Янка не пагнаў статак на Выселкі, бо ўжо вечарэла, неба так і не выбавілася з-пад хмар. – Начало вечаретъ, мог погнаць стадо в Выселки. («Знак беды»)

Употребляются безличные предложения со значением состояния окружающей среды как составная часть различных типов сложных построений – в качестве главной или придаточной части, в составе бессоюзных построений: Ён і сам грэўся, бо хоць і было зацішна, аднак ад зямлі паднімалася лесавая сырасць, ад якой стылі плечы і рукі. – Он и сам грелся, потому что хотя и было затишно, однако от ручья снизу тянуло лесной сыростью, в которой стыли колени и руки. («Знак беды»); Было дужа накурана і сцюдзёна, і панаваў нейкі спалох ці клопат, які адразу адчула Сцепаніда. – Было очень накурено, холодно, между мужчинами ощущалось какое-то напряжение, которое сразу уловила Степанида и сдержанно поздоровалась. («Знак беды»)

Безличные конструкции со значением действия мифической, неназванной силы функционируют и в оригинале, и в переводе как главная часть с различными типами придаточных. Неосознанность, безысходность того, о чем сообщается безличным предложением, раскрывается в придаточной части: Параніла яго надвячоркам на Доўгай градзе, неўзабаве пасля таго, як рота адбіла чацвёртую за дзень атаку і карнікі, пасцягнуўшы з балацявіны сваіх параненых і забітых, трохі оцішэлі. – Ранило его под вечер на Долгой Гряде, вскоре после того, как рота отбила четвертую за день атаку и каратели, потаскав с болота своих убитых и раненых, немного успокоились. («Волчья стая»)

Безличные конструкции со значением зрительного и слухового восприятия употребляются как главная часть сложноподчиненного предложения с придаточным изъяснительным: Выразна стала відаць, як там разгружаліся машыны. – Отчетливо было видно, как там разгружали машины. («Дожить до рассвета»)

В безличных предложениях со значением долженствования при переводе регулярно употребляются конструкции со словом категории состояния «трэба»: Мусіць, трэба было чымсь штурнуць у іх, ды нічога не траплялася пад рукамі. – Наверное. Надо бы чем-то бросить в них, но под руками не было ничего подходящего. («Обелиск»); Зноў жа трэба было сачыць, каб у час збавіць агонь, інакш прыгарыць брага і спляжыць увесь

выган. – Опять же надо было следить, чтобы вовремя уменьшить огонь, иначе пригорит брага и пропадет весь выгон. («Знак беды»); Але ж трэба было прынесці вады, прыдбаць дроў, дагледзець скаціну. – Но надо было принести воды, нарубить дров, досмотреть скотину. («Знак беды»)

Встречаются случаи замены односоставных безличных конструкций со значением необходимости совершения действия двусоставными предложениями: *Трэба было як найхутчэй рухацца далей, пярэдняга краю яны яшчэ не адолелі, яшчэ з кіламетр спатрэбіцца паўзці на рэчышчы ля кустоў. – Надо было как можно скорее одолеть эту пойму; переднего края они еще не прошли, еще предстоял самый опасный путь вооль речушки. («Дожить до рассвета»)*

Сложность перевода на близкородственные языки заключается, как нам видится, не просто в особенностях передачи лексики или грамматики, а в том, чтобы передать нюансы и сохранить дух того языка, с которого переводят и на какой переводят. Для этого используют разнообразные приемы.

Так, например, в своем романе «Люди на болоте» И. Мележ использует такое эффективное средство изображения персонажей, как народный язык. Вначале при работе над романом автор употреблял в диалогах реплики в форме литературного языка, но это выглядело неестественным, искусственным, и И. Мележ решил дать попробовать говорить героям так, как они говорят в жизни, и герои будто ожили, стали теми людьми с Полесья, которых хотелось и видеть, и слышать. Это и обусловило введение в переводной вариант романа оправданное большое количество белорусизмов. Они широко используются в романе в качестве средства речевой характеристики персонажей. Чаще других, «поскольку полнозначные слова повторяются во много раз реже, нежели служебные» [4, 178], в этой функции выступают служебные слова и междометия: *абы – рус. лишь бы, аж – рус. даже, альбо – рус. или, мабуць – рус. наверное, покуль – рус. пока, таксамо – рус. также, нема – рус. нет, нехай – рус. пусть и др.: *Доведут до Олешников, так абы пострашать, чтоб другим была наука, да и пустят; Слышал я, что аж под Минском на маневрах быть доводилось; Бо и так знаю: в холостяках ходить, покуль не надоест очень; Дак гляди, чтоб стерег хорошо!; Дак ен – нибыто – двадцать лет бился с болотом... Копает, копает – не ён, конечно, а люди, приведенные – а оно, болото, покуль в одном месте выкопают, в другом уже ряской заросло. (Все эти и последующие примеры взяты из романа «Люди на болоте».)**

Средством речевой индивидуализации и типизации выступают также белорусизмы – литературные и диалектные, – отличающиеся от соответствующих русских нормативных эквивалентов словообразовательными элементами при общности корней: *дён (рус. дней), дельба (рус. делёж), для*

прилику (рус. для приличия), дождался (рус. ожидал), жэнка (рус. жена), заходьте (рус. заходите) и др. *Бо про дельбу и разговор начался – двух дён не прошло; Заходьте... Заходьте... Невесточка моя; Василь знал, что весь этот разговор... только так, для прилику.*

В качестве средства стилизации речи персонажей, сближения ее с народно-разговорной речью в переводном тексте романа используются и особые падежно-предложные формы существительных вместо беспредложных форм, местоимения и наречия, свойственные белорусскому языку: *Учиться хотели там оставить, а он сказал: «До дому»; «Надолго до нас?» – спросила Ганна; По-людску надо с ними.*

Перевод безличных единиц в основном осуществляется безличными же единицами: *І прыйшося Васілю хочаш не хочаш адкрываць закрытае на моцны замок недаверлівае сэрца. – І прыйшлося Васілю хочеш не хочеш открыть запертое на крепкий замок недоверчивое сердце.* Случаи, перевода неодинаковыми по структуре предложениями редки: *Усё ж трывожнасць тачыла душу. – Все же на душе было тревожно.* Это, как нам думается, объясняется субъективизмом переводчика.

Літаратура

1. Фрумкина, Р. М. Психолінгвістыка: учеб. для студ. высш. учеб. заведений / Р. М. Фрумкина. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 320 с.
2. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
3. Тарланов, З. К. Становление типологии русского предложения в ее отношении к этнофилософии / З. К. Тарланов. – Петрозаводск, 1999. – 207 с.
4. Золотова, Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Оніпенко, М. Ю. Сидорова. – М.: Наука, 1998. – 460 с.
5. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы / Н. Д. Арутюнова; АН СССР. Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1976. – 383 с.
6. Галкина-Федорук, Е. М. Безличные предложения в современном русском языке / Е. М. Галкина-Федорук. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1958. – 332 с.
7. Федоров, А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. языков / А. В. Федоров. – М.: Высш. школа, 1983. – 303 с.
8. Быков, В. Повести: Дожить до рассвета. Его батальон. Волчья стая. Сотников. Обелиск / В. Быков; перевод с белорусского. – Минск: Мастацкая літаратура, 1985. – 636 с.
9. Быкаў, В. Выбраныя творы: у 2 т. / В. Быкаў. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1974. – Т. 2. – 464 с.
10. Быков, Василь. Знак беды: повесть / Василь Быков; пер. с белорус. – М.: Молодая гвардия, 1984. – 299 с.
11. Быкаў, Васіль. Знак бяды: аповесць / Васіль Быкаў. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1984. – 254 с.
12. Мележ, И. Люди на болоте. Из полесской хроники. Роман / И. Мележ. – Минск: Беларусь, 1967. – 383 с.
13. Мележ, І. Людзі на балоце: Раман з “Палескай хронікі” / І. Мележ. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1999. – 397 с.

Л. Н. Боженко

КОММУНИКАТИВНЫЙ ХАРАКТЕР УПОТРЕБЛЕНИЯ НЕКОТОРЫХ ЗНАКОВ ПРЕПИНАНИЯ В РУССКОЙ КНИЖНОЙ РЕЧИ

Введение. Постоянная работа с текстами разных стилей (СМИ, художественный, научный) привлекла наше внимание к особенностям употребления знаков препинания в современной русской книжной речи, что и стало объектом нашего исследования.

Содержание нашей последующей работы определялось предметом и целью исследования.

Предмет исследования – факты употребления тире, точки и двоеточия на страницах современных газет и научных статей, которые не только не соответствуют содержанию существующих пунктуационных правил, но и противоречат им.

Цель исследования – выявить характер тенденции в употреблении данных знаков препинания в русской книжной речи последних двух десятилетий.

Основной результат. Собран языковой материал из газетных текстов (Литературная газета – ЛГ, Советская Беларусь – СБ, Аргументы и факты – АиФ, Аргументы недели – АН) и текстов научных статей в количестве 200 предикативных единиц с ненормативным употреблением тире, двоеточия и точки. Отграничены факты ошибочного употребления тире и двоеточия вместо других знаков препинания, по преимуществу двоеточия, от прагматически целесообразного употребления тире, которое наблюдается чаще всего в заголовках и в содержании текстов аналитико-публицистического характера. Сформулированы условия прагматического употребления тире, главное из которых – тема-рематическое членение высказывания с акцентуацией внимания на рематическом компоненте как функционально значимом в структуре речевых единиц разной степени сложности. Сделан вывод о предпочтительном употреблении двоеточия как структурно-семантического знака препинания вместо тире как коммуникативного знака препинания в структуре предложений с пояснительными отношениями.

К работе над данной темой были привлечены студенты, защитившие по ней дипломную работу и опубликовавшие тезисы выступления на студенческой научно-практической конференции в 2008 году [1, 126].

Результаты нашего исследования были представлены на V международной научно-практической конференции «Текст. Язык. Человек» в 2009 году и опубликованы в её материалах [2, 105–106].

Перспективы. Полученные результаты могут быть основанием для выделения нового, коммуникативного, принципа употребления знаков препинания в современном русском языке.

Основная часть. В последние годы наиболее заметно обнаружилась тенденция к употреблению некоторых знаков препинания с традиционными синтаксическими функциями (точка – конечный знак препинания, тире и двоеточие – срединные знаки препинания в предложениях различных типов) в иной, коммуникативной, функции, благодаря чему они приобрели способность быть выразителем актуального членения высказывания. Это проявляется, по нашим наблюдениям, в многочисленных фактах ненормативного употребления, в первую очередь, тире, двоеточия и точки в многочисленных газетных текстах публицистического стиля (ЛГ, СБ, АиФ, АН) и в научных текстах.

Коммуникативный аспект пунктуации постепенно становится объектом специальных исследований (см., например: [3], [4]), однако авторы, как правило, не выходят за пределы художественных текстов, и поэтому ненормативное употребление знаков препинания квалифицируется как авторская пунктуация. Однако языковой материал настойчиво сигнализирует не об индивидуально-авторском использовании знаков препинания, а об устойчивой тенденции их употребления иного характера в условиях письменной коммуникации. Рассмотрим её очевидные проявления.

1. Тире активно используется вместо двоеточия в структуре сложного предложения с отношениями пояснения, уточнения и причины, например: *Но есть еще одна не менее важная деталь – Кейт Фокс предоставляет читателям идеальный опыт, чуть ли не доскональный план исследования своего ли, чужого ли народа.* (Н. Гамаюнова. Другие народы. – ЛГ. – № 27. – 2008. – С. 14); *Я живу с головой, задранной вверх, – хочу рассмотреть небо.* (Т. Сулимова. Век жести. – СБ. – 31.08.2007); *Обобщенным показателем профессионализма выступают результаты деятельности – если специалист добился высоких результатов, его считают профессионалом.* (Научная статья, 2008)

2. Употребление тире в структуре простых предложений на месте его нормативного отсутствия как знак тема-рематического членения высказывания, например: *Иностранцы журналисты – как передатчики московской дезинформации западному читателю.* (АН); *Города – как люди...* (И. Плескачевская. Ни с тобой, ни без тебя. – СБ. – 31.08.2007); *Алкоголизм – не приговор! Белорус – не трус! Попытка – теперь не пытка.* (Заголовки статей в «СБ»); *Проспер Мериме – не только великий писатель, но и блестящий мистификатор.* (ЛГ. – № 32. – 2007. – Аннотация); *Я же как ученый заявляю: это – криминал!* (Является ли допингом кровь черепах? – СБ. – 25.08.2007); *Есть и «политическая» версия о том, что теракт направлен против руководителя железных дорог Владимира Якунина. Он –*

успешный бизнесмен, и ему пророчат большую политическую карьеру (АН. – № 33. – 2007) и мн. др. Сфера употребления такого тире, во-первых, газетные заголовки, во-вторых, аналитико-публицистические статьи с ярко выраженной субъективной модальностью.

3. Есть и другие примеры употребления тире, не имеющие общепринятой лингвистической основы: *На сегодня версия теракта – основная* (Время мистических испытаний. – АН. – № 33. – 2007); *Первый тип самолета довольно старый, называется на Западе «Медведь», но при почтенном возрасте – совсем не плох* (Звено новой силовой стратегии. – АН. – № 34. – 2007); *И лозунги по городу висят уютные, домашние: «Надежда всегда рядом», «Мечты сбываются», «Всем по карману». Вроде бы – красота. Тишь да благодать... А поджоги?; В тихом озере, омуте – известно кто водится...* (А. Кузнецова. Гусь в хрустальном интерьере. – ЛГ. – № 10. – 2011) Однако все их объединяет одно: коммуникативная задача, которую таким образом решает автор, привлекая внимание читателей к коммуникативно значимой оценке предмета речи.

4. Тире в конструкциях с некоординированным сказуемым безглагольного типа, например: *Александр Люкин – из рабочей среды*. (Газ.); *Наш путь – к Северному полюсу*. (Газ.); *Единственный выход – в создании ребячьих коллективов*. (Газ.); *Нынешний симпозиум – для самого широкого круга специалистов*. (Газ.), которое употребляется здесь, как отмечает Г. Н. Акимова, для дифференциации предикативных отношений [5, 149]. Однако, нам думается, в предикативных конструкциях такого типа, выступающих в качестве заголовков, тире является знаком эллипсиса, в структуре которых пропущены, по утверждению Н. С. Валгиной, «избыточные в информационном отношении слова» [6, 219], которые могли бы занять позицию сказуемого. В подобных заголовках-предложениях, представляющих собой синтаксическую норму газетных текстов [6, 219], незамещённые позиции позволяют актуализировать замещённые, чтобы усилить информационную значимость членов предложения, выражающих «новое», или рему.

5. Точка как коммуникативный знак препинания в расчленённом высказывании типа *Ромашки спрятались. Навсегда*. (Заголовок статьи в СБ), *И вдруг дождь. Окладной, осенний*. (С. Гергиевская) Промежуточная точка функционально отлична от точки конца предложения. Она является коммуникативным знаком препинания актуализованной информации, которая вынесена в позицию абсолютного конца, выражена в сегментированном компоненте и оформлена с помощью точки, отделяющей тему от ремы. Сегментированный компонент с рематическим содержанием связан с базовым компонентом особой интонацией: это беспокойное понижение голоса с последующей паузой, которую Е. Н. Черемисина-Ениколопова [7, 233] определила как логико-психологическую. В такую паузу, пишет исследо-

ватель, как и во всякую паузу, не обусловленную синтаксически, вкладывается «новое смысловое содержание, раскрывающее то, что не сказано в речи»; пауза используется, по словам Л. И. Тимофеева, «как элемент субъективно-оценочного порядка». Цит. по: [7, 29–30].

Следовательно, можно говорить о внутренних и внешних пунктуационных показателях тема-рематического членения высказывания.

6. Употребление в научной речи двоеточия после сказуемого, которое выступает в качестве обобщающего слова, перед рядом однородных членов предложения, оформленных в строку, например: *Моделирование урока включает в себя: выбор концепции или технологической идеи, постановку цели урока, определение его вида и типа. К формам такого конструирования относятся: конспекты уроков, сценарии, планы-тезисы, схемы, методические разработки, технологические карты.* (Монография) Подобные пунктуационные факты как возможный вариант отмечены в учебном пособии А. Б. Шапиро [8, 159] и со ссылкой на него в «Справочнике по правописанию и литературной правке» Д. Э. Розенталя [9, 104]. По свидетельству А. И. Наумович, подобное явление имеет место в деловом и научно-публицистическом стилях речи [10, 159].

Приведенные факты вступают в противоречие с существующими пунктуационными правилами, которые изучаются в школе. Ср., например, содержание пунктуационного правила в школьном учебнике русского языка для 11 класса «Тире между подлежащим и сказуемым не ставится» [11, 92], где преобладают даже не конструктивно-синтаксические условия неупотребления тире, а морфологические? Естественно возникает вопрос: почему в предложениях типа *Саша и Володя – друзья* нужно ставить тире, а в аналогичных по структуре предложениях типа *Саша и Володя не друзья, как бы друзья, словно друзья, ещё не друзья* тире не ставится? Не задаваясь таким вопросом, учащиеся вынуждены заучивать формальные признаки этой пунктуационной нормы, сталкиваясь на страницах периферии с фактами, противоречащими ей.

Поэтому можно ли усматривать в приведённых примерах пунктуационные ошибки? Такие факты, по нашему мнению, свидетельствуют не о пунктуационных ошибках, а о чётко выраженной коммуникативной тенденции употребления перечисленных знаков препинания, которые оформляют не предложение как языковую единицу, а высказывание – как речевую единицу. Есть все основания говорить о новом, функциональном, подходе в употреблении знаков препинания, который дополняет действие грамматико-смыслового и интонационного принципов в пунктуационной системе современного русского языка. Знаки препинания, будучи показателями тема-рематического членения высказывания, можно было бы квалифицировать как *функциональные*, или *коммуникативные*, знаки препинания, в отличие от аналогичных *синтаксических* знаков препинания.

Поэтому функциональное тире или функциональную точку не следует квалифицировать как пунктуационную ошибку. Необходимо, напротив, показать ученикам новые, коммуникативные, особенности функционирования таких знаков препинания и их функциональную значимость с точки зрения пишущего, которые помогают понять коммуникативный смысл высказывания. При этом, на наш взгляд, речь не должна идти об авторских знаках препинания.

Есть все основания констатировать действие новой, объективной, функционально-прагматической, тенденции их употребления, в соответствии с которой такие знаки препинания, как тире и точка, в рассмотренных нами случаях становятся средством выражения актуального членения, более действенного в письменной речи, нежели общепризнанный порядок слов и частицы [12, 11]. Тем более, как утверждает историк русского письма Б. И. Осипов, первоначально в пунктуации действовал коммуникативно-синтаксический принцип, в соответствии с которым запятая ставилась на границе темы и ремы. Его преобладание над конструктивно-синтаксическим имело место и в пунктуации XVIII века [13, 75]. В пунктуации современного русского языка, по мнению этого учёного, тоже действует коммуникативно-синтаксический принцип, при котором постановка знаков препинания определяется актуальным членением предложения (в оформлении этого членения как раз интонации и принадлежит решающая роль), дополняясь конструктивно-синтаксическим, при котором она зависит от структуры членов предложения и их морфологической выраженности [13, 16–17]. Глубокая пауза как показатель тема-рематического членения высказывания в устной речи оформляется на письме в XX–XXI вв. тире (вспомним первоначальное название этого знака препинания – «молчанка») или точкой.

Заключение. Итак, при изучении современной русской пунктуации к общепринятым лингвистическим основаниям пунктуационных правил следует, по нашему мнению, добавлять информацию о коммуникативных особенностях тех знаков препинания, которые, как свидетельствуют приведённые примеры, идут вразрез с действующими правилами пунктуации, поскольку имеют функциональный характер употребления. Однако и при этом необходимо отграничивать факты функционального употребления знаков препинания от очевидных пунктуационных ошибок типа *Диагноз, как приговор*, когда вместо тире употребляется запятая.

Литература

1. Подуто, Е. Н. Современные тенденции в употреблении знаков препинания / Е. Н. Подуто, Т. С. Морина // От идеи к инновации: мат. XV Республ. студ. науч.-практ. конф., г. Мозырь, 23 апреля 2009 г.: в 2 ч. – Мозырь: МГПУ им. И. П. Шамякина, 2008. – Ч. 2. – С. 134.

2. Боженко, Л. Н. О некоторых тенденциях в употреблении знаков препинания в русской книжной речи (коммуникативный характер функционирования тире, точки и двоеточия) / Л. Н. Боженко // Текст. Язык. Человек: мат. V междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. – Мозырь, 2009. – Ч. 2. – С. 105–106.

3. Липская, Т. Н. Анализ пунктуации текста как одно из средств реализации коммуникативно-деятельностного подхода к языку / Т. Н. Липская // Беларуская пачатковая школа: праблемы і перспектывы развіцця: материалы Междунар. научн.-метод. конференцыі: в 2 ч. – Мозырь, 1999. – Ч. 2. – С. 178–182.

4. Липская, Т. Н. Пунктуация и семантика текста (на материале художественных текстов) / Т. Н. Липская // Современная парадигма лингвистических исследований: методы и подходы: сб. материалов междунар. науч.-практ. конференцыі. – Стерлитамак: СГПА, 2008. – С. 170–175.

5. Акимова, Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка: учеб. пособие / Г. Н. Акимова. – М.: Высшая школа, 1990. – 197 с.

6. Валгина, Н. С. Синтаксис современного русского языка / Н. С. Валгина. – 2-е изд. – М.: Высш. школа, 1978. – 439 с.

7. Черемисина-Ениколопова, Е. Н. Законы и правила русской интонации: учеб. пособие / Е. Н. Черемисина-Ениколопова. – М.: Флинта; Наука, 1999. – 520 с.

8. Шапиро, А. Б. Современный русский язык, пунктуация: учеб. пособие для педагогических институтов / А. Б. Шапиро. – М.: Просвещение, 1966. – 296 с.

9. Розенталь, Д. Э. Справочник по правописанию и литературной правке / Д. Э. Розенталь; под ред. И. Б. Голуб. – 8-е изд., испр. и доп. – М.: Айрис-пресс, 2002. – 453 с.

10. Наумович, А. Н. Современная русская пунктуация: учеб. пособие для студентов филол. фак. вузов / А. Н. Наумович. – Минск: Вышэйшая школа, 1983. – 256 с.

11. Русский язык: учеб. пособие для 11 класса общеобразовательных школ. – Минск: Народная асвета, 2005. – 230 с.

12. Ковтунова, И. И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения: учеб. пособие для студентов педагогических институтов / И. И. Ковтунова. – М.: Просвещение, 1976. – 239 с.

13. Осипов, Б. И. История русского письма: учеб. пособие / Б. И. Осипов. – Омск: Омский ун-т, 1990. – 82 с.

Л. В. Жураўская

ФРАЗЕАЛОГІЯ БЕЛАРУСКІХ НАРОДНЫХ КАЗАК

Беларуская мова багатая на фразеалагізмы – вобразныя сродкі выказвання думак і пачуццяў. Асабліва шырокім выкарыстаннем гэтых моўных адзінак вызначаецца такі жанр вуснапаэтычнай народнай творчасці, як казка – невычэрпная крыніца вывучэння мовы і стылю фальклору.

У артыкуле робіцца структурна-семантычны і функцыянальны аналіз фразеалогіі беларускіх народных казак і апавяданняў, запісаных А. К. Сержпутоўскім, сапраўдным падзвіжнікам, які прысвяціў сваё жыццё

збіранню і даследаванню паэтычных скарбаў свайго народа, а таксама апрацаваных беларускімі пісьменнікамі [1].

Спецыяльных даследаванняў па фразеалогіі беларускіх казак амаль няма, але асаблівасці фразеалогіі казак сведчаць аб неабходнасці самастойнага вывучэння мовы гэтага фальклорнага жанру.

Фразеалогія беларускіх народных казак падзяляецца на ўласна казачную, што абумоўлена асаблівасцямі жанру, і агульнанародную, г. зн. фразеалагізмы, якія ўжываюцца і па-за межамі пазначанага жанру, але ў казцы выконваюць эстэтычныя функцыі – ствараюць вобразнасць, моўную характарыстыку героя, апавядальніка.

Традыцыйнасць фальклору, вусная форма існавання і перадачы тэксту абумовілі наяўнасць так званых агульных мясцін – зачынаў, канцовак, формул прывітання, просьб, заклінанняў, характэрных для тэкстаў чарадзейных казак.

Звычайна казка пачынаецца мастацкай формулай, якая можа быць і не звязана з асноўным апавяданнем, але адразу ж прыцягвае ўвагу слухача. Зачын можа быць выражаны простым сказам: *“Жылі-былі дзед ды баба”*; можа выражацца разгорнутым сказам, ускладненым азначэннямі (пастаяннымі эпітэтамі): *“У некаторым царстве, у трыдзевятым гасударстве, на моры-акіяне, на востраве на Буяне стаіць дуб зялёны, а пад дубам бык пячоны, а ў яго баку нож тачоны”*.

Гэтыя формулы, стабільныя ў адносінах іх лексічнага напаўнення, сінтаксічнай структуры, з’яўляюцца адной з тыпалагічных універсальных фальклору [4, 155].

Фальклорныя формулы-клішэ, вельмі блізкія да фразеалагічных выказаў або фразеалагізмаў-сказаў, часта выступаюць у выглядзе заклінанняў, просьб, пажаданняў і маюць рытуальную накіраванасць. Напрыклад, калі герой прыходзіць на магілу бацькоў і гаворыць: *“Жоўты пясок, рассытайся, сасновая труна, адчыняйся, бацька, з магілы падымайся!”* або традыцыйны покліч баявога каня ў чарадзейнай казцы: *“Конь мой добры, конь мой любы, дзе б ты ні быў, – каб да мяне прыбыў!”*

Устойлівасцю вызначаюцца і канцоўкі казак. Апрача асабліва распаўсюджанай *“І сталі яны жыць-нажываць і добра нажываць”*, ёсць больш разгорнутыя: *“На тым вяселлі і я быў, мёд-піва піў, на вусах цякло, а ў рот не папала”*; *“Далі мне чапляу, я пабег па сялу; далі мне смык, я пад вароты шмык; далі мне скавараду, я пабег па гараду”*. Ёсць формулы-канцоўкі, якія ўяўляюць сабой невялікае апавяданне, зусім, на першы погляд, не звязанае з дзеяннем казкі: *“І я на тым вяселлі быў, мёд, віно піў, на барадзе цякло, а ў роце не было. Далі мне там смаляную кабылку, лазовае сядло, гароховую пугу. Еду я назад на кабыліцы, бачу – гумно гарыць. Я спыніў кабылку, пачаў яго тушыць. Пакуль тушыў – кабылка мая ад агню растаяла, сядло козы з’елі, а пугу вароны раздзяўбалі... Адтуль я далей пехатою пайшоў, да вас прыйшоў і гэтую казку расказаў!”*

Тыповым для прааналізаваных казак з'яўляецца фінальны фразеалагізм *жыць-пажываць ды дабра нажываць*: “А біедны чалавек стаў жыць-пажываць ды дабра нажываць”.

Для вобразнай, маляўнічай характарыстыкі асобы, прадмета выкарыстоўваецца фразеалагізм *ні ў казцы сказаць, ні прам апісаць*: “Зірне Бортнік, аж перад ім стаіць такая гожая дзеўчына, што ні ў казцы сказаць ні прам апісаць”. На працягласць часу дзеяння ўказвае фразеалагізм *ці доўга ці коратка*: “Ці доўга ці коратка ён пёр царэўну, толькі ўтаміўся да й прысеў пад дубам...” Фразеалагізм за сямю лясамі, за сямю балатамі мае прасторавае значэнне – ‘недзе, дзесьці далёка’: “За сямю лясамі, за сямю балатамі жыў такі калдун, што ўсё мог рабіць”.

Да ўласна казачнай фразеалогіі адносяцца і сталыя эпітэты, часцей двухслоўныя канструкцыі тыпу *ясны месяц, яснае сонейка, белая бяроза, сырая зямля, пуховая пярына, калінавы мост, халодная расіца* і інш. Такія эпітэты характэрны пераважна для тэкстаў чарадзейных казак, яны называюць істотную прымету ў прадмеце, ужываюцца пры ідэалізацыі рэчаіснасці (*шаўковыя травы*).

Заўважым, што ў казках і апавяданнях, запісаных Сержпутоўскім, пераважаюць эпітэты канкрэтныя, і перш за ўсё, зрокавыя (*цёмны лес, яснае сонейка, жоўтыя горкі, цёмныя вёскі*). Шмат эпітэтаў, што характарызуюць матэрыял, прасторавыя якасці (*засовы жалезныя, дзверы дубовыя, высокія горы, шырокае мора*). Распаўсюджана ў прааналізаваных тэкстах ампліфікацыя – наапаўненне некалькіх сталых эпітэтаў пры адным назоўніку: *А якаясь сіла ўхваціла на плечы і несе ўсё ўгору і ўгору к ясным зоркам, у чыстае неба, у чыстае, сіняе, шырокае неба*.

Фразеалагізмы другой групы, выяўленыя ў аналізуемых тэкстах, – агульнанародныя, дыялектныя. Функцыянуюць яны пераважна ў апавяданнях, сацыяльна-бытавых казках, выкарыстоўваюцца казачнікамі для апісання з’яў, прадметаў, маюць тое ж значэнне, што і ў агульнанароднай ці дыялектнай мове.

Аналіз фразеалагічнага саставу народных казак і апавяданняў, запісаных А. К. Сержпутоўскім, паводле семантычнай злітнасці кампанентаў паказвае, што найбольшую колькасць складаюць фразеалагічныя адзінствы – вобразныя выразы, разуменне якіх звязана з разуменнем таго вобразнага стрыжня, на аснове якога яны будуецца: “**Круціць яна хвастом** да толькі падманвае та аднаго, та другога”; “– **Ото, – каа, – глусцы, ты ў іх з-пад носа беры, а яны хаць бы што**”; “**Падняўся Міхаль на ногі, але к той пары бацька памер, хаджайства знішчылася...**”; “**Ідзе пах ад тых патраў на ўсіх пакоях, што аж сьліна цечэ з рота...**”; “**А паны да пані ходзяць каля тых патравак да толькі сьлінку каўтаюць да аблізваюцца**”; “– **Ты не гарадзі плота, – кажэ Петро, – а кажы проста**”.

Не менш пашыраны ў прааналізаваных тэкстах і фразеалагічныя выразы камунікатыўнага характару (паводле класіфікацыі А. С. Аксамітава): “*Бачыш, якая сіла ў хлебце. Хлеб усему галава...*”; “*Пачакай, не спешы на шыбеніцу ўперуод бацька, бо хто спешыць, той людзей насмешыць*”; “*Ілья заўсюды наробиць гнілья*”; “*Шукай віетра ў полі, а чалавека ў ліесі*”.

Ужываюцца ў народных казках, апавяданнях і фразеалагічныя зрашчэнні, вельмі абмежавана – фразеалагічныя злучэнні: “*Хіба хадзіем, куме, да **заморым чарв’яка**, бо это, мабыць, рабакі, – прыбавіў ён*”; “*Лаецца баба на чом **свiет стаіць**, а ён маўчыць да толькі чмыхае носам, вiедамо, як вiнаваты*”; “*Карбаваць ены йшчэ ўмеюць, але пісаць – **ані ў зуб***”.

– Ну, чаго заскуліла? Хіба ж спалохалася, што кабыла толькі адзін раз у гаду гуляе?

– А табіе абы **зубы вышчараць**.

– **Вышчарыш і ты**, як абернешся ў кабылу”.

У тэкстах казак і апавяданняў, запісаных Сержпутоўскім, даволі шырока прадстаўлена фразеалагічная сiнанiмiя. Для характарыстыкі адных і тых жа з’яў, падзей, асоб казачнік ужывае сiнамiчныя фраземы, выяўляючы асабiстае эмацыянальна-ацэначнае стаўленне да таго, пра каго ці пра што ён расказвае. Так, са значэннем ‘намерці’ ў казках ужываюцца наступныя фразеалагізмы: *аддаць богу душу* (“*Але ось бацька занепаў, з тыдзень пакачаўся да й **аддаў Богу душу***”), *Бог са свету прыбраў* (“*Каліека – не каліека, а толькі абуза. Хоць бы яго **Бог з свiету прыбраў***”), *дух вон* (“*Быў, быццэ, саўсім здароў, назаўтрэ й **дух вон***”), *прышоў канец* (“*Бачыць Салмон, што непрыяцелю **прышлі канцы**, вернуўся ў сваё царство й зноў пачаў царстваваць*”).

Апрача гэтага, у аналізуемых тэкстах выяўлены наступныя тыпы фразеалагічнай варыянтнасці:

1. Марфалагічныя варыянты. У фразеалагізме *пусціцца наўцекача* кампанент-дзеяслоў можа быць і ў форме адзіночнага, і ў форме множнага ліку: “*...Дак яна й **пусцілася наўцекача** з усіх ног да тым часам і ўцекла ат змея*”; “– *Бачаць тые, што гэта не перэлiўкі да й **пусціліся наўцекача**: хто у лес, а хто ў чужыя краі*”.

2. Сiнтаксiчныя варыянты (адрознiваюцца будовай словазлучэнняў, рознай прыназоўнікава-склонавай залежнасцю, парадкам кампанентаў). Так, прыкладна з адналькавай частотнасцю ўжываецца фразеалагізм *бы ў землю правалiцца*: “*Я туды сюды, нема, от **бы ў землю правалiлася***”; “– *Ён туды, ён пытаць балабосту, ці не брала яна, – нема таго рубля, от **бы скруозь землю правалiўся***”.

3. Фанетычныя варыянты (адрознiваюцца невялікімі асаблiвасцямi ў агаласоўцы кампанентаў) ужываюцца ў тэкстах казак рэдка. Фразеалагізм *хоць iголки збiрай* iснуе ў жывой народнай мове і ў разнавіднасці *хоць*

голки збірай: “Але ось узышоў месяц, стало відно **хаць іголки збірай**”; “Заблісцело сонейка, стало відно **хаць голкі збірай**”.

4. Вылучаюцца фраземы, у якіх варыянтнасць – вынік эліпсацыі; як бы карова языком злізала і як бы языком злізала: “Занялася ўся вёска да й змокла, **от бы языком злізала**”.

5. Лексічныя варыянты (фразеалагізмы маюць пераменны склад кампанентаў): “Усхапіўса ён, схваціў свае пюндры да наўцекача, **толькі пантоплі мітусяца**”; “Саскочыў ён з воза, **схапіў сваю сакерку да давай буог ногі, так сунуў, што толькі пъяты замітусіліся**”.

6. Камбінаваная (лексічная і сінтаксічная) варыянтнасць: “*Тую скрывіўся, аж яму **вочы пад лоб завернуло**...*”; “*Паказала чорту свае зелье. У таго аж **вочы на лоб выперло***”.

Апрача фразеалагізмаў у аналізаваных тэкстах казак як сродкі тэкстаўтварэння функцыянуюць прыказкі і прымаўкі. З’яўляючыся загалюўкамі, яны выражаюць тэму, ідэю твора, ствараюць цэласнасць, звязнасць тэксту. Канкрэтнае семантычнае напаўненне загатоўкі “*За добрае злым заплаата*”, *Тое, да не тое*”, “*Што майстар, то злодзей*”, “*Не вер ачам*”, *Круці не круці, а трэа ўмерці*”, “*Хвароба над хваробай*” і інш. набываюць у тэксте. Казачныя героі, як правіла, ужываюць іх у сваім маўленні для пацвярджэння сваіх учынкаў як заканамерных, звычайных.

Так, загаловак камуляцыйнай казкі “*За добрае злым заплаата*” паўтараецца ў маўленні ваўка, якога вызваліў мужык з пасткі, а воўк усё ж хоча яго з’есці; у маўленні старой кабылы, якая ўвесь век свой працавала на гаспадара, а ён яе не корміць, сляпую, знясіленую; у маўленні старога сабакі, якога гаспадар прагнаў здому як няздольнага ўжо да службы; і, нарэшце, у маўленні ліса, які хітрасцю сваёй вярнуў ваўка ў пастку, а мужык, забіўшы ваўка, забівае і ліса на каўнер жонцы, апошні, паміраючы, кажа: “*Што ж, за добрае заўсёды злым заплаата*”. Тэкст казкі пацвярджае правільнасць і глыбіню мудрасці народнай прымаўкі.

Загаловак апавядання “*Што майстар, то злодзей*” паўтараецца ў канцы твора, з’яўляецца яшчэ і сродкам стварэння іроніі, звязваючы тэкст у адно цэлае: народ смяецца з старога пана, які паверыў, што малады прыгожы хлопец сапраўды расходваў шкуру бобра, дадзеную яму панам для “рамонту” маладой пані: “*Прызваў пан майстра да й кажа: «Але што майстар, то злодзей: я табе даў цэлую бобровую шкуру, а ты ўставіў пані толькі кусочак*” [2, 67].

У зачыне казкі прыказкі (прымаўкі) фармулююць тэму твора, а ў канцоўках з’яўляюцца вывадам-абагульненнем, павучаннем.

Так, зачын казкі “*З чаго ліха на свеце*” ўключае сказы, якія выяўляюць мадальнасць казачніка-апавядальніка, і прымаўку, якая акрэслівае тыповасць расказанага: “*Дак от я раскажу вам, з чаго ліхо на свеце. Калі я праўду скажу – смекайце, а прыхлушу – не мяшайце да прабачайце, бо як*

устарыцца, та й праўда будзе. Пань паміж сабою б'ютца-дзерутца, а ў мужыкоў гіры трасутца да йлбы трайчаць, аж сківіцы вішчаць” [2, 134].

Заклучэнне-вывад казкі “*Не вер ачом*” складаецца з некалькіх праказак-павучэнняў: “*Бо ведама, калі свет захоча, та й разумнага здурцыць. Не то дурань, каго завуць дурнем, а то дурань, хто чужым розумам жыве. Бо й праўду казалі старыя людзі: людзей слухай, а свой розум май і ні на кога не ўважай*” [2, 116].

Прыказка-загаловак у аналізаваных апавяданнях з’яўляецца таксама паўторам-лейтматывам, які рухае сюжэт, паступава канкрэтызуючыся тэкставымі канатацыямі (прырашчэннямі сэнсу), пераконвае слухача, што народ не выпадкова зрабіў такое абагульненне. Напрыклад, заглавак-прымаўку “*Не вер каню ў дарозе, а жонцы дома*” герой апавядання *Семко* першы раз чуе, калі кабыла кінула яго ў дарозе з возам, а сама пабегла за жарабцом: пацвердзілася першая частка прыказкі “*Не вер каню ў дарозе...*”

Другі раз прыказку чуе *Семко*, калі пасля гэтага здарэння мужчыны жартуюць з яго: “*Вось так, не вер, Семко, каню ў дарозе, а жонцы дома*”, асабліва падкрэсліваюць другую частку прыказкі і смяюцца, што і насцярожвае героя апавядання: ён вырашае пасачыць за жонкай дома.

Трэці раз прымаўку паўтарае ўжо сам *Семко* ў канцы апавядання, калі ўпэўніваецца ў здрадзе жонкі: “*І праўда, не вер каню ў дарозе, а жонцы дома*”.

Па сутнасці, адбываецца этымалагізацыя ўстойлівай узаўяляльнай адзінкі – прыказкі, якая фармулюе тэму твора, а сюжэт развіваецца на аснове вядомага казачніка (апавядальніка) мясцовага матэрыялу. Апрача гэтага, прыказка стварае цэласнасць, звязнасць тэксту, выражае павучэнне-перасцярогу ў канцоўцы твора.

Функцыянальны аналіз прыказак (прымавак) у беларускіх народных апавяданнях, запісаных А. К. Сержпутоўскім, паказвае, што апавяданні гэтыя высокамастацкія творы, у іх выяўляецца творчая індывідуальнасць казачніка, яго ўменне стварыць тэкст на аснове абагульненага зместу прыказкі (прымаўкі).

Праведзены аналіз дазваляе сцвярджаць, што:

1. У тэкстах ужыты не толькі фальклорныя (у прыватнасці, уласна казачныя), а і фразеалагічныя адзінкі іншых семантыка-стылістычных груп, а іменна – агульнанародная фразеалогія.

2. Агульнанародныя фраземы ў тэкстах казак ужыты для апісання герояў, абставін, выражэння суб’ектыўна-ацэначных адносін казачніка да апісваемых з’яў.

3. Уласна казачная фразеалогія характэрна для тэкстаў чарадзейных казак і ўяўляе сабой устойлівыя слоўныя комплексы (зачыны, канцоўкі, сталыя эпітэты), што і вызначае асаблівасці стылю гэтага жанру.

4. Уведзеныя казачнікамі прыказкі (прымаўкі) шматфункцыянальныя: выяўляюць мадальнасць аўтара-казачніка, яго ролю ў стварэнні цэласнасці,

звязнасці тэксту; з'яўляюцца вобразна-эстэтычнымі сродкамі стварэння іроніі, гумару, павучання.

Літаратура

1. Беларускія народныя казкі / апрац. Алеся Якімовіча. – Мінск: Юнацтва, 1990. – 302 с.
2. Сержпутоўскі, А. К. Казкі і аповяданні беларусаў-палешукоў / А. К. Сержпутоўскі. – Мінск: Універсітэцкае, 1999. – 191 с.
3. Аксамітаў, А. А. Беларуская фразеалогія / А. А. Аксамітаў. – Мінск: Выш. школа, 1978. – 224 с.
4. Ройзензон, Л. Н. О понятии «фольклорная фразеология» / Л. Н. Ройзензон // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц. – Тула, 1968. – С. 78–81.
5. Янкоўскі, М. А. Паэтыка беларускай народнай прозы / М. А. Янкоўскі. – Мінск: Выш. школа, 1983. – 269 с.

У. Дз. Кніга

РЭГІЯНАЛЬНЫ І АГУЛЬНАБЕЛАРУСКІ АСПЕКТЫ ЛЕКСІКІ ЦЯСЛЯРСТВА І СТАЛЯРСТВА МАЗЫРСКА-ПРЫПЯЦКАГА ПАЛЕССЯ

Сёння досыць актуальна стаіць пытанне аб непарыўным развіцці беларускай мовы, яе культурнай ролі, пашырэнні інтарэсу да вывучэння асноўных крыніц яе ўзбагачэння. Гэта праблема ў той ці іншай меры асвятлялася і асвятляецца рознымі навукамі гуманітарнага профілю, але прыярытэт у гэтых адносінах належыць філалогіі, для якой характэрна актыўнае вывучэнне народна-гутарковага маўлення, фальклору – багатых крыніц напаўнення і ўдасканалення сучаснай беларускай літаратурнай мовы.

Сярод дыялектных масіваў у межах Беларусі асобнае месца займае Мазырская-Прыпяцкае Палессе – тэрыторыя са старажытнай і ўстойлівай матэрыяльнай і духоўнай культурай, дзе захаваліся сляды славянскай прарадзімы або прымыкаючай да яе зоны [1].

Палессе як гістарычна-геаграфічная і этнаграфічная тэрыторыя ў басейне ракі Прыпяць вядома з даўніх часоў. Першыя звесткі пра яго зафіксаваны ў Іпацьеўскім летапісе пад 1276 годам. Асобнае месца ў межах Прыпяцкага Палесся ў тэрытарыяльных адносінах займае Мазырская зона, якая па этнічным вызначэнні належыць да беларускага ўсходняга краю [1].

Гэты край здаўна славіцца рэгіянальнай самабытнай культурай і промысламі – цяслярскімі і сталярнымі вырабамі. І гэта невыпадкова,

бо сельскія пасяленні (мнагадворныя вёскі і невялікія пасяленні) размяшчаліся на сядзібных участках па берагах рэк, яроў, балот у наступнай паслядоўнасці: хата – сенцы – стопка – павець – хлеў – адрына [2].

У цяслярскай і сталярнай вытворчасці існавалі шматлікія мясцовыя словы і словаўтваральныя мадэлі, якія істотна дапаўняюць рэгіянальны моўны каларыт мазырскіх гаворак, што вылучаюцца ў асобную дыялектную зону паўднёва-заходняга дыялекту Беларусі [3]. Лексічная сістэма цяслярскага і сталярнага рамёстваў Мазырска-Прыпяцкай зоны Усходняга Палесся ўключае ў сябе некалькі разрадаў:

- лясная рамесніцкая сыравіна;
- назвы драўляных збудаванняў, вырабаў і іх асноўных састаўных частак і элементаў;
- назвы прылад працы для апрацоўкі драўніны;
- назвы асоб, якія ўдзельнічаюць у цяслярскай і сталярнай дзейнасці.

У якасці рамесніцкай сыравіны выкарыстоўваліся шматлікія пароды дрэў, якія служылі асноўным будаўнічым матэрыялам майстроў-саматужнікаў. Гэта *але'ха* (*альха'*, *оле'шына*), *асі'на* (*осі'на*, *осі'ніна*), *бере'за* (*беро'за*, *берэ'за*), *гра'б* (*гра'к*), *ду'б* (*ду'к*), *е'лка* (*елі'на*), *сасна'*, *хво'я*, *я'сень*.

Амаль усе названія намінацыі зафіксаваны ў старажытнарускіх пісьмовых помніках: параўн.: *ольха* [3, т. 2, с. 663], *осина* [3, т. 2, с. 718], *береза* (*брьза*) [3, т. 1, с. 67], *дубь* [3, т. 1, с. 740], *ель* [3, т. 1, с. 825], *сосна* (*сосна*) [3, т. 3, с. 468], *ясень* [3, т. 3, с. 1168], таксама ў старажытнабеларускай: *вольха* (*волха*) [4, вып. 4, с. 169], *береза* (*берэза*) [4, вып. 1, с. 278], *грабь* [4, вып. 7, с. 128], *дубь* [4, вып. 9, с. 96], *ель* [4, вып. 9, с. 204].

Пералічаныя намінацыі лясной рамесніцкай сыравіны не належаць да ліку рэгіянальных (мазырска-прыпяцкіх) лексічных адзінак: яны вядомы носьбітам усёй тэрыторыі Беларусі. Таму ўсе яны з адпаведнымі гукавымі зменамі і ўдасканаленнямі сталі здабыткам сучаснай беларускай літаратурнай мовы, прычым не толькі ў прамым, але і ў пераносным значэннях, напрыклад: *бяро'за* 'лісцёвае дрэва сямейства бярозавых з белай карой; драўніна гэтага дрэва; матэрыял' [5, т. 1, с. 442]; *д'уб* 'высокі моцны або тупы чалавек [5, т. 2, с. 205].

Сярод назваў драўляных загатоўак у даследаваным моўным рэгіёне адрозніваюцца:

неапрацаваныя загатоўкі: *бервяно'* [6, т. 1, с. 53], *дзе'раво* [6, т. 2, с. 15], *ды'ль* 'калода', польск. *dyl*, ням. *diele*; *ба'ля* 'падрыхтаваная да сплаву калода, абчасаная з чатырох бакоў' [6, т. 2, с. 49]; *кало'да*, *крэ'ж* 'калода з крохкай, але цвёрдай драўнінай' [6, т. 2, с. 907, 944]; *хл'ыст* (*хлу'ст*) 'ствол зрэзанага дрэва з неадсечанай вяршыняй, ачышчаны ад

сукоў'; польск. *chlust*; *цурба'н* (*чурба'к*, *чурба'н*) 'кароткая калода; пустазелле без лісцяў; тупы неразумны чалавек' [14, т. 5, с. 244];

першасна апрацаваныя матэрыялы: *апо'лак* (*опі'лок*, *опо'лок*) 'крайняя дошка пасля падоўжанай распілоўкі бяровенняў', *безыме'нка* 'дошка, таўсцейшая за шалёўку' [6, т. 3, с. 260], *дубельча'к* 'брус, абчасаны з чатырох бакоў' [6, т. 2, с. 43], *ты'мбер* (*ты'нбра*, *ты'нбрына*) 'чатырохмятровая абчасаная сасновая калода' [6, т. 5, с. 169]; *шве'ля* 'брус', ням. *bchweller*; *палаві'нка* 'палавіна распілаванага ўздоўж бярвяна' [6, т. 5, с. 234].

Некаторыя з даследаваных намінацый, што абазначаюць неапрацаваныя і першасна апрацаваныя драўляныя загатоўкі, адносяцца да ліку вузкарэгіянальных мазырска-прыпяцкіх лексічных адзінак (*ба'ля*, *безыме'нка*, *дубельча'к*, *ты'мбер*) і, наадварот, бытуюць за межамі разглядаемага рэгіёна: у заходняй частцы паўднёва-заходніх беларускіх гаворак: *кало'да* (*коло'да*, *куло'да*), *опі'лец* (*опо'лок*, *хлу'ст*) [7]; у сярэдне-беларускіх гаворках: *аполкі* [7, с. 15].

Пэўная частка слоў гэтага лексіка-тэматычнага разраду без асаблівых унутраных змен увайшла ў склад сучаснай беларускай літаратурнай мовы з захаваннем першапачатковых значэнняў і пераноснага ўжывання, напрыклад: *цурба'н* 'абрубак дрэва; кароткае бярвяно; тупы, неразумны чалавек' [5, т. 5, с. 254].

У ходзе даследаванняў высветлілася, што адна група слоў гэтага аб'яднання не стала прадуктыўнай у народна-гутарковай мове Мазырска-Прыпяцкага рэгіёна (*дубельча'к*, *ты'мбер*), другая выяўляе роднасныя сувязі сярод іншых часцін мовы:

назоўнікаў: *дзерэўля'нка* 'кавалак дрэва'; *колода'к* 'нож з драўлянай ручкай';

прыметнікаў: *дзерэўля'ны* 'драўляны', *падкало'дны* 'каварны чалавек';

дзеясловаў: *дзеравяне'ць* 'моцна мерзнуць, паміраць';

прыслоўяў: *дзе'равом* 'станавіцца непрытомным'; *кало'дкай* 'без руху';

дзеепрыслоўяў: *адзеравяне'ўшы* 'застылы'.

Даследаваная серыя назваў збудаванняў, вырабаў і іх асноўных частак паказвае на іх даўнюю гісторыю, шырокую лінгвагеаграфію, развітую семантыку, суадносіны з іншымі часцінамі мовамі: *буды'нак* 'жыллё для чалавека'; старабел. *будынокъ* (*будынекъ*) 'памяшканне; тое ж, што і збудаванне' [4, вып. 2, с. 241]; *дамо'ўка* 'будынак; простая чатырохвугольная труна'; *дом* 'будынак; памяшканне разам з гаспадаркай'; старарус. *домъ* 'жыллё, будынак; гаспадарка, дамашняе ўладкаванне; сям'я, дамашнія; маёнтак, маёмасць; храм, царква' [3, т. 1, с. 699]; старабел. *домъ* 'дом, хата, будынак для жылля; сядзіба, сталае месца жыхарства; гаспадарка, установа; сям'я, род' [4, вып. 8, с. 290]; *вало'ўнік* 'валоўня, старабел. *воловня* [4, вып. 4, с. 138]; *кароў'нік* 'хлеў для кароў'; *кату'х*

‘невялікі хлеў для дробнай хатняй жывёлы’; *свіно’шнік* (*свіну’шнік*, *свіню’шнік*) ‘хлеў для свіней’ [8, 321]; *анба’р* ‘памяшканне для складзіравання зерня’, старарус. *онбарь* ‘памяшканне для складзіравання зерневага хлеба’ [3, т. 2, с. 672]; *гумно’* ‘вялікае гаспадарчае памяшканне для захоўвання кармоў, сельскагаспадарчых прылад працы або месца, дзе знаходзіцца хатняя жывёла’, старарус. *гумно’* [3, т. 1, с. 609]; *клу’ня* ‘ток, гумно; непаваротлівая тоўстая жанчына’, літ. *kluonos* ‘ток, гумно’, лат. *kluons* ‘тое ж’ [9, т. 7, с. 180].

Названыя лексічныя адзінкі не адносяцца да ліку лакальных, яны вядомы іншым тэрытарыяльным аб’яднанням Беларусі. Многія з іх без істотных унутрыструктурных змен увайшлі ў састаў сучаснай беларускай літаратурнай мовы, яны захавалі першапачатковыя паняцці або пашырылі іх за кошт пераноснага ўжывання: параўн.: *адры’на* ‘халоднае памяшканне, дзе захоўваецца корм, а таксама сельскагаспадарчыя прылады працы, пуны’ [5, т. 1, с. 174]; *стадола* ‘канюшня на заезным двары; вялікі хлеў; пра вялікае няўтульнае недобраўпарадкаванае памяшканне, жыллё’ [5, т. 5, с. 279].

У народна-размоўным асяроддзі Мазырска-Прыпяцкага Палесся словы гэтай лексіка-тэматычнай групы выяўляюць сувязі з іншымі часцінамі мовы:

назоўнікамі: *адры’нішчэ*, *амба’рышчэ* ‘месца, дзе знаходзілася пабудова; павел. ад адрына, амбар; *буда’н* ‘шалаш’; *домові’на* ‘труна’, *домові’к* ‘дамавы’; *ха’тнішчэ* ‘месца, дзе знаходзілася хата, вялікая хата’;

прыметнікамі: *амба’рны* ‘які адносіцца да амбара’; *адры’нны* ‘які адносіцца да адрыны’; *дама’шні* ‘звязаны з домам’; *ха’тні* ‘які адносіцца да хаты’;

дзеясловамі: *клу’ндзіцца* (*клу’ніцца*) ‘паволі збірацца, марудзіць’; *будова’цца* ‘займацца будаўніцтвам; весці будоўлю’; *домохова’ць* ‘займацца дамашнімі справамі’.

Намінацыі для назваў вырабаў і састаўных частак збудаванняў складаюць: *аблішу’ра* ‘дамашняя аправа вуглоў хаты’; *абса’да* ‘вонкавая аправа вакол дзвярэй’; *шалева’нне* ‘вонкавая, звычайна фігурная аправа вокнаў’ [6, т. 5, с. 319]; *адрашо’тка* ‘дошкі або жардзіны, што кладуцца ўпоперак крокваў’; *дармаве’с* ‘дошка, якая закрывае латы з унутранага боку схілаў даху’ [10]; *запесо’чнік* ‘верхняе бярвяно ў зрубце [10]; *ла’та* (*ла’ціна*) ‘жэрдка для мацавання ўпоперак крокваў; вялікая рыбалоўная сетка; кавалак тканіны’ [10]; *байстру’к* ‘кароткае бярвяно паміж вокнамі; пазашлюбнае дзіця’ [10]; *цунь* (*цунік*) ‘кароткае бярвяно’; цялежка; невысокі чалавек; малое парася’ [10]; *ба’лка* (*ба’лька*) ‘драўляны брус, прымацаваны да дзвюх супрацьлеглых сценаў як апора для насцілу’.

Даследаванне гэтага лексічнага пласта паказала, што паасобныя словы на фоне іншых можна расцэньваць як вузкарэгіянальныя (*аблішура*,

абсада, запесочнік, дармавес). У некаторых з іх выразна выяўляецца матывацыя, напрыклад, з'яўленне назвы *запесочнік* звязана з тым, што на столь хаты слалі мох, а затым сыпалі пясок, каб у ёй было цяплей, а верхняе бервяно зруба не давала яму высыпацца. Што ж да складанага тэрміна *дармавес*, то ён утварыўся са спалучэння прыслоўя *дарма* і дзеяслова *вісець*. Аднак многія словы гэтага аб'яднання выходзяць за межы Мазырска-Прыпяцкага Палесся і пашыраны ў іншых дыялектных зонах Беларусі, напрыклад: у заходнім рэгіёне паўднёва-заходніх гаворак: *лата* 'жэрдка, дошка, што кладзецца ўпоперак крокваў'; *байструк* 'кароткае бервяно паміж вокнамі' [11, с. 121]; ва ўсходняй частцы паўночна-ўсходняга рэгіёна: *байструк* 'пазашлюбнае дзіця' [12, с. 265]; *лата* (*латы, латэ*) 'жэрдка, якую прыбіваюць да крокваў, якой змацоўваюць зверху салому на страсе, або бервяно, якое змацоўвае загарадзь' [13, т. 2, с. 628].

У межах даследаванай тэрыторыі назвы асноўных частак збудаванняў і вырабаў з дрэва аказаліся даволі прадуктыўнымі, бо суадносяцца з рознымі часцінамі мовы:

назоўнікамі: *абрышэ'ціна* 'адна дошка'; *ла'тнік* 'матэрыял для латаў'; *балько'вэ* 'пачастунак для цесляроў; калі кладуць бэльки на зруб';

прыметнікамі: *абрашо'тачны* 'які адносіцца да латаў';

дзеясловамі: *абла'ціць, абрэшэ'ціць* 'прымацаваць дошку ці лату да крокваў'.

Роднасныя сувязі, якія выяўлены ў народна-гутарковым асяроддзі Мазырска-Прыпяцкага Палесся, характэрныя таксама і для нашай нарматыўнай мовы. Пры гэтым сустракаюцца выпадкі, калі семантыка такіх вытворных захавала сваю прыналежнасць да адзначаных рамёстваў, напрыклад, *асадзі'ць* 'умацаваць што-небудзь, на чым-небудзь, надзець на што-небудзь; прымацаваць, устанавіць у аправу, у рамку; аправіць; паставіць асаду ў вокны, дзверы'; у другіх, наадварот, семантыка поўнасьцю асімілявалася ў адносінах да тэрміналагічных значэнняў цяслярскага і сталярнага рамёстваў: *абсадзі'ць* 'насадзіць расліны навокал, па краях чаго-небудзь; перамагчы ў бойцы, паваліць; перамагчы ў спрэчцы, прымусіць замаўчаць' [5, 1].

Досыць разгалінаваная сістэма найменняў, што служыць для абазначэння прылад працы, уключае ў свой састаў: *атбо'рнік* 'рубанак з фігурным лязом [10]; *бара'н* 'двухручны рубанак; авечы самец; рассяяны, неразумны чалавек' [6, т. 1, с. 42], старарус. *бара'нь (борань)* 'авечы самец' [3, т. 1, с. 41]; *ге'блік* 'інструмент для ручнога стругання' [10]; старабел. *ге'бель* 'рубанак' [4, вып. 6, с. 268]; польск. *hebel*, нямец. *hobel* 'тое ж'; *гла'дзік* 'інструмент для найбольш гладкага і якаснага стругання заготовак' [10]; *калё'ўка* 'рубанак для вырабкі паглыбленняў пад шкло' [10];

спу'ст 'вялікі цяслярскі рубанак; насціл для сцякання вады пад пласцінкай вадзяных млыноў' [6, т. 3, с. 91]; *важо'к* 'правес для адбіўкі ліній на калодах і дошках пры іх прадольнай распілоўцы' [10]; *дра'чка* 'паз у бервяне; цяслярскі інструмент, якім працэрчваюць лініі пры падгонцы бервяна да бервяна; сама рыса; прадмет кухоннага ужытку; ручныя жорны; шчэпкі ад вырабкі паза ў бервяне' [16, 107]; *калаўро'т* 'свердзел; прыстасаванне для ручнога вырабу пражы; для падняцця груза [10]; старарус. *коловратъ* 'кругаварот, кругавы рух; інструмент для свідравання' [3, т. 1, с. 1255].

Сярод зафіксаваных тэрмінаў, якія называюць прылады працы, выдзяляюцца рэгіянальныя лексічныя адзінкі, абмежаваныя даследаванай тэрыторыяй Мазырска-Прыпяцкага Палесся: *адбо'рнік* (*атбо'рнік*), *гла'дзік*, *кранта'к*, *важо'к*.

Значную групу складаюць тэрміны, якія не абмяжоўваюцца названай дыялектнай зонай, а ўжываюцца:

у заходнім арэале паўднёва-заходніх гаворак: *баран* 'прыстасаванне для перамоткі пражы' [11, 18]; *гэбель* 'інструмент для стругання' [11, 53]; *кутоўнык* 'від рубанка' [11, 118]; *спуст* 'від рубанка' [11, 214];

ва ўсходняй частцы паўночна-ўсходняга дыялектнага масіву: *гэбель* 'свердзел' [12, 15];

у заходняй частцы: *баран* 'рубанак з дзвюма рукамі' [13, т. 1, с. 168].

Многія з гэтых тэрмінаў паліўнілі слоўнікавы састаў сучаснай беларускай літаратурнай мовы: *баран* [5, т. 1, с. 341], *гэбель* [5, т. 2, с. 102] і інш.

Важна адзначыць, што пры засваенні нарматыўнай мовай дыялектных тэрмінаў у некаторых выпадках адбылося звужэнне дыялектнага семантычнага поля: *драчка* 'металічны інструмент з двума вострымі загнутымі канцамі для падгонкі бяввенняў; месца паміж лініямі. Працэрчанымі гэтым інструментам на бервяне [5, т. 2, с. 198]. Многія словы, што абазначаюць назвы прылад працы ў цяслярскай і сталярнай вытворчасцях, суадносяцца з рознымі часцінамі мовы:

назоўнікамі: *гла'жанка* 'гладка апрацаваная дошка', *дра'чачка* 'памянш. ад драчка';

дзеясловамі: *гэблева'ць* 'стругаць'; *абгэблева'ць* 'пастругаць'.

Назоўнікі са значэннем асобы ў цяслярным і сталярным рамёствах займаюць пэўнае месца ў аналізуемым лексіка-семантычным разрадзе і па сваім значэнні даволі разнастайныя. Так, намі былі выяўлены: *цесля'р*, *пло'тнік*, *сто'ляр* 'рабочы, які займаецца апрацоўкай драўніны, узвядзеннем драўляных будынкаў, вырабам простаі драўлянай мэблі'. У народных гаворках зазначаныя найменні монасемантычныя. Частотнасць іх ужывання залежыць ад узросту носьбітаў. На гэта ўказвае К. М. Панюціч, адзначаючы, што лексіка-семантычныя працэсы, што

адбываюцца ў народных гаворках, звязаны з узроставай дыферэнцыяцыяй носьбітаў гаворкі [14, 112]. Таму прадстаўнікі старэйшага пакалення звычайна выкарыстоўваюць словы *цесляр*, *столяр*, а малодшага – *плотнік*. Дадзеныя намінацыі шырока вядомы за межамі Мазырска-Прыпяцкага Палесся і кадыфікаваны сучаснай беларускай літаратурнай мовай.

Такім чынам, вывучэнне жывой народнай мовы беларускага народа і выяўленне яе адметных асаблівасцей на фоне іншых славянскіх і неславянскіх моў паказала сваю даўнюю гісторыю. Захаванне ў Палескім рэгіёне старажытных намінацый аналізуемага тэматычнага аб'яднання – адзін з яркіх прыкладаў традыцыйнай моўнай культуры палешукоў. На прыкладзе даследаванай рамесніцкай тэрміналогіі высвятляюцца заканамернасці развіцця нарматыўнай мовы.

Літаратура

1. Живописная Россия. – СПб.; М., 1882. – Т. 3. – 496 с.
2. Этнаграфія Беларусі: энцыклапедыя. – Мінск: БелСЭ, 1989. – 575 с.
3. Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. / И. И. Срезневский. – М., 1989. – 3 т.
4. Гістарычны слоўнік беларускай мовы: у 28 вып. / рэдкал.: А. М. Булыка (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Навука і тэхніка: Беларус. навука, 1982–2008. – Вып. 1. – 1982. – 296 с.; Вып. 2. – 1983. – 320 с.; Вып. 4. – 1984. – 296 с.; Вып. 7. – 1986. – 304 с.; Вып. 8. – 1987. – 312 с.; Вып. 9. – 1989. – 296 с.
5. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. / пад агул. рэд. К. К. Атраховіча (К. Крапівы). – Мінск: БелСЭ, 1977–1984. – 5 т.
6. Тураўскі слоўнік: у 5 т. / Акад. навук БССР, І-т мовазнаўства; склад.: А. А. Крывіцкі, Г. А. Цыхун, І. Я. Яшкін. – Мінск: Навука і тэхніка, 1982–1987. – 5 т.
7. Матэрыялы для слоўніка мінска-маладзечанскіх гаворак / пад рэд. М. А. Жыдовіч. – Мінск: Выд-ва БДУ, 1977. – Вып. 3. – 144 с.
8. Янкова, Т. С. Дыялектны слоўнік Лоеўшчыны / Т. С. Янкова. – Мінск: Навука і тэхніка, 1982. – 432 с.
9. Словарь русского языка XI–XVII вв. / Рос. акад. наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова, гл. ред. Г. А. Богатова. – М.: Наука, 1975–2000. – Вып. 1–24.
10. Уласныя назіранні.
11. Дыялектны слоўнік Брэстчыны / склад. М. М. Аляхновіч [і інш.]. – Мінск: Навука і тэхніка, 1989. – 294 с.
12. Насовіч, І. І. Слоўнік беларускай мовы / І. І. Насовіч. – Мінск: БелСЭ, 1983. – 756 с.
13. Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча: у 5 т. – Мінск: Навука і тэхніка, 1979–1986. – 5 т.
14. Панюціч, К. М. Лексіка народных гаворак / К. М. Панюціч. – Мінск: Выш. школа, 1976. – 128 с.

Г. У. Кузьменка

АЙКОНІМЫ-КАМПАЗІТЫ, МАТЫВАВАНЫЯ АПЕЛЯТЫВАМІ, ШТО ІДЭНТЫФІКУЮЦЬ ТЫПЫ ПАСЕЛІШЧАЎ І ЖЫЛЛЯ ЧАЛАВЕКА

Аб'ектам нашага аналізу з'яўляюцца сучасныя і рэтраспектыўныя (зніклыя ў прасторы і часе) айконімы-кампазіты, матываваныя апелятывамі, што ідэнтыфікуюць тыпы паселішчаў і жылля чалавека. Вывучэнне іх з'яўляецца важным, таму што з цягам часу некаторыя тыпы паселішчаў і жылля знікаюць, што абумоўлена рознымі экстралінгвістычнымі фактарамі (ссяленне хутароў у больш буйныя паселішчы (вёскі), далучэнне некаторых сёл, слабод да гарадоў у выніку працэсу ўрбанізацыі, пераўтварэнне буйных паводле колькасці і занятасці насельніцтва сёл у аграгарадкі і інш.), а складаныя айконімы захаваліся і даюць магчымасць даведацца аб былых паселішчах чалавека і яго жыллі на тэрыторыі Беларусі як у сінхраніі, так і ў дыяхраніі.

Усходнеславянскія айконімы, матываваныя апелятыўнымі назвамі тыпаў паселішчаў і іх формаў, дэтальна прааналізаваны на лексіка-семантычным узроўні В. П. Лемцюговай [1], агульныя назвы тыпаў паселішчаў і жылля разгледжаны В. В. Шурам [2], класіфікацыя паселішчаў зроблена М. Вітавым [3], ідэнтэчныя тапанімічныя адзіночкі часткова апісаны на розных узроўнях М. Я. Грынблатам [4], В. М. Емяльяновіч [5], Г. А. Івановай [6]. Разгляду складаных айконімаў, матываваных апелятывамі, што абазначаюць тыпы паселішчаў і жылля, часткова прысвечаны наш артыкул [7]. Дэтальнае вывучэнне адзначаных онімаў адсутнічае ў беларускім мовазнаўстве. У артыкуле ставім на мэце комплексны аналіз айконімаў-кампазітаў дадзенай лексіка-семантычнай групы.

Намі выяўлена каля 100 такіх адзінак, што складае значную лексіка-семантычную групу: *Асадым** (тут і далей сімвалам-зорачкай пазначаны зніклыя онімы), *Буда-Кашалёва*, *Буда-Сафіеўка*, *Воля-Крупіцы*, *Дабравольск*, *Двор-Гарадзішча**, *Двор-Савічы*, *Засценак-Зубялёвічы*, *Кацянібург*, *Клентанбург*, *Краснаселле* (2) (тут і далей лічбай указваецца колькасць ідэнтыфікуючых аб'ектаў), *Латкалонія*, *Навадвор* (2), *Навасады*, *Навасёлак*, *Навасёлкі* (125), *Наваселле* (17), *Пасека-Слабодка*, *Пяціхаткі**, *Рагаселле*, *Салігорск*, *Светласельскі*, *Святаволя*, *Слабада-Багушоўка*, *Стараволя*, *Старадворышча*, *Стараселле* (29), *Старасельскі*, *Трохдворка**, *Хутар-Барок* і інш.

Як паказвае наш аналіз, умовы ўзнікнення гэтых складаных айконімаў розныя, але апорны (часцей постпазіцыйны) кампанент іх матываваны пераважна апелятывамі ўсходнеславянскага і агульнаславянскага паходжання: *асады*, *воля*, *горады*, *дворы*, *домы*, *засценак*, *калонія*, *слабады*, *сялы*, *хаты*, *хутары*, што ў структуры кампазітаў выступаюць ў розным граматычным афармленні.

Спарадычна – іншамоўнымі: *бург* (ням. *Burg* ‘крэпасць, умацаваны замак’). Некаторыя з іх у сучаснай беларускай мове са значэннем ‘тып паселішча’ – *асад, воля, двор, засценак, слабада* архаізаваліся, хаця некалі ўваходзілі ў актыўны ўжытак. Апелятывы *сяло, хутар* знаходзяцца на стадыі пераходу ў архаічны клас лексікі. Таму семантычная сувязь айконімаў-кампазітаў з гэтай групай лексікі (агульнымі назвамі тыпаў паселішча і жылля чалавека) устанаўліваецца на аснове дыяхранічнага аналізу. Падрабязна разгледзім складаныя айконімы, што матываваны апелятывамі *сяло, слабада, воля, двор і горад*. Акрэсленыя апелятывы з’яўляюцца найбольш прадуктыўнымі ў працэсе іх утварэння.

Паводле граматычнай і родавай прыналежнасці амаль усе айконімы-кампазіты дадзенай групы з’яўляюцца назоўнікамі мужчынскага (*Навадвор* (2)), жаночага (*Стараволя*) і ніякага (*Дабраволле**) родаў, радзей – назоўнікамі-субстантыватамі мужчынскага (*Старасельскі*) і ніякага (*Навасёлава*).

Найбольшая частка складаных айконімаў вылучанай групы матывавана апелятывам *сяло*. Намі выяўлена 16 такіх адзінак, што ідэнтыфікуюць 186 аб’ектаў: *Наваселле* (17), *Навасёлкі* (125), *Пустаселле*, *Светласельскі*, *Стараселле* (29) і інш. І гэта з’яўляецца заканамернай з’явай у працэсе іх намінацыі, таму што ў Беларусі доўгі час самым пашыраным тыпам паселішча чалавека з’яўлялася сяло. Значны ўплыў на развіццё сяла, як вядома, аказала зямельная рэформа (1557 г.), згодна з якой адзінкай феадальнай павіннасці замест службы (двор або некалькі двароў) стала паселішча. Населеныя пункты пачалі адрознівацца не па тыпах і формах, а па відах павіннасцей. У выніку з’явіліся “сёлы цягляы”, “сёлы асадныя”, “сёлы дворныя” і інш., непасрэдна звязаныя з земляробствам, што прывяло да знікнення ў заходнебеларускіх рэгіёнах тэрміна “дзярэўня” і ўсталявання тэрміна “сяло” [8, 488]. З другой палавіны XVII ст. за *сялом* замацаваліся асноўныя значэнні: ‘вясковае паселішча з царквой’ або ‘буйны населены пункт у адрозненне ад вёскі’, ‘уладальніцкае паселішча’, што захаваліся і да нашых дзён [1, 17–24].

Апелятыў *сяло* полісемантычны і сустракаецца ва ўсіх славянскіх мовах. Гэту лексічную адзінку, як сведчаць даследчыкі, фіксуюць самыя раннія летапісы. У X ст. – ‘княжацкі загарадны маёнтак з дваром і чэляддзю’. У XV–XVI стст. яе семантыка змянілася на ‘паселішча з феадальным дваром’ [1, 20]. Сучасная семантыка гэтага апелятыва – ‘вялікая вёска, гаспадарчы і адміністрацыйны цэнтр для навакольных паселішчаў’, у дарэвалюцыйнай Расіі – ‘паселішча з царквой’, ‘любый населены пункт негарадскога тыпу’ [9, т. 5, с. 447]. На сучасным этапе развіцця мовы апелятыў *сяло* набыў новую дадатковую семантыку – ‘цэнтральная частка вёскі’.

Структурна такія адзінкі аформлены неадналькава. Пэўная колькасць з іх пабудавана па тыпу “прыметнік + назоўнік” з падпарадкавальнай сувяззю

і з дапамогай фармантаў (-ава, -ак, -е, -і, -кі, -ко, -скі): *Краснасельскі**, *Навасёлак*, *Стараселле* і інш. Прэпанентныя асновы, выражаныя атрыбутывамі, у такіх адзінках звычайна выконваюць не толькі дыферэнцыруючую функцыю, але і ўтрымліваюць пэўную інфармацыю пра сяло як тып паселішча, ідэнтыфікуюць яго сацыяльна-эканамічны статус у пэўным перыядзе, паказваюць яго месца ў структуры земляробчага комплексу і г. д. Большасць такіх айконімаў утворана пры дапамозе біпалярных атрыбутываў або тапанімічных эпітэтаў *новы – стары*. Яны часткова адлюстроўваюць адносную храналогію ўзнікнення гэтых паселішчаў. Аднак матывацыя іх можа быць рознай у залежнасці ад таго, што ўладальнік хацеў падкрэсліць: “гэта – паселішча новае” або “гэта – паселішча на месцы папярэдняга сяла” [1, 21]: *Наваселле*, *Стараселле* і інш. Як сведчаць даследчыкі, у XIV–XVII стст. “у выніку зьднення лясной глебы сёлы сістэматычна пераўтвараліся ў пусташы, якія праз некаторы час, як правіла, засяляліся паўторна” [1, 40]: *Пустаселле* і інш. Сустракаюцца онімы з азначальнымі прэпанентамі або з тапанімічнымі эпітэтамі *красны*, які мае семантыку ‘прыгожае, маляўнічае месца’ – *Краснасельскі* і інш.; *крывы* ‘месцазнаходжанне паселішча няроўнай формы’ – *Крываселле** і інш.; *светлы* ‘новае жыццё’: *Светласельскі* і інш. У Віцебскай вобласці выяўлены айконім з антрапанімнай прэпанентнай асновай – *Янаселле*. Спарадычна сустракаюцца складаныя айконімы, утвораныя па тыпе “назоўнік + прыдатак” – *Сялко-Людзяневічы**.

Асноўная частка такіх айконімаў-кампазітаў лакалізавана ва ўсіх рэгіёнах Беларусі, аднак найбольш на тэрыторыі Віцебшчыны і Гродзеншчыны, найменш – на Гомельшчыне.

Пэўная колькасць айконімаў-кампазітаў матывавана апелятывамі *слабада*, *воля*. Намі зафіксавана 19 такіх адзінак, што ідэнтыфікуюць 20 аб’ектаў – *Дабраволя*, *Дабравольшчына*, *Стараволя* (2), *Слабада-Багушоўка*, *Слабада-Кучынка* і інш.

Слабада, воля – сялянскія паселішчы XIV–XVII стст., што карысталіся ільготнымі павіннасцямі. *Слабада* – *гіст.* ‘пасёлак або гарадскі квартал у Расіі, на Беларусі і Украіне ў XI–XVIII стст., жыхары якога не былі прыгоннымі або часова вызваліліся ад падаткаў і іншых павіннасцей’, ‘вялікае гандлёвае або прамысловае сяло, пасёлак, адасобленая частка вялікага сяла’ [9, т. 5, с. 194]. *Воля* – *гіст.* ‘вызваленне ад прыгоннай залежнасці або ад выканання розных павіннасцей’ [10, вып. 4, с. 175]. Неабходна звярнуць увагу на тое, што спачатку слабоды, волі ўзнікалі на свабодных, нерасчышчаных ад дрэў, хмызняку тэрыторыях. Сяляне, што “садзіліся” на іх, на працягу пэўнага часу карысталіся адчувальнымі прывілеямі, вольнасцямі: часовым вызваленнем ад выплаты падаткаў (ад 2 да 12 гадоў) з прычыны неўрадлівасці зямель, якія яны адмаўляліся апрацоўваць [8, 465]. Адсюль і паходзіць семантыка апорнага кампанента гэтых айконімаў-кампазітаў. Пазней пад уплывам розных экстралінгвістычных

фактараў слабоды, як правіла, зліліся з гарадамі (назвы захаваліся часткова ва ўрбанонімах) або трансфармаваліся ў звычайныя вясковыя паселішчы і захаваліся ў камонімах, у прыватнасці, у камонімах-кампазітах: *Слабада-Сасноўка*, *Спас-Слабада** і інш. Сёння гэтыя апелятывы набылі новыя дадатковыя значэнні і сэнсавыя адценні: *воля* – ‘свядомае і мэтанакіраванае рэгуляванне чалавекам сваёй дзейнасці’, ‘жаданне, патрабаванне’, ‘улада, права’, ‘свабода, незалежнасць’, ‘становішча, пры якім жыццё чалавека, жывёл, птушак не абмежавана ўмовамі зняволення’, ‘прастор, прыволле, раздолле’ [9, т. 1, с. 505]; *свабода* – ‘магчымасць ажыццяўлення чалавекам сваіх мэт і імкненняў на аснове пазнання законаў развіцця прыроды і грамадства’, ‘дзяржаўная незалежнасць, суверэнітэт’, ‘магчымасць дзейнічаць у якой-н. галіне бесперашкодна, без абмежаванняў, забароны’, ‘асабістая незалежнасць, самастойнасць; адсутнасць залежнасці ад каго-, чаго-н.’ [9, т. 5, с. 80].

Структурна такія складаныя айконімы аформлены па-рознаму. Пэўная колькасць з іх пабудавана па тыпе “прыметнік + назоўнік” з падпарадкавальнай сувяззю як з дапамогай фармантаў (-е, -ск, -шча, -шчына), так і без іх: *Дабраволле**, *Дабравольск*, *Дабравольшча*, *Дабравольшчына*; *Воля-Крупіцы*, *Слабада-Межна* і інш. Прэпанентнай асновай з’яўляюцца тапанімічныя эпітэты *добры*, *красны*, *святы*, *ціхі*, што характарызуюць аб’ект са станоўчага боку – *Дабраволя*, *Краснаволле*, *Святаволя*, *Ціхаволя*, і *стары*, што ўказвае на адносны час узнікнення паселішча – *Стараволя* і інш. Частка айконімаў-кампазітаў аформлена па тыпе “назоўнік + назоўнік” са спалучальнай сувяззю – *Большы-Волька**, *Пасека-Слабодка* і інш.

Складаныя айконімы, матываваныя апелятывам *слабада*, вызначаюцца пашыранасцю ў паўночна-ўсходніх і цэнтральных рэгіёнах Беларусі (Віцебшчына і Міншчына), спарадычна сустракаюцца ў паўднёва-ўсходніх рэгіёнах (Гомельшчына і Магілёўшчына). У заходніх рэгіёнах, пераважна на Брэстчыне, якая найбольш за іншыя рэгіёны Беларусі знаходзілася ў сферы ўплыву польскай мовы, і таксама на Гродзеншчыне, ім адпавядаюць у большасці шматлікія *волі* (*волькі*) або паланізаваныя *вулі* (*вулькі*).

Частка айконімаў-кампазітаў матывавана апелятывам *двор* (16 адзінак, што ідэнтыфікуюць 18 аб’ектаў): *Азаркі-Дворышча*, *Двор-Гарадзішча**, *Двор-Глуша*, *Двор-Пярэсіка*, *Навадворышчына* і інш. Двор з’яўляецца старажытным тыпам паселішча. У мінулым семантыка апелятыва *двор* – ‘маёнтак, сядзіба, фальварак, хутар’ [10, вып. 7, с. 287]. У феадальны перыяд *двор* – ‘асобная гаспадарка, якая абкладалася падаткамі і павіннасцямі’. У XVII–XVIII стст. былі таксама загарадныя “паляўнічыя” двары магнатаў з жыллём для гасцей і егераў, стайнямі, псярнямі і інш. [8, 168]. Сёння гэты апелятыў набыў некалькі дадатковых значэнняў: ‘участак зямлі пры доме, хаце, прадпрыемстве, абгароджаны плотам ці сценамі будынкаў’, ‘сялянскі дом, хата з усімі гаспадарчымі пабудовамі; асобная сялянская гаспадарка’,

‘цэнтр сельскагаспадарчага прадпрыемства’ [9, т. 2, с. 159]. Падрабязнае апісанне паходжання айконімаў, матываваных апелятывам *двор*, зроблена В. П. Лемцюговай [11, 148–151].

Структурна такія адзінкі аформлены неадналькава. Пэўная колькасць з іх пабудавана па тыпе “прыметнік + назоўнік” з падпарадкавальнай сувязцю як з дапамогай фармантаў (-е, -ка, -кі, -шчына, -шчыца), так і без іх: *Навадвор’е*, *Навадворкі*, *Навадворшчына*, *Старадворышчыца*, *Трохдворка** і інш. У большасці з іх прэпанентнай асновай з’яўляюцца біпалярныя тапанімічныя эпітэты *новы* і *стары*, што ўказваюць на адносны час узнікнення паселішчаў: *Навадвор*, *Навадвор’е*, *Старадворы** і інш. Спарадычна выкарыстоўваецца нумератыў, што ўказвае на колькасць сядзіб у дадзеным паселішчы: *Пяцідворка** і інш. Некаторыя кампазіты ў структуры маюць прыдатак-камонім, што знаходзіцца ў постпазіцыі і ідэнтыфікуе назву суседняга паселішча: *Двор-Астрагляды**, *Двор-Гарбацэвічы*, *Двор-Глухавічы** і інш.

Лакалізаваны такія айконімы-кампазіты ў цэнтральным і паўднёва-ўсходнім рэгіёнах Беларусі, у асноўным на тэрыторыі Міншчыны, часткова на Гомельшчыне і Магілёўшчыне, што абумоўлена іх гістарычным развіццём. У паўночна-ўсходнім, паўночна-заходнім і паўднёва-заходнім рэгіёнах Беларусі такія адзінкі адсутнічаюць.

Пэўную колькасць (15 адзінак, што абазначаюць 15 аб’ектаў) складаюць айконімы-кампазіты, матываваныя апелятывам *горад*, што ідэнтыфікуе паселішча гарадскога тыпу (горад, пасёлак): *Асінагарадок*, *Гарадок-Возера**, *Давыд-Гарадок*, *Слаўгарад*, *Станіслаўград* і інш. У старажытных тэкстах *гарадок* адзначаецца, як канстатуюць даследчыкі, пачынаючы з IX ст. у якасці назваў невялікіх умацаванняў або дробных умацаваных паселішчаў (пасёлкаў-гарадоў), а *горад* пазней – на рубяжы XI–XII стст. [12, 48]. Сучасная семантыка лексемы *горад* – ‘вялікі населены пункт, які з’яўляецца прамысловым, гандлёвым, культурным і адміністрацыйна-палітычным цэнтрам прылеглага раёна, вобласці, краіны’ [8, 155].

Некаторыя айконімы-кампазіты з’яўляюцца сведкамі месцазнаходжання старажытных гарадоў, гарадзішчаў ‘месцаў, дзе некалі існавалі гарады’: *Мілаград*, *Стараград* і інш.

Структурна гэтыя складаныя айконімы аформлены па-рознаму. Пэўная частка іх пабудавана па тыпе “прыметнік + назоўнік” з падпарадкавальнай сувязцю як з дапамогай фармантаў (-ак, -ок, -ск), так і без іх: *Навагрудак*, *Кажан-Гарадок*, *Светлагорск* і інш.; *Слаўгарад*, *Станіслаўград* і інш. Прэпанентнай асновай з’яўляюцца пераважна тапанімічныя эпітэты *красны*, *мілы*, *слаўны*, *светлы*, што характарызуюць аб’ект са станоўчага боку – *Краснагорск*, *Мілаград*, *Светлагорск*, *Слаўгарад*; *новы*, *стары*, што ўказваюць на адносны час узнікнення паселішча – *Навагрудак*, *Стараград* і інш. Частка айконімаў-кампазітаў аформлена па

тыпе “назоўнік + назоўнік” са спалучальнай сувяззю – *Гарадок-Возера**, *Давыд-Гарадок*, *Мікуль-Гарадок* і інш.

Складаныя айконімы, матываваныя апелятывам *горад*, лакалізаваны амаль раўнамерна на тэрыторыі ўсіх рэгіёнаў Беларусі.

Такім чынам, вылучаная лексіка-семантычная група айконімаў-кампазітаў уяўляе ўстойлівую сукупнасць онімаў, што склалася на працягу некалькіх стагоддзяў і данесла да нашага часу звесткі аб такіх тыпах паселішчаў і жылля чалавека, як *воля*, *горад*, *двор*, *сяло*, *слабада*. Гэтыя тыпы паселішчаў функцыянавалі на тэрыторыі Беларусі ў розных храналагічных перыяды жыцця. Сёння яны набылі статус рэліктавай з’явы, а апелятывы *воля*, *двор*, *слабада* з першасным іх значэннем перайшлі ў клас архаізмаў. Апелятыў *сяло* знаходзіцца на стадыі такога пераходу. У сучасны перыяд усе гэтыя апелятывы пашырылі сваю структуру новымі значэннямі і сэнсавымі адценнямі, што абумоўлена развіццём грамадства, дзейнасцю чалавека і яго свядомасцю.

Літаратура

1. Лемтюгова, В. П. Восточнославянская ойконимия апеллятивного происхождения. Названия типов поселений / В. П. Лемтюгова. – Минск: Наука и техника, 1983. – 198 с.
2. Шур, В. В. Беларускія ўласныя імёны: бел. антрапаніміка і тапаніміка: дапам. для настаўнікаў / В. В. Шур. – Мінск: Маст. літ., 1998. – С. 166–182.
3. Витов, М. О классификации поселений / М. Витов // Советская этнография. – 1953. – № 3. – С. 36.
4. Грынблат, М. Я. Тапанімічныя сведчанні саслоўна-класавага падзелу насельніцтва Беларусі ў феадальную і капіталістычную эпохі / М. Я. Грынблат // Пытанні беларускай тапанімікі: матэрыялы Першай бел. тапан. канф., Мінск, 1–3 снеж. 1967 г. / Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа АН БССР, Бел. дзярж. ун-т, Беларус. геаграф. тав-ва СССР, бел. адзел; пад агул. рэд. М. В. Бірылы, В. А. Жучкевіча, П. П. Шубы. – Мінск: Вышэйшая школа, 1970. – С. 64–70.
5. Емельяновіч, В. М. Назвы тыпаў пасяленняў Пружаншчыны / В. М. Емельяновіч // Рэгіянальныя асаблівасці ўсходнеславянскіх моў: тэзісы дакл. і паведам. рэсп. навук.-практ. канф., Гомель, 26–27 кастрыч. 1990 г. / Гомельскі дзярж. ун-т імя Ф. Скарыны, Мазырскі дзярж. пед. ін-т імя Н. К. Крупскай; рэдкал. У. В. Анічэнка [і інш.]. – Гомель, 1990. – С. 41–43.
6. Иванова, А. А. Древние поселения по данным современной микротопонимии / А. А. Иванова // Рэгіянальныя асаблівасці ўсходнеславянскіх моў: тэзісы дакл. і паведам. рэсп. навук.-практ. канф., Гомель, 26–27 кастрыч. 1990 г. / Гомельскі дзярж. ун-т імя Ф. Скарыны, Мазырскі дзярж. пед. ін-т імя Н. К. Крупскай; рэдкал.: У. В. Анічэнка [і інш.]. – Гомель, 1990. – С. 45–47.
7. Кузьменка, Г. У. Айконімы-кампазіты, матываваныя апелятывамі, што ідэнтыфікуюць аб’екты, звязаныя з антрапагеннай дзейнасцю / Г. У. Кузьменка // Граматычны лад беларускай мовы. Шляхі гістарычнага развіцця і сучасныя тэндэнцыі: матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 29–30 кастрыч. 2007 г.; Ін-т мовазнаўства імя Якуба Коласа НАН Беларусі / навук. рэд. А. А. Лукашанец. – Мінск: Права і эканоміка, 2007. – С. 271–280.

8. Этнаграфія Беларусі: энцыкл. / рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БелСЭ, 1989. – 575 с.
9. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. / пад агул. рэд. К. К. Атраховіча (Кандрата Крапівы). – Мінск: БелСЭ імя П. Броўкі, 1977–1978, 1982. – Т. 1, 2, 5.
10. Гістарычны слоўнік беларускай мовы. – Мінск: Навука і тэхніка, 1984–1986. – Вып. 4, 7.
11. Лемцюгова, В. П. Тапонімы распавядаюць: навукова-папулярныя эцюды / В. П. Лемцюгова. – Мінск: Літаратура і искусство, 2008. – 416 с.
12. Лемцюгова, В. П. Аб адной разнавіднасці апелятыўных тапаасноў (на матэрыяле Брэстчыны) / В. П. Лемцюгова // Бел. анамастыка. – 1985. – С. 38–51.

В. В. Кузьмич

КОНЦЕПТОСФЕРА ПРОИЗВЕДЕНИЙ Е. А. ЕВТУШЕНКО

В. А. Маслова дает следующее определение концепта: «Это семантическое образование, отмеченное лингвокультурной спецификой и тем или иным образом характеризующее носителей определенной этнокультуры. Но в то же время – это некий квант знания, отражающий содержание всей человеческой деятельности» [1, 36]. Концепт, опосредованно возникая из значения слова, является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека.

Согласно лингвисту С. А. Аскольдову, художественные концепты заключают в себе «неопределенность возможностей». Их заместительные способности связаны не с потенциальным соответствием реальной действительности или законам логики. Концепты этого типа подчиняются особой прагматике «художественной ассоциативности». Художественные концепты образны, символичны, поскольку то, «что они означают, больше данного в них содержания и находится за их пределами» [2, 91]. В статье С. А. Аскольдова на разных уровнях варьируется одна и та же мысль: концепт символичен, динамичен, потенциален. Порожденные создателем, концепты растут, развиваются, отторгаются, искажаются в восприятии. Возникающие цепочки «своих» и «чужих» концептов имеют контекстуальный смысл. Аскольдов подчеркивает, что «иногда цепь этих образов направлена совсем не туда, куда влек бы их обыкновенный смысл слов и их синтаксическая связь» [2, 92]. Сцепление концептов порождает новый смысл, превосходящий смысл каждого элемента, взятого по отдельности. Концепт существует в определенной «идеосфере», обусловленной кругом ассоциаций каждого отдельного человека, и возникает как намек на возможные значения, как отклик на предшествующий языковой опыт человека в целом – поэтический, прозаический, научный,

социальный, исторический. Наибольший интерес представляют концепты, которые понимаются как структурные единицы человеческого сознания, хранящие совокупность знаний человека о тех или иных явлениях окружающего мира, и являются частью национальной культуры.

Важнейшей функцией концепта является функция «замещения». По аналогии следует упомянуть идею М. М. Бахтина о возможности раскрытия одного смысла только в процессе диалога с другим, изоморфным ему. Каждый концепт определяется его составляющими, которые могут быть как гомогенными, так и гетерогенными. Достаточно однородным по своему составу является гносеологический концепт, а концепт художественный строится по ассоциации и этим определяется неоднородность его компонентов.

Концепт существует в определенной «идеосфере», обусловленной кругом ассоциаций каждого отдельного человека, и возникает как намек на возможные значения, как отклик на предшествующий языковой опыт человека в целом – поэтический, прозаический, научный, социальный, исторический.

Смысловые составляющие художественного концепта эксплицируются в тексте посредством языка. Процесс постижения смысла, безусловно, есть процесс языковой. Без языка невозможна ни дешифровка смыслов, ни их стабилизация, ни их трансляция.

Согласно С. А. Аскольдову, «к концептам познания не примешиваются чувства, желания, вообще иррациональное. Художественный концепт чаще всего есть комплекс того и другого, то есть сочетание понятий, представлений, чувств, эмоций, иногда даже волевых проявлений. Метафорический концепт принадлежит индивидуальному сознанию, в отличие от концептов познания, которые по своей природе являются «общностями» [2, 274]. Художественные концепты С. А. Аскольдов наделяет «неопределенностью возможностей».

В данной статье мы исследуем ключевые для Е. А. Евтушенко концепты *счастье, зависть, застенчивость*.

Объектом рассмотрения являются способы репрезентации концептуальной информации о концептах на лексическом, фразеологическом, ассоциативно-вербальном и текстовом уровнях в поэтических текстах Е. А. Евтушенко.

При этом текстовый концепт реконструируется с опорой на полевую структуру, особое же внимание уделяется значению ассоциантов в структуре концепта.

Мы стремились выявить лексические средства репрезентации концептов в произведениях Е. А. Евтушенко, классифицировать их с позиции частотности употребления и частеречной принадлежности, а также

смоделировать текстовые ассоциативно-смысловые поля, включающие лексические экспликативы концептов Е. А. Евтушенко.

Материалом для данной статьи послужили стихотворения Е. А. Евтушенко XX века, репрезентирующие концепты *счастье*, *зависть*, *застенчивость*, а также фразеологические единицы, извлеченные из «Фразеологического словаря русского языка» под ред. А. И. Молоткова [3], «Словаря русских пословиц и поговорок» В. П. Жукова [4] и сборника «Пословицы русского народа» В. И. Даля [5]. Выбор материала обусловлен необходимостью определения широкого круга контекстов, содержащих описание различных средств выражения исследуемых концептов. В ходе работы использованы данные толковых словарей [6], [7], [8].

При анализе концептосферы Е. А. Евтушенко мы использовали метод концептологического анализа, который опирается на методы количественной обработки материала, дефиниционного, компонентного, контекстологического анализа, а также на функционально-семантический метод, заключающийся в определении особенностей семантики слова с учетом выполняемой им роли в авторском тексте.

В современной лингвистике сложилось мнение, что концепты формируют объективные, общепринятые смыслы и субъективные, индивидуальные смыслы, отраженные в авторских текстах.

Рассмотрим, как представлены некоторые из художественных концептов в текстах Е. А. Евтушенко.

Концепт *Счастье*

*Зашумит ли клеверное поле,
заскрипят ли сосны на ветру,
я замру, прислушаюсь и вспомню,
что и я когда-нибудь умру.*

*Но на крыше возле водостока
встанет мальчик с голубем тугим,
и пойму, что умереть – жестоко
и к себе, и, главное, к другим.*

*Чувства жизни нет без чувства смерти.
Мы уйдем не как в песок вода,
но живые, те, что мертвых сменяют,
не заменят мертвых никогда.*

*Кое-что я в жизни этой понял, –
значит, я недаром битым был.*

*Я забыл, казалось, все, что помнил,
но запомнил все, что я забыл.*

*Понял я, что в детстве снег пушистей,
зеленее в юности холмы,
понял я, что в жизни столько жизней,
сколько раз любили в жизни мы.*

*Понял я, что тайно был причастен
к стольким людям сразу всех времен.
Понял я, что человек несчастен,
потому что счастья ищет он.*

*В счастье есть порой такая тупость.
Счастье смотрит пусто и легко.
Горе смотрит, горестно потупясь,
потому и видит глубоко.*

*Счастье – словно взгляд из самолета.
Горе видит землю без прикрас.
В счастье есть предательское что-то –
горе человека не предаст.*

*Счастливым был и я неосторожно,
слава богу – счастье не сбылось.
Я хотел того, что невозможно.
Хорошо, что мне не удалось.*

*Я люблю вас, люди-человеки,
и стремленье к счастью вам прощу.
Я теперь счастливым стал навеки,
потому что счастья не ищу.*

*Мне бы – только клевера сладинку
на губах застывших уберечь.
Мне бы – только малую слабинку –
все-таки совсем не умереть.*

Главная мысль стихотворения – человек несчастен, потому что он постоянно ищет несбыточного. Евтушенко приписывает понятию *счастье* признаки легкости, даже легковесности, эмоциональной тупости, отсутствие глубины и т. д. Легко заметить, что художественный концепт

счастье у Евтушенко выступает как некая противоположность словарному значению. Так, в словаре С. И. Ожегова [7] «счастье» это:

1. *Чувство и состояние полного, высшего удовлетворения. С. созидания. Стремление к счастью. Семейное с. 2. Успех, удача. Во всём с. кому-н. Не бывать бы счастьем, да не~ помогло (посл.). К счастью или по счастью, вводн. сл. выражает удовлетворение по поводу чего-н. На ~ 1) вводн. сл., то же, что к счастью. На моё ~, всё кончилось благополучно; 2) чтобы была удача. Дай руку на ~. Твоё (моё, его и т. д.) ~, что... (разг.) тебе (мне, ему и т. д.) повезло, что... Твоё ~, что всё обошлось благополучно.*

Как видно из приведенного определения, счастье – это нечто хорошее, связанное с радостными событиями в жизни человека. Антонимом к слову «счастье» является понятие *горе*. У Евтушенко горе, наоборот, наделяется положительными коннотациями: *горе смотрит горестно потупясь, потому и видит далеко*. Горе обладает признаками честности («не предаст»), глубиной понимания. Легко видеть, что Евтушенко переиначивает смысловое содержание слова, наделяя его противоположными признаками.

Характерно, что такое понимание счастья близко к народному. В словаре В. П. Жукова (первое издание 1966 год) [4] из 12 паремий, содержащих лексемы «счастье», «счастлив(ый)», уже 5 позволяют двойное толкование: «Счастливым быть – всем досадить», «Гость на порог – счастье в дом», «Не было бы счастья, да несчастье помогло», «Не в деньгах счастье», «Правда хорошо, а счастье лучше».

Концепт *Зависть*

Словарное определение слова «зависть» следующее:

ЗАВИСТЬ | Толковый словарь Ожегова

*Чувство досады, вызванное благополучием, успехом другого. С завистью смотреть на что-н. Из зависти сделать что-н. Черная з. (глубокая и злобная). * На зависть (разг.) – так хорошо (такой хороший), что можно позавидовать. Здоровье у него на зависть.*

ЗАВИСТЬ | Толковый словарь Даля

Свойство того, кто завидует; досада по чужом добре или благе; завидка, завидки; нежеланье добра другому, а одному лишь себе. Зависть прежде нас родилась. Лихоманка да зависть – Иродовы сестры. Где счастье, там и зависть. Завистью ничего не возьмешь (сделаешь). В зависти нет корысти. Злой плачет от зависти, добрый от радости (от жалости). Лучше быть у других в зависти, нежели в кручине (в жалости). Завистный, завистливый, астрах. завищий, завидущий, завидливый, склонный к зависти. Завистный иногда вообще к зависти, соревнованию относящийся; вор., тамб. старательный, ретивый, усердный, ревностный в работе.

Как видно из приведенных определений, зависть – чувство негативное, направленное против лучших человеческих качеств. В семантическое поле слова «зависть» входят понятия *зло*, *досада* и т. д.

Евтушенко переиначивает данный концепт:

Зависть

Завидую я.

*Этого секрета
не раскрывал я раньше никому.
Я знаю, что живет мальчишка где-то,
и очень я завидую ему.*

*Завидую тому,
как он дерется, –
я не был так бесхитростен и смел.*

*Завидую тому,
как он смеется, –
я так смеяться в детстве не умел.
Он вечно ходит в ссадинах и шишках, –
я был всегда причесанней, целей.
Все те места, что пропускал я в книжках,
он не пропустит.*

*Он и тут сильнее.
Он будет честен жесткой прямою,
злу не прощая за его добро,
и там, где я перо бросал:*

*«Не стоит!» –
он скажет:
«Стоит!» – и возьмет перо.*

*Он если не развяжет,
так разрубит,
где я ни развяжу,
ни разрублю.*

*Он, если уж полюбит,
не разлюбит,
а я и люблю,
да разлюблю.*

Я скрою зависть.

*Буду улыбаться.
Я притворюсь, как будто я простак:
«Кому-то же ведь надо ошибаться,
кому-то же ведь надо жить не так».
Но сколько б ни внушал себе я это,
твердя:*

*«Судьба у каждого своя», –
мне не забыть, что есть мальчишка где-то,
что он добьется большего, чем я.*

1955 г.

Год написания стихотворения свидетельствует о крайней молодости автора. Евтушенко вкладывает в концепт **зависть** исключительно положительные коннотации: он завидует смелости, решительности, способности любить, честности. Главная мысль данного стихотворения – каждый человек может стать лучше, если будет развивать в себе свои хорошие стороны. Мальчишка в стихотворении – это сам Евтушенко, который в реальности не обладает такими качествами, какими обладает этот мальчишка. Таким образом, и в этом случае Евтушенко переиначивает смысловое содержание концепта и его коннотативные оттенки.

Концепт Застенчивость

Застенчивость в словарях определяется как «робость в обращении, застенчивое поведение. Притворная застенчивость» [8].

См. также в других словарях:

Застенчивость (стеснительность, робость) – состояние психики и обусловленное им поведение животных и человека, характерными чертами которого являются: нерешительность, боязливость... [9];

застенчивость – см. робость, стыд; стеснительность, дикость, стыдливость, трусость... [10]

У Евтушенко в стихотворении «Застенчивые парни» концепт **застенчивость** полностью травестируется, переиначивается:

Есть новый вид «застенчивых» парней:

стесняются быть чуточку умней,

стесняются быть нежными к любви.

Что нежничать? Легли, так уж легли.

Стесняются друзьям помочь в беде,

стесняются обнять родную мать.

Стараются, чтоб их никто, нигде

не смог на человечности поймать.

Стесняются заметить чью-то ложь,

как на рубашке у эпохи – вошь,

а если начинают сами лгать,

то от смущенья,

надо полагать.

Стесняются быть крошечным холмом,

не то чтобы вершиной:

«Век не тот...»

Стесняются не быть тупым хамлом,

не рассказать пошлейший анекдот.

*Стесняются, чья совесть нечиста,
не быть Иудой, не продать Христа,
стесняются быть сами на кресте –
неловко как-то быть на высоте.
Стесняются карманы не набить,
стесняются мерзавцами не быть,
и с каждым днем становится страшней
среди таких «застенчивых» парней.*

Как известно, особенности стилевой манеры автора, в том числе и в плане репрезентации концептов, можно выявить с помощью травести-рования (пародирования).

В пародии на Е. Евтушенко с красноречивым названием «Я» пародист Владлен Бахнов использует размытость семантики личных местоимений. Евтушенко, как известно, поэт крайне эгоцентричный. В пародии травестируется концепт «Я».

Вот текст этой пародии:

*Я – парус, море я в тумане голубом
Я сам себе белею одиноко.
Я сам себя ищу в стране далекой
И кинул сам себя в краю родном.
Ах, я волна. Играю я с водою,
И, изменяясь десять раз на дню,
Я ветер, гнущий мачту над волною,
И мачта я, и сам себя я гну.
Я разный, я такой многообразный
И, расплываясь в разные края,
Я не бегу от счастья понапрасну,
Поскольку счастье – это тоже я!
Я разный: я струя светлей лазури,
Я солнце, я луч солнца золотой,
Я буря, и прошу я только бури
Аплодисментов.
В этом мой покой!*

В этом пародийном тексте многократно переиначивается семанти-ческое содержание ключевого концепта «Я»: парус, море, ветер, мачта и т. д. В пародии остроумно травестируется концептуальное высказывание Е. Евтушенко: «Я разный, я натруженный и праздный». Кроме того, Евтушенко не раз использовал такой прием, как «влезание в шкуру» другого персонажа. Например, в поэме «Братская ГЭС»: «Я Ньюшка» (работница стройки).

Симультанный смысл текста, который должен быть воспринят реципиентом, представляется следующим: «Поэт Евгений Евтушенко –

чрезмерно эгоцентричен». Данная пародия В. Бахнова выполняет две задачи. Во-первых, это текст, направленный на критику негативных тенденций в творчестве Евтушенко, во-вторых, это художественный портрет идиостиля поэта, в котором легко узнать существенные черты его творчества.

Положительные словарные признаки слова «застенчивость» полностью исчезают в данном контексте. Контекстуальными синонимами к слову «застенчивость» выступают понятия *наглость*, *бесчеловечность*, *ложь*, *хамство*. Рема этого текста – страшно жить среди таких людей: «И с каждым днем становится страшней среди таких “застенчивых” парней». Знак кавычки показывает отношение автора к подобным людям.

Таким образом, проанализировав некоторые из художественных концептов Е. Евтушенко, можно прийти к следующим выводам:

1. Автор переиначивает смысловое ядро концепта, заменяя положительные коннотации отрицательными и наоборот.

2. «Пирамида языка» Е. Евтушенко, наряду с узуальными словами, включает и поэтические новообразования, его индивидуальные концепты, которые создают неординарность не только поэтического, но и публицистического текста.

3. В идиостиле поэта присутствуют индивидуальные концепты разных лексико-грамматических разрядов: особенно частотны существительные с абстрактным значением.

4. Е. Евтушенко умело использует потенциальные возможности русского словопроизводства, смело экспериментирует в этой области.

5. Индивидуальные концепты Е. Евтушенко усиливают экспрессивность повествования, его образность, происходит изменение языковой внешности текста. В некоторых стихотворениях («Половинчатость», «Инфантилизм», «Прохиндей» и др.) такие концепты являются доминантой лирического повествования, играют важную текстообразующую роль, что свидетельствует о мастерском владении Е. Евтушенко выразительной энергией слова.

Литература

1. Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие / В. А. Маслова. – Минск: Тетрасистемс, 2004. – 255 с.
2. Аскольдов, С. А. Концепт и слово / С. А. Аскольдов // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста / под общ. ред. В. П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С. 267–279.
3. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. – 4-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1987. – 543 с.
4. Жуков, В. П. Словарь русских пословиц и поговорок / В. П. Жуков. – М.: Сов. энциклопедия, 1966. – 535 с.
5. Даль, В. И. Пословицы русского народа // Сб. В. И. Даля: в 3 т. – М.: Рус. кн., 1996.

6. Толковый словарь живого великорусского языка: современное написание: в 4 т. / В. И. Даль. – М.: Астрель: АСТ, 2001.

7. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова; Российская Академия наук. Институт русского языка; Российский фонд культуры. – М.: АЗЪ, 1993. – 916 с.

8. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, Гос. изд-во иностр. и нац. слов, 1935–1940.

9. Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org> – Дата доступа: 31.05.2011.

10. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений / под ред. Н. Абрамова. – М.: Русские словари, 1999.

С. Б. Кураш

О РЕЗУЛЬТАТАХ И ПЕРСПЕКТИВАХ ВЫПОЛНЕНИЯ ФИНАНСИРУЕМЫХ НИР НА КАФЕДРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Актуализация в последней четверти XX – начале XXI веков функционально-прагматического подхода к изучению языка, выразившаяся в таких атрибутах современной языковедческой науки, как антропоцентризм и междисциплинарность, повлекла за собой смещение исследовательского акцента с таких традиционных единиц, как слово, словосочетание, предложение, на более протяжённые и сложно организованные отрезки речи, главенствующее положение среди которых занял текст, всё чаще рассматриваемый как дискурс.

Коллектив кафедры русского языка на протяжении достаточно длительного времени определяет в качестве основной задачи научно-учебной работы всестороннее развитие личности каждого обучаемого через усвоение языка как средства коммуникации, что немислимо без обращения к тексту как центральному объекту исследования. В свете сказанного на 5-летний период 2006–2010 гг. на кафедре было запланировано и осуществлено выполнение НИР **«Исследование текстов и текстовых единиц в аспекте когнитивной лингвистики, лингвокультурологии и лингводидактики»**, в которой приняли участие все сотрудники кафедры, а также аспиранты, магистранты и ряд студентов.

Учитывая достаточно высокий научный потенциал кафедры, несколько наиболее актуальных и научно значимых направлений из обозначенного проблемного поля было выбрано для разработки в качестве самостоятельных научных проектов, которые в 2006–2010 гг. приняли участие в различных конкурсах на финансирование НИР. Важно отметить, что данные НИР выполнялись именно в дополнение и углубление

общекафедральной тематики, при этом дублирования их результатов и результатов кафедральной НИР не допускалось.

В рамках Государственной программы фундаментальных исследований «Белорусский язык и белорусская литература в историческом развитии и современном обществе, их связи и взаимодействие с другими языками и мировым литературно-художественным процессом» на 2006–2010 гг. (ГПФИ «Белорусский язык и литература») была выполнена НИР **«Тропеическое моделирование поэтической картины мира: семиотический, стилистический, лингвокультурологический и лингводидактический аспекты»** (научный руководитель – к.ф.н., доц. С. Б. Кураш; исп.: к.ф.н., доц. О. И. Ревуцкий, асп. Т. Н. Кураш, Т. Е. Лаевская, Л. И. Прозорова, Л. В. Прохоренко, Л. М. Шецко, маг. Н. Л. Соколова).

В ходе выполнения НИР решались следующие задачи: 1) разработать и обосновать подход к троповости как стилеобразующей и текстообразующей категории; 2) определить семиотические механизмы взаимодействия тропа с действительностью в целях ее моделирования в поэтическом дискурсе; 3) описать реестр тропов белорусской и русской поэзии в функционально-типологическом аспекте (стилеобразование, текстообразование, концептообразование); 4) охарактеризовать типы тропеичности поэтических текстов русских и белорусских авторов XIX–XX вв. с разработкой на этой основе типологии поэтических текстов; 5) определить актуальные тенденции в тропеическом моделировании действительности в белорусской и русской поэзии последних лет (лексико-семантическое наполнение, структурные преобразования, семиотическое усложнение и пр.); 6) определить идиостилевые и национально-стилевые тенденции применительно к тропеическому типу художественного мышления в русском и белорусском поэтических стилях; 7) представить лингвокультурологическую интерпретацию итогов сравнительного анализа белорусскоязычного и русскоязычного материала; 8) разработать лингводидактическую систему изучения усложненных форм поэтической речи в целях совершенствования языковой личности в процессе изучения словесности в вузе и школе.

Актуальность данного исследования определяется направленностью на современные речезыковые процессы в национальном языке (литературно-художественном стиле) в их непосредственной связи с проблемой межкультурного взаимодействия (белорусско-русскими поэтическими связями) и практической ориентацией результатов на совершенствование и повышение эффективности системы гуманитарного образования в Республике Беларусь в части развития языковой личности учащихся (студентов и школьников) за счёт открытия новых перспективных путей к овладению ими стратегиями и методиками раскрытия тайн «поэтического кода».

В результате осуществлённого исследования были выявлены семиотические механизмы взаимодействия тропа с действительностью; разработан ряд классификаций поэтических тропов в соответствии с различными критериями; определены типы тропеичности, характерные для текстов русских и белорусских поэтов с разработкой на этой основе типологии текстов. Определены также идиостилевые и национально-стилевые характеристики тропеического типа мышления в русском и белорусском поэтических стилях. В плане практической реализации результатов исследования разработаны методические рекомендации по изучению тропеических текстов в вузе и школе, создана система упражнений для развития данных навыков.

Научная новизна исследования заключается в создании новой концепции описания и типологизации тропов и текстов тропеического характера, основанной на роли тропов в текстообразовании. Принципиально новым является интегративный по своей сути характер исследования в рамках общего сектора стилистики, тропологии, лингвистики текста, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, лингводидактики.

По результатам НИР издано учебное пособие: Ревуцкий О. И. «Филологический анализ художественного текста» (Минск: РИВШ, 2006. – 320 с.), рекомендованное Министерством образования Республики Беларусь для студентов высших учебных заведений по филологическим специальностям. Данное пособие нашло широкое применение в обеспечении учебного процесса по подготовке будущих преподавателей-филологов в вузах Республики Беларусь. Кроме того, изданы пособия: Прозарава Л. І. «Беларускае слова ў мове і маўленні (рэгулярныя напрамкі семантычных змен)»: вучэб. праграма для спецыяльнасцей 01 02 02 08 “Пачатковая адукацыя. Практычная псіхалогія”; 01 02 03-03 “Пачатковая адукацыя. Музычнае мастацтва” (Мазыр: УА МДПУ імя І. П. Шамякіна, 2009. – 16 с.); Боженко Л. Н., Кураш С. Б., Липская Т. Н., Ревуцкий О. И., Русецкий В. Ф. «Языковые разборы в коммуникативном курсе русского языка»: пособие для студ. высш. учеб. заведений; под ред. Л. Н. Боженко (Мозырь: УО МГПУ им. И. П. Шамякина, 2009. – 154 с.). В них также нашли отражение результаты исследований, полученные в ходе выполнения НИР.

Результаты исследования предназначены для использования в сфере образования, представляют интерес для преподавателей вузов, учителей школ, студентов и учащихся.

В рамках выполнения проекта успешно защищена диссертация Цалко (Прохоренко) Л. В. «Сістэмныя метафары ў паэтычным тэксце і іх трансфармацыя пры перакладзе (на матэрыяле твораў А. Пушкіна і іх перакладаў на беларускую мову)» (2007, научный руководитель – доц. О. И. Ревуцкий).

Члены коллектива кафедры участвовали также в конкурсах на получение грантов БРФФИ. Так, в 2007–2009 гг. было выполнено исследование на тему **«Интертекст как дискурсивный феномен и системно-структурное образование (на материале белорусской, русской и немецкой поэзии)»** (научный руководитель – к.ф.н., доц. С. Б. Кураш; исп.: к.ф.н. О. Н. Хаками и асп. Т. Е. Лаевская), получившее грант по итогам конкурса «Наука-М» (договор с БРФФИ № ГО7М-149 от 01.04.2007 г.).

Объектом исследования явился поэтический интертекст как сфера дискурсивного взаимодействия текстов.

Цель работы – выявление признаков системной упорядоченности поэтического интертекста на уровне организации диалога отдельных текстов и в отношении их типологических объединений.

В результате проведённого исследования раскрыт тексто-дискурсивный характер интертекстуальности как стилевой поэтического творчества XX века; разработана методика анализа поэтического интертекста как системно организованного целого; выявлены основные типы отношений между поэтическими текстами на материале творчества русских, белорусских и немецких поэтов XX века.

Полученные данные использованы в дальнейшей разработке теории текста, в практике обучения студентов филологическому анализу текста, при чтении курсов стилистики, риторики, лингвистики текста, в преподавании теории и истории литературы, в теории и практике художественного перевода.

Дальнейшая разработка теории интертекстуальности под данным углом зрения перспективна в плане развития общей теории языка как системно-структурного образования, а также в аспекте проблемы межкультурной коммуникации, в лексикографической практике (при создании словаря интертекстом и интерактивных словарей).

В рамках выполнения проекта успешно защищена диссертация О. Н. Хаками «Русский поэтический интертекст в аспекте системных отношений: текстоцентрический и текстотипологический анализ» (2007, научный руководитель – доц. С. Б. Кураш).

Совместно с учёными Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины (д.ф.н., проф. В. И. Коваль, к.ф.н., доц. Е. И. Холявко) и Института языка и литературы имени Я. Купалы и Я. Коласа НАН Беларуси (к.ф.н. Н. П. Антропов) представители кафедры (к.ф.н., доц. С. Б. Кураш, к.ф.н., доц. О. И. Ревуцкий) участвовали в выполнении НИР **«Лексика календарной обрядности в говорах Мозырско-Припятского Полесья»**, получившей грант БРФФИ в рамках конкурса научных проектов «Полесье-2007» (в качестве головной организации выступил Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина).

Материалы данного исследования наглядно демонстрируют богатство и разнообразие народных хрононимов, их устойчивость и сохраняющуюся в современных условиях практическую значимость наблюдений и рекомендаций народнокалендарных предписаний и запретов. Богатый духовный потенциал лексики народного календаря, дающей широкое представление о менталитете наших предков, позволит использовать материалы пособия в воспитательной и идеологической работе со школьной и вузовской молодёжью.

В получении грантов на проведение собственных НИР активно участвовали магистранты и аспиранты кафедры.

Так, в 2007 году магистрантами кафедры (А. В. Сигаи, О. А. Каширова, Е. В. Коноплич и Т. Е. Лаевская) был получен и выполнен грант Министерства образования Республики Беларусь на выполнение НИР **«Комплексная характеристика речевого жанра как коммуникативно-структурной единицы дискурса»** по договору № ГР 20072287 от 2 января 2007 г.

В 2010 г. аспирант Т. Е. Лаевская получила грант Министерства образования Республики Беларусь на выполнение НИР **«Особенности функционирования вторичных жанров в современной коммуникации (на материале издательских аннотаций к современным художественным произведениям)»**.

В том же году был заключён и выполнен хозяйственный договор с УО «Мозырский государственный областной лицей» № ГР 20100257 (научный руководитель – к.ф.н., доц. Т. И. Татаринова; исп. к.ф.н., доц. С. Б. Кураш), по результатам внедрена **технология личностно-адаптированной системы обучения при изучении русского языка и литературы** в учебный процесс УО «Мозырский государственный областной лицей». В выполнении данной НИР кафедра русского языка сотрудничала с кафедрой русской и зарубежной литературы (к.ф.н., доц. А. В. Герцик).

Всего по итогам выполненных финансируемых НИР в 2006–2010 гг. их исполнителями опубликовано около 200 научных работ, в числе которых 1 пособие с грифом Министерства образования Республики Беларусь (доц. О. И. Ревуцкий), 2 учебно-методических пособия, 2 автореферата диссертаций, более 40 статей в рецензируемых научных журналах, а также статьи в научных сборниках и материалах научных конференций.

Результаты проведённых исследований получили внедрение в преподавание ряда дисциплин лингвистического цикла в Мозырском государственном педагогическом университете имени И. П. Шамякина: «Современный белорусский язык», «Современный русский язык», «Филологический анализ художественного текста», «Стилистика русского языка», «Стилистика белорусского языка», «Основы межкультурных коммуникаций», «Введение в языкознание», «Общее языкознание», а также спецкурсов и спецсеминаров (имеются акты внедрения). Отдельные результаты используются в учебном и научном процессах других вузов республики.

В продолжение тематики исследований, выполненных в 2006–2010 гг., кафедрой был подан и рекомендован секцией межведомственного экспертного совета Института языка и литературы имени Я. Коласа и Я. Купалы НАН Республики Беларусь в качестве задания 4.1.20 «Лінгвістычныя вобразныя сродкі ў мове мастацкай літаратуры ва ўмовах міжкультурнага дыялогу» в ГПНИ «История, культура, общество, государство» на 2011–2015 гг. проект НИР **«Активные языковые процессы в сфере стилей, текстов и жанров в условиях межкультурного диалога и электронной коммуникации»** (научный руководитель – к.ф.н., доц. С. Б. Кураш). В качестве основных задач исследования определены следующие:

1) обнаружить динамические процессы в сфере текстотипов и речевых жанров, функционирующих в коммуникативном пространстве Республики Беларусь, обусловленные междискурсивными, межъязыковыми и межкультурными контактами;

2) выявить и систематизировать словесно-речевые структуры (ключевые лексические и фразеологические единицы, концепты, метафоры, афоризмы), тематически связанные с информативным пространством межкультурного диалога и электронной коммуникации в Республике Беларусь;

3) выявить факты языковой рефлексии (в том числе на уровне языковой игры) относительно новых коммуникативных практик в сфере иных стилей и жанров;

4) разработать предложения по внедрению полученных результатов в школьное и вузовское филологическое образование (в том числе обучение иностранных граждан), а также соответствующее лингвометодическое сопровождение.

Таким образом, тематика НИР, выполненных на условиях финансирования в 2006–2010 гг., органично дополняла и углубляла общекафедральную научную проблематику и была связана с разработкой наиболее актуальных и практически значимых направлений современной лингвистики. Специалистами и молодыми учёными кафедры были получены гранты различного уровня – от магистрантских и аспирантских до заданий в рамках выполнения государственных программ научных исследований. В выполнении финансируемых НИР кафедра русского языка активно сотрудничала как с родственными по профилю кафедрами университета, так и с учёными из других образовательных и научных учреждений Республики Беларусь. Эту же практику планируется продолжить и в течение очередного 5-летнего срока выполнения НИР, сделав при этом акцент на дальнейшем заключении хозяйственных договоров, на расширении сферы практического внедрения результатов и активизации исследований в рамках международных научных проектов.

Т. Е. Лаевская

ОСОБЕННОСТИ БЕЛОРУССКОЯЗЫЧНЫХ И РУССКОЯЗЫЧНЫХ АННОТАЦИЙ К СОВРЕМЕННЫМ ХУДОЖЕСТВЕННЫМ ПРОИЗВЕДЕНИЯМ

Введение

Являясь прототипическим вторичным жанром, издательская аннотация обладает способностью отражать не только жанрово-стилистические особенности первичных текстов, но и социокультурные и национальные черты того языкового континуума, в котором она реализуется. В связи с этим следует уделить особое внимание аннотациям к произведениям современных белорусских авторов. Такой интерес обусловлен активным развитием современной белорусской художественной литературы на рубеже XX–XXI веков, появлением новых авторов, работающих в жанре детектива, научной фантастики, фэнтези, социальной прозы, любовного романа, усилением читательского интереса к произведениям белорусской литературы.

Ситуация билингвизма в Республике Беларусь обуславливает постановку вопроса о корректном определении исследуемого предмета. С нашей точки зрения, говоря об аннотациях к произведениям современных белорусских авторов, уместно будет выделить белорусскоязычные аннотации, относящиеся к белорусскоязычным первичным текстам, и русскоязычные аннотации, относящиеся к русскоязычным первичным текстам, которые представлены белорусскими издательствами и авторами.

Цель работы – проанализировать особенности белорусскоязычных аннотаций, русскоязычных аннотаций к произведениям белорусских авторов в сопоставлении с аннотациями к произведениям современных русских/зарубежных авторов.

Основная часть

Проанализированный нами материал позволяет говорить об отличительных особенностях современных белорусскоязычных аннотаций и аннотаций к произведениям современных русских авторов, а также к русскоязычным изданиям зарубежных писателей.

Значительные отличия проявляются в способах реализации агитационной функции аннотаций. Так, в аннотациях к белорусским произведениям крайне редко встречается прямая форма ее реализации, как правило, отсутствуют элементы, способствующие непосредственному привлечению внимания потенциального читателя (императивные формы глаголов, риторические конструкции и т. п.). Агитационная функция в большей степени реализуется косвенным путем, через использование различных стилистических средств, ориентированных на определенный круг читателей, и попытку заинтересовать адресата тематикой, проблематикой и сюжетом произведения, например: «*У цэнтры аповесці – пошукі дзецьмі падчас*

канікулаў скарбаў напалеонаўскага войска. У іх рукі трапляюць старая карта-схема і тры сярэбраныя талеры, якія стануць ключом да разгадкі тайны. Паралельна з дзецьмі скарб шукае шайка дарослых. Шмат выпрабаванняў чакае юных герояў – трох хлопчыкаў і дзвюх дзяўчынак» (Федарэнка А. Шчарбаты талер: Аповесць, апавяданні, – Мінск: Юнацтва, 1999). Такія элементы, як пошукі скарбаў, карта-схема, ключом да разгадкі тайны, шайка дарослых, выпрабаванняў, ствараюць умовы для воспрыйня жанра кнігі як прыключенческага і спосаба прывлечэння ўвагі чытацель-падроскава.

Что касаецца зместнага структура беларускамоўных анотацый к беларускім прадзвешчанням, то можна замятць прабладанне элементава, раскрываючых тэматыку і праблематыку первачнога тэста, што в меншай степені характэрна для анотацый к рускім ізданням. Беларускамоўныя анотацыі к беларускім прадзвешчанням характэрызуюцца меншай степеню «раскрепощенности» і стылістычнага гомогенности с первачным тэстам, наявіем ідэалагічнага акарашчэння (нацыянальнага пафоса, канцэнтрацыя ўвагі на разлічнага рода нравствэнных праблемах): «Раман “Крык на хутары” прысвечаны жыццю беларускіх заходніх абласцей, якія знаходзіліся пад уладай буржуазнай Польшчы. Аўтар паказвае трагічны лёс сям’і палескага хутаранца Змітра Летуна. Сама назва твора сімвалічная. Гэта крык душы чалавека, крык надзеі і веры.

Раман “Кветкі правінцыі” – спведзь маладога чалавека Адама Доля, які імкнуўся зразумець прычыны самагубства маці, гісторыя кахання, пошукаў героям ічасця і месца ў жыцці» (Марчук Г. Крык на хутары. Кветкі правінцыі: Раманы. – Мінск: Юнацтва, 1998). Язык такіх анотацый в апраделенной степені прыбліжэн к языку жанра рэцэнзій к худажественнаму прадзвешчэнню.

Для беларускамоўных анотацый характэрна такжэ акацэнтываванне чытацельскага ўвагі на лчыноста аўтара первачнога тэста. Даннага прыем базываецца на выявлэнні аўтарскага інтэнцыі, апраделенні асновнага круга праблем, затронутых пісателем: “Фантастычныя творы А. Аляшкевіча – аповесці «Век Вадаліва», «Даліна двух поўняў» – адлюстроўваюць кантакт зямлян з іназемнымі цывілізацыямі. Аўтар разважае: ці разумныя мы з іх пункту гледжання? Ці здольныя ўвайсці ў суполку цывілізацый Сусвету? Якая мараль можа быць у стварэння, падобнага персанажу апавядання «Асоба»?

Займальная прыгодніцкая тэма распрацоўваецца ў аповесці «Кубак Грааля». У творы пісьменнік шукае адказы на пытанне: трэцяя сусветная вайна будзе з дубінкамі? Папярэджанне вялікага вучонага Эйнштэйна мае пад сабой грунт! – сцвярджае твор.

Для шырокага кола чытачоў” (Алесь Аляшкевіч. Дзеці зорак. – Харвест, 2009).

В текстах белорусскоязычных аннотаций можно наблюдать наличие клишированных элементов (*раман прысвечаны, тэма распрацоўваецца, творы адлюстроўваюць*), частое указание на адресата первичного текста (*для шырокага кола чытачоў*), что в меньшей степени характерно для современных русских изданий.

Как видим, белорусскоязычные аннотации к современным белорусским художественным произведениям и аннотации к произведениям современных русских/зарубежных авторов имеют существенные различия в области речевой ситуации, смысловой структуры, языковых особенностей, что, однако, не дает оснований говорить об отсутствии динамики жанра, так как именно вторичные жанры наиболее рельефно выражают собственно текстовую эпоху [1]. Очевидно, что аннотация является подвижным, изменчивым жанром, который, как зеркало, отражает не только особенности первичного текста, но и ценностные ориентиры общества на определенном этапе развития.

Для подтверждения данной мысли нами были проанализированы тексты аннотаций к произведениям Василя Быкова разных лет издания. Полученные результаты показали, что аннотации к изданиям 60-х–70-х годов представляют тематику, проблематику и краткое содержание произведений, однако в них, как правило, не даются сведения об авторе: *«Аповесць Васіля Быкава “Альпійская балада” – аб інтэрнацыянальным брацтве народаў у барацьбе з фашызмам. У цэнтры твора – драматычныя падзеі: пабег з палону савецкага салдата Івана, яго каханне да італьянскай дзяўчыны Джуліі, якая таксама ўцякла з палону.*

За тры дні, у час якіх разгортваецца дзеянне, героі перажываюць вельмі многа і пакутнага, і шчаслівага. Іван трагічна гіне. І як рэха далёкай трагедыі, ідзе па зямлі сумная і светлая вестка пра звычайнага калгаснага хлопца, які сваім жыццём і смерцю зрабіў вялікі подзвіг» (Быкаў В. *Альпійская балада*. – Мн.: “Беларусія”, 1964).

Иную картину можно наблюдать в аннотациях к изданиям 80-х годов. В них, помимо тематики и проблематики произведений, представлена информация об авторе, причем внимание акцентируется на его заслугах и регалиях: *«В книгу народного писателя Белоруссии, лауреата Государственной премии СССР Василя Быкова вошли три повести о войне. Это произведения о буднях великой борьбы с фашизмом, о мужестве и героизме рядовых ее участников»* (Быков В. *Журавлиный крик: Повести*. – Мн., 1984).

Аннотации к произведениям, изданным в 90-х годах, могут отражать тематику и проблематику произведений, особенности стиля писателя и даже особенности восприятия произведения: *«Новая аповесць народнага пісьменніка Беларусі Васіля Быкава “Сцюжа” пра перадаваіну і вайну, пра лёс нацыі, пра вытокі той бездухоўнасці, у якой цяпер апынулася наша*

грамадства. Напісана вострасюжэтная, глыбока псіхалагічна, з даверам да чытача.

Чытаючы “Сцюжу”, чысцейш душой і смутнееш сэрцам. Як у антычнай трагедыі, праходзіш катарсіс. Вабіць і мова твора – натуральная, шматпланавая» (Быкаў В. Сцюжа. – Мн., 1993). В этой аннотации можно выделить две части, в первой из которых представлены сведения об авторе, о тематике и проблематике произведения. Во второй части отражаются особенности стиля писателя, а также проявляется личностное отношение автора аннотации к произведению, особенности его читательского восприятия, благодаря чему данный текст по характеру напоминает мини-рецензию.

Полученные результаты позволяют сделать выводы о социально детерминированной эволюции жанра. Если положить в основу наблюдений прагматические интересы издательств, их ориентацию на предполагаемые потребности читателей, то можно проследить процесс изменения общественных приоритетов, отраженный в текстах аннотаций. Так, в аннотациях к произведениям В. Быкова, изданным в 60-х–70-х годах, как правило, представлено краткое содержание первичного текста, его тематика и проблематика, подчеркивается героический пафос произведения.

В аннотациях к произведениям Быкова, изданным в 80-х годах, особое внимание уделялось официальным регалиям автора, что, с точки зрения издателей, должно было привлекать читателя в период государственной регламентации читательского интереса и социологического подхода к изучению литературы в обществе.

В аннотациях к изданиям 90-х годов основное внимание уделяется гуманистическому пафосу произведений, отражению моральных проблем произведений. Привлечение читателей таким способом свидетельствует об усилении нравственных приоритетов в обществе.

Обратимся к русскоязычным аннотациям, относящимся к произведениям современных белорусских авторов. Анализ текстового материала позволяет говорить об отсутствии существенных различий между указанными текстами и текстами аннотаций к произведениям современных русских/зарубежных авторов.

Для аннотаций, относящихся к произведениям современных белорусских авторов, характерна определенная степень стилистической гомогенности с первичным текстом, которая реализуется путем употребления специфической лексики: *«Героям повести “Вампиры тоже люди” – офицерам аэрокосмических сил, потомку литвинских шляхтичей поручику Геннадию Недбальскому и потомку древнего тибетского рода подпоручику Хуану Дао-зеню – предстоит выиграть гонку в космосе и затем избавить курортный город от нашествия вампиров. Решение одной задачи парадоксальным образом связано со второй. Героям придется приложить много сил для победы и не раз вступить в смертельную*

схватку с порождениями мрака» (Евгений Дрозд. *Дни прошедшего будущего*. – Харвест, 2009). Такие элементы, как выиграть гонку в космосе, избавиться от нашествия вампиров, смертельная схватка, порождения мрака способствуют формированию первого читательского впечатления о первичном тексте, позволяют идентифицировать первичный текст как относящийся к жанру фантастики.

Для аннотаций к произведениям современных белорусских авторов характерна реализация агитационной функции косвенным путем, при помощи различных лексических и синтаксических средств: *«Широка земля Белорская, и во все времена есть в ней место подвигу! Или хотя бы веселой байке. Стоит ли доверять гороскопам? Так ли безобидны младенцы? Продается ли удача? На что ловят некромантов? Как избавиться от конкурента? Что сильнее: магия, вера или дубовый дрын? Где водятся кентавры? Чего боятся боевые маги? Всевидящи ли Пифии? Хотите получить ответ на эти вопросы, а также встретиться со старыми друзьями и познакомиться с новыми? Тогда эта книга для вас»* (О. Громыко. *Белорские хроники*. – Армада, 2008).

Данная аннотация практически полностью состоит из вопросительных конструкций, которые не только привлекают внимание читателя, но и подводят его к рассуждению о возможном развитии сюжета первичного текста.

В анализируемых аннотациях могут употребляться элементы биографии автора первичного текста, цитаты, подтверждающие положительную оценку автора или его творчества: *«Татьяна Замировская – популярный блоггер, музыкальный критик, живет в Минске, занимается гонзо-журналистикой в независимых изданиях, крутит на радио джазовые пластинки и пишет странные, страшные, смешные, абсурдные и наиправдивейшие рассказы»*.

“Рассказы Татьяны Замировской я читал с превеликим удовольствием, профессиональным уважением и тихим весельем. Эта юная дама, идущая верной дорогой Д. Хармса, Л. Добычина, В. Аксенова, А. Петрушевской, обладает неповторимым видением окружающего нас мира, в котором абсурд давно уже стал реальностью, покой снится далеко не всем, счастье временно отменяется, но это не значит, что его вообще не существует. Равно как и любви, смеха, света. Она – настоящая. Она – умеет. Она пишет смешно и нежно, без ханжества и хамства. Запомните это новое для русской литературы имя – пригодится” Евгений Попов, прозаик, эссеист» (Т. Замировская. *Жизнь без шума и боли*. – АСТ, 2010).

Как видим, русскоязычные аннотации к произведениям белорусских авторов близки по своим особенностям к аннотациям к произведениям современных русских/зарубежных авторов. Определенные отличия наблюдаются в области смысловой структуры текстов. Так, для аннотаций к произведениям белорусских авторов характерно указание на жанрово-тематическую принадлежность первичного текста, что в меньшей степени

свойственно аннотациям к произведениям современных русских/зарубежных авторов: *«В сборник включены два романа белорусского писателя-фантаста А. Силецкого – «Дети, играющие в прятки на траве» и «Легендарь». В первом романе рассказывается об искусственно созданной расе биксов (био-кибернетических систем), внешне не отличающихся от человека...»* (А. Силецкий. *Дети, играющие в прятки на траве.* – Харвест, 2009).

Можно говорить об отличительных особенностях русскоязычных аннотаций к произведениям белорусских авторов и аннотаций к произведениям современных русских/зарубежных авторов в области речевой ситуации. Тексты первых, как правило, написаны в третьем лице, в то время как аннотации к произведениям современных русских/зарубежных авторов зачастую могут быть написаны от первого лица или представлять собой обращение к какому-либо лицу, что способствует погружению читателя в атмосферу художественного произведения.

Заключение

Как видим, отличия между белорусскоязычными аннотациями к произведениям белорусских авторов и аннотациями к произведениям современных русских/зарубежных авторов выражены в большей степени, нежели отличия между русскоязычными аннотациями к произведениям белорусских авторов и аннотациями к произведениям современных русских/зарубежных авторов, что свидетельствует о значимости языкового фактора в развитии жанра. Данный факт может быть обусловлен прагматическими интересами издательств – конкурентоспособностью русскоязычных произведений на российском литературном рынке.

С нашей точки зрения, отличия белорусскоязычных аннотаций к современным белорусским произведениям и аннотаций к произведениям современных русских/зарубежных авторов могут быть вызваны особенностями менталитета белорусских читателей, для которого характерно спокойствие и сдержанность. С другой стороны, функциональные, стилистические и содержательные особенности аннотаций к белорусским произведениям могут быть обусловлены особенностями самих первичных текстов. Современную белорусскую литературу в большинстве своем сложно отнести к так называемой массовой, популярной литературе (в отличие от современных русских и зарубежных произведений), так как в ней, как правило, поднимаются значительные нравственные и национальные проблемы. Кроме того, белорусский книжный рынок отличается меньшей наполненностью и, соответственно, меньшей конкуренцией, нежели российский.

Литература

1. Истрина, М. В. Аннотирование произведений печати: методическое пособие / М. В. Истрина. – М.: Книга, 1981. – 48 с.

Т. Н. Липская

К ВОПРОСУ О СМЫСЛОВОЙ СТРУКТУРЕ ТЕКСТА

Целью работы было исследование смысла текста как сложно организованного объекта. Изучались основные компоненты структуры этого речевого явления. В результате анализа мы пришли к следующим выводам:

1. Речь (текст) онтологически является диалогом, в котором обе стороны планируют **смысл** своего речевого поведения. Это особенно отчётливо проявляется в текстах художественной литературы. Создавая «возможный мир», автор рассчитывает на понимание со стороны читателей и на их соучастие. Он структурирует это понимание, используя базовые сценарии, известные когнитивные модели. Так, денотаты слов, которые входят в текст, имеют фреймовый каркас, который содержится в культурном языковом сознании адресата. Авторский возможный мир потому и вплетается в контекст культуры, что структурируется из элементов этой культуры. Текст создается по базовым сценариям. Но сценарий – это лишь план, набросок. Всякий раз он воплощается в жизнь «другим режиссером», «другими актерами» и «другими зрителями», заполняющими пустые пространства (узлы фреймов) внутри каркаса новыми ситуациями и взаимоотношениями. Сильная языковая личность не только создает текст как семиотическое явление, но и структурирует дискурс, в котором есть «текст» читателя. Таким образом, смысл текста выступает как результат сложного взаимодействия «миров» автора и адресата, существующий на основе известного принципа кооперации Г. П. Грайса. Жизнь текста как мира новых смыслов начинается именно с того момента, когда он вступает в диалогические отношения со своим окружением в дискурсе.

2. На наш взгляд, весьма плодотворной и подтверждаемой исследованиями является точка зрения на смысл текста А. И. Новикова [1], который предложил воспользоваться принципом доминантности (в понимании известного физиолога А. А. Ухтомского), внешним проявлением которой ученый считает такие единицы, как ключевые слова, смысловые вехи, опорные пункты. Наиболее отчётливо, на наш взгляд, доминантность выражена в **словах-концептах**. В художественных текстах концепт наполняется авторским содержанием, вследствие чего и возникает новое знание. Но в нём всегда имеется общеизвестная часть, так как концепт представляет собой дискурсивную единицу, имплицитно выражающую доступное продуценту и реципиенту ментальное пространство логосферы.

Д. Гранин начинает структурирование главного концепта одного из своих романов с названия книги – «Картина». Понятийное ядро концепта составляет словарное значение (главное, стержневое в структуре данного

полисеманта): картина – произведение живописи в красках, а также живопись как вид изобразительного искусства, искусство как творческое воспроизведение действительности в художественных образах (МАС). Таким образом, авторский концепт вовлекается в ряд явлений культуры, имея в своей структуре в качестве чувственного образа-основы предмет из этого ряда. Будучи модально-оценочным явлением, концепт структурирован по принципу биполярности: **картина** (как чувственно воспринимаемый предмет и как индикатор нравственного, духовного состояния воспринимающего) не только символ вечной красоты, запечатленной в произведении искусства, облагораживающей людей и просветляющей их жизнь, она привносит в роман драматизм, то ослабляя, то гиперболизируя его до пределов ирреального, мистического.

Содержание концепта **картина** эксплицируется другими словами-концептами, которые образуют множество когнитивных слоёв (сегментов), структурирующих смысловое пространство текста: картина – любовь, красота, память, живое существо, детство, чистота и одновременно – печаль, боль, разочарование, одиночество, раскаяние и покаяние. Это семантическое пространство не имеет (и не может иметь) чётких контуров. Границы его находятся в постоянном движении, всякий раз смещаясь в ту или иную сторону при новом чтении и размышлении, в языковом сознании каждого нового читателя. В центре этого пространства – смысл романа (его идея, главная тема). Книга написана по «сценарию концепта». Это произведение о том, как случайно увиденная картина разделила жизнь героя на две части: жизнь **до картины** была бессмысленной и безнравственной. В другой жизни, той, где **картина**, герой понял, что есть нечто выше служебного долга, хорошей работы, роли рачительного хозяина города – в ней есть человеческий долг, сострадание, понимание, память, вера, любовь. **После картины** Лосев вдруг увидел, каким красивым может быть их городок, понял вдруг, что лучшее, что у него было, – это детство, которое глянуло на него из глубины картины и позвало далеким, почти забытым маминым голосом в те года, когда он был ребенком, открытым для мира всей своей чистой детской душой. Вот куда вела его картина, вот какой смутный зов он ощущал всегда, когда видел ее. Ему хотелось снова в мир, полный любви и радости, тепла, доверия и надежды, где еще была жива мама и эта река, и этот дом казались лучшими в мире. Благодаря картине, он понял, что это еще живо в нём. И он уже ни за что не хотел потерять счастливое просветление души. Таков смысл текста романа. Таково содержание концепта **картина**. Однако это завершение лишь одного круга движения нашего понимания. Возбужденные возможностью получения новых знаний, наши когнитивные эмоции активизируют движение сознания по герменевтическому кругу, чтобы обнаружить концепт в концепте: картина изменила мировосприятие героя, стала главной частью его мировоззрения.

Все, что происходит с Лосевым из-за нее, – это путь, который в конце концов приводит к доминантности в сознании героя когнитивно-культурного знака его ментальности – концепта *картина*.

3. В тексте существует иерархически организованное множество зон доминантности смысла. На верхней ступени находятся слова-концепты, подобные концепту *картина*, сложно структурированному объекту, компоненты которого соотносятся с когнитивными универсалиями сознания. Важнейшие из этих компонентов – темпоральность и каузальность.

В индивидуально-авторском концепте *картина* вектор времени достаточно отчётлив. Воспользовавшись терминологией синергетики, скажем, что в тексте назван момент бифуркации – событие, которое перевернуло жизнь города и изменило многих людей, но... могло и ни на что не повлиять. Это сущность бифуркационного события, исход которого в нелинейной системе, какой является и сама жизнь, и ее художественная интерпретация, не может быть заранее предсказан. Если бы в Москве в последний день командировки героя романа не пошел дождь, если бы Лосев прошел мимо картины, если бы это был не Лосев, а другой человек, без «художественного слуха», без души, если бы... Но именно этот человек зашел, хотя и случайно, на выставку, где и наметились возможные пути и сценарии развития жизни в данном «возможном мире»: *Неожиданно что-то дернуло Лосева. Как будто он на что-то наткнулся.* Подчеркнутые глаголы метафорически отражают то осуществление события, которое является точкой отсчета времени – и художественного (герой *наткнулся* на картину как на пространственный объект, который направляет стрелу текстового времени в ему, объекту, угодных направлениях); и реального – времени дискурса, в котором в восприятии и понимании адресата начинается новая жизнь артефакта *картина*, потому что само возникновение в далеком прошлом на спирали однонаправленного времени по законам синергетики детерминирует и дальнейшую трансформацию – в данном случае превращение картины в концепт *картина*.

В тексте романа использованы разные приёмы построения текстового времени. К наиболее важным из них, на наш взгляд, относятся те средства, которые служат для выражения таксисных и эвиденциальных отношений, представляющих собой разные проявления темпоральности и способов отражения субъективно-модальных оттенков восприятия, понимания и переживания человеком времени как абстрактного понятия и как эмпирического явления. В данной работе таксис понимается как реализуемое в рамках диктума отношение времени одного факта (процесса) ко времени другого факта (процесса) без указания на отношение этих фактов к моменту речи, факту говорения о фактах событий. Например: *...Бадин рассказал, как она в эвакуации все картины Астахова спасла, на себе*

тащила, чемоданы свои бросила, а картины тащила, на детской коляске везла, хотя полагала, что мазня, поскольку многие так считали, во всяком случае, понятия не имела, что они значат. В этой сложной конструкции темпоральность реализуется разнообразно: это структурирующие диктум таксисные отношения между глаголами, называющими действия, связанные временными отношениями друг с другом в пределах одной цельной ситуации, хотя действия эти разные и их аспектуально-модально-темпоральные отношения друг с другом существенно различаются: второе, длительное, действие (*тащила*), каузирует первое, результативное (*спасла*), а повтор его – через позицию глагола с номинацией однократного исчерпанного действия (*бросила*) – создаёт восходящую градацию, все указанные формы вступают в уступительные отношения с двумя последующими глаголами – предикатами ментальной деятельности, структурирующими категорию засвидетельствованности (эвиденциальности) и такой тип темпоральности, как относительное время (*полагала, понятия не имела = не знала*). Предложение в целом представляет собой авторизованную конструкцию, главным темпоральным компонентом которой является форма перформатива *рассказал*, однако в темпоральном значении этого глагола важнее актуализированная в данном фрагменте сема авторизованности, источника информации. Сопряжение таксиса, относительного времени, категории эвиденциальности создает сложное переплетение объективного и субъективного времени и точный модально-оценочный план, который чрезвычайно важен для смысла романа: оказывается, Ольга Серафимовна спасала не *мазню*, а, ведомая Провидением и Любовью, спасла – через пространство и время – свою душу, душу Лосева и души многих других людей. И ещё один пример: *Он услышал голос матери, оттуда, из-за высокой зелени деревьев – «Сергее-ей!» – и привычно побежал к нему, в глубь этой белой рамы, в глубь этого чудом сохраненного детского дня, казалось бы, навсегда пропавшего, забытого, ан нет, вот он блестит, играет, плещется, наполняется звуками мелкими, какие он слышал только тогда, мальчишечьим ухом...* Здесь таксис *услышал* и *побежал* сочетается с эвиденциальностью, выраженной эксплицитным перцептивным предикатом *услышал* и импликацией *увидел, вспомнил*, а настоящее время акциональных глаголов *блестит, играет, плещется, наполняется* ярко контрастирует с приведенными глаголами и по значению, и по темпоральности, противопоставляя кратковременность, неустойчивость, ненадежность человеческих ощущений вневременности («атемпоральности») вечных ценностей жизни.

Наращение в тексте количества авторизованных конструкций, содержащих в качестве главных темпоральных компонентов предикаты перцептивной или интеллектуальной деятельности, не случайно. Такие

конструкции, наряду с другими языковыми средствами, участвуют в структурировании авторского концепта.

Темпоральный компонент есть в любом концепте, точнее – это темпорально-локативный компонент, ибо, во-первых, время протекает в пространстве, «проходит под знаком событий» [2, 825], во-вторых, человек воспринимает и прошлое, и настоящее, и будущее через пространственные объекты и отношения. Так, в тексте «память о прошлом» [3, 19] объективирована в предметах и явлениях окружающего мира. План настоящего структурирован через «память о прошлом»: что бы ни делал герой после приобретения для города известной по каталогам картины – все было связано с ней. «Память о будущем» выражена, прежде всего, в многозначительной, почти мистической концовке романа, имплицитно экстраполирующей случившееся в авторском «возможном мире» в будущее: это образ плывущего мальчика, которого художник не писал, – он сам появился на картине, изменяя ее пространство и таким образом завершая художественную «форму борьбы со временем» (по Д. С. Лихачеву). Теперь он будет здесь всегда, он заслужил и в будущем плыть по этой реке, возле этого дома, который спас ценой не карьеры, нет, – мучительного «переворота событий» в своей душе и в своей жизни.

Таким образом, темпорально-локативная координата текста структурируется как хронотоп (по М. М. Бахтину) произведения и как фактор выстраивания главного индивидуально-авторского концепта. Темпоральный компонент в концепте *картина* есть понимание времени как информации, хранящейся в художественных артефактах – творениях человеческого духа, отражающих всегда неокончательные итоги размышлений людей об искусстве и выраженном в нем опыте познания смысла жизни.

4. Текст, с одной стороны, является открытой системой, структурированной на основе синергетических закономерностей; эта система семантически, содержательно не определена, а вероятностна, принципиально альтернативна и в каком-то смысле случайна. Однако, с другой стороны, текст, в особенности художественный, создается в результате произвольной деятельности, поэтому случайность его моделирования или исключена, или имеет характер не всегда явной, но почти всегда произвольной интриги. И объективный, и «возможный» миры, имея все признаки синергетических явлений, не только континуальны, но и дискретны, потому что «состоят» из фактов (реальных и отраженных), каждый из которых выступает причиной или следствием другого факта. Случайность не изолирована, она также находится в цепи причин и следствий, но это другие цепочки – уникальные, не явные, связи в которых кажутся не закономерными.

В данном тексте завязка событий происходит на московской выставке, куда главный герой забежал *случайно*, «чтоб не мокнуть» под начавшимся дождем. Внешняя, явная причина событий как исходный

факт, в котором просматривается и объективная (дождь), и субъективная (характер героя) стороны, кажется абсолютной случайностью. Но далее в авторском мире *случайно* найденный артефакт становится главным двигателем событий. Слово «картина» превращается в концепт как доминанту смысла текста, центр его смысловой структуры. В этом концепте сошлись важнейшие составляющие человеческого восприятия и понимания мира, его времени, пространства и причинно-следственного устройства.

Причинно-следственным отношениям в языке посвящено немало исследований. Мнения ученых сходятся в признании каузальности важнейшей онтологической категорией, отраженной в языковой картине мира каждого языка. Функционально-семантическое поле причинности структурировано в русском языке разнообразными вербальными средствами. Они используются как в обыденном языке, так и в языке описания текстовых событий. В текстах приводятся «человеческие» причины, и в этом смысле они субъективны [4], но в субъективности отражается представление о нормальном ходе событий, логической связи вещей, т. е. содержится существенный компонент объективности. Таким образом, каузальность в тексте как антропоцентрической структуре является субъективным выражением объективно существующих связей между явлениями действительности.

Рассматриваемый компонент семантической структуры текста, на первый взгляд, создаётся прежде всего эксплицитными языковыми средствами. Однако глубинные причины текстовых событий – по авторскому намерению – выражены имплицитно. Так, толчком, который выступает поводом, каузирующим дальнейшие шаги героев романа, является случайное событие. Но если бы Лосев не зашел на выставку, он «наткнулся» бы на что-то другое, его бы все равно «дёрнуло». Обоснованием (причиной) такой уверенности автора и читателя является тот факт, что героя всегда *«что-то отделяло от всех»*... *«Самолюбие, самомнение, то есть характер? Или же судьба, замаскированная случайностью?»* Таким образом, не столько эксплицитная, сколько имплицитная каузальность является важнейшим компонентом смысла данного текста.

Многокомпонентность концепта *картина*, расширение его поля за счет периферийных концепторов активизирует дальнейший поиск, который приводит к новому пониманию. В концепте обнаруживается мощная базовая семиотическая оппозиция *картина / не картина*. Не в картине дело, она лишь веха на пути поиска подлинных ценностей жизни. Этот путь не закончен, он бесконечен, как бесконечен поиск смысла картины, смысла жизни, смысла текста о картине и о жизни.

Литература

1. Новиков, А. И. Смысл: семь дихотомических признаков / А. И. Новиков // [Электронный ресурс]. – 2004. – Режим доступа: http://www.bim-bad.ru/biblioteka/article_full.php?aid=875&binn_rubrik_pl_arti... – Дата доступа: 26.01.2011.

2. Кузьмина, Н. А. Три кита современной лингвистики / Н. А. Кузьмина // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Междунар. конгресс исследователей русского языка: труды и материалы. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. – С. 18–19.

3. Яковлева, Е. С. Жизнь в терминах времени: эпоха, дни, век, времена / Е. С. Яковлева // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: сб. статей в честь Н. Д. Арутюновой; отв. ред. Ю. Д. Апресян. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 825–836.

4. Богуславская, О. Ю. Причина, повод, предлог / О. Ю. Богуславская // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: сб. статей в честь Н. Д. Арутюновой; отв. ред. Ю. Д. Апресян. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 34–44.

Л. М. Мазуркевіч

ДЫЯЛЕКТНЫЯ НАЗВЫ АСОБНЫХ ЗАХВОРАВАННЯЎ ВА ЁСХОДНЕПАЛЕСКІХ ГАВОРКАХ

Любое захворванне ці недамаганне – натуральная жыццёвая праява, уласцівая жывым істотам. Стаўленне людзей да хвароб, тлумачэнне прычын іх узнікнення, наяўныя спосабы і прыёмы лячэння абумоўлены беларускай народнай культурай, паколькі народная медыцына фарміравалася пад уплывам разнастайных сацыяльных і гісторыка-этнаграфічных фактараў на працягу многіх стагоддзяў, ашчадна захоўвалася і перадавалася з пакалення ў пакаленне, а таму ў поўнай меры адлюстроўвае нацыянальную спецыфіку беларускага народа.

У лексічным складзе беларускіх народных гаворак лексіка народнай медыцыны займае адметнае месца. Назвы захворванняў, недамаганняў – састаўная і значная частка акрэсленай лексічнай сістэмы. Варта адзначыць, што тэрмін “назвы хвароб” ужываецца некалькі ўмоўна ў адносінах да значнай колькасці найменняў, таму што ў народнай медыцыне вылучаюцца не толькі хваробы ў традыцыйным разуменні гэтага слова, але і сімптомы, недамаганні, якія маюць пэўныя знешнія праяўленні і суб’ектыўныя адчуванні.

Прадметам аналізу ў дадзенай рабоце з’явіліся дыялектныя назвы асобных дзіцячых хвароб і недамаганняў, засведчаныя ў гаворках Усходняга Палесся.

Найменнем *золотуха* абазначаецца дзіцячае захворванне, якое характарызуецца высыпкай, нарывамаі на целе і агульным змарнелым выглядам: *У Васіка мойго калісь золотуха була (Мялешкавічы, Мазырскі)*. У заходняй частцы ўсходнепалескай дыялектнай зоны ўжываецца рэгіянальнае ўтварэнне *солодуха*, якое мае выразна акрэсленую семантыку: мяркуюць, што пазначанае захворванне выклікае празмернае ўжыванне

цукру і салодкай ежы ўвогуле: *Солодуха, то пузыркі вускакаюць на ногах, руках, на ўсём целі, отрываюцца вушы, расколваюцца* (*Запясочча, Жыткавіцкі*). Фанетычныя варыянты тыпу *залатуха, зылатуха* засведчаны гаворкамі іншых дыялектных масіваў Беларусі [1, 202], [2, т. 2, с. 224], [3, 104]. Намінатыўная адзінка *залатуха* фіксуецца нарматыўнымі слоўнікамі беларускай мовы як *размоўнае* [4, т. 2, с. 336].

Запаленне дзясен у дзіцяці, асабліва ў немаўлят, называецца *зубішчэм* (вытворнае ад слова *зуб*): *Конозіцца дзіцятко, мо то зубішчэ* (*Макарычы, Петрыкаўскі*). Фанетычна мадыфікаваныя варыянты акрэсленага наймення давялося засведчыць і ў народна-дыялектнай мове жыхароў іншых рэгіёнаў Беларусі [1, 124], [5, т. 1, с. 168]. Дарэчы, гэта намінатыўная адзінка з пазначаным значэннем не ўваходзіць у слоўнікавы састаў сучаснай беларускай літаратурнай мовы.

Сып на целе ў дзіцяці, выкліканы перагрэвам, абазначаецца словам *потніца* (< пот): *Дзіцяці болюць, як потніца* (*Ліпляны, Лельчыцкі*). Названы лексічны сродак даволі актыўна функцыянуе ва ўсходнепалескіх гаворках. У мове жыхароў Петрыкаўскага раёна з тоесным значэннем выкарыстоўваецца слова *нежыт* (< прасл. *živeti* – 6, т. 7, с. 308–309): *Укрыла рэбёнка богато і запарыла нежыт* (*Бобрыкі, Петрыкаўскі*). Толькі ў сярэднебеларускіх народных гаворках давялося засведчыць варыянт *нежык* са значэннем ‘сып у дзіцяці ад купання ў гарчай вадзе’ [3, 176]. У сучаснай беларускай літаратурнай мове пазначаныя лексічныя сродкі адсутнічаюць.

Словам *молочніца* (< малако – 6, т. 6, с. 202) абазначаецца грыбковае захворванне слізістай абалонкі поласці рота ў грудных дзяцей: *Молочніцу неяк самі жонкі лечылі* (*Юравічы, Калінкавіцкі*). Найменне функцыянуе ва ўсіх гаворках Усходняга Палесся. У форме *малочніца* фіксуецца нарматыўнымі слоўнікамі сучаснай беларускай мовы [9, 331]. У сярэднебеларускіх народных гаворках назва пазначанага захворвання прадстаўлена найменнямі тыпу *грыбок, жабка, малачай, падбела* [2, т. 1, с. 103, 131, 258], [3, 154]. Слова ж *малочніца*, аднак са значэннем ‘мастыт’, засведчана толькі ў гродзенска-баранавіцкай групе гаворак [7, 11].

Намінатыўная адзінка *супорышчэ* выкарыстоўваецца для абазначэння задышкі з хрыпам у малога дзіцяці: *Увесь сіні і чуць сопе, то супорышчэ* (*Запясочча, Жыткавіцкі*). Верагодна, слова ўтворана ад прыслоўя *супор* ‘супраць’, якое такім чынам характарызуе парушэнне працэсу дыхання. Намінатыўная адзінка не засведчана іншымі беларускімі народнымі гаворкамі і беларускай літаратурнай мовай, таму яе можна кваліфікаваць як вузкарэгіянальнае дыялектнае ўтварэнне.

Асобныя дзіцячыя захворванні маюць інфекцыйны характар узнікнення. Так, напрыклад, для абазначэння заразнай, пераважна дзіцячай хваробы, якая суправаджаецца высыпкай, запаленнем дыхальных шляхоў і гарачкай, ужываецца назоўнік *одзёр* (< дзерці – 6, т. 1, с. 83): *Таке малэ*

дзіця, ды одзёр напаяў (*Жахавічы, Мазырскі*). Дастаткова распаўсюджаным з’яўляецца і фанетычны варыянт *дзёр*: *Поклалі ў больніцу, а ў ёго дзёр* (*М. Аўцюкі, Калінкавіцкі*). Слова *адзёр* сінанімізуецца з намінацыяй *водра* (< прасл. *obdъra* – 6, т. 2, с. 181–182) і семантычным русізмам *кор*: *Дзевачка занедужала на водру* (*Паташня, Хойніцкі*); *Кор лечыцца не хутко* (*Прудок, Мазырскі*). Прааналізаваныя варыянты сустракаюцца ў гаворках ўсіх дыялектных зон Беларусі [2, т. 1, с. 59, 322], [2, т. 2, с. 503], [2, т. 3, с. 257], [5, т. 1, с. 62], [3, 11]. Найменне *адзёр* уваходзіць у слоўнікавы састаў беларускай літаратурнай мовы [4, т. 1, с. 135].

Свінка – віруснае, пераважна дзіцячае захворванне – запаленне калявушных залоз: *От свінкі шыя пухне* (*Загорыны Мазырскі*). Этымалагі сведчаць, што назва хваробы паходзіць ад слова *свіння*, што звязваюць са знешнім праяўленнем хваробы [10, т. 3, с. 578]. Найменне фіксуецца гаворкамі паўночна-ўсходняга дыялектнага масіву, уваходзіць у слоўнікавы састаў беларускай літаратурнай мовы [8, 300], [2, т. 4, с. 392], [9, 591]. Асобнымі гаворкамі Усходняга Палесся засведчаны ва ўжыванні і сінанімічны разгледжанаму вышэй семантычны рэгіяналізм *абкладка*, паходжанне якога можна таксама звязаць са знешнім праяўленнем захворвання (< абкласці): *У мене хлопчык буў сем гадоў, да абкладка задушыла* (*Дзяражычы, Лоеўскі*), які ў беларускай літаратурнай мове валодае іншым дыяпазінам значэнняў – ‘пакласці, палажыць што-небудзь вакол каго-небудзь, чаго-небудзь’, ‘тое, чым абкладзена што-небудзь’ [9, 16].

Для наймення хваробы, якая суправаджаецца з’яўленнем пухіркоў на скуры, ва ўсходнепалескіх гаворках выкарыстоўваецца слова *ветранка* (< руск. *ветрянка* – 6, т. 2, с. 332): *У два годы хворэў ветранкой* (*М. Аўцюкі, Калінкавіцкі*). Аб устойлівым становішчы гэтага слова ў мове палешукоў сведчыць і наяўны ад яго дэрыват *ветраніца* (< прасл. *větrъnica* – 6, т. 2, с. 104–105), а таксама двухкампанентная назва *ветрэная вусыпка*: *После ветраніцы застаюцца следочки* (*Валаўск, Ельскі*); *І ў велікіх ветрэная вусыпка бувае* (*Пагост, Жыткавіцкі*). Сярэднебеларускім гаворкам, гаворкам паўночна-ўсходняга і паўднёва-заходняга дыялектных масіваў уласцівы ўтварэнні тыпу *ахва́т*, *вётрыца*, *вятра́нка*, *вятру́ха*, *крапі́ўка* [2, т. 1, с. 303], [2, т. 2, с. 516], [5, т. 1, с. 81], [7, 44]. У якасці нарматыўнай беларускай мовы сведчыцца двухкампанентная назва *ветраная воспа* [4, т. 1, с. 506].

Назоўнікам *кохаль* абазначаецца інфекцыйная хвароба, якая выражаецца ў прыступах сутаргавага кашлю: *Однэ мучэнне, калі ў дзіцяці кохаль* (*Пагост, Жыткавіцкі*). Этымалагі мяркуюць, што слова з’яўляецца гукапераймальным утварэннем (параўнайце, *кох-кох*) [6, т. 5, с. 106]. Доволі пашырана ва ўжыванні і слова *кохлік* – словаўтваральны варыянт назоўніка *кохаль* з памяншальнай суфіксацыяй: *Стане жонка даваць параное молоко, то сціхне гэты кохлік* (*Маркоўскае, Лельчыцкі*) [12, 84]. Утварэнні *кохлік*,

хо́хлюш распаўсюджаны практычна ва ўсіх групоўках беларускіх народных гаворак, словаўтваральны варыянт *ко́хлюк* набыў пашырэнне ў палескай групе гаворак [1, 231], [8, 165], [2, т. 2, с. 509], [2, т. 5, с. 318], [5, т. 1, с. 198]. Нарматыўныя слоўнікі сучаснай беларускай мовы фіксуюць два назоўнікі – *ко́клюш* і *ко́хлік*, апошні з іх падаецца з паметай *размоўнае* [9, 296–298].

Намінатыўная адзінка *кросну́ха* выкарыстоўваецца для абазначэння заразнай дзіцячай хваробы, якая суправаджаецца чырванаватай высыпкай на целе: *Оберні дзіця чым-небудзь красным, коб кросну́ха хучэй сышла* (Міхедавічы, Петрыкаўскі). Відавочна, што слова семантычна звязана з колераабазначэннем *красны́й* (з рускай мовы) ‘чырвоны’. У існуючых дыялектных слоўніках гэты лексічны сродак не фіксуецца, аднак ён узуальна пашыраны за межамі даследуемага рэгіёна. У форме *красну́ха* лексема замацавалася ў сучаснай беларускай літаратурнай мове [4, т. 2, с. 725].

Да інфекцыйных захворванняў адносіцца і вострая заразная хвароба, якая характарызуецца агульнай інтаксікацыяй арганізма і суправаджаецца болем у горле і чырванаватай высыпкай на целе – *шкарла́т* (*шкарля́т*): *Шкарлат на паў на дзецей* (Дарашэвічы, Петрыкаўскі); *Седзі ў хаці, бо шкарля́т шчэ схопіш* (Прудок, Калінкавіцкі). Паралельна з акрэсленым у гаворках Мазырскага Палесся выкарыстоўваюцца і аднакарэнныя ўтварэнні тыпу *шкарля́*, *шкарляці́на*: *Коб це́бе шкарля́ з’ела* (Сямурадцы, Жыткавіцкі); *Шкарляці́на – цяжкая хвороба, вельмо цяжкая* (Загорыны, Мазырскі). Разнастайныя фанетычныя і словаўтваральныя варыянтныя адзінкі шырока распаўсюджаны па-за межамі даследуемай дыялектнай зоны [8, 351], [2, т. 5, с. 478], [3, 310], супадаючы ў форме *шкарляты́на* з лексічнай нормай сучаснай беларускай мовы [4, т. 5, ч. 2, с. 365].

Важна адзначыць той факт, што сярод захворванняў і недамаганняў вылучаюцца і такія, узнікненне якіх, на думку беларусаў-палешукоў, мае звышнатуральны характар, г. зн. крыніцай асобных хвароб лічацца прыродныя з’явы, усяленне ў арганізм злых духаў, уздзеянне прыродных стыхій, нядобрага чалавека і г. д. Так, для наймення хваробы, якая праяўляецца ў перыядычных прыпадках немаўлят, у гаворках Усходняга Палесся выкарыстоўваецца найменне *дзеці́нец*, суадноснае з назоўнікам *дзіця* [10, т. 1, с. 50]: *Дзеці́нец заговорвуюць* (Асавец, Мазырскі). Паралельна з адзначанай намінатыўнай адзінкай досыць актыўна функцыянуе і двухкампанентная назва *дзе́цкая хвороба*: *Дзе́цкая хвороба – то прыпадкі* (Засіны, Ельскі). Пазначаная аднаслоўная намінатыўная адзінка ў форме *дзяці́нец* бытуе ў гаворках паўночна-ўсходняга дыялектнага масіву Беларусі [1, 154], [8, 143], замацавалася ў беларускай літаратурнай мове – *дзяці́нец* – паралельна са словам *радзі́мец* [9, 180].

Лексмай *кры́ксы*, утворанай ад дзеяслова *крычаць*, абазначаецца хваравіты стан дзіцяці, пры якім яно ноччу не спіць: *Малое не спіць, крычыць, мо, крыксы трэ полечыць* (Міхедавічы, Петрыкаўскі). Акрамя

акрэсленага наймення, у даследуемым моўным рэгіёне атрымалі пашырэнне сінанімічныя ўтварэнні тыпу *ночніца, плаксы*, якія таксама характарызуюцца празрыстай семантыкай і выразна адлюстроўваюць асноўную прыкмету недамагання: *Калі дзіця не спіць, то ёго ночніцы нападаюць (Барыскавічы, Мазырскі); Крыксы і плаксы – тое само, іх вулечваюць (Ліпляны, Лельчыцкі)*. Слова *крыксы, начніцы* распаўсюджаны ва ўсіх беларускіх народных гаворках [8, 205], [5, т. 1, с. 245], [3, 142], [3, 174]. Зафіксаваны яны і нарматыўнымі слоўнікамі беларускай мовы, аднак з іншымі лексічнымі значэннямі: *начніца* – ‘лятучая мыш’, ‘той (тая), хто доўга не кладзецца спаць, бадзеецца начамі’, *плакса* – ‘той, хто многа і часта плача’, ‘той, хто любіць скардзіцца, наракаць’ [9, 382], [9, 478].

Дзіцячае захворванне, калі “выварочвае” косці, суставы, абазначаецца словам *потаінік*. Яно ўтворана прэфіксальна-суфіксальным спосабам ад назоўніка *тайна*, што падкрэслівае невядомы характар узнікнення акрэсленага недамагання: *Потаінік нападзе на дзіця, і не можна рады даць (Галубіца, Петрыкаўскі)*. Пазначаная лексема сведчыцца нарматыўнымі слоўнікамі беларускай мовы [11, 549], набыла пашырэнне ў сярэднебеларускіх народных гаворках і гаворках паўночна-ўсходняй дыялектнай зоны Беларусі, аднак са значэннямі ‘параліч’, ‘эпілепія’ [8, 232], [2, т. 3, с. 442], што дазваляе кваліфікаваць слова *потаінік* як семантычнае рэгіянальнае ўтварэнне.

У выніку выпадковай сустрэчы двух немаўлят, на думку палешукоў, узнікае недамаганне, што мае назву *ўзносы*. Відавочна, базай для ўтварэння слова паслужыў дзеяслоў *несці* (з далучэннем прыстаўкі *уз-*): *Пока зубоў нема ў роце, дзіця з дзіця не страчаліся, бо ўзносы будуць (М. Малешава, Жыткавіцкі)*. Слова ўяўляе сабой вузкарэгіянальнае дыялектнае ўтварэнне, паколькі не засведчана яго фіксацыя ў іншых беларускіх народных гаворках і ў беларускай літаратурнай мове.

Прааналізаваны матэрыял сведчыць не толькі пра лексічныя адметнасці ўходнепалескіх гаворак, але і дазваляе выявіць закладзеную ў ім спецыфічную этнакультуралагічную інфармацыю. Разнастайныя праяўленні некаторых хвароб, недамаганняў, імкненне да іх дэтальнага апісання, а таксама пазначэння сімптомаў, знешніх праяўленняў і інш. спрыялі ўзнікненню шматлікіх матываваных намінаўных адзінак.

Асобныя народна-дыялектныя назвы пэўных захворванняў утвараюць сінанімічныя рады, дзе фіксуюцца іх лексічныя сінонімы, а таксама фанетычныя (словаўтаваральныя) варыянты адпаведнікаў, засведчаных у іншых беларускіх народных гаворках і сучаснай беларускай нарматыўнай мове.

Літаратура

1. Бялькевіч, І. К. Краёвы слоўнік усходняй Магілёўшчыны / І. К. Бялькевіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1970. – 512 с.

2. Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча: у 5 т. / рэдкал.: Ю. Ф. Мацкевіч (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Навука і тэхніка, 1979–1986. – Т. 1, 2, 3, 5.
3. Шатэрнік, М. Краёвы слоўнік Чэрвеньшчыны / М. Шатэрнік. – Мінск, 1929. – 320 с.
4. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. / пад агул. рэд. К. К. Атраховіча (К. Крапівы). – Мінск: БелСЭ, 1977–1984. – Т. 1, 2, 5.
5. Слоўнік гаворак цэнтральных раёнаў Беларусі: у 2 т. / пад рэд. Е. С. Мяцельскай. – Мінск: Універсітэцкае, 1990. – Т. 1. – 287 с.
6. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы: у 11 т. – Мінск: Навука і тэхніка, 1978–2006. – Т. 2, 5, 7.
7. Сцяшковіч, Т. Ф. Слоўнік Гродзенскай вобласці / Т. Ф. Сцяшковіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1983. – 671 с.
8. Каспяровіч, М. І. Віцебскі краёвы слоўнік / М. І. Каспяровіч. – Віцебск, 1927. – 390 с.
9. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / пад рэд. М. Р. Судніка, М. Н. Крыўко. – 2-е выд. – Мінск: БелЭн, 1999. – 784 с.
10. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер. – М.: Прогресс, 1986–1987. – Т. 1. – 576 с.
11. Слоўнік беларускай мовы: Арфаграфія. Арфазія. Акцэнтацыя. Словазмяненне / Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа АН БССР; пад рэд. М. В. Бірылы. – Мінск: БелСЭ, 1987. – 903 с.
12. Кучук, І. М. Палескі слоўнік: Лельчыцкі раён / І. М. Кучук, А. К. Малюк. – Мазыр: МазДП імя Н. К. Крупскай, 2000. – 156 с.

Л. В. Прахарэнка

ТВОРЫ А. ПУШКІНА ЯК АБ’ЕКТ ПЕРАКЛАДУ НА БЕЛАРУСКУЮ МОВУ

Перакладазнаўства як адгалінаванне ў лінгвістычнай навуцы – з’ява вельмі маладая. Але ў той жа час пераклад – гэта, несумненна, старажытны від чалавечай дзейнасці, вялікае мастацтва. Мноства выказванняў пра пераклад належыць выдатным мастакам слова, сярод якіх можна знайсці імёны Цыцэрона, Лютэра, Гётэ, Бялінскага і г. д. Пра важную ролю перакладаў гаварыў і сам А. Пушкін, які адзначаў, што выражанае аўтарам павінна быць перавыражана перакладчыкам.

Вядома, што творчая спадчына вялікага рускага паэта з сярэдзіны XIX ст. з’яўляецца аб’ектам увагі многіх пісьменнікаў беларускай літаратуры. Ц. Ліякумовіч лічыць, што “гэта заканамерная з’ява. У эпоху, калі адбываўся працэс фарміравання нацыянальнай свядомасці беларусаў, для паскоранага развіцця беларускай славеснасці спатрэбіліся высокія ўзоры пісьменніцкага майстэрства” [1, 123]. Пушкінскія творы сталі магутным стымулам духоўнага развіцця і мастацкага ўдасканалення беларускай літаратуры, што абумовіла цікавасць да яго твораў з боку беларускіх лінгвістаў, літаратуразнаўцаў,

спецыялістаў па перакладзе. Як зазначае М. Тычына: “яшчэ ў пачатку ХХ стагоддзя ў кнізе “Пушкін і яго сучаснікі” побач з артыкуламі вядомых пушкіністаў Б. Мадзалеўскага, Б. Тамашэўскага, Ю. Оксмана і іншых быў змешчаны артыкул М. Багдановіча “Дзве нататкі аб вершах Пушкіна”, дзе была засведчана зацікаўленасць творамі вядомага рускага паэта” [2, 23]. Уплыў А. Пушкіна на творчасць беларускіх пісьменнікаў даследавалі Ю. Пшыркоў, В. Барысенка, В. Івашын, М. Ларчанка, Р. Бярозкін і інш. Гэта тэма разглядаецца таксама ў дысертацыі А. Шалемавай. Імя А. Пушкіна называлася ў 4-томнай працы “Нарысы па гісторыі беларуска-рускіх літаратурных сувязей” (1993–1995). Асобныя артыкулы і да гэтага часу з’яўляюцца ў перыядычным друку.

М. Тычына лічыць, што “пры ўсёй шматгадовай цікавасці многіх беларускіх пісьменнікаў і навукоўцаў да асобы А. Пушкіна і яго творчасці лёгка заўважыць, што асабліва блізкія творчыя дачыненні склаліся ў Я. Коласа, які да свайго вялікага папярэдніка звяртаўся неаднаразова і з рознай нагоды” [2, 8]. Подых А. Пушкіна адчуваецца ў рамантычных паэмах Я. Купалы, у рэалістычным эпасе Я. Коласа, у прасякнутых пошукам праўды і характва многіх творах М. Багдановіча.

Сярод многіх кірункаў беларускай Пушкініяны асобнае месца займаюць пераклады, якія застаюцца адным з галоўных сродкаў ідэнтыфікацыі нацыянальнай літаратуры. Пра гэта ў свой час гаварыў М. Гарэцкі: “Перакладное пісьменства падрыхтавала ў нас грунт для развіцця самастойнага пісьменства, дало яму гатовую кніжную мову і літаратурныя ўзоры” [3, 95]. Пераклады твораў А. Пушкіна на беларускую мову не толькі дапамагаюць стаць бліжэй да творчай лабараторыі, паэтыкі аўтара, але і здольны ажыццявіць узаемадзеянне і ўзаемаўзбагачэнне дзвюх розных лінгвакультурных сістэм. Менавіта таму асаблівую цікавасць уяўляюць пераклады мастацкіх тэкстаў з рускай на беларускую мову.

“Эхо” – першы верш А. Пушкіна, які атрымаў другое жыццё на беларускай мове ў перакладзе А. Гурыновіча (1869–1894), быў апублікаваны толькі ў 1956 годзе ў зборніку “Беларускія пісьменнікі другой паловы ХІХ ст.”. Як адзначае М. Воінаў, “для часу невысокага развіцця беларускай літаратурнай мовы яго (Гурыновіча) пераклады можна лічыць удалымі. Яны рэалістычна адлюстроўваюць змест арыгінала, ідэйную задумку аўтара. Перакладчык у меру сваіх здольнасцей імкнуўся зберагчы не толькі вобразы арыгіналаў, але і іх фармальныя асаблівасці. Менавіта з-за імкнення як мага паўней узнавіць форму А. Гурыновіч часта ўжывае русізмы” [4, 7]. У той час не была ў дастатковай ступені распрацавана беларуская літаратурная мова, не існавала трывалых нормаў – адсюль і недахопы, якія сустракаюцца ў перакладзе. Аднак пераклад, зроблены А. Гурыновічам, засведчыў паспяховае станаўленне беларускай мовы, прадэманстравалі неабходнасць пошуку новых шляхоў для яе паўнакроўнага развіцця.

Затым М. Багдановічам быў перакладзены верш “Узник”. Праўда, ён быў апублікаваны толькі пасля смерці Багдановіча, у 1927 годзе. Асвойцаць паэтычную спадчыну А. Пушкіна беларускія перакладчыкі пачалі з 1930 года, калі ў часопісе “Маладняк” (№ 2) у перакладзе Ю. Гаўрука з’явіліся вершы “В Сибирь”, “Зимний вечер”, “Сосны”. У 1933 годзе гэты ж аўтар у часопісе “Польмя рэвалюцыі” (№ 2–3) надрукаваў свой пераклад верша “Восень”. “Актывізавалася дзейнасць беларускіх перакладчыкаў у сувязі са стогадовым юбілеем з дня смерці А. Пушкіна, які шырока адзначаўся ў 1937 г.” [5, 5]. Так, 6 чэрвеня газета “Чырвоная змена” апублікавала пераклады вершаў “Узник”, “Птичка”, “Во глубине сибирских руд...”, “Туча”, “К Чаадаеву”, “Кавказ”, выкананыя П. Глебкам. Часопіс “Польмя рэвалюцыі” апублікаваў паэму “Кавказский пленник”, якую пераклаў М. Хведаровіч, і інш.

Новым этапам у публікацыі твораў А. Пушкіна на беларускай мове стаў 1949 год, калі ў Беларусі адзначалася 150-годдзе паэта. У гэтым годзе на беларускай мове выходзяць “Стихотворения” А. Пушкіна і яго “Избранные произведения” пад рэдакцыяй Я. Коласа, П. Броўкі, П. Глебкі, А. Куляшова, Я. Шарахоўскага.

Грандыёзнай падзеяй стаў пераклад А. Куляшовым рамана “Евгений Онегин” у 1949 годзе. Зацішша было ў 1960-я гады. Толькі ў 1969 годзе ў газеце “Літаратура і мастацтва” з’явіліся вершы “Вакхическая песня”, “Воспоминание”, “Я вас любил” у перакладзе А. Бачылы. У 1981 годзе асобным выданнем выйшла ў перакладзе М. Хведароўскага кніга твораў А. Пушкіна “Кавказский пленник”, “Бахчисарайский фонтан”, “Сказка о царе Салтане...”. Многа перакладаў пушкінскіх вершаў з’явілася ў Беларусі ў 1987 годзе. Заслугоўваюць увагі і пераклады пушкінскіх твораў, змешчаныя ў зборніках серыі “Книга переводчика”. Самым поўным выданнем твораў А. Пушкіна на беларускай мове стаў двухтомнік “Избранных произведений” (1993). Да 200-гадовага юбілею вялікага рускага паэта быў выдадзены зборнік “Избранные произведения” (1999). Вядома, што існуюць неапублікаваныя пераклады твораў генія рускай літаратуры.

Бясспрэчна, што набыткі ў галіне мастацкага перакладу, пакінутыя А. Пушкіным, аказалі значны ўплыў на фарміраванне творчай індывідуальнасці паэтаў-перакладчыкаў. Рускі паэт зазначаў: “парадковы пераклад не можа быць дакладным. Кожная мова мае свае засвоеныя выразы, якія не могуць быць перакладзены на іншую мову адпаведнымі словамі” [6, 219].

Гаворачы пра асаблівасці перакладу вершаваных тэкстаў на беларускую мову, неабходна ўлічыць, што перакладчык павінен быць асобаю, якая набліжана па маштабах да перакладаемага аўтара. Вядомы афарызм, што перакладчык у прозе – раб, а перакладчык у паэзіі – сапернік, пацвярджае думку пра тое, што перакладчык саборнічае з паэтам, імкнецца перадаць адэкватна як мага больш асаблівасцей перакладаемага тэксту. Быць паэтам-перакладчыкам – гэта не толькі прафесія, але і стан душы.

Сярод перакладчыкаў пушкінскіх твораў – Я. Купала, Я. Колас, М. Багдановіч, К. Чорны, А. Куляшоў, П. Броўка, К. Крапіва, М. Танк, С. Грахоўскі, М. Стральцоў, Н. Гілевіч, В. Зуёнак, А. Якімовіч, А. Александровіч, Р. Барадулін і многія іншыя вядомыя майстры беларускай літаратуры. Не дзіўна, што на сённяшні дзень існуе па 3–7 версій перакладу таго ці іншага твора. Напрыклад, “Анчар” (С. Грахоўскі, Х. Жычка, М. Танк), “Вакхічная песня” (А. Астрэйка, А. Бачыла, А. Вярцінскі), “Воран к ворану ляціць” (М. Лужанін, Ю. Свірка, К. Шавель), “Да***” (С. Грахоўскі, В. Зуёнак, М. Лужанін, Я. Міклашэўскі, Ю. Свірка, М. Танк), “Да мора” (А. Астрэйка, А. Звонак, А. Пысін), “Дарожныя скаргі” (Э. Агняцвет, У. Паўлаў, Ю. Свірка), “Дз. В. Давыдаву” (Э. Агняцвет, М. Мятліцкі), “Дон” (Х. Жычка, М. Лужанін, М. Танк), “На ўзвышшы Грузіі” (Э. Агняцвет, В. Зуёнак, Ю. Свірка), “Ноч” (Я. Міклашэўскі, Я. Сіпакоў), “Прарок” (Р. Барадулін, С. Грахоўскі, Я. Міклашэўскі), “Рэха” (А. Гурыновіч, М. Танк, Ю. Свірка), “Узнік” (М. Багдановіч, Р. Барадулін, П. Глебка, Я. Міклашэўскі, М. Танк), “У Сібір” (Ю. Гаўрук, П. Глебка, А. Звонак, Ю. Свірка), “Я вас кахаў” (А. Бачыла, В. Зуёнак, А. Каско, М. Лужанін, Я. Міклашэўскі, Ю. Свірка), “Я помнік сам сабе ўзнёс нерукатворны” (А. Александровіч, Р. Барадулін, П. Глебка, В. Зуёнак, М. Лужанін, Я. Міклашэўскі, М. Танк) і інш.

Пераклады твораў А. Пушкіна даюць падставу меркаваць пра тое, што ў якасці аб’ектаў перакладчыкі выбіраюць: 1) найбольш вядомыя творы; 2) вершы, сугучныя сваёй творчасці; 3) творы, зразумелыя для нацыянальнага чытача па спосабу мыслення, эстэтычных, духоўных ідэалах. Такі актыўны зварот да перакладаў пушкінскіх твораў – яскравае пацвярджэнне таго, што пушкінскае разуменне прызначэння мастацтва сугучнае беларускаму нацыянальна-паэтычнаму светаадчуванню. “Пастаянная ўвага да паэта тлумачыцца тым, што пушкінскі геній не прыгнятае, не скоўвае, а акрыляе і абуджае ў мастака скрытыя сілы, натхняе на пошукі і адкрыцці. Выяўляецца пэўная заканамернасць: з ростам сталасці творчай індывідуальнасці ўзрастае ўвага да Пушкіна. Зварот да пушкінскага вопыту ў беларускай літаратуры ішоў па ўзыходзячай лініі: чым больш важкімі рабіліся яе дасягненні, тым больш цікавасці праяўляла яна да літаратурнай спадчыны вядомага рускага паэта” [1, 125].

Кожнага, хто займаецца перакладамі, перш за ўсё цікавяць пытанні іх адпаведнасці арыгінальным творам. З пункту гледжання ступені адпаведнасці пераклады могуць быць дакладнымі і вольнымі, але і пры вольных перакладах (калі гэта ўсё ж такі пераклады, а не новыя творы) пытанні адпаведнасці застаюцца актуальнымі.

Акрамя паняцця “адпаведнасць” (а ў тэорыі перакладу ўжываюцца і іншыя, блізкія да яго тэрміны), адным з найбольш распаўсюджаных з’яўляецца “эквівалентнасць”. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы дае наступнае вызначэнне паняцця эквівалент – ‘што-небудзь раўназначнае,

раўнацэннае, раўнасільнае чаму-небудзь, здольнае поўнасьцю замяніць яго' (лац. *aequivalens, equivalentis* – раўназначны, раўнацэнны) [7, V, 444]. Многія даследчыкі лічаць, што эквівалентнасць – гэта асноўная прыкмета і канстатуемая ўмова перакладу, якая “адрознівае яго ад іншых спосабаў перадачы зместу іншамоўнага тэксту” [8, 51]. Паводле вызначэння В. Вінаградава, “пад перакладчыцкімі адпаведнікамі (эквівалентамі) разумеюцца словы і словазлучэнні перакладу і арыгінала, якія ў адным са сваіх значэнняў перадаюць аднолькавы ці адносна аднолькавы аб’ём знамянальнай інфармацыі” [9, 65].

“Паняцце «эквівалентнасць» можна разглядаць у трох аспектах: экстралінгвістычным, лінгвістычным і ўласна-эстэтычным” [10, 164]. Першы з іх, экстралінгвістычны, мае непасрэднае дачыненне да перадачы на другой мове рэалій культуры, пад якімі трэба разумець характэрныя для той ці іншай культуры прадметы, рэчы матэрыяльнага свету [11, II, 308].

Для выражэння несупадзенняў у мовах і іншых аспектах культуры ў мовазнаўстве ўжываецца тэрмін “лакуна”, які выкарыстоўваецца для абазначэння таго, што ёсць у адной лакальнай культуры і чаго няма ў другой, “несупадзенні тых ці іншых культурных рэалій, якія раскрываюцца ў працэсе міжкультурнай камунікацыі” [12, 32]. Некаторымі даследчыкамі лакуны падзяляюцца на лінгвістычныя і культуралагічныя.

Да першых адносяцца лексічныя, граматычныя, стылістычныя, а да другіх – этнаграфічныя, псіхалагічныя, паводзінныя, кінэсічныя і некаторыя іншыя [12, 89]. І. Роўда ў дысертацыйнай працы пад лексічнымі лакунамі разумее “выпадкі, калі слову адной мовы няма аднаслоўнага эквіваленту ў іншай мове, незалежна ад інтра- і экстралінгвістычных прычын, што абумоўліваюць адсутнасць аднаслоўнай адпаведнасці” [13, 9]. Этнаграфічныя лакуны абумоўлены адсутнасцю рэалій, характэрных для адной лакальнай культуры, у другой культуры; псіхалагічныя лакуны звязваюцца з несупадзеннем нацыянальна-псіхалагічнага складу ўдзельнікаў камунікацыі; кінэсічныя – з адрозненнямі ў позах, міміцы і іншых праявах знакаваасці нямоўнага характару ў розных камунікатыўных сітуацыях.

Сярод моўных лакун, якія часта абумоўліваюць найбольш прыкметныя эстэтычныя разыходжанні беларускамоўных перакладных тэкстаў з рускімі арыгінальнымі, вылучаюцца лакуны стылістычныя. Наяўнасць такіх лакун, як слухна заўважыў М. Булахаў, “абумоўлена перш за ўсё гістарычнымі прычынамі: неадначасовым развіццём у іх суадносных функцыянальных стыляў мовы, неаднолькавым характарам засваення запазычаных (напрыклад, стараславянскіх, заходнееўрапейскіх) элементаў, рознай ступенню суаднеснасці літаратурных норм з жывой народнай мовай” [14, 3–4]. На працягу апошняга стагоддзя пры дапамозе рускай літаратурнай мовы былі засвоены некаторыя кніжнаславянскія словы, якія можна ўбачыць у творчасці

беларускіх мастакоў, напрыклад: *І іх пучоккі-златаблёткі / Наўкола кідаюць пялёсткі; Яшчэ не раз у час жніва / Дзянніца зоймецца шчасліва* (Я. Колас “Новая зямля”), *Падзеі засведчаны на скрыжальных гісторыі, Срэбнымі рожкамі мгліца / З цёмных нябёс маладзік* (М. Багдановіч), *Які след можа / Выпаліць на дрэве бліскавіца* (М. Танк). “Запазычанне славянізмаў беларускай мовай абмяжоўвалася немагчымасцю падпарадкаваць гукавую, марфалагічную і словаўтваральную форму чужога слова яго нацыянальнай спецыфіцы. Так, беларускай мове не ўласцівы спалучэнні *ш* (*шт*), *жд*, *ра*, *ла*, *ре*, *ле* (няпоўнагалоссе), прыстаўка *воз-*, суфіксы *-енн-*, *-іж-е*, характэрныя кніжнаславянскай мове” [14, 10].

Для дасягнення адэкватнасці перакладчыкі выкарыстоўваюць прыёмы пераадолення (элімінавання) лакун розных тыпаў. Напрыклад, з мэтай элімінавання лакун культурнага характару могуць выкарыстоўвацца прыёмы **запаўнення** і **кампенсацыі**. Запаўненне – гэта ўключэнне ў тэкст перакладу каментарыяў, якія раскрываюць сутнасць нехарактэрнай для дадзенай культуры рэаліі, а кампенсацыя – увядзенне ў тэкст перакладу такой рэаліі, якая нечым падобная да рэаліі іншай культуры.

Калі тэкст перакладаецца на блізкароднасную мову, то словы, якія называюць спецыфічныя рэаліі, могуць пераносіцца ў тэкст перакладу ў гатовым выглядзе. Такія словы ў розных крыніцах характарызуюцца як безэквівалентная лексіка (С. Влахаў, С. Флорын, Л. Бархудароў), экзатызмы (А. Равуцкі і інш.). У дачыненні да перакладаў мастацкіх тэкстаў такая з’ява характарызуюцца як **мастацкі білінгвізм**.

Сярод перакладаў, розных паводле функцыі моўных сродкаў, пераклад трапеічна-вобразных фрагментаў займае асобнае месца. У агульнай тэорыі перакладу, – зазначае В. Рагойша, – вылучаюцца “прыватныя, або спецыяльныя тэорыі перакладу, якія даследуюць заканамернасці перакладу з дакладных моў, твораў асобных жанраў і г. д.” [15, 6]. У сувязі з гэтым варта выказаць меркаванне, што пераклад трапеічных сродкаў вобразнасці павінен стаць прадметам спецыяльнай перакладчыцкай тэорыі.

Пры перакладзе на іншую мову літаратурных тэкстаў з высокай канцэнтрацыяй вобразных сродкаў перакладчыкі непазбежна сутыкаюцца з цяжкасцямі, якія значна павялічваюцца, калі пераклад так ці інакш бывае звязаны з пераадоленнем лакун розных тыпаў, і пры гэтым даводзіцца выбіраць найбольш удалыя варыянты, таму што больш ці менш адэкватна запоўніць або кампенсаваць усе наяўныя лакуны немагчыма. Да таго ж трэба адзначыць, што значная колькасць адпаведнасцей на розных тэкставых узроўнях – гэта яшчэ не паказчык высокай якасці мастацкага перакладу, таму што яго галоўная задача – дасягненне адэкватнасці эстэтычнай. Пераклад, на думку В. Рагойшы, павінен быць заснаваны на “функцыянальным падабенстве”, якое дазволіць перакладчыку дабіцца таго, каб пераклад выклікаў тое ж мастацкае ўражанне ў чытача, што і арыгінал [15, 5]

Дзеля дасягнення адпаведнасці на эстэтычным узроўні часта даводзіцца адмаўляцца ад адпаведнасцяў на ўзроўнях, якія маюць дачыненне да мовы або да будовы верша. Эстэтычная кіраванасць перакладу таксама можа прывесці да адмовы ад адной моўнай характарыстыкі дзеля адпаведнасці другой. Так, для захавання фанетычнай адпаведнасці перакладу ў некаторых выпадках даводзіцца ахвяраваць эквівалентнасцю стылістычнай.

Замены ў складзе і структуры моўных адзінак пры іх перакладзе характарызуюцца даследчыкамі як трансфармацыі. На думку А. Шыдлоўскага, яны зводзяцца да чатырох элементарных тыпаў: 1) перастаноўкі; 2) замены; 3) дабаўлення; 4) апушчэння [16].

Усе названыя тыпы выяўляюцца і пры перакладзе метафар. Але недастаткова ўлічваць толькі фармальныя змены. Тут варта прыняць да ўвагі і характар адпаведнасці галоўнага і дапаможнага суб'ектаў метафары, ад якога залежыць вобразны змест усёй метафарычнай канструкцыі. Змяняцца пры перакладзе метафары можа элемент, які называе тое, што параўноўваецца, тое, з чым параўноўваецца, або абодва элементы паралельна.

Улічваючы ўсе адзначаныя вышэй тыпы трансфармацый, за аснову класіфікацыі метафарычнага матэрыялу пры даследаванні пушкінскіх метафар мы прымаем наяўнасць або адсутнасць у перакладах такіх элементаў, якія абумоўліваюць розныя ступені неадэкватнасці ў кірунках метафарызацыі, характары вобразнага зместу, экспрэсіўных якасцей і інш.

У ролі элементаў, якія здольны ў найвышэйшай ступені захоўваць адэкватнасць метафар, намі разглядаюцца эквівалентныя лексічныя сродкі ў мове перакладу. Згодна з нашым пунктам гледжання, найвышэйшая ступень адэкватнасцей часцей за ўсё назіраецца ў выпадках, калі эквівалентныя словы ў перакладзе выконваюць ролю дапаможных суб'ектаў, г. зн. “вяршынь” метафары.

Такім чынам, намі вылучаюцца тры тыпы перакладчыцкіх трансфармацый. Да першага з іх мы адносім прыклады з высокай ступенню адэкватнасці, дзе метафары А. Пушкіна перакладаюцца эквівалентнымі беларускімі словамі з тым жа самым метафарычным сэнсам. Такая суаднесенасць абумоўлівае блізкую кіраванасць вобразных асацыяцый. Сюды ж адносяцца прыклады, калі назіраецца ўжыванне новаўтварэнняў па рускіх словаўтваральных мадэлях.

Да другога тыпу адносяцца прыклады неэквівалентных перакладаў, калі ступень разыходжання з арыгіналамі аказваецца больш значнай, але ў вялікай колькасці пазначаных прыкладаў галоўныя кірункі метафарызацыі захоўваюцца. У гэтай групе метафарычныя словы часта замяняюцца такімі, якія займаюць блізкае да іх месца ў лексічнай сістэме – на месцы метафарычнага слова з арыгінальнага тэксту можа ўжывацца яго перакладзены на беларускую мову сінонім, гіперонім, гіпонім, тэматычна аднароднае слова. Галоўную ролю пры выбары такіх адпаведнікаў адыгрывае традыцыйны

характар дадзенага кірунку метафарызацыі і ўстойлівае ўжыванне такіх слоў у ролі метафар як у рускай, так і ў беларускай паэзіі.

Да трэцяга тыпу мы адносім прыклады, дзе метафарычныя сродкі замяняюцца неметафарычнымі, вобразнасць адпаведнага фрагмента губляецца.

Акрамя прыкладаў трансфармацый метафар, якія складаюць у перакладах абсалютную большасць, намі прымаюцца да ўвагі і такія тыпы адпаведнасцей, калі на месцы нявобразных сродкаў ужываюцца вобразныя.

Гэта абумоўлена перш за ўсё фактарамі рыфмы і рытму, дзеля чаго перавага можа аддавацца пэўнага роду сугучнасцям, нягледзячы на тое, што пры гэтым могуць страчвацца адпаведнасці лексіка-семантычнага плана.

Літаратура

1. Лікумовіч, Ц. Б. Пушкін і беларуская літаратура / Ц. Б. Лікумовіч // Весці НАН Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 1995. – № 4. – С. 123–126.
2. Тычына, М. А. Аляксандр Пушкін і Якуб Колас / М. А. Тычына. – Мінск: Бел. навука, 1999. – 168 с.
3. Гарэцкі, М. Гісторыя беларускай літаратуры / М. Гарэцкі. – Мінск: Маст. літ, 1992. – 479 с.
4. Воінаў, М. М. Паэзія А. Пушкіна ў беларускіх перакладах / М. М. Воінаў // Пушкинский сборник (к 200-летию со дня рождения): материалы науч.-метод. конф., 21 мая 1999 г. / Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель, 2000. – С. 5–12.
5. Верабей, А. А. Беларуска-рускі паэтычны ўзаемапераклад 20–30-х гадоў / А. А. Верабей. – Мінск: Навука і тэхніка, 1990. – 221 с.
6. Куляшоў, А. Работа над перакладам “Яўгенія Анегіна” / А. Куляшоў // А. С. Пушкін і Беларусь = А. С. Пушкин и Беларусь / уклад. Т. Махнач; гал. рэд. А. Мальдзіс. – Мінск: Бел. навука, 1999. – С. 214–221.
7. Глуначальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. / пад рэд. К. К. Атраховіча. – Мінск: БелСЭ, 1977–1984. – Т. 1–5.
8. Комиссаров, В. Н. Слово о переводе. Очерк лингвистического учения о переводе / В. Н. Комиссаров. – М.: Междунар. отношения, 1973. – 215 с.
9. Виноградов, В. С. Лексические вопросы перевода художественной прозы / В. С. Виноградов. – М.: МГУ, 1978. – 172 с.
10. Ревуцкий, О. И. Лингвистический анализ художественного текста: учеб. пособие для студентов филол. фак. вузов / О. И. Ревуцкий. – Минск: НМЦентр, 1998. – 192 с.
11. Булыка, А. М. Слоўнік іншамоўных слоў: у 2 т. / А. М. Булыка. – Мінск: БелЭн, 1999. – 2 т.
12. Текст как явление культуры / Г. А. Антипова [и др.]. – Новосибирск: Наука, 1989. – 197 с.
13. Роўда, І. С. Лексічныя лакуны і сродкі іх кампенсацыі (супастаўляльнае, сістэмна-функцыянальнае даследаванне беларускай і рускай моў): аўтарэф. дыс. ... докт. філал. навук: 10.02.01; 10.02.02 / І. С. Роўда; Бел. дзярж. ун-т. – Мінск, 1996. – 35 с.
14. Булахов, М. Г. Основные вопросы сопоставительной стилистики русского и белорусского языков / М. Г. Булахов. – Минск: БГУ, 1979. – 40 с.
15. Рагойша, В. П. Проблемы перевода с близкородственных языков: белорусско-русско-украинский поэтический взаимоперевод / В. П. Рагойша. – Минск: БГУ, 1980. – 184 с.
16. Шидловский, А. В. Лингвистические проблемы перевода на белорусский язык / А. В. Шидловский. – Минск: Высш. школа, 1978. – 96 с.

О. И. Ревуцкий

ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЕ СВОЙСТВА ОБРАЗНОГО МЫШЛЕНИЯ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В СИСТЕМЕ ТРОПОВ

Проблемы тропа постоянно привлекают к себе внимание представителей разных областей гуманитарного знания: филологов, включая литературоведов и лингвистов, философов, специалистов по семиотике, культурологии и другим наукам. Ученых интересуют вопросы об особенностях языкового выражения тропов, психологических механизмах троповости, о тропах как специфичных средствах кодирования информации в языке, о роли тропеических средств в познании, в художественном отображении реальности и многое другое.

Одной из центральных задач филологии на пути к построению общей теории тропа является поиск интегрирующих начал троповости и признаков, позволяющих объединять отдельные тропы в более тесно связанные между собой группировки.

На заре своего возникновения учение о тропах совмещало в себе риторический и логический аспекты. Такое понимание представлено в трудах Аристотеля и его последователей [1]. В настоящее время оба подхода к изучению тропов нередко разделяются. Так, традиционно риторическое направление преследует прежде всего практические цели, связанные с изучением тропов и фигур как средств украшения речи. При этом предполагается ознакомление с сущностью того или иного риторического средства или приема, выработка умений узнавать разные тропы и фигуры в тексте и строить аналогичные конструкции. Авторы многих современных пособий по риторике [2, 3] стремятся к предельно широкому охвату материала, в результате чего представленный в их пособиях список тропов и фигур нередко приближается к ста. Поиск интегрирующих начал троповости в задачи данных работ не входит.

Основы типологического исследования тропов связываются прежде всего с логической стороной учения Аристотеля, в частности, с его идеей пропорциональности, т. е. обратимости тропов, и свойством данных средств развертываться по принципу парной симметрии.

Важное типологическое значение имеет во многом основывающаяся на идеях Аристотеля интеракционистская теория, выдвинутая М. Блэком и рядом других исследователей. Согласно этой теории тропы строятся по бинарному принципу, сущность которого сводится к объединению в языковой структуре двух несоединимых между собой в обычной речи смыслов. Например, *мак заката* (С. Есенин), где в одном словосочетании объединяются понятия из областей «растения» и «наблюдаемые небесные явления». Хотя данная теория была разработана на основе метафор, есть основание считать, что подобная двуплановость свойственна и тропам других разновидностей. Как справедливо замечает И. Р. Гальперин, почти

все виды тропов основываются на соединении двух типов значений [4, 274]. Представление о бинарности тропов поддерживается современной семиотикой, считающей бинарность основой структурирования любых знаковых систем [5, 126–129].

В современной филологии предпринимаются попытки найти четкие интегрирующие признаки между тропами, наиболее близкими по особенностям семантического механизма и способам выражения, например между метафорой и оксюмороном, метафорой и метонимией, метафорой и сталкиванием значений.

Принимая интеракционистскую теорию, мы считаем, что типологизация тропов может быть осуществлена прежде всего с учетом характерных свойств, своего рода констант образного мышления. Цель нашей работы заключается в том, чтобы очертить такие константы, увязав их с тропами отдельных разновидностей и с тропами синкретичного характера. При описании и систематизации материала нами частично учитывались малоизвестные подходы к тропам, изложенные в трудах разных ученых, которые имеют непосредственное отношение к задачам нашего исследования.

В качестве важной основополагающей особенности образного мышления рассматриваем установку на фантастичность, понимаемую нами как преодоление пределов реального и возможного и создание иллюзорной, условной реальности. Полагаем, что доля фантастичности в той или иной степени присутствует в большинстве тропов, хотя наиболее четкое выражение это качество получает в гиперболе, гротеске, метаморфозе. Обратимся к примерам. Троп гипербола означает фантастическое преувеличение, своего рода преодоление предела реального. Среди примеров гиперболы в языке наиболее показательны такие, которые выражают преувеличение размера (*вырос до неба, ростом с коломенскую версту*) и количества (*я тебе тысячу раз говорил*). В стиле поэзии гиперболлизация часто связывается с преувеличением возможностей при выполнении какого-либо действия. Например: *С неба звездочку достану и на память подарю* (из песни); *Хочешь, завтра тебе озорную зарю посвящу, напишу на заре: «Это ей посвящается, ей!»* (Р. Рождественский).

Фантастичность гиперболы может проявляться и в представлении описываемого лица как превращающегося в кого-либо иного или во что-либо иное. Ср., например, из рекламного текста: *моего от экрана не оторвать, скоро голова квадратной станет*. Данный фрагмент иллюстрирует одно из характерных направлений гиперболлизации: постепенное превращение в предмет высокого почитания, преклонения. Пример гиперболы со сходной направленностью находим у Е. Ильфа и И. Петрова в романе «Двенадцать стульев», где об авиаторе (летчике) говорится, что у него вместо волос на голове начали расти перья. Речь, таким образом, идет о превращении в птицу. В двух последних примерах гипербола сочетается с метаморфозой, рассматриваемой рядом исследователей в качестве самостоятельного тропа, моделирующего фантастическое превращение.

В современной поэзии встречается и «чистая» метаморфоза, не связанная с эффектом гиперболы. К ее наиболее характерным направлениям относится изображение умерших людей как оживших. В качестве примера приведем фрагмент из текста В. Высоцкого «Монумент», в котором лирический герой как бы живет вторую жизнь в облике памятника: ***Я при жизни был рослым и стройным / и в привычные рамки не лез, / Но с тех пор, как считаюсь покойным, / Охромилы меня и согнули, / К пьедесталу прибив ахиллес.***

Следующей константой образного мышления, выступающей в качестве одной из движущих сил тропообразования, является установка на совмещенное восприятие разных предметов, картин, ситуаций. Сказанное касается прежде всего художественных метафор, для которых определение данного тропа как переноса часто не подходит. Речь скорее должна идти о двойном кодировании смысла. Часто не «срабатывает» и традиционное определение метафоры как скрытого сравнения, которое применимо лишь к минимальным метафорическим конструкциям типа ***серп луны, солнечный шар*** и т. п. Образно-художественные метафоры нередко отличаются большой развернутостью, семантической сложностью и асимметричностью в выражении двух планов значения. Например, при олицетворении природных объектов очень часто абсолютно преобладает «человеческий» контекст. Такие объекты, к примеру деревья, часто изображаются как переговаривающиеся между собой, выполняющие ту или иную работу, танцующие и т. п.

Ассоциации по сходству в развернутых метафорических конструкциях часто бывают неявными, совмещенными с ассоциациями по смежности или вообще сводятся на нет. Покажем это на примере С. Есенина: ***Лижет теленок горбатый вечера красный подол.*** В этом фрагменте наблюдается явная асимметрия в выражении двух планов значения. Семантический план, связанный с кормлением теленка, абсолютно преобладает над семантическим планом «время суток», т. е. ***вечер***. На месте слова ***вечер*** здесь логично было бы употребить слово, называющее женщину, например, ***хозяйка: теленок лижет подол хозяйки, вышедшей его кормить.*** Попытка реконструировать данное метафорическое выражение в сравнительную конструкцию в данном случае обречена на неудачу, поскольку фраза ***вечер похож на хозяйку*** выглядела бы нелепой. Думается, что здесь правомерно говорить не о сравнении, а о сближении двух разных ситуаций, которые хорошо «подходят» одна к другой; первая: хозяйка вышла кормить теленка и вторая: в это время на небе горела вечерняя заря. Вырисовывается здесь и «семантический мост» между двумя смысловыми планами, связывающий понятия ***вечер*** и ***хозяйка***. Это скрытая ассоциация по цвету: алый цвет зари – красный цвет подола. Примеры подобных метафор показывают, что их «движущими силами» являются тенденции образного мышления, отличающиеся от тех, которые ведут к образованию гипербол. Хотя гиперболы также могут рассматриваться как семантически двухплановые

тропы (где фантастический смысл коррелирует с нефантастическим), однако в метафоре оба смысла относительно равноправны и их восприятие можно расценить как «мерцание смыслов», в то время как в гиперболе абсолютно доминирует смысл фантастический, а реальный часто оказывается имплицитным и подразумеваемым.

Психологический механизм гиперболизации хорошо понимал Аристотель, который считал, что гиперболы более подобает употреблять молодым авторам [1, 148]. Из этого можно заключить, что создание гиперболических выражений ученый связывал с бурным проявлением эмоций, которое не всегда могло приводить к удачным примерам.

Влиянием свойства совмещенного видения разных планов реальности можно объяснить появление таких тропов, как каламбур и сталкивание значений, под которым понимается троп, занимающий промежуточное положение между метафорой и каламбуром [6, 1–56]. Например: ***В голове от имен такая каша, / как общий котел пехотного полка*** (В. Маяковский). Фокусом сталкивания здесь является фразеологизм *каша в голове*, а оба смысловых плана «сумбур, неразбериха» и «продукт питания» инициируются контекстом. Как и в метафорических выражениях, оба смысловых плана при сталкивании оказываются относительно равноправными, хотя, в отличие от метафор, здесь имеет место элемент парадоксальности: сталкивание является намеренным, демонстрирующим игру слов. Автор как бы приглашает читателя прочувствовать такое парадоксальное языковое явление, как способность одних и тех же языковых знаков выражать совершенно разные смыслы.

Основываясь на подобных и других примерах, о которых речь пойдет ниже, можно прийти к выводу, что парадоксальность, наряду с двумя вышеназванными особенностями образного мышления, входит в число основополагающих его свойств. Выражается она в иронии, разного рода алогизмах, совмещении противоположностей, частично – в метонимии.

Распространенным средством выражения парадоксальности является троп, который Н. С. Валгина вслед за Ю. М. Лотманом определяет как перевернутый образ [7, 134–136]. Пример такого тропа находим в одном из стихотворений Э. Асадова. Описывая раннее утро, автор дает такую картину: ***Фонари уже степенно, / как рабочие уставшие, / возвращаются со смены.*** Данное высказывание по форме напоминает метафору, которая осложнена сравнением. Однако метафоричность в данном примере отсутствует, поскольку в числе признаков фонарей нет таких, которые могли бы быть предметом сравнения с возвращающимися со смены рабочими. Речь, таким образом, может идти только о перевороте. В сфере подобных тропов оказываются примеры, рассматриваемые представителями средневековых риторик как металепсис. Ср.: ***Отдайте ветры кораблям.*** Перевернутость в данном случае заключается в том, что ветры обычно выступают в качестве субъектов действия, они наполняют паруса и движут корабли.

Здесь же активная роль отводится кораблям, а пассивная – ветрам. Такой пример правомерно рассматривать и как метонимию. К перевернутым образам близок и такой троп, как оксюморон, например: **Безмолвные крики висят, зацепившись за звезды** (Р. Рождественский).

Итак, к константам образного мышления, определяющим процессы тропообразования, мы относим его установки на фантастичность, на совмещение представлений о разных понятиях, картинах, ситуациях и на парадоксальность. Показателем правомерности выдвижения данных свойств на роль типологических критериев троповости является то, что они могут действовать совместно, определяя тем самым явление синкретизма тропов. Возможность реализации в одном и том же выражении метафоры и гиперболы отмечал еще Аристотель [1, 143]. В современной поэзии немало примеров совмещения трех, четырех и более тропов. Ср.: **Свет на весь простор земной, / крылья радость распластала. / Льет свет... Что было мной – / Этим буйным светом стало.** В данном выражении можно обнаружить одновременно и гиперболу, и метаморфозу, и перевернутость.

Опора на константы образного мышления позволяет усмотреть соотносимость тропов и фигур. Так, например, с гиперболой часто соотносится смысловая градация. Неслучайно градационные ряды нередко завершаются гиперболами. Ср.: **Берет как бомбу, / берет как ежа, / как бритву обоюдоострую. / Берет как зрелую / в двадцать жал / змею двухметроворостую.** (В. Маяковский). Установка на парадоксальность часто ведет к употреблению параллельных конструкций, которые Р. О. Якобсон рассматривает как проявление принципа эквивалентности поэтического языка.

Изложенный в настоящей статье подход может способствовать более точному представлению тропеического инвентаря как системы, в частности, пересмотру существующих положений, касающихся трактовки тех или иных тропов как базовых. Разумеется, для этого необходимо более тщательное исследование, основывающееся на привлечении обширного тропеического материала.

Литература

1. Античные риторика / под ред. А. А. Тахо-Годи. – М.: Изд-во Моск-го ун-та, 1978. – 352 с.
2. Ключев, Е. В. Риторика / Е. В. Ключев. – М.: Изд-во Приор, 2001. – 268 с.
3. Львов, М. Р. Риторика. Культура речи / М. Р. Львов. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 272 с.
4. Гальперин, И. Р. О принципах семантического анализа стилистически маркированных отрезков текста / И. Р. Гальперин // Принципы и методы семантических исследований. – М.: Наука, 1981. – С. 267–289.
5. Почепцов, Г. Г. Семиотика / Г. Г. Почепцов. – М.: «Рефл-бук»: «Ваклер», 2002. – 432 с.
6. Ревуцкий, О. И. Метафора, сталкивание значений и каламбур: общность и различие / О. И. Ревуцкий // Вестник Белорусского государственного университета. Сер. 4, История. Филология. – 2007. – № 3. – С. 51–56.
7. Валгина, Н. С. Теория текста / Н. С. Валгина. – М.: Логос, 2003. – 280 с.

О. В. Сергушкова

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СЕГМЕНТИРОВАННЫХ КОНСТРУКЦИЙ

Целью нашего исследования было определение структурных, семантических и коммуникативных свойств сегментированных конструкций (СК), выявление типов СК, употребляемых в современной публицистике на русском языке, и их участия в актуальном членении высказывания.

В результате проведённого исследования мы пришли к выводам:

1 Изучение состояния проблемы расчленённости предложения выявляет, что, несмотря на значительное количество работ в этой области, спорными остаются многие вопросы, в том числе терминология явления. Расчленённость предложения как речевой факт в лингвистической литературе названа по-разному: **парцелляция**, **сегментация**, **сепаратизация**, **антиципация** и др. На наш взгляд, объединяющим мог бы стать термин **сегментация**. Наше понимание СК базируется на точке зрения В. Б. Касевича, согласно которой речь вообще имеет сегментационный характер, т. е. состоит из сегментов. Мы считаем СК результатом сегментации третьего уровня, при которой канонические языковые единицы, уже сегментированные естественным образом, выносятся в позицию **суперсегментации** – за пределы предложения, становясь маркированными по признаку «вытесненности» с позиции части предложения в позицию самостоятельного высказывания. СК может быть назван любой отчленённый от базового предложения (БП) фрагмент, т. е. СК – это инвариантная коммуникативная единица текста, представляющая собой синтаксический отрезок, отделённый от БП знаком конца предложения, линейно занимающий по отношению к БП лево- или правостороннюю позицию и выполняющий коммуникативно значимую функцию в теморематическом членении высказывания. Н-р: *Отдыхать надо. **И вам, и ребёнку**...* (СБ. – 2006. – 14 июня)¹

Среди СК, занимающих правостороннюю позицию по отношению к БП (левосторонние СК, т. е. именная тема, СК наименования, не рассматриваются), в зависимости от коммуникативных функций, участия в выражении темы и ремы текста и его частей нами выделены парцелированные конструкции (ПК), конструкции собственно сегментированные (КСС) и присоединительные сегментированные конструкции (ПСК). В ПК структурируется P'_2 ; в КСС содержится P'_1 , которая уточняет

¹ Обозначения и сокращения: нежирный курсив – текст без СК; жирный курсив – СК; жирный курсив с подчёркиванием – сегментированная синтаксема; газеты: ЛГ – «Литературная газета», СБ – «СБ – Беларусь сегодня».

или поясняет ремю БП; в ПСК реализуется типовая семантика присоединения, вследствие чего в них всегда есть $P'_{2 \text{ добав.}}$ ²

2 Кроме формальных признаков, СТ имеют и отличительные содержательные свойства:

2.1 СК, акцентируя ремю или (реже) тему, попадают в сильную позицию смыслового выражения. В них происходит более отчётливая актуализация семантических компонентов составляющих лексем, чем при расположении в БП. Но и в БП, благодаря СК, темо-рематический материал часто подвергается перераспределению, а рематический компонент сильнее акцентируется. Н-р: (1) *Отлично! Для начала...* (СБ. – 2004. – 10 марта), где в СТ акцентируются две ремы, а не одна, как в трансформе без сегментации. (2) *О Клеопатре написано много. Вот и ещё одна книга. Необычная и очень красивая.* (ЛГ. – 2001. – 25 мая – 5 июня), где трансформации выявляют возможные варианты с необособленным и обособленным определением: (1) *Вот и ещё одна необычная и очень красивая книга* и (2) *Вот и ещё одна книга, необычная и очень красивая.* В несегментированных трансформах речь идёт о двух событиях, об одном из которых, содержащем авторизованную оценку, в предложении (1) сообщается в «свёрнутой пропозиции», а в предложении (2) вторая пропозиция – в силу полупредикативных отношений – достаточно отчётлива. Но именно в СК, образованной сегментированными адъективными синтаксемами предикативного характера, новая пропозиция получает наиболее релевантное выражение (по сравнению с трансформами): *Вот и ещё одна книга. Необычная и очень красивая. – Вот и ещё одна книга. (Она) необычная и очень красивая.* Таким образом, при сегментации реализуется возможность сообщить о втором событии через типовую СК. Причём реализация второй ремы не зависит от способа ее выражения: это может быть имя (как часть речи), наречие, глагол, служебное слово, вводная конструкция, словосочетание, ПЧ.

2.2 Становясь компонентами текста, синтаксемы в составе СК, как правило, не теряя своих типичных значений, свойственных им в свободной, обусловленной и связанной позициях в БП, приобретают обусловленную сегментацией коммуникативно-функциональную специфику, которая заключается в а) большей самостоятельности, обусловленной независимой позицией; б) структурировании новой ремы; в) перераспределении смысловых оттенков, ином их градуировании в СТ; г) приобретении нового смыслового оттенка; д) изменении иллокуции СТ; е) активизации более значительной части апперцепционной базы реципиента.

² Обозначения: Т – тема, Р – рема, индекс при Т и Р – порядковый номер Т и Р в СТ; сокращенные слова при индексе – коммуникативные значения Р; P'_1 – транспортированная из БП в СК часть P_1 ; P'_2 – транспортированная из БП в СК вторая рема СТ; $P'_{2 \text{ добав.}}$ – транспортированная из БП в СК добавочная рема СТ.

2.3 Есть мнение, что при парцелляции отчленённый компонент беспрепятственно соединяется с БП [1]. Однако коммуникативно-функциональный подход выявляет в большинстве случаев обязательную сегментацию. Н-р: ... *играла австрийская теперь скрипачка, профессор Венской высшей школы музыки Дора Шварцберг... Какая звучная, полнокровная у нее скрипка! Одушевлённая, дерзкая, яркая и нарядная.* (ЛГ. – 2008. – 6–12 февр.) Здесь определения-адъективы можно расположить только так, как сделал автор статьи. Именно сегментация позволяет проранжировать признаки: поставить на место ремы главные из них, объективно наиболее высоко оцениваемые (с подчёркиванием оценки восклицательной интонацией), и включить в СК также важные для автора, но более частные оценки, структурирующие детализацию ремы. Ни один трансформ (несегментированный) в данном случае неприемлем, так как стилистически сомнителен и значительно искажает смысл.

2.4 Исследователь Р. О. Зелепукин [1] отмечает, что способность ПК к расчленённости проявляется в разной степени и в качестве наиболее «слитных структур» называет конструкции сильного управления. Наш материал не всегда подтверждает это. Так, среди многочисленных сегментированных синтаксем вин. пад. на первом месте по частотности стоит связанная синтаксема **вин. пад. без предл.** со значением «объекта действия – при переходных акциональных глаголах физического или ментального действия» [2, 158] (28,4% по отношению ко всем случаям (220) винительного сегментированного). Н-р: *Пишут, что именно Тарковский дал актрисе точный посыл. И ещё – жажду работы.* (СБ. – 2008. – 11 янв.) Влияет на степень отчленённости, увеличивая ее, и наличие в значении сегмента оттенка присоединения. Факторами «потенциальной парцеллированности» являются также реприза сегментированной синтаксемы и «рематические» слова. «Сильную степень потенциальной парцеллированности» мы бы отметили не только у «сочинённых сказуемых» [1], но и у сочинённых подлежащих: среди именных синтаксем в нашей картотеке больше всего употреблений с сегментированным именительным падежом – предикцирующим и предикцируемым, причем не только в свободной, но и в обусловленной позиции (более 450 из 2500). Н-р: *Олимпиаду делают энтузиасты. И деньги.* (СБ. – 2001. – 4 окт.) Таким образом, к факторам «потенциальной парцеллированности», кроме отмеченных в [1], мы бы отнесли функцию синтаксемы, семантику присоединения, репризу, «рематические» слова, связь с текстом, глубинные семантико-синтаксические мотивировки.

2.5 Часто появление в речи СК связывают со знанием адресатом Принципа кооперации П. Грайса [3]. Мы полагаем, что привлекательность СК для многих авторов заключается не только в стремлении следовать, например, максиме количества, но и в том, что сегментация даёт

возможность реализовать способность языка к ценностному уравниванию ситуаций или их фрагментов, как, например, в тексте с вариативной последовательностью сегментированных предидирующих компонентов с квалитативным значением, относящихся к эллиптическому предидируемому члену: *Вот Алесю Чернявскую взять. Красавица, каких свет не видывал. Но поди ж найди ей пару! Остроумна. Своенравна. Непоседлива. Добра. Стройна. Сильна. Самодостаточна.* (СБ. – 2007. – 28 февр.) С другой стороны, приём отчленения используется для градуирования информации – структурирования восходящей или нисходящей градации в СТ, выражающей ранжирование денотативных ситуаций. Н-р: *Собственно говоря, этот город был построен как торжество смерти, потому что в действительности империя – это смерть человека. И смерть народа, всё остальное является ложью, с моей точки зрения. Петербург и был метафорой смерти, метафорой империи, а человеку в ней нечего было делать* (ЛГ. – 2001. – 30 мая–5 июня), где репризой создаются предпосылки для восходящей градации значения предидирующего компонента, выраженного словом экзистенциальной семантики, называющим один из «главных градационных мотивов» [4] вообще, – значения слова *смерть*. Оно получает, благодаря зависимому компоненту *народа*, настолько значительное расширение, что градуированный смысл становится в СК не только ядром новой пропозиции, т. е. второй ремой, но и одной из ключевых рем текста.

2.6 Частотность употребления СК зависит прежде всего от прагматических компонентов, структурирующих языковую индивидуальность автора. То есть СК – это синтаксические построения в поверхностно-формальном смысле и онтологически дискурсивные по своей природе и функциям.

2.7 Учёные считают, что по своему происхождению СК восходят к разговорному субстрату, слабому элементу устной речи. СК действительно часто имеют оттенок разговорности, но в письменном языке они далеко не всегда являются имитацией разговорной речи. Н-р: *... пиар... как раз и создан для того, чтобы принизить и унижить человека. Пиар, главная задача которого – создание параллельной реальности... Потому что это реальность сумасшедшего дома, который по замыслу сильных мира сего должен стать для всех нас повседневной нормой. /// Но станет ли? Извините, а это – большой вопрос! И ответ на него зависит от каждого из нас. От наших воли или безволия, силы или бессилия, мужества или трусости. Другими словами – от истинности нашей культуры.* (ЛГ. – 2008. – 5–11 марта) Из восьми высказываний в тексте четыре являются СК, но, несмотря на это, перед нами речь высокого стиля с ярко выраженной публицистичностью и даже отчасти патетикой, что во многом обусловлено именно СК и их интонационной выделенностью.

2.8 Результатом процесса сегментации выступает и экспрессивность, понимаемая нами как сила воздействия сообщения на адресата. Получившая формальную самостоятельность СК проецирует свою неиконичность на БП, ибо остается компонентом её диктума и модуса. Таким образом, происходит совмещение иконического и неиконического в синтаксическом знаке, являющемся СТ, чем в значительной степени обуславливается повышенная экспрессивность подавляющего большинства СК. Сила воздействия возрастает вследствие эффекта обманутого ожидания. Н-р: *Застраховалась. **От преступления.*** (СБ. – 2003. – 12 марта) *Конечно, наш театр маленький. **Но удаленький!*** (ЛГ. – 2002. – 27 марта) Для усиления экспрессии, создаваемой СК, используются паратаксические связи, антитеза, эллипсис, парадокс, анадиплозис, анафора и др. В СК данные средства специализируются на функции акцентуации P'_1 , P'_2 , P'_2 добав. Н-р: сегментация с антитезой, вынесенной в СК и структурирующей новую, контрастивную, рему – с эмотивной семантикой: *Знаете, как всё-таки приятно, когда тебя называют красавицей, – даже когда понимаешь, что это всего лишь комплимент. **Зато не дежурный, а искренний.*** (СБ. – 2006. – 4 ноября)

2.9 При сегментации свойственная синтаксемам семантика становится достоянием текста, т. е. он обогащается новыми смысловыми нюансами. Н-р: *Игорь моет посуду. **По очереди с сестрой. По графику.*** (АиФ в Белоруссии. – 2007. – № 46) Выделенные сегменты «выносят» в текст значения **основания** действия, названного в БП, и **соответствия** этого действия сложившейся ситуации [2, 151]. Многие из подобных смысловых нюансов характерны для отношений между предложениями-высказываниями в тексте. Но в СК такие смыслы более отчётливы.

2.10 СК поддаются таксономии и кодификации.

3 СК образуют специфическое языковое поле, исследование которого подтверждает полевой характер языка в целом. Поле сегментации представляет собой совокупность СК, связанных между собой системными отношениями, прежде всего отношениями сходства и различия, и характеризуется следующими признаками: а) общностью некоторых особенностей структуры и выполняемых функций СК: это компоненты предложения, вынесенные за его границы и актуализирующие специфические теморематические смыслы; б) однотипностью и разнотипностью СК (СК темы, ПК, КСС, ПСК); в) наличием нескольких макрополей СК: 1) с компонентами T'_1 , P'_1 ; 2) с компонентами T'_2 , P'_2 ; 3) с компонентами T'_2 добав., P'_2 добав., которые, в свою очередь, состоят из микрополей; г) вертикальной организацией, заключающейся в структурировании макрополей из микрополей, н-р: поле СК с компонентом P'_2 состоит из микрополей с P'_2 темпор., P'_2 посес. и др.³;

³ Сокращения: посес. – посессив, темпор. – темпоратив.

д) отсутствием резкой разграничительной линии между ядром и периферией; ж) размытостью признаков СК на периферии поля.

4 В текстах газетных статей на белорусском языке СК также встречаются достаточно часто. Анализ СТ, извлечённых из текстов белорусских газет на русском и белорусском языках, показал, что между этими языками нет различий в употреблении СК как текстовых и текстообразующих элементов. Так, полное тождество наблюдается при структурировании и диремных (или полиремных) СТ, в которых СК содержит новую рему – P'_2 , и моноремных СТ, в которых в СК новой ремы нет, и СТ с ПСК. Н-р: *По профессии я инженер. И даже хороший.* (ЛГ. – 2001. – 11–17 апр.), где в базовом предложении рема-квалификатив – $P_{1\text{ квалиф.}}$, а в сегменте рема оценки – $P'_2\text{ оценки}$; *Подобно многим другим интернетовским обозревателям, она – человек-функция. Человек-проект* (ЛГ. – 2000. – 22–8 ноября), где денотативное пространство ремы БП, *человек-функция*, расширяется в СК предидирующей синтаксемой – *человек-проект* – с таким же, квалификационно-оценочным, значением, т. е. выделенная СК содержит не новую рему, а ещё одну часть ремы (P_1) БП – P'_1 ; *Як дарослы, усе разумеў. (1) Падышоў, абняў маці. (2) Моцна-моцна, як у маленстве. (3) І гэтаксама пшычотна.* (ЛіМ. – 1999. – 2 сак.), где (1) и (2) – ПК, выраженные глагольными и наречной синтаксемами – акцентуаторами P'_2 , а (3) – наречная КСС со значением аксиологической оценки, являющаяся расширением ремы БП, т. е. P'_1 . В приведённых примерах в СК реализуется коммуникативная стратегия суперпозиции второй ремы или части ремы БП, заключающаяся «в особом сгущении смысла» [5, 29], позволяющем говорить об имплицитной второй пропозиции.

Одинаковыми в двух сравниваемых языках являются грамматические характеристики и функции сегментированных конструкций, их коммуникативные типы и коммуникативные роли, а также структурируемые сегментами коммуникативные модели. Сегментируются, с частотой разной степени, одни и те же синтаксемы: преимущественно именные, глагольные, адъективные, реже – наречные; члены предложения, связанные с БП полупредикативными отношениями, предикативные части, отчленённые от сложного предложения.

Различия в сегментировании высказываний на русском и на белорусском языке касаются, прежде всего, структурно-семантических особенностей предложно-падежных форм. Так, в белорусском языке синтаксема *к + дат. пад.* со значением **директива** коррелирует с моделью *да + род. пад.*: в предложениях *Партызаны накіраваліся к лесу* и *Партызаны накіраваліся да леса* (примеры извлечены из [6]) выделенные синтаксемы имеют тождественные семантико-синтаксические значения, в том числе и в СК, в отличие от русского языка, в котором подобной корреляции нет, синтаксема *до + род. пад.* обозначает **директив с**

дименсивным оттенком, т. е. пространственный предел как конечную точку движения [2, 44]. Н-р: *абстрактные композиции Юрия Злотникова и Олега Кудряшова поразили как раз своим порывом к человеческому содержанию. К глубинам души*. (ЛГ. – 2001. – 30 мая – 5 июня)

Взаимодействие двух близкородственных языков на языковом поле СК имеет чётко выраженные признаки: 1) **полное сходство** (тождество) текстообразующих функций и коммуникативных ролей СК; 2) **неполное сходство** в способах структурирования СТ: они строятся как по одинаковым, так и по отличающимся друг от друга коммуникативным моделям; 3) **различия** в частотности употребления СК и в их разнообразии: в проанализированных текстах на белорусском языке они встречаются реже (процент СК к количеству БП ниже), кроме того в русских газетных текстах СК более разнообразны по значению, построению и функционированию, чаще встречаются в заголовках; в газетных текстах на белорусском языке найдено меньше отчлененных конструкций полупредикативного характера и сегментов-абзацев, нет примеров сегментации союзов, предлогов, вводных слов, что наблюдается в русских текстах, выше процент частотности сегментированных придаточных частей разных типов.

Таким образом, СК способны структурировать новую рему, перераспределять смыслы между базовым предложением и отчлененной частью, изменять интенцию и иллокутивную силу высказывания. СК – это средство динамического развёртывания содержания и смысла текста, они или являются синтаксемами, или строятся из синтаксем, одна из которых грамматически и по смыслу доминирует и выступает фактически в роли или второй ремы (темы), или пояснения, а также добавочной информации к реме базовой структуры. СК выполняют ремовыделительную функцию, а также обогащают текст новыми диктальными и модальными смыслами, выступая фактором и маркером новых пропозиций.

Литература

1. Зелепукин, Р. О. Парцелляция в художественной прозе В. Токаревой: структура, семантика, текстообразующие функции: автореф. ... дис. канд. филол. наук: 10.02.03 / Р. О. Зелепукин; Московск. гос. пед. ун-т им. М. А. Шолохова, 2007. – 26 с.
2. Золотова, Г. А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. – Изд. 2-е, испр. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 440 с.
3. Борисова, Е. В. Коммуникативно-прагматические особенности парцеллированных конструкций в современном немецком языке: автореф. ... дис. канд. филол. наук: 10.02.04 / Е. В. Борисова; Барнаульский гос. пед. ун-т. – Барнаул, 2003. – 21 с.
4. Береговская, Э. М. Очерки по экспрессивному синтаксису / Э. М. Береговская. – М.: УРСС, 2004. – 204 с.
5. Янко, Т. Е. Коммуникативные стратегии русской речи / Т. Е. Янко. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 382 с.
6. Глумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / НАН Беларусі, Ін-т мовазн. імя Я. Коласа; пад рэд. М. Н. Крыўко. – Мінск: Беларуская энцыклапедыя імя П. Броўкі, 1999. – 784 с.

В. С. Сидорец

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЕРБОИДОВ

Исследование вербоидов, неоднословных наименований предикатного признака типа *вести эксперимент, испытывать радость, состоялся митинг* весьма актуально в современной лингвистике. Деривационно-семантическая структура этих дискретных единиц, представляющая результат взаимодействия дериванта – десемантизированного глагола и лексического центра вербоида – абстрактного существительного, отличается гибкостью, мобильностью, содержательной ёмкостью. Являясь коммуникативными эквивалентами глаголов, вербоиды существенно расширяют пределы функционально-семантической категории процессуальности [1], входят в состав словообразовательных гнёзд [2], весьма употребительны в ментально-психической сфере человеческой деятельности, поскольку здесь «собственно словообразовательные средства номинации крайне **непродуктивны**» [3, 142]. Вербоиды широко используются в современных восточнославянских литературных языках, поэтому достаточно интересно их изучение с позиций контрастивной лингвистики [4].

Естественно, своеобразие деривационно-семантической структуры вербоидов «востребовано» художественным текстом. Кстати, в современных лингвистических исследованиях проблеме текстообразующей функции вербоидов внимания не уделялось, да и само понятие художественного текста нуждается в дальнейшей теоретико-практической конкретизации.

Как известно, специфика художественного текста стимулирует индивидуально-авторское начало в разносторонней актуализации языковых средств, отобранных из национального языка для реализации творческого замысла, заключающегося в том, что автор при создании художественного произведения «производит отбор... явлений действительности, которые соответствуют его представлениям и концепциям. Вымышленные, но правдоподобные ситуации моделируются им в целях пояснения и подтверждения своих идей и представлений» [5, 4]. Однако «общей теории художественного текста... ещё не создано. Художественный текст продолжает оставаться некоторой “закрытой сущностью”» [5, 4]. Сложность анализа его заключается в многоплановости, многомерности семантики, поскольку «художественный текст не только отражает действительность, но и выражает средствами естественного языка модели человеческого отношения к миру» [5, 18]. В связи с этим И. Р. Гальперин отмечает особый характер модальности художественного текста [6, 72], который проявляется через свойственную тому или иному писателю систему актуализации языковых средств. Отсюда вытекает «высокая степень антропо-

центризма художественного текста, который предстаёт как сложный смысловой знак, выражающий знания писателя о действительности, воплощённые в его произведении в виде индивидуально-авторской картины мира» [7, 49].

Востребованность вербоидов художественным текстом проявляется в употреблении различных по объёму и конфигурации вербоидных образований. В процессе реализации творческого замысла вербоиды подвергаются как простым, элементарным изменениям (*вести борьбу: веду борьбу, ведущий борьбу, ведение борьбы, ведётся борьба* и др.), так и сложным, которые проявляются в интеграции вербоидов (*чувствовать близость + чувствовать враждебность = чувствовать близость и враждебность*), во включении в состав вербоидов слов-классификаторов (*испытывать горечь поражения, отдаваться чувству любви*), в перераспределении компонентов вербоидов с элементами определённой трансформации по предикативным частям сложноподчинённого предложения (*давать оценку, совершать перемены: оценка, которую даю; перемены, которые совершались*) и др.

Простые, элементарные изменения вербоидов достаточно значимы в повествовании, поддерживают или усиливают в тексте различные эмоционально-смысловые акценты: 1) «*Да нестерпимо было и самое чтение, вызывавшее рукоплескания*» [8, 186]; 2) «*И он собирался, делал приготовления к отъезду, ходил по Москве...*» [8, 190]; 3) «*Ты естество мужское, лезешь на стену, предъявляешь к ней высочайшие требования инстинкта продолжения рода...*» [8, 190]; 4) «*И всё это доставляло Мите странное удовольствие*» [8, 206]; 5) «*что... даже давало порой странную надежду, что в Соньке можно найти не то наперсницу своих чувств, не то некоторую замену Кати*» [8, 206].

В первом примере отрицательный с точки зрения Мити характер смысла *чтение было искусственным с элементами фальши, пошлой невучести, в результате – нестерпимым* усиливается оксюморонным по отношению к этому смыслу вербоидом *вызывавшее рукоплескания* (вызывать рукоплескания). Во втором примере смысл *поскольку Митя твёрдо решил уезжать* поддерживается не глаголом *готовился*, а более значимым по семантике вербоидом *делал приготовления*, потому что в функции форманта (дериванта) выступает глагол *делать*, а существительное употребляется в форме множественного числа, подчёркивая многократность вербоидного действия. Не случаен семантически значимый вербоид *предъявлять требования*, подкреплённый прилагательным *высочайшие* в третьем примере, который является своеобразным следствием смысла *Митя нетерпим ко всем женским слабостям Кати в силу особых свойств своего характера и своей мужской природы*.

Вербоиды *доставляло удовольствие* и *давало надежду* представляют центры итоговых предикативных частей, заключающих развитие смысловой линии взаимоотношения Мити и Соньки на протяжении 14-ой главы.

Достаточно распространённым средством в процессе реализации творческого замысла является приём интеграции вербоидов, когда данные деривационные сочетания, имея один деривант, объединяются в комплекс, представляющий своеобразный «сгусток», фокус значений нескольких предикатных существительных – семантических центров вербоидов: «С людьми, окружавшими его, от дочери до слуг, князь был резок и неизменно-требователен, и потому, не быв жестоким, он **возбуждал** к себе **страх и почтительность**, каких не легко мог бы добиться самый жестокий человек» [9, 112]; «Достигнуть Цнайма прежде французов – значило получить большую надежду на спасение армии; дать французам предупредить себя в Цнайме – значило наверное **подвергнуть** всю армию **позору**, подобному ульмскому, или общей гибели» [9, 214]; «Этот человек теперь в силе, я должен **приобрести** его **доверие и дружбу** и через него устроить себе выдачу единовременного пособия» [9, 253]; «Вид этот и звуки эти не только не возбуждали в нем какого-нибудь унылого или робкого чувства, но, напротив, **придавали** ему **энергии и решительности**» [9, 356]; «Тихон, сначала исправлявший черную работу раскладки костров, доставления воды, обдирания лошадей и т. п., скоро **оказал** большую **охоту и способность** к партизанской войне» [12, 142]; «Получив известие о Бородинском сражении и об оставлении Москвы, Ростов не то чтобы **испытывал отчаяние, злобу или месть** и тому подобные чувства, но ему вдруг все стало скучно, досадно в Воронеже, все как-то совестно и неловко» [12, 20].

Как видим, в отмеченных комплексах объединены вербоиды, именные компоненты которых могут вступать в частичные отношения синонимии или антонимии: *возбуждать страх и почтительность* = *возбуждать страх* + *возбуждать почтительность*; *приобрести доверие и дружбу* = *приобрести доверие* + *приобрести дружбу* и т. д. Вербоиды *возбуждать почтительность*, *придавать энергии*, *придавать решительности*, *оказывать способность* – единственные средства наименования акционально-статального признака. Что касается вербоидов *возбуждать страх*, *подвергнуть позору*, *подвергнуть гибели*, *приобрести дружбу*, то они имеют однословные коммуникативные эквиваленты *устрашать*, *опозорить*, *погубить*, *подружиться*, которые, однако, не «воспринимаются» текстом, поскольку не имеют необходимых дистрибутивно-семантических свойств, в отличие от синонимичных вербоидов. Так, словоформу *устрашал* не «пропускают» компоненты *к себе*, *почтительность* и придаточная часть *каких не легко мог бы добиться самый жестокий человек*. Словоформа *опозорить* не контактирует в дистрибутивном отношении с компонентами текста *подобному ульмскому*, имеет в сочетаниях с другими словами элементы просторечно-разговорного характера. Результатом структурно-смысловой ассимиляции с вербоидом *подвергнуть позору* является вербоид *подвергнуть гибели*, вместо словоформы *погубить*. Вербоид с взаимно-возвратным значением

приобрести (его) дружбу имеет коммуникативный однословный эквивалент *подружиться* (с ним), который принципиально допустим в данном тексте, но его не «пропустит» с таким же значением вербоид *приобрести* (его) *доверие*, поскольку он не имеет однослогового коммуникативного эквивалента «*поверить*» (с ним).

И, наконец, в последнем примере мы имеем тройной комплекс вербоидов *испытывал отчаяние, злобу или месть*, который не даёт никаких шансов однословным компонентам *отчаивался, злобствовал* (злился) для вхождения в текст, во-первых, потому, что в языке нет третьего однослогового компонента («мстился»), и, во-вторых, потому, что три именных компонента данного комплекса в структурном и семантическом отношении поддерживаются словами «и тому подобные чувства».

Текстообразующие и текстоорганизующие свойства вербоидов нередко активизируются следующим путём: их семантический стержень – абстрактное существительное – представляет опорный смысловой центр одной из предикативных частей сложного предложения, а десемантизированный глагол (деривант) с коммуникативным заместителем этого существительного – местоимением – перемещается в другую предикативную часть. Так, например, преобразованы вербоиды *выказывать любовь, давать свободу*: «*Ростов был очень счастлив любовью, которую ему выказывали; но первая минута его встречи была так блаженна, что теперешнего его счастья ему казалось мало, и он всё ждал чего-то еще, и еще, и еще*» [10, 10]; «*Митя провожал Катю в студию Художественного театра, на концерты, на литературные вечера или сидел у неё на Кисловке и засиживался до двух часов ночи, пользуясь странной свободой, которую давала ей мать, всегда курящая, всегда нарумяненная дама с малиновыми волосами, милая, добрая женщина (давно жившая отдельно от мужа, у которого была вторая семья)*» [8, 183].

В этих примерах особенно заметна текстоорганизующая роль, а также мощная семантическая нагрузка вербоидов. Текстоорганизующая роль заложена в весьма динамичной, гибкой деривационной структуре вербоидов, отражающей модели синтаксических словосочетаний, а ёмкая семантическая нагрузка обусловлена составляющими частями вербоида: десемантизированным глаголом (деривантом), чаще всего сохраняющим ослабленные лексические семы, которые дают качественную характеристику общeverбоидного акционально-статального признака, и абстрактного существительного, обладающего пропозитивной семантикой.

«Распадаясь», вербоиды прежде всего скрепляют предикативные части, реализуя творческий замысел писателя. Однако такая трансформация вербоида не только повеление текста. Если исходить из психолингвистической концепции мотива (мотивации), речевой интенции и т. д., то интересной представляется мысль М. В. Всеволодовой о том, что «не контекст

“проясняет” смысл слова, а слово “выбирает” свой контекст и своих **контекстпартнёров**, в связке с которыми оно передаёт необходимый говорящему смысл, или иначе, сочетаемость слова определяется его ЛСВ, концептуальной значимостью, частеречной принадлежностью и способностью нести те или иные субъективные смыслы... Связь слова “со своим” контекстом позволяет уточнить собственное значение слова, раскрыть его концепт в данном языке» [13, 26].

На семантику и организацию текста часто работает комплекс «мер», применяемых писателем по отношению к вербоидам: *«Всякий молодой человек, приехавший в дом Ростовых, глядя на эти молодые, восприимчивые, чему-то (вероятно своему счастью) улыбающиеся, девические лица, на эту оживлённую бегодную, слушая этот непоследовательный, но ласковый ко всем, на всё готовый, исполненный надежды лепет женской молодёжи, слушая эти непоследовательные звуки, то пенья, то музыки, испытывал одно и то же **чувство готовности к любви и ожидания счастья, которое испытывала и сама молодёжь дома Ростовых**»* [10, 48]. Во-первых, в один комплекс объединены два вербоида: **испытывать любовь** и **испытывать счастье**. Во-вторых, осуществлена конкретизация семантики именных компонентов **любовь** и **счастье** распространёнными классификаторами (термин М. В. Всеволодовой) **чувство готовности** (к любви) и **чувство ожидания** (счастья). В-третьих, компонент **счастье** получает семантическое подкрепление повтором десемантизированного глагола **испытывала** с заместителем этого компонента местоимением **которое**.

Мы обратили внимание лишь на отдельные фрагменты проявления текста через призму вербоидных конструкций. Дальнейшее исследование этой проблемы с учётом деривационной специфики вербоидов [2; 4] и их производных позволит основательнее и глубже понять структурно-семантическое и текстообразующее своеобразие вербоидов в художественном тексте.

Литература

1. Сидорец, В. С. К проблеме содержания ключевых понятий функциональной грамматики / В. С. Сидорец // Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна. – 2009. – № 2 [23]. – С. 157–161.
2. Сидорец, В. С. Отношение восточнославянских вербоидов к словообразовательным гнездам, возглавляемым прилагательными *рад, рады (рад), радий (рад)* / В. С. Сидорец // Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна. – 2008. – № 3 [20]. – С. 82–88.
3. Телия, В. Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке / В. Н. Телия. – М.: Наука, 1981. – 269 с.
4. Сидорец, В. С. Вербоиды – компоненты восточнославянских словообразовательных гнезд / В. С. Сидорец // «Мова і культура». – Київ: «Видавн. Дім Дм. Бураго», 2009. – Вип. 11. – Т. X (122). – С. 71–80.
5. Белянин, В. П. Психолингвистические аспекты художественного текста / В. П. Белянин. – М.: Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 1988. – 123 с.

6. Гальперин, И. Р. О понятии *текст* / И. Р. Гальперин // Лингвистика текста: материалы научн. конф. – М., 1974. – Ч. 1. – С. 67–73.
7. Огнева, Е. А. Когнитивное моделирование концептосферы художественного текста / Е. А. Огнева. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2009. – 280 с.
8. Бунин, И. А. Повести и рассказы. 1917–1930 / И. А. Бунин // Собр. соч.: в 9 т. – М.: Художественная литература, 1966. – Т. 5. – 543 с.
9. Толстой, Л. Н. Война и мир. Роман в 4-х томах. Т. 1. / Л. Н. Толстой // Собр. соч.: в 22 т. – М.: Художественная литература, 1979. – Т. 4. – 400 с.
10. Толстой, Л. Н. Война и мир. Роман в 4-х томах. Т. 2. / Л. Н. Толстой // Собр. соч.: в 22 т. – М.: Художественная литература, 1980. – Т. 5. – 429 с.
11. Толстой, Л. Н. Война и мир. Роман в 4-х томах. Т. 3. / Л. Н. Толстой // Собр. соч.: в 22 т. – М.: Художественная литература, 1980. – Т. 6. – 447 с.
12. Толстой, Л. Н. Война и мир. Роман в 4-х томах. Т. 4. / Л. Н. Толстой // Собр. соч. в 22 т. – М.: Художественная литература, 1981. – Т. 7. – 431 с.
13. Всеволодова, М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса / М. В. Всеволодова. – М.: Изд-во МГУ, 2000. – 504 с.

В. В. Струкаў

**ЭКСПРЭСІЎНА-АЦЭНАЧНАЕ ПРОЗВІШЧА
ЯК ЛІНГВІСТЫЧНЫ ТЭРМІН
(на матэрыяле мовы раманаў Івана Мележа “Палеская хроніка”)**

У складзе літаратурных прозвішчаў лінгвісты вылучаюць наступныя тыпы: 1) нейтральныя; 2) “гаваркія”; 3) прозвішчы з падтэкстам.

Беручы за аснову класіфікацыю як адпаведную фактам мовы і маўлення, мы, аднак, не пагаджаемся з лінгвістычным тэрмінам «“гаваркія” прозвішчы», хоць ім карыстаюцца ў мовазнаўстве. Не пагаджаемся таму, што яго кампанент – прыметнік “гаваркія” не “працуе” на ўспрыманне выразу як тэрміналагічнага: што значыць “гаваркія”, які бок оніма ён акрэслівае і наколькі адназначным з’яўляецца?

Невыразнасць значэння кампанента, яго вобразнасць і неадназначнасць перашкаджаюць ужыванню словазлучэння «“гаваркія” прозвішчы» ў якасці лінгвістычнага тэрміна. Дададзім тут выказванне расійскага даследчыка У. Ніканава, у якім ён называе няўдалым не толькі апошні з прыведзеных тэрмінаў, але і сінанімічныя з ім – значымае, знамянальнае і сэнсавае. Лінгвіст пры гэтым падкрэслівае, што ўсе яны маюць на ўвазе такое імя, у якім «этымалагічнае (даантрапанімічнае) значэнне лексічнай асновы характарызуе ў “лоб” сутнасць персанажа: *Дурак, Праўдзін*, такія самыя *Свіньін, Скацінін* – ад другасных значэнняў слоў *свіння, скаціна*, г. зн. грубы, брудны» [1, 238].

На карысць магчымай кадыфікацыі выразу “экспрэсіўна-ацэначныя прозвішчы” як тэрміналагічнага “працуе” слоўнікавы артыкул “*Экспрэсія*” ў “Слоўніку лінгвістычных тэрмінаў” В. Ахманавай, план зместу якога складаюць наступныя істотныя, а значыць, паняццевыя кампаненты: першы з іх акцэнтуюе ўвагу на выразна-вобразнай якасці маўлення; другі – на адрозненні такога маўлення ад звычайнага (ці стылістычна нейтральнага); трэці – на наданні маўленню вобразнай і эмацыйнай афарбаванасці [2, 524].

Ідэнтычны змест паняцця “*экспрэсія*” фіксуе “Слоўнік лінгвістычных тэрмінаў” П. Сцяцко, М. Гуліцкага, Л. Антанюк, дзе яно падаецца як “выразна-маляўнічыя якасці мовы, якія надаюць маўленню вобразнасць і эмацыянальнасць; экспрэсію маўленню надаюць лексічныя, словаўтваральныя і граматычныя сродкі, экспрэсіўна афарбаваныя” [3, 173].

На магчымасць ужывання выразу “экспрэсіўна-ацэначныя прозвішчы” як тэрміналагічнага ўказвае план зместу лінгвістычнага тэрміна “*экспрэсіўная лексіка*” (прозвішчы складаюць спецыфічны склад лексікі мовы): ‘слы, якія выражаюць эмацыянальна-ацэначныя адносіны чалавека: ласку, фамільярнасць, жарт, кпіны, іронію: *матуля, дарагуся, жарт, трапло, скупенд*’ [3, 173].

Расійская даследчыца В. Фанякова, аналізуючы матываванасць літаратурных антрапонімаў, карыстаецца выразам “*стылістычная экспрэсія ацэначнасці*”, якая “ўзнікае” ў «“гаваркіх” прозвішчах і мянушках дзякуючы іх семантычнай двухпланавасці: этымалагічнае (адапелятыўнае) значэнне асновы накладваецца на ўласна анамастычнае, намінатыўнае, і ў выніку чаго першае паманяе другое і робіць яго “гаваркім”, ацэначным і двухпланавым» [4, 45].

Як відаць, дарэчна ўжываць у дачыненні да “гаваркіх” прозвішчаў выраз “экспрэсіўна-ацэначныя прозвішчы”, паколькі ён з’яўляецца адназначным, а значыць, патэнцыяльна тэрміналагічным, складаючы састаўную частку паняццевых сувязяў тэрмінасістэм: “экспрэсія ↔ экспрэсіўны ↔ экспрэсіўнасць” і “ацэнка ↔ ацэначны ↔ ацэначнасць”.

Статус слова “гаваркія” абмежаваны яго ўжываннем як метафары-эпітэта ў адносінах да ўсіх літаратурных прозвішчаў (адносна-нейтральных, экспрэсіўна-ацэначных і прозвішчаў з падтэкстам), бо ўсе яны ў той ці іншай меры маркіраваныя, “гавораць” чытачу пра персанажа – пра яго пол, нацыянальную ці сацыяльную прыналежнасць, характарыстычныя рысы, гістарычную і этнакультурную асвоенасць.

У вялікіх пісьменнікаў літаратурна-мастацкія антрапонімы заўсёды адпавядаюць сінхранічнай ці дыяхранічнай сістэмам (у залежнасці ад гістарычна-дыяхранічнага часу мастацкага ўвасаблення чалавека і яго існасці), нацыянальнаму, этнакультурнаму і этнарэгіянальнаму каларыту.

Маючы справу з прозвішчамі як характарыстычнымі і эмацыйна-экспрэсіўнымі сродкамі, пісьменнікі ў творах 1960–1990-х гг. і апошняга дзесяцігоддзя асабліва не захапляюцца імі. І калі зрэдку ўводзяць у структуру мастацкага тэксту, дык робяць гэта з расстаноўкай акцэнтаў і, калі патрэбна, з канцэнтраваннем фарбаў на тым ці іншым характарыстычным баку персанажа, абазначанага такім прозвішчам, пра што сведчыць літаратурна-мастацкі вопыт Івана Мележа. Аўтар раманаў “Палескай хронікі” разглядаў экспрэсіўна-ацэначныя прозвішчы літаратурных персанажаў як невызначальны бок антрапанімістыкі. Невыпадкова колькасны склад іх тут абмежаваны: намі засведчана толькі тры такія прозвішчы – *Дубадзел*, *Зубрыч*, *Ярашчук*.

Прозвішчам *Дубадзел* надзелены старшыня Алешнікаўскага сельсавета па мянушцы Крывароты, які ва ўсім, што ні рабіў, як ні паводзіў сябе, – быў, як сам сябе фігуральна ацэньваў пасля правалу на пасадзе, “*дубовых дзел*” чалавекам, “*ціснуў на людзей*”, “*еў і піў з іх*”, “*мацаў і валіў баб*”, “*разварушыў вяскowy муравейнік*”, “*вёў бальшавіцкую лінію*”, “*змагаўся за новае жыццё*” [5, 305].

Як антрапонім у соцыуме прозвішча асемантычнае, выконвае намінацыйна-ідэнтыфікацыйную функцыю ў якасці асноўнага кампанента іменавання чалавека, пра што сведчыць фіксацыя ў слоўніку “Беларуская антрапанімія” М. Бірылы [6, 138].

Экспрэсіўна-ацэначную значымасць набыло прозвішча паводле лексемы *дуб*, што як кампанент кампазіта-дэрывата з’явілася ўтваральнай асновай антрапанімічнай намінацыі і адначасова дэрывацыйнай базай для фарміравання характарыстычнай рысы персанажа, абазначанага гэтым прозвішчам на аснове пераноснага значэння слова *дуб* ‘пра тупога, неразумнага чалавека’ [7, 205]. У спалучэнні з другім кампанентам утвораны кампазіт атрымаў значэнне ‘*дубовых дзел*’ чалавек як вынік актуалізацыі семаў апелятываў у мікра- і макракантэкстах мастацкіх тэкстаў: “*Дубадзел гаварыў амаль без перапынку, усё высокім голасам – вінаваціў, заклікаў. Па тым, як ён гаварыў, адчувалася, што для яго не так важныя самі словы, думкі, якія ішлі часта без ладу, паўтараліся, – колькі тон прамовы, той запал, якім ён не даваў прытухнуць ні на секунду.*

– *От рэжа! Як рэпу грызе!* – сказаў нехта пасля Ганны. Яна ўлавіла ў голасе непрыхільнасць.

– *Стараеца!* – адгукнуўся хтосьці іншы, хрыпаты, прастуджаны. – *Прапіўся, паляцеў з сельсавета, дык цяпер са скуры лезе!*

– *Начальство ж унь, побач сядзіць!* Заўважыць можа?

– *Аж ахрып!* І патыліца – умокла!

Патыліца, праўда, мокла ад поту, Дубадзел нецярыліва раз-пораз выціраў яе далоняй. І хрып, што далей, то больш: усё часцей вымушан быў прытыняцца, пракашлівацца. Але і не думаў канчаць гаворку. Ганна не першы раз дзівілася яго настойлівасці і ўпартасці” [5, 50–51].

У асобных выпадках актуалізацыя семаў апелятываў забяспечваецца ўвядзеннем у мікракантэкст мастацкага тэксту аднакаранёвых слоў, якія празрыста ўказваюць на сувязі і ўзаемасувязі плана выражэння і плана зместу прозвішча з апелятывамі і яго аднакаранёвымі ўтварэннямі. Пры гэтым эмацыйны фон маўлення (маецца на ўвазе мастацкі мікракантэкст) знаходзіцца ў прамой адпаведнасці з набываемай онімам характарыстычнасцю: *“Дубадзелу чаго-чаго, а энергіі пазычаць не трэба было. Не было ніколі недахопу энергіі. Цяпер гэта энергія проста рвалася з яго няўцямна. <...>Дуб [адзелава] энергія рвалася вонкі і таму, што ён жа бачыў, што навокал рабілася; рабілася такое, чаго ніколі не было. Калектывізацыя ўлезла ў самае балота, разварушыла ўсіх чарцей, заходзіліся, закруціліся чэрці. Як Дуб [адзелу] спакойна было сядзець збоку, не ўлезці ў гэта сама кодла, не ўткнуць **дубіну**, папужаць, а потым, як яны вылезуць, пачаць **дубасіць** (вылучана намі. – В. С.) іх па чортавых галавах. Ён, можна сказаць, толькі і чакаў такую пару! Яго пара”* [5, 305].

Экспрэсіўнай ацэнчнасцю валодае прозвішча *Зубрыч*, пад прыкрыццём якога на пасадзе загадчыка райза, звёўшы ў зман раённых начальнікаў, доўгі час працягвае варожую дзейнасць атаман бандытаў *Маслак*, у мінулым *“недавучаны студэнцік”*, *“лёгкадумны, упэўнены ў сабе прапаршчык”*, *“даверлівы, саманадзежны керанец”*, што *“неразумна ўскочыў (з чужым прозвішчам. – В. С.) у безнадзейную авантуру, у паўстанне, якое не магло не праваліцца”* [8, 429].

Да характарыстычнага ўспрымання прозвішча чытач рыхтуецца паступова – праз падключэнне ў працэс “пазнавання” персанажа, адкрыцця яго сутнасці: *“парційны да нітачкі”*, не такі ён *“парційны да нітачкі”*. І толькі потым, не для ўсіх, а толькі для *Яўхіма Глушака*, даецца *“самараскрыццё”*, якое змушае чытача глядзець на персанаж праз прызму прозвішча, на што *“працуе”* таксама ўнутраная самаацэнка *Зубрыча*, памоцненая актуалізацыяй семы слова *зубы*, якое, не з’яўляючыся ўтваральнай асновай оніма, а толькі яго этымонам, пралівае святло на семантычную значымасць прозвішча: *“Няпростая сітуацыя, – і выходзіць, што нейкая нікчэмнасць, як Башлыкоў, Апейка, Харчаў, быццам – дужэй за яго [Зубрыча]. І ён павінен хіліцца перад імі, лісліва круціць хвостом, сведчыць сваю любоў, адданаць ім, бальшавіцкай справе. Поўзаць і штохвіліны аглядвацца, як бы не заўважылі, што ён час ад часу выпускае зубы, точыць іх. Трывожыцца, як бы раптам не вылезла наверх старанна зацэртае калісьці, засыпанае пылам гадоў...”* [8, 428].

Як вядома, онім у соцыуме захоўвае сваю дыферэнцыйную функцыю як асноўную, а ў літаратурным творы на першае месца ставіць стылістыку: *«мастацкая анамастыка... не адрознівае, “гаворыць”»* [9, 36].

Экспрэсіўная стылістыка прозвішча трымае на ўвазе адну рысу, адну ўласцівасць дэнатата (літаратурнага персанажа), абазначанага гэтым

онімам, – зубавыпусканне, якая набывае тую ці іншую інтэрпрэтацыю з боку аўтара і выражае яго ацэначнасць з боку чытача. Указваючы на такую асаблівасць уласнага літаратурнага асабовага імя, А. Суперанская падкрэслівае, што “імя і вобраз, якія паралельна ствараюцца ў творчасці пісьменніка, дапаўняюць і ўдакладняюць адно аднаго, працуюць адно на аднаго” [3, 133], як гэта выразна выявілася ў стылістыцы прозвішча *Зубрыч* і вобразе літаратурнага персанажа *Зубрыча*.

Паводле марфаналагічна-семантычнай структуры прозвішча, з’яўляючыся дэрыватам, узыходзіць да апелятыва *зубр*, з якім у адным карнявым гняздзе слоўнік “Беларуская антрапанімія” М. Бірылы падае такія беларускія і рускія прозвішчы, як *Зубр*, *Зубрэвіч*, *Зуброк*, *Зубракоў*, *Зубрыновіч*, *Зубрыцкі*, *Зубер*, *Зубрык*, *Зубрев*, *Зубрыцкій* [6, 161].

Стылістыка прозвішча, беручы свой пачатак з этымона *зуб*, падпарадкоўвае яго план зместу канцэпцыі вобраза, па-свойму інтэрпрэтуе антрапанімічную норму, не парушаючы пры гэтым прынцыпу яе характарыстычнай празрыстасці. Апошняя абумоўлена тым, што імёны літаратурных персанажаў, у тым ліку і прозвішчы, у мастацкім творы суадносяць дзеянне з пэўным часам, сацыяльным асяродкам, дэтэрмінаванымі сінхранічна і дыяхранічна, з рэальным антрапаніміконам, з класам антрапанімаў у соцыуме.

Зразумела, Іван Мележ, як Якуб Колас і іншыя пісьменнікі, не заўсёды карыстаўся наяўным у мове антрапанімічным рэсурсам. Нярэдка ён не абмяжоўваўся адным толькі антрапанімічным падборам, як гэта мы назіралі на прыкладзе онімаў-прозвішчаў *Дубадзел* і *Зубрыч*. Пісьменнік займаўся ўласнай антрапанімістычнай творчасцю, ствараючы патрэбныя для рэалізацыі мастацка-эстэтычнай задумы ўласныя асабовыя імёны, якія адпавядаюць наяўнай у мове анамастычнай сістэме, як гэта відаць на прыкладзе прозвішча *Ярашчук*.

Ярашчук – прозвішча, якім названы старшыня аднаго з калгасаў на Клімаўшчыне, сяляне якога, як і многіх іншых, ішлі ў калгас не з добрай волі, а ад страху высялення на “запасныя землі”, залічэння ў кулакі ці падкулачнікі. Актыўна працуе на такое асэнсаванне бальшавіцкай практыкі калектывізацыі сельскай гаспадаркі прозвішча, што поруч з іншымі моўна-вобразнымі сродкамі актыўна “ўдзельнічае” ў мастацкім паказе тагачаснага жыцця сялян.

Характарыстычнасць прозвішча, яго канатацыйная стылістыка абумоўлены рускамоўным этымонам-лексемай *яры*. Слоўнік У. Даля пазначае яго як полісемантычнае, да аднаго са значэнняў якога (‘*лютый*’) этымалагічна ўзыходзіць прозвішча *Ярашчук* [10, 679].

Мастацкі мікракантэкст актуалізуе экспрэсіўна-ацэначны аспект семы оніма-этымона *луты*, які стаў вызначальным у экспрэсіўнасці і ацэначнасці прозвішча: *Ярашчук пытае: “Пойдзеш ці не?”* [у калгас] – *Ён* [барадаты,

у цялячай шапцы, які з сям’ёю ўцякаў ад Ярашчука, ад калгаса на Урал] перадыхнуў. – Другія як хто, а я – не. “Не пайду!” – кажу. Ярашчук: “Чаму?!” – “Не ўвераны”, – кажу. Тады ён, Ярашчук: “Ты ш-што ж, не верыш савецкай уласці?!” Дак я сам не дурнога бацькі дзіця. “Савецкай уласці, кажу, веру, а ў калгасе не ўвераны!” Ён, Ярашчук, як пачуў, пазелянеў. Ад злосці, што не ўзяло яго. <...> Не кінеш кулацкія штуккі – ізаліруем! Як апасны элемент!” [8, 341].

Такім чынам, экспрэсіўна-ацэначныя прозвішчы ў мове раманаў Івана Мележа “Палеская хроніка” складаюць колькасна абмежаваны абсяг антрапонімаў, якія не з’яўляюцца простымі знакамі, а выступаюць “інфармацыйна-падтэкставымі” [9, 37], значымымі ў эстэтычнай сістэме твораў моўна-вобразнымі сродкамі стварэння мастацкага характару.

Літаратура

1. Никонов, В. Имя и общество / В. Никонов. – М.: Наука, 1974. – 278 с.
2. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М.: Сов. энцикл., 1966. – 608 с.
3. Сцяцко, П. У. Слоўнік лінгвістычных тэрмінаў / П. У. Сцяцко, М. Ф. Гуліцкі, Л. А. Антанюк. – Мінск: Выш. школа, 1990. – 220 с.
4. Фоякова, О. И. Имя собственное в художественном тексте / О. И. Фоякова. – Ленинград: ЛГУ, 1990. – 104 с.
5. Мележ, І. Збор твораў: у 10 т. / І. Мележ. – Мінск: Маст. літ., 1983. – Т. 7.
6. Бірыла, М. В. Беларуская антрапанімія: у 3 ч. / М. В. Бірыла. – Мінск: Навука і тэхніка, 1969. – Ч. 2: Прозвішчы, утвораныя ад апелятыўнай лексікі. – 508 с.
7. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. / рэдкал.: К. К. Атраховіч [і інш.]. – Мінск: БелСЭ, 1978. – Т. 2.
8. Мележ, І. Збор твораў: у 10 т. / І. Мележ. – Мінск: Маст. літ., 1982. – Т. 6.
9. Карпенко, Ю. А. Имя собственное в художественной литературе / Ю. А. Карпенко // Филологические науки. – 1986. – № 4. – С. 34–40.
10. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. Даль. – М.: Рус. яз., 1991. – Т. 4.

Е. А. Татаринев

ТЕКСТООБРАЗУЮЩАЯ РОЛЬ БИБЛЕИЗМОВ В ПОЭЗИИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Библия является одним из выдающихся литературных памятников и книгой «Священного Писания Ветхого и Нового Завета» для миллионов верующих. В ней находит отражение материальная и духовная культура прошлого, становление и смена нравственных ориентиров и общественных систем, далеко отстоящих от нас хронологически и территориально. Через храмовые службы, индивидуальное и групповое («семейное») перечитывание

текстов, через тотальную регламентацию общественного поведения эта книга получила поистине всепроникающий характер воздействия. Отдельные ее фрагменты не раз подвергались художественному освоению, творческой интерпретации в произведениях отечественной и зарубежной литературы и искусства.

Популярность Библии и обращение к библейским текстам активизировали использование в художественных и публицистических текстах библеизмов, т. е. слов и выражений современного русского языка, которые или непосредственно заимствованы из Библии (ад, ангел, Дух Божий, да будет свет, шесть дней творения и др.), или подверглись семантическому воздействию библейских текстов.

Наше исследование посвящено библейским элементам в лирике поэтов Серебряного века – исторически непродолжительного периода на рубеже XIX–XX вв., отмеченного необыкновенным творческим подъемом в области поэзии, гуманитарных наук, живописи, музыки, театра.

Большое количество библейских фразеологизмов встречается во многих языках народов, исповедующих христианство, и могут быть квалифицированы как интернациональные. Например, *волк в овечьей шкуре, колосс на глиняных ногах, запретный плод, нести <свой> крест, альфа и омега* и др.

Достаточно большую группу представляют библеизмы из Ветхого Завета: *око за око, зуб за зуб; камень преткновения; не хлебом единым; притча во языцех* и др.

Многие библейские фразеологизмы в процессе их функционирования в русском языке приобрели новые значения или изменили свою семантику и грамматическую форму. Например, еще в XIX в. одно из значений существительного *злоба* было «забота», что сохранилось во фразеологических единицах *на злобу дня, злоба дня* и могло употребляться во множественном числе. Ср. у М. Е. Салтыкова-Щедрина: «*моя деятельность почти исключительно посвящена злобам дня*».

Особенности употребления библейских фразеологизмов определялись воздействием разных факторов: как экстралингвистических, так и собственно языковых в их совокупности.

В русский язык библейские фразеологические элементы пришли, главным образом, через старославянский из древнееврейского (ФЕ Ветхого Завета) и греческого (ФЕ Нового Завета), которые функционируют по преимуществу в виде калек.

Среди русских фразеологизмов-библеизмов выделяется также группа, которую условно можно назвать «добиблейскими» фразеологическими оборотами: *соль земли, камни вопиют, корень зла* и под. Эти единицы уже в Библии употреблялись как метафорические обобщенно-образные обороты. К этой группе примыкают многочисленные собственно библейские

метафорические обороты, использованные в притчах и проповедях Иисуса Христа, пророков, евангелистов, например, пословица о верблюде, которому легче пройти сквозь игольное ушко, чем богатому попасть в рай, – из притчи о богатом юноше; или пословица о сучке в глазу у брата и бревне в собственном глазу – из Нагорной проповеди и т. п.

В группе «постбиблейских» фразеологизмов можно выделить две подгруппы:

а) образованные в результате метафоризации свободных словосочетаний (*избиение младенцев, бросить камень в кого-л., земля обетованная, нести свой крест* и др.);

б) выражения, которые вообще не встречаются в Библии (ни в прямом, ни в переносном значении), а образовались уже в русском (или каком-либо ином) языке на основе библейских сюжетов: *Мафусаилов век жить-прожить; до положения риз напиток; фиговый листок* и др.

Многие фразеологизмы в процессе их функционирования в русском языке изменили свою семантику, приобретя ироническую окраску: *в костюме Адама; злачное место; избиение младенцев; явление Христа народу* и др.

Среди фразеологизмов, восходящих к Библии, разных по значению и структуре, можно выделить две группы, различные в функционально-стилистическом отношении, – обиходные, стилистически нейтральные и книжные, архаичные.

В первую группу входят обороты, не имеющие в своем составе ничего «несовременного» и «нерусского»: корень зла, соль земли, преклонить голову и др. Вторая группа состоит из фразеологизмов, в которых содержатся устаревшие слова/формы, библейские имена собственные: Иов многострадальный, кесарево кесарю, глас вопиющего в пустыне и др.

В. Г. Гак [2], рассматривая соотношение между фразеологизмами и текстом Библии, выделяет несколько оппозиций:

1. Цитатные (контекстуальные) и ситуативные. В первом случае – это элементы библейских текстов (например, выражение «камень преткновения»), во втором – репрезентации определенных ситуаций, описанных в Библии, но не названных в ее тексте (например, выражение «Ноев ковчег», резюмирующее ситуацию, описанную в шестой и седьмой главах Бытия).

2. Первичные и вторичные библейские фразеологизмы. Первичные непосредственно отражают тексты Священного писания или ситуации, описанные в нем; вторичные лишь отдаленно связываются с текстом Библии.

3. Непосредственные и опосредованные: первые восходят непосредственно к Библии, на вторых лежит печать заимствования из других языков или чьего-либо авторства.

4. С прямым значением и с переносным.

Богатый и выразительный язык Библии, яркие образы, глубина мысли – характерные особенности, которые не могли не найти отражения в творчестве художников слова. Библейские образы, слова и выражения использовались многими поэтами Серебряного века. При этом включение библеизмов в поэтический текст, как правило, сопряжено с их структурными или семантическими преобразованиями. Часто библейские притчи используются как аллюзии или реминисценции.

Так, Н. С. Гумилев, который обращался к Книге книг на протяжении всего своего творческого пути, вносит существенные изменения в библейские фразеологизмы. В стихотворении «Заводи» (книга «Жемчуга», 1910) находим:

*Солнце скрылось на западе
За полями обетованными,
И стали тихие заводи
Синими и благоуханными.*

Известно библейское выражение **обетованная земля** (Исход, 3: 8–17). **Обетованной**, т. е. **обещанной**, земля эта названа в Послании апостола Павла к евреям (11: 9). Употребляется в значении: **место, где царит довольство и счастье; вообще что-либо желанное, что представляется высшим счастьем**. Поэт заменил слово **земля** на **поля**, что существенно изменило значение выражения: оно употребляется для создания пейзажной зарисовки и придания описанию природы умиротворенности в закатный час.

В стихотворении «Вечер» вместо слова **земля** поэт употребил слово **край**:

*И ты казалась мне желанной,
Как небывалая страна,
Какой-то край обетованный
Восторгов, песен и вина.*

Такая замена позволила придать выражению совсем иной смысл: любимая женщина для лирического героя – **высшее, желанное счастье**.

Концептуальное расширение границ библеизмов было свойственно А. А. Блоку:

*Тебя жалеть я не умею
И крест свой бережно несущу...
Какому хочешь чародею
Отдай разбойную красу! (Россия)*

Включение в границы фразеологизма качественного определительного наречия **бережно** приводит к возникновению нового, символического смысла – страдания, определенные лирическому герою судьбой, неизбежны, и нужно «бережно» сносить уготованное судьбой.

К **цитатным** относится и фразеологизм **терновый венец** – страдания, тяжелый мучительный путь. Возникло выражение из евангельского рассказа о колючем терновом венце, надетом воинами на голову Иисуса Христа перед казнью на кресте. «**И, сплетши венец из терна, возложили**

ему на голову» (Мф., 27: 29); «**И одели Его в багряницу, и, сплетши терновый венец, возложили на Него**» (Марк, 15: 17). Это выражение с теми или иными изменениями находим в стихотворениях разных авторов:

*И помни: от века из терний
Поэта заветный венок* (В. Брюсов)

*О том, что тернием повита
Святая правда наших дней,
О том, что светлое разбито
Напором бешеных страстей* (К. Фофанов)

Часто данное выражение преобразуется настолько, что сохраняет лишь семантическую связь с исходным фразеологизмом, т. е. является аллюзией:

Терны венчают смиренных и мудрых (А. Блок);

Туго согнутой веткой терновой

Мой венец на тебе заблестит.

Ничего, что росой багровою

Он изнеженный лоб освежит (А. Ахматова)

Обыгрывание фразеологизма приводит к появлению новых символических значений, символизируя страдания не Бога, а земных людей.

Рассматривая группу **ситуативных** фразеологизмов, следует отметить, что они отражают определенную библейскую ситуацию. Так, выражение **труба архангела** обозначает грозное предзнаменование. По евангельскому сказанию, трубы ангелов должны были возвещать великие бедствия людям перед Страшным судом (Откр. 8: 2–12). Этот образ часто используется поэтами Серебряного века:

*Не раз в бездонность рушились миры, Не раз труба архангела
трубила... (Н. Гумилев); В моей душе все было смутно, Хотел я
крикнуть, – и не мог... Но вдруг повеял ветер попутный, И кормщик
затрубил в свой рог (В. Брюсов); Лучи метнулись заревые И трубный
ангел в высоте (А. Блок); Близок вой похоронных труб, Смертен вздох
охлажденных губ (А. Блок).*

В приведенных примерах на выражениях лежит печать творчества авторов, и с точки зрения соотнесенности с исходной формой они различны. В некоторых сохранился компонентный состав, в других – только основное значение «грозное предзнаменование», подтвержденное контекстом (**похоронные трубы**). В словосочетании **трубный ангел** контаминируются два выражения: **трубный глас** и **трубный ангел** (архангел). Но несомненно то, что все эти выражения являются отголоском библейского выражения, иногда как аллюзии и реминисценции.

Интересны для исследования также библеизмы **словного** характера, так называемая сакральная лексика. Своеобразие употребления церковной лексики в текстах поэтов Серебряного века связано с тем приращением смысла, которое происходит в контексте стихотворений. В пласт сакральной лексики включается несколько разрядов:

- 1) ангелы и их виды;
- 2) отвлеченная лексика;
- 3) церковные помещения и принадлежности;
- 4) библейские имена;
- 5) церковные праздники.

Рассмотрим первый из них: ангелы и их разновидности. *Ангел* (Бытие 16 7–14). Это слово в переводе с греческого и еврейского языка означает «вестник». Слово *ангел* часто применяется и к людям (Лука 7:24; 9:52).

В словаре С. И. Ожегова дается несколько толкований этого слова:

1. В религии: служитель Бога, исполнитель его воли и его посланец к людям.

2. О человеке как воплощении красоты, доброты.

3. Обычно в сочетании с мест. *мой, наш* – ласковое обращение [3, 24].

Рассмотрев первый из них, мы обнаружили, что в большинстве случаев слово «ангел» употребляется в его прямом значении – «бестелесное существо, служитель Бога, исполнитель его воли, посланец Бога к людям»:

*Ангел, три года хранивший меня,
Вознесся в лучах и огне,
Но жду терпеливо сладчайшего дня,
Когда он вернется ко мне.* (А. Ахматова)

Но может быть использовано и как ласковое обращение к мужчине или женщине: *Ангел мой, барышня, Что же ты смеешься... (А. Блок); Я знаю, ты моя награда За годы боли и труда... За то, что я не говорила Возлюбленному: «Ты любим». За то, что всем я все простила, Ты будешь ангелом моим* (А. Ахматова). В приведенных примерах слово является ласковым обращением, что подтверждается употреблением в словосочетаниях местоимения «мой».

Но ангел, исполнитель божьей воли, не всегда благоприятствует человеку, в контекстуальном сцеплении он может стать и карающей силой: Ангел, гневно брови изламывающий, Два луча – два меча скрестил в вышине (А. Блок); И стонет Лаванова младшая дочь, Терзая пушистые косы, Сестру прокликает, и Бога хулит, И ангелу смерти явиться велит (А. Ахматова).

Для характеристики ангелов в текстах употребляются эпитеты, которые позволяют определить их роль в судьбе человека: с одной стороны, ангелы – носители доброго божественного начала, и тогда это *ангел розовый, светлый ангел, чистый ангел, тихий ангел*, ср.: Тихий ангел встрепенется, улыбнется, погрозится шалуну (Ф. Сологуб); Ангел розовый укажет... (А. Блок); с другой – злого, дьявольского: *темнолицый ангел, могильный, падающий, распростертый ниц* и др.: *Ангелы, ниц преклоненные, Поют тропарь* (В. Брюсов).

Ангелы могут быть наделены и властью над природными стихиями: *ангел бури, бурный ангел* и др. Ср. у А. Блока: *Ангел поднял в высоту Звезду зеленую одну* (А. Блок. Свирель запела на мосту).

Кроме лексемы *ангел* поэты употребляют и другие обозначения «вестников» с уточнением их «чинов»: *Стал высоко белый месяц на ущербе, И за всех, чья жизнь невозвратима, Плыли жаркие слезы по вербе На румяные щеки херувима* (И. Анненский); *Был блаженной моей колыбелью Темный город у грозной реки И торжественной брачной постелью, Над которой держали венки Молодые твои серафимы..* (А. Ахматова); *Ведь ко мне архангел божий за душой его придет* (А. Ахматова); *Не раз в бездонность рушились миры, Не раз труба архангела трубила* (Н. Гумилев).

Ангелы могут выступать не только как единичная сущность, но и как множественность: *ангелы слетели, ангелы рати, будут ангелы вздыхать*. То же значение отмечается у С. Есенина: *Если крикнет рать святая: «Кинь ты Русь, живи в раю!» Я скажу: «Не надо рая, Дайте родину мою»* (С. Есенин).

Очень частотны в поэзии Серебряного века такие сакральные лексемы, как *душа, крест, дух, храм*, а также библейские имена собственные: *Магдалина, Мария, Иуда, Иисус Христос* и др.

В целом же включение в текст библеизмов в их оригинальном или измененном виде позволяет создавать высокохудожественные произведения, исполненные глубокого философского смысла.

• Литература

1. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета. – Mikkeli, 1993.
2. Гак, В. Г. Особенности библейских фразеологизмов в русском языке / В. Г. Гак // Вопросы языкознания. – 1997. – № 5.
3. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М.: ИТИ ТЕХНОЛОГИИ, 2005. – 944 с.

Т. И. Татарина

НЕВЕРБАЛЬНЫЕ ЕДИНИЦЫ И ИХ РОЛЬ В КОММУНИКАЦИИ И ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

При исследовании текста художественного произведения предметом наблюдений являются прежде всего реальные коммуникативные процессы, происходящие между людьми. Но анализ не может быть полным без определения роли паралингвистических средств его организации, а следовательно тема нашего исследования, несомненно, актуальна.

Целью исследования было определение функции невербальных средств в речи, а также их роли в прозаических и поэтических художественных текстах.

Коммуникативное взаимодействие между людьми не всегда выражается только вербально: в процессе общения люди не только произносят слова и фразы, но и пользуются жестами, мимикой, обмениваются взглядами, меняют позы и выражения лиц. Набор любых паралингвистических (т. е. сопровождающих речевое общение и участвующих в передаче информации) средств является не произвольным, а систематизированным и внутренне приспособленным к характеру вербального высказывания. Только эта связь словесной структуры и невербальной информации дает возможность декодировать каждое конкретное сообщение.

Соматизмы, т. е. номинативные единицы, закрепленные за отражением значимых жестов, мимики, поз, выражений лица, называют широкий спектр человеческих эмоций: радость, страх, гнев, презрение, печаль, иступление, отвращение и др. Но в акте коммуникации они выполняют и другие функции:

1) достижение однозначности коммуникации ввиду обобщенного и полисемантического характера вербальных средств;

2) компенсации избыточных языковых средств в реальном процессе коммуникации.

Выполняя первую функцию, соматизмы помогают достичь однозначности в случаях, когда языковые средства не способны это сделать. Так, недостаточно изученная визуальная коммуникация (язык взглядов, или окулесика) очень многое говорит об атмосфере и динамике межличностного общения. Например, *взгляд* героев романа Л. Н. Толстого «Война и мир» может быть *насмешливо-вызывающим, вопросительно-сердитым, счастливо-спокойным, недовольно-вопросительным* и т. д. Особенно ярко эта функция проявляется в поэтических текстах: *Смотрят в душу строго и упрямо Те же неизбежные глаза* (А. Ахматова. И когда друг друга проклинали...); *Безвольно пощады просят Глаза* (А. Ахматова. Безвольно пощады просят...); *Как я знаю эти упорные, ненасытные взгляды твои* (А. Ахматова. Настоящую нежность не спутаешь...); *...ни сына страшные глаза – Окаменелое страданье* (А. Ахматова. Уже безумие крылом...).

Второе назначение соматизмов – напротив, компенсировать языковую избыточность в конкретном акте коммуникации. И если любое языковое выражение способно в своей внутренней структуре получать полную однозначность, то экономия средств заранее настроена на необходимое участие внеязыковых возможностей. Ведь любое высказывание совсем неоднозначно, слова, как и взгляды, движения, порой несут в себе несколько значений. Не случайно говорят об умении читать между строк. В подтверждение приведем пример из романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина»:

– Точно ты угрожаешь мне. Да я ничего так не желаю, как не разлучаться с тобою, – **улыбаясь** сказал Вронский.

Но только **холодный, злой** взгляд человека преследуемого и ожесточенного **блеснул** в его глазах, когда он говорил эти нежные слова.

Она видела этот **взгляд** и верно угадала его значение.

Герою не нужны дополнительные слова, достаточно **взгляда**, чтобы Анна поняла его истинное чувство.

Невербальные средства способны достоверно отражать бессознательные процессы психики. При этом людям свойственно выдавать свое волнение внешне: будь то дрожь, судорожные подрагивания, срывающийся голос, трясущиеся руки, **бледность**. Так, например, в поэтических текстах А. Ахматовой представлен целый синонимический ряд этого симптома душевных переживаний. Лирические герои испытывают разные чувства, вызывающие бледность, и потому она проявляется по-разному: *Мой рот тревожно заалел, И щеки стали снеговыми* (Надпись на неоконченном портрете); *Щеки бледны, руки слабы, Истомленный взор глубок* (Рыбак); *И тогда, побелев от боли, Прошептала: «Уйду с тобой»* (Похороны); *Мой румянец жаркий и недужный Стерла богомольная печаль* (Словно ангел, возмутивший воду...); *Ни один не двинулся мускул Просветленно-злого лица* (Гость); *Наклонился – он что-то скажет... От лица отхлынула кровь* (Смятение) и др.

Невербальные аспекты коммуникации начали серьезно изучаться только в 60–70 годы XX столетия. Учеными были обнаружены и зарегистрированы более тысячи невербальных знаков и сигналов. Большинство исследователей разделяет мнение, что словесный канал используется для передачи информации, в то время как невербальный применяется для «обсуждения» межличностных отношений, часто употребляясь вместо словесных сообщений.

Декодирование текста предполагает поиск недостающих звеньев в смысловом восприятии, одним из которых и является невербальный язык. Желая показать свои чувства, люди жестикулируют, используют мимику. Психологами установлено, что в процессе взаимодействия людей от 60 до 80% общения осуществляется за счет невербальных средств и только 20–40% информации передается вербально [1]. Обладая определенной семантикой, в сочетании со словами соматизмы несут в себе конкретную информацию, являясь подобием некой системы символов, благодаря которым автору удается закодировать свой текст. Вместе с тем соматизмы способны декодировать художественное произведение, помогая читателю зрительно представить героев, «увидеть» их душевное состояние. Номинативные единицы языка, закрепленные за отражением жестов, мимики, поз, выражений лиц, симптомов душевных переживаний, или соматические речения, могут иметь словный и сверхсловный характер.

Независимо от формального характера соматических речений план их содержания состоит из двух плоскостей значений: 1) плоскости поверхностного лексического значения (называние собственно физического действия): *Я друзьям моим сказала: «Горя много, счастья мало», – И ушла, **закрыв лицо*** (А. Ахматова. Сказка о черном кольце); 2) плоскости глубинного значения (значения, свойственного самому жесту как знаку, символу): *А я, **закрыв лицо мое**, Как перед вечною разлукой, Лежала и ждала ее, Еще не названную мукой* (А. Ахматова. Ответ); *Вдруг запестрела тихая дорога, Плач полетел, серебряно звеня... **Закрыв лицо**, я умоляла Бога До первой битвы умертвить меня* (А. Ахматова. Памяти 19 июля 1914).

Соматическое речение **закрывать лицо**, поверхностное лексическое значение которого выводится из семантики слов **закрывать** (прикрыть, накрыть, покрыть что-либо) и **лицо** (передняя часть головы человека), помимо описания определенного жеста, имеет несколько особых значений: «стать замкнутым, неоткровенным», «положить конец, отрешиться», «прикрыть лицо в ужасе». Названные значения соматическое речение приобретает только в определенных контекстах. Кроме того, в одном из приведенных примеров закодирована культурологическая информация, связанная со славянским обычаем закрывать лица умерших. Как видим, жест, являясь своеобразной единицей коммуникации, подобен словуполисеманту.

Соматический язык включает несколько тематических групп:

1) **жесты**: Степан Аркадьевич, не дослушав, положил ласково свою руку на рукав секретаря – остановил, попросил не продолжать дальше (Л. Н. Толстой. Анна Каренина). Автор здесь «вмешивается» в ход повествования, поясняя жест героя. Внеязыковая единица, кстати употребленная, заменила ненужное объяснение;

2) **мимика**: – *Стива, – сказала ему Анна, **весело подмигивая**...* (Л. Н. Толстой. Анна Каренина);

3) **позы**: *Матвей **положил руки в карманы и склонил голову, уставившись на барина. Этим самым он приготовился ждать**...* (Л. Н. Толстой. Анна Каренина). В приведенном примере автор поясняет позу героя, подчеркивая тем самым ее особую значимость;

4) **выражения лиц** также являются одним из средств текстообразования. В отличие от черт лица, выражения не присущи человеку постоянно. Лицо чаще, чем какая-либо иная часть тела, используется для раскрытия истинного отношения или, наоборот, сокрытия ложных высказываний. Лицо в различных ситуациях может выражать **боль**: *Он вышел, шатаясь, **Искривился мучительно рот*** (А. Ахматова. Сжала руки под темной вуалью...); **гнев**: *Не гляди так, **не хмурься гневно*** (А. Ахматова. Ты письмо мое, милый, не комкай...); **злость**: ***Ни один не двинулся мускул Просветленно-злого лица*** (А. Ахматова. Гость). Изменения выражений

лица являются своеобразным комментарием к происходящим событиям, их оценкой. В художественных текстах по описанию выражений лиц, даже без ссылок, можно угадать героев. Так, героиня романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина» Кити молода и открыта. Она умеет «говорить» глазами: *Она потушила умышленно свет в глазах, но он светился против ее воли в чуть заметной улыбке.*

5) **симптомы душевных переживаний и состояний.** Герои художественных произведений, как и реальные люди, волнуются и переживают и **внешне** выражают свое состояние. Так, Долли (Л. Н. Толстой. Анна Каренина), с ненавистью думая о муже, выражает свое волнение следующим образом: *«рот ее сжался, мускул щеки затрясся на правой стороне бледного, широкого лица...»*. Левин (там же), имеющий вид сильного, уверенного в себе человека, на самом деле замкнут, изолирован от общества и неуверен в себе, о чем «сообщает» соматический язык, используемый Л. Н. Толстым: *«вдруг покраснел до ушей», «смутился», «сконфузился»*. То же видим в поэтических текстах: *И тогда, побелев от боли, Прошентала: «Уйду с тобой»* (А. Ахматова. Похороны); *Моя рука, закапанная воском, Дрожала, принимая поцелуй, И пела кровь: блаженная, ликуй!* (А. Ахматова. Ждала его напрасно много лет...)

Характерной особенностью соматизмов является высокая степень контекстуальной обусловленности их значения. Только контекст и речевая ситуация помогают разобраться, по какой причине персонаж производит то или иное действие.

Рассмотрение соматизмов в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» открывает перспективу постижения характера героев в их развитии, личностном становлении. Поведение, поступки героев тщательно мотивированы биографиями персонажей, как правило, неблагоприятными: бессемейственность, безотцовщина, нужда, унижение и пр. Так, Смердяков в романе является воплощением всего низкого, скрытого, подавленного, глупого и трусливого. Истоки этого кроются в детстве персонажа. На уроках *«мальчик усмехался, хмурился, во взгляде его было что-то высокомерное»*. Выражением смеха у Смердякова была *ухмылка, взгляд – наглый, косой, высокомерный, ненавистный, угодливый, выражение лица – брезгливое, угрюмое, недовольное; «Глаза Смердякова злобно сверкнули, левый глазок замигал»*; он *«с ненавистью приковался [к Ивану Федоровичу] глазами»*. Нелюдимый и молчаливый, Смердяков был «надменен и будто всех презирал». Слов из него было не вытянуть, а потому о его характере можно было судить по *взглядам, жестам, движениям*. Душевные переживания отсутствуют, что свидетельствует о безучастности Смердякова к жизни, его полном отчуждении, которого нет в сознании и поведении других персонажей. Именно отсутствие страстей явилось для Достоевского качеством, которое сделало данный персонаж столь отвратительным.

Соматизмы в связи с этим передают целую гамму состояний и чувств: неуравновешенность, быструю и беспричинную смену настроений. Неуверенные в себе, робкие и подавленные, люди вряд ли могли бы передать все их чувства словами. Душевную надломленность, искренность, глубину психологических движений и побуждений – всю многогранность внутренних переживаний и оттенков реакции на окружающий мир помогают обозначить соматизмы. Часто ими заменяется и портретная характеристика. Так, не давая портрета Грушеньки, автор позволяет нам видеть ее яркую красоту через соматические характеристики: *«всплеснула руками»*, *«у нее мягкие движения тела»*, *«детское, простодушное выражение лица»*, *«что-то вдруг сверкнуло в ее глазах»* и т. д.

Автору не требуются пояснения во впечатлении, которое он хочет при описании героини произвести на читателя. Оно уже передано невербально. При этом соматизмы могут нести и символический смысл. Так, образ Федора Павловича символизирует *сластолюбие*: *«подскочил и чмокнул старца»*, *«обернулся и, увидев, что Миусов за ним следит, послал ему рукой поцелуй»* и др.

Символ Ивана Федоровича – *эгоизм* (эгоцентризм): *«злобно скривил лицо»*, *«презрительно вскинул плечами»*, *«сверкнул глазами»* и т. п.

Дмитрий – олицетворение *разнузданности*: *«схватил за плечи и с силою стал трясти»*, *«вся фигура его выразила собою необыкновенное собственное достоинство. Свысоканисходительная улыбка показалась на его губах»*; Алеша – *нравственной чистоты*: *«skonфузился»*, *«смутился»*, *«краска залила его щеки»*, *«готов был заплакать и стоял понуриив голову»* и т. п.

В романе имеются повторяющиеся кинеситические характеристики. Так, очень часто (9 раз) состояние Алеши определяется словами *«дрожит»*, *«вздрыгнул»*, 19 раз он *«покраснел»*, 11 – *«всплеснул руками»*, 5 – *«криво усмехнулся»*, 4 – *«потупил глаза»*. Такой статистический подсчет позволяет выделить уникальные жесты и состояния отдельного персонажа, т. е. заглянуть в подтекст произведения и обозначить сущностную характеристику созданного автором образа.

Всякая форма (*соматизм*) является выражением какого-то содержания (*внутреннего содержания героев*). В невербальных формах поведения героев проявляются особенности их культуры восприятия и самовыражения, время и место, социальные установки и мотивы, социальное положение и др. Исследуя особенности выражений лиц, поз, характер и манеру движения, типы телесных коммуникаций, можно увидеть в герое присущие конкретно ему нормы телесных проявлений, которые либо активно видоизменяются по мере развития действия, указывая на преобразование образа, либо сохраняются, указывая на его стабильность и неизменность.

Таким образом, невербальные формы проявления достоверно отражают бессознательные процессы психики и являются информативным основанием для изучения образной системы произведения, для декодирования текста в целом.

Литература

1. Данкелл, С. Язык жестов / пер. с англ. Н. Е. Котляра, Л. Островского, сост. В. В. Шарпило. – Минск: Парадокс, 1995. – 416 с.
2. Верещагин, Е. М. О своеобразии отражения мимики и жестов вербальными средствами (на материале русского языка) / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров // Вопросы языкознания. – 1981. – № 1. – С. 36–47.
3. Татарина, Т. И. Роль соматизмов в декодировании поэтических текстов А. А. Ахматовой / Т. И. Татарина // Текст. Язык. Человек: сборник научных трудов: в 2 ч. – Мозырь: УО МГПУ им. И. П. Шамякина, 2009. – Ч. 1. – С. 150–151.
4. Татарина, Т. И. Роль соматизмов в декодировании художественного текста романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» / Т. И. Татарина // Актуальные проблемы анализа единиц языка и речи: сб. матер. Междунар. науч. конф., г. Стерлитамак, 16–17 февраля 2010 г. – Стерлитамак: гос. пед. академия им. Зейнаб Бишевой, 2010. – С. 154–158.
5. Татарина, Т. И. Текстобразующие функции невербальных единиц в акте коммуникации / Т. И. Татарина // Надзённыя праблемы лексікалогіі і анамастыкі славянскіх моў: матэрыялы II Міжнар. навук. канф., Мазырь, 22–23 красавіка 2010 г. – Мазырь: УА МДПУ імя І. П. Шамякіна, 2010. – С. 299–301.

В. В. Шур

ПРА ЗМЭНЫ Ё СІСТЭМЕ АЙКОНІМАЎ МАЗЫРСКАГА ПАЛЕССЯ

Вядома, што ў сістэме айконімаў Мазыршчыны ў 20–60-я гады ХХ ст. адбываліся значныя змены: у кожным палескім раёне 5–10 айконімаў было перайменавана пераважна на ідэалагізаваныя, адбылося таксама значнае скарачэнне колькасці паселішчаў і адпаведна айконімаў у выніку працэсаў калектывізацыі, урбанізацыі, вынішчэнняў, звязаных з Вялікай Айчыннай вайной, а таксама катастрофай на *Чарнобыльскай АЭС* і інш.

Перайменаванні, хоць і не часта, былі ўласцівы беларускай сістэме тапонімаў і ў дарэвалюцыйныя часы, напрыклад, айконім *Каралін* (сучасны *Ельск* – В. Ш.) быў заменены ў гонар расійскага імператара *Мікалая II* на *Нікалаеўск* напярэдадні першай сусветнай вайны, калі адзначалася 300-годдзе дынастыі расійскіх цароў *Раманавых*, потым зноў аднавілі назву *Каралін*, якая існавала паралельна з назвай *Ельск*, а ўжо ў савецкі час паселішча набыло ўсталяваную афіцыйную *Ельск* (1931 г.).

У новых назвах, што ўзніклі за гады Савецкай улады, адлюстраваліся ў асноўным:

1. Надзеі і спадзяванні на лепшае жыццё: *Надзеждзіна, Новае Палессе, Сірэнеўка, Дасціжэнне, Уютны, Прагрэс, Мілавідная, Ударнае, Знаменка* і інш.

2. Асобныя з такіх назваў характарызуюць, як правіла, са станоўчага боку новыя паселішчы: *Светлагорск, Мірнае, Наваполацк, Новалукомль, Раздольнае, Салігорск, Навасёлкі* і інш.

3. Ушаноўваюць памяць пра тагачасных вядомых дзеячаў краіны, сімвалізуюць юбілейныя даты: *Леніна, Дзяржынск, Чапаева, Мархлеўск, Роза Люксембург, Першамайск, Ақябрскі, Перамога, Пабеднае* і інш.

Некаторыя айконімы ў 30–60-я гады ХХ ст. воляй тагачасных кіраўнікоў мяняліся амаль кожнае дзесяцігоддзе. Так, вёска *Ақябр*, што ў Жлобінскім раёне і ў якой нарадзіўся беларускі паэт *Хведар Жычка*, у савецкі перыяд змяніла некалькі назваў. Традыцыйна спрадвечна была *Панкі*, якую спачатку змянілі на *Бухарын*, а ў наступныя часы яшчэ былі *Жданаў* і *Ақябр*. Як пісаў пра такія змены А. Рогалеў, “у савецкі перыяд перайменаванні паселішчаў і іншых аб’ектаў нярэдка ажыццяўляліся па прынцыпу антытэзы, напрыклад, вёскі *Раманава, Раманаўка* (паселішчы ў Горацкім, Слуцкім, Мазырскім раёнах, назвы якіх нагадвалі прозвішчы расійскіх цароў) – у *Леніна, Князь-возера* → *Чырвонае возера* (1932 г.), *Папоўшчына* (вёска ў Хойніцкім раёне) → *Ақябр* (1920 г.)” [1, 235]. Прыводзім наступныя прыклады замен, перайменаванняў, варыянтаў назваў паселішчаў сучаснага Мазырскага раёна, якія засведчаны намі ў розных крыніцах: *Бокаўшчына* → *Бокаў*, *Каменшчына* → *Каменка*, *Лапці* → *Майская*, *Малы Бакавец* → *Малы Бокаў*, *Раманаўка* → *Ленінаўка* → *Раманаўка*, *Бабічы (Бабіч)* → *Барбароў*, *Раенка* → *Раеўскія*, *Васількава* → *Васькаўка*, *Лясная* → *Лешня*, *Капліца* → *Петрапалаўская Слабада* → *Горная* (1964 г.), *Парэчніца* → *Прагрэс* (1924 г.), *Вараб’еўка* → *Красная Горка* (1930 г.), *Пісараўка*, *Слабада*, *Навасёлкі*, *Міхалкі*, *Купрэўка* → *Міхалкі*, *Кеневічаў Груд* → *Гіневічаў Груд*, *Торбінка* → *Турбінка*, *Скрыгалаўская Слабада* → *Слабада* (1938 г.), *Слабада*, *Слабодка*, *Карнілаўка* → *Скрыгалаўская Слабада* → *Слабада* (1938 г.).

На вялікі жаль, паралельна з заменай няўдалых, абразлівых, немілагучных айконімаў (*Махаеды, Ушыўцы, Кабыльнікі, Авечкі, Жарабное, Плешкі, Быкі* і інш.) можна выявіць неапраўданыя на падставе аналізу іх семантыкі, словаўтварэння, замены самабытных, традыцыйных назваў.

На змену падобным у радзе выпадкаў не толькі на Мазыршчыне былі прапанаваны і ўзаконены наўрад ці лепшыя: *Адчаяны, Баец, Бязбожнік, Саснавец, Пабядзіцель, Непабядзімы, Забіяка, Уютны, Рашыцельны, Зара Новай Жызнi* і інш. Так, айконім *Манастыр*, што ў Петрыкаўскім раёне, замянілі на *Саснавец*. На першы погляд, нібыта і нармальна, але ж ці так, калі ўжо ўзнікла патрэба ў замене і калі ўлічваць масавыя на той перыяд і вельмі часта няўдалыя замены шматлікіх тапанімічных назваў Беларусі. Але прасочым гэтую з’яву шырэй, возьмем пад увагу геаграфію слоў *сасна*

і хвоя, то гэта зусім не так. Айконім *Саснавец*, мабыць, ад асновы *сасна*, што значыць – паселішча ў соснах, сярод соснаў, што і адпавядае ландшафту, сярод якога знаходзіцца паселішча. Такіх тапонімаў, утвораных ад назваў дрэў, на Беларусі многа: *Бярозаўка*, *Бяроза*, *Альхоўка*, *Альшаны*, *Альховае*, *Хвойнікі*, *Дуброва*, *Дуброўна*, *Дубніцкае*, *Ракітнае*, *Грабаў* і інш. На нашу думку, пры стварэнні назвы не была ўлічана геаграфія слоў *сасна* і *хвоя*, бо на Палессі, як ужо адзначалася, слова *сасна* амаль не ўжываецца, яго адпаведнікам у мове карэнных жыхароў выступае лексема *хвоя*, а лес, дзе растуць маладыя хвоі, завецца *хвойнік*. Таму калі ўжо і прыйшлося назву мяняць, то трэба было абавязкова мець на ўвазе і гэту акалічнасць, а ў аснову айконіма браць звыклае, натуральнае для Петрыкаўшчыны слова *хвоя*. У такім выпадку паселішча магло б набыць назву *Хвойня*, або *Хвойнае*, або *Хвайнякі*, або *Хвойнікі* і інш. Дарэчы, зусім недалёка ад *Саснаўца* ёсць вёскі з назвамі *Хваенск*, *Хвойня*, *Хвойка* (Жыткавіцкі і Петрыкаўскі раёны), а *Хвойнае* і *Хвойная Паляна* вядомы ў Хойніцкім раёне. Варта тут сказаць, што і афіцыйная назва горада *Хойнікі* ў народзе гучыць як *Хвойнікі* (замена на *Хойнікі* нібыта адбылася пад уплывай польскай мовы). Пісьмовыя крыніцы назву вёскі *Хвойнікі* (сучасны горад *Хойнікі*) фіксуюць з 1512 г.

І яшчэ. Улічваючы тое, што ў Петрыкаўскім раёне ёсць ужо назва, утвораная ад назоўніка *хвоя* (*Хвойня*), мабыць, лепш было з улікам рэгіянальнага словаўтварэння ў аснову пакласці нейкі іншы назоўнік ці прыметнік, улічыўшы мясцовы ландшафт ці нейкія важныя гістарычныя падзеі, што адбываліся на Петрыкаўшчыне. Аналагічныя крытэрыі можна аднесці і да назвы пасёлка *Сасновы*, што ўзнік у 70-я гады ў Мазырскім раёне.

І самае галоўнае, на нашу думку, традыцыйны, усталяваны ў свядомасці карэнных жыхароў айконім не варта было мяняць, тым больш што ў тапоніме *Манастыр* няма ніякай адмоўнай характарыстыкі, а такія ці падобныя семантыкай назвы ёсць у іншых кутках нашай Беларусі і за яе межамі (*Манастыр* – вёскі ў Талачынскім і Браслаўскім раёнах на Віцебшчыне; *Манастырок* – у Бялыніцкім раёне на Магілёўшчыне; *Манастыршчына* – горад у Смаленскай вобласці). У Расіі, напрыклад, ніколі не змянялі *Архангельск*, *Блажавешчанск*, *Багадухаў* і іншыя падобныя наводле паходжання айконімы.

У савецкі перыяд, як прасочана, падлягалі заменам:

1. Айконімы, якія нагадвалі пра асоб царскага, імператарскага, панскага, шляхецкага паходжання, белагвардзейцаў, апартуністаў і іншых ворагаў Савецкай улады: *Раманава*, *Гасподы*, *Троцкае*, *Панічы*, *Панскае*, *Карнілавічы*, *Юдзенічы* і г. д.

2. Айконімы, якія семантычна звязаныя з рэлігійнымі ўяўленнямі, служыцелямі культуры: *Багі*, *Божы Двор*, *Манастыр*, *Ігумен*, *Святоцк*, *Святы Дух*, *Царковішча*, *Папова Лука*, *Гапоны* і інш.

3. Айконімы, якія ўяўлялі сабой немілагучныя, абразлівыя словы (як правіла, утвораныя ад мянушак): *Брухачы, Дурневічы, Неўмывакі, Сінябрухі, Халуі*. Гэта і тапонімы, якія ўяўлялі трапныя сацыяльна-гістарычныя характарыстыкі: *Старцы, Махаеды, Сярмяжка, Сыроваткі, Торбінка, Бяслібічы* і інш. Да немілагучных (ці абразлівых) была аднесена і вялікая колькасць тапонімаў, аманімічных з назвамі жывёл, так званыя «аджывёльныя» назвы, у аснове якіх – мянушкі першых заснавальнікаў паселішчаў: *Авечкі, Бараны, Быкі, Кабылічы, Кабыльчыцы, Конскі Бор, Кабаны, Парасятнікі, Свіналупы, Каты, Цуцкі, Казадоі*.

4. Асобныя найменні былі заменены дзеля таго, каб увесці ў сістэму традыцыйных тапонімаў модныя і новыя ў той час сацыяльна-паптычныя тапонімы: *Белае* → *Азіна*, *Задобрасць* → *Калініна*, *Іван Бор* → *Красны Акцябр*, *Койданава* → *Дзяржынск*, *Карпілаўка* → *Акцябрскі*, *Дзісна* → *Луначарскае* і г. д.

5. Назвы-этнонімы, а таксама назвы, якія сведчылі пра моўны ўплыў суседніх народаў: *Ляхі, Мазураўка, Палякі, Жандова Вулька, Жыдавічы, Жыдава Буда, Падрасалай, Эрытэрмай* і г. д.

6. Старажытныя назвы, якія ў выніку аманіміі (сугучнасці) з сучаснымі словамі маглі выклікаюць “нявыгадныя” асацыяцыі: *Засценкі* (засценак – пашыраны на Беларусі тып пасялення, а не астрог), *Смярдзяча* (г. зн. вёска, дзе жылі халопы, смерды) і г. д.

Толькі ў 1964 годзе на Беларусі па так званых “просьбах працоўных” было перайменавана больш за 300 назваў, тыповых для беларускага тапанімічнага ландшафту. У беларускай айканіміі ёсць прыклады, якія выразна сведчаць, што неапраўданай заменай, вынішчэннем спрадвечна традыцыйных тапонімаў у тыя гады займаліся людзі, далёкія ад гісторыі народа, яго мовы, тапанімікі, ад навуковага ўяўлення пра такія назвы. Пра гэта пераканальна сведчыць, напрыклад, захаванне на той час тапоніма *Астражанка*, што ў Лельчыцкім раёне. Гэтая назва, калі б чыноўнікі ведалі яе паходжанне, несумненна, павінна была трапіць у пералік тапонімаў, якія адносілі да разраду непажаданых. У Лельчыцкім раёне ў такі “чорны” спіс у той час трапілі *Радзілавічы (Радзівілавічы), Зладзін, Асмаленік, Падварак (Фальварак), Каросцін, Берасцяны Завод (Берзавод), Магільнае, Гарнавішча*.

Назва ж вёскі *Астражанка* ацалела, бо чыноўніцкае вуха не ўлавіла, што гэты тапонім, як лічаць, паходзіць ад назоўніка *астрог* – турма, месца, дзе трымаюць зняволеных. У старажытнай беларускай мове лексема *астрог* мела таксама значэнне ‘адгароджаная мясціна, умацаванне, крэпасць’, а ў самы ранні перыяд – ‘частакол, сцяна з заостраных бярэнаў’. Паводле сведчання старажылаў, паселішча *Астражанка* ўзнікла як ссыльны пункт, куды ў якасці меры пакарання з маенткаў феадалаў Палесся высылалі ў *астрог* за розныя правіннасці мясцовых сялян. Дарэчы, недалёка ад

Астражанкі знаходзіцца і вёска *Зладзін* (цяпер *Чырвонабярэжжа*), якая, на думку тутэйшых людзей, узнікла як месца высылкі з сёл і памесцяў Мазыршчыны *зладзеяў*. Такім чынам, гэтыя два паселішчы ўзніклі сярод непраходных лясных абшараў і балот як своеасаблівыя месцы ссылкі, рэзервацыі, дзе людзі адбывалі пэўныя пакаранні. А ў легендзе, запісанай А. Ненадаўцом, паведамляецца, што *Астражанку* сярод пушчы заснавалі людзі тураўскага пана *Астрожскага*: выехалі ў пушчу на паляванне... Спаць засталіся ў лесе – так *Астрожскі* загадаў. Ноччу князю прысніўся дзіўны сон: быццам бы прама на той паляне, дзе буданы паставілі, узнік нейкі вялізны белы слуп. Прадраў вяльможны раніцай вочы, падумаў і сказаў слугам:

– Укапайце тут, на гэтым самым месцы слуп, і няхай сюды нашы людзі ідуць жыць! Так загадваю!

Вось там якраз і ўзнікла наша *Астражанка*, ад таго панскага загаду і ягонага прозвішча [2, 220].

І калі ў сярэдзіне шасцідзсятых гадоў XX стагоддзя ў Лельчыцкім раёне як вынік ідэалагічнага дыктату былі заменены *Каросцін* на *Новае Палессе*, *Зладзін* на *Чырвонабярэжжа*, *Падварак* (*Фальварак*) на *Пабеднае*, *Асмаленік* на *Ударнае*, *Берзавод* (*Берасцяны Завод*) на *Чапаеўск*, *Магільнае* на *Мірнае*, то ў тапоніме *Астражанка* пільнымі, але, відаць, недасведчанымі чыноўнікамі, якія былі ініцыятарамі замен, непажаданай, негатыўнай семантыкі не было выяўлена. Мабыць, была страчана семантычная сувязь паміж словамі *астрог* і *Астражанка*.

В. Лемцюгова ў слоўніку “Тапонімы распаўядаюць” дае тлумачэнне семантычна блізкаму айконіму *Астрошыцы* (Лагойскі раён), які вядомы з 1442 года: *Острожчичи*, *Острожчицы* – воіны, ахоўнікі, якія жылі і неслі службу ў *астрозе*. *Острогъ* у перыяд Кіеўскай Русі і да XVII стагоддзя – гэта “адгароджанае частаколам або завостранымі на канцах слупамі месца; умацаванае паселішча”. У працэсе функцыянавання назва перааформілася ў *Астрошыцы* пад уплывам спрошчанага вуснага вымаўлення [3, 45]. Дарэчы тут адзначыць, што В. Жучкевіч прыводзіць зусім іншае тлумачэнне тапоніма *Астрошыцы*. На яго думку, *Астрошыцы* – гэта найменне, утворанае ад прозвішчаў тыпу *Строчыц*, *Строшыц*, дзе пачатковае *о* (*Острошыцы*) выконвае ролю патранімічнага фарманта (ад *Строчицев*). У працэсе ўжывання названага айконіма, як лічыць гэты даследчык, адбывалася трансфармацыя гэтай, магчыма, славянскай асновы [4, 278]. Меркаванне В. Жучкевіча, як мы лічым, непераканальнае: прозвішчамі, якія ўзніклі ў беларусаў у асноўным у XVII–XIX стагоддзях, нельга тлумачыць паходжанне айконімаў, асабліва калі ўлічваць перыяд (час) іх узнікнення. А як вядома айконім *Астрошыцы* засведчаны ў першай палове XV стагоддзя (1442 г.), калі прозвішчаў у беларусаў яшчэ не было. У “Хроніцы Убарцкага Палесся” таксама сцвярджаецца, што айконім *Астражанка*, які на працягу сваёй

гісторыі меў наступныя варыянты: *Острожанка*, *Ostrozanka* (1654 г.), *Астрошынка* (1770 г.), *Вастражанка* (1929 г.), паходзіць ад назоўнікаў *астрог*, *астрога* ці нейкай *старожы*, якая калісьці існавала на гэтым месцы [5, 350]. За перыяд існавання гэта паселішча мела статус сяла, мястэчка, фальварка, езуіцкага маёнтка, якія ў розныя часы адпаведна належалі біскупу віленскаму У. Масальскаму, потым падсудку Казіміру Рудзіеўскаму, князю Міхалу Радзівілу, памешчыкам Івану Рудзіеўскаму, Генрыху Рудзіеўскаму, графам Іосіфу Тышкевічу, Аляксандру Тышкевічу.

У энцыклапедычным выданні “Гарады і вёскі Беларусі: Гомельская вобласць” сцвярджаецца, што *Астражанка* з пісьмовых крыніц вядома з XVIII стагоддзя як сяло ў Мазырскім павеце Мінскага ваяводства і была ў валоданні езуітаў, што прэрэчыць звесткам, якія вышэй прыведзены ў “Хроніцы Убарцкага Палесся”. У наш час *Астражанка* – цэнтр Астражанскага сельсавета і калгаса “Мірны”. Тут размешчаны дзянішчэ, сярэдняя школа, Дом культуры, дзіцячы сад. У *Астражанцы* нарадзіўся беларускі пісьменнік Мікола Капыловіч, а таксама К. М. Дамброўскі – адзін з кіраўнікоў партызанскага руху на Палессі, камандзір Лельчыцкай партызанскай брыгады. У Вялікую Айчынную вайну ў 1942 г. нямецкія акупанты спалілі паселішча і загубілі 71 жыхара. У баях каля вёскі загінулі 54 воіны (пахаваны ў брацкай магіле на могілках). На франтах і ў партызанскай барацьбе загінулі 60 вясцоўцаў, у памяць аб якіх у 1975 г. у цэнтры вёскі пастаўлена скульптура воіна [6, 10].

Між іншым, тапонім *Астражанка*, як прасочана даследчыкамі, семантычна роднасны такім беларускім, рускім, украінскім тапонімам, як *Гарадок*, *Гарадзея*, *Ноўгарад*, *Гарадзішча* і інш., у структуры якіх ёсць словы *горад*, *гарадок* і інш. Вось што пісаў у адной са сваіх прац пра такія назвы акадэмік М. Шанскі: “Тапонімамі *Гарадок*, *Гарадзея*, *Гарадзішча* і інш. гарадскія імёны “крапаснога” характару не абмяжоўваюцца, бо, паводле свайго паходжання, напрыклад, агульны назоўнік *гарадок* стаў вытворнай базай для ўласнага назоўніка-тапоніма *Гарадок* (назва гарадоў ў Расіі і Беларусі – *В. Ш.*), але не са значэннем ‘маленькі горад’, як мяркуюць некаторыя людзі, а ‘невялікае ўмацаванне, адгароджанае пасяленне, крэпасць’. У гэты семантычны рад уваходзіць і назва паселішча *Астрог*, што ў Ровенскай вобласці Украіны. Розніца ў семантыцы паміж *гарадком* і *астрогам* у тым, што ў старажытнасці шматлікія *астрогі* будаваліся на скорую руку і абгароджваліся *загародай* – сцяной з бярэнаў, а *гарадкі* і *гарады* ўмацоўваліся моцнай сцяной з трывалымі вугламі, вежамі, байніцамі і іншымі атрыбутамі тагачаснай фартыфікацыі. Прымаючы да ўвагі гэту інфармацыю, можна спрабаваць падабраць ключ для тлумачэння паходжання наступных тапонімаў Беларусі: *Гарадок*, *Гарадзея*, *Гарадня*, *Давыд-Гарадок*, *Кажан-Гарадок*, *Астрашыцкі Гарадок*, *Сёмкаў Гарадок*, *Наваградак*, *Гарадкі*, *Гарадзішча* і інш., гісторыя якіх найчасцей пачыналася

з драўляных умацаванняў, крэпасцей, астрогаў. Такія пасяленні, як правіла, узнікалі на лясных абшарах рассялення славян і амаль не сустракаюцца ў стэпавых, бязлесавых прасторах.

Літаратура

1. Рогалеў, А. Ф. Географические названия в калейдоскопе времён / А. Ф. Рогалев. – Гомель: Барк, 2008. – 256 с.
2. Гомельшчына: Назвы населеных пунктаў паводле легендаў і паданняў / склад, запіс, апрац. А. М. Ненадаўца. – Мінск: Беларусь, 2001. – 415 с.
3. Лемцюгова, В. П. Тапонімы распавядаюць: навукова-папулярныя эцюды / В. П. Лемцюгова. – Мінск: Літаратура и Искусство, 2008. – 416 с.
4. Жучкевич, В. А. Краткий топонимический словарь Белоруссии / В. А. Жучкевич. – Минск: БГУ, 1974. – 448 с.
5. Хроніка Убарцкага Палесся / аўтар-уклад. А. І. Антагулаў; навук. рэд. В. Л. Насевіч. – Мінск: Тэхналогія, 2001. – 496 с.
6. Гарады і вёскі Беларусі: энцыклапедыя. Гомельская вобласць / С. В. Марцэлеў; рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.). – Мінск: БелЭн, 2005. – Т. 2, кн. 2. – 520 с.

Т. М. Шчур

СІСТЭМА СЛОВАЎТВАРАЛЬНЫХ ТЫПАЎ І МАДЭЛЕЙ У ЛЕКСІКА-СЕМАНТЫЧНЫМ РАЗРАДЗЕ КАТАЙКОНІМАЎ

У апошняе дзесяцігоддзе ў айчыннай лінгвістыцы з’явіліся працы, у якіх апісваюцца семантычныя і дэрывацыйныя асаблівасці асабовых адтапанімічных намінацый, іх словаўтваральныя тыпы і мадэлі. Аналіз такіх прац сведчыць аб розным тэарэтычным і практычным падыходзе да апісання словаўтваральнай сістэмы адтапанімічных асабовых намінацый.

Лінгвістычны тэрмін “словаўтваральны тып” упершыню сустракаецца ў В. Н. Троіцкага [1, 304], які, аналізуючы асноўныя прынцыпы словаўтварэння, гаворыць аб неабходнасці выдзяляць словаўтваральныя тыпы ў межах аднаго і таго ж спосабу словаўтварэння. Аднак паняцце “словаўтваральны тып” В. Н. Троіцкім не вызначаецца. Няма магчымасці ўстанавіць яго змест з прыведзенага ім фактычнага матэрыялу, так як у працы вытворныя лексемны не зведзены ў словаўтваральныя тыпы, а размяжоўваюцца па спосабах словаўтварэння.

В. У. Вінаградаў тэарэтычна і практычна звяртаецца да пытання аб словаўтваральным тыпе. Разглядаючы асаблівасці словаўтварэння назоўнікаў са значэннем асобы, ён у адзін словаўтваральны тып аб’ядноўвае словы з аднолькавымі або вельмі блізкімі структура-семантычнымі планами. Між іншым, сустракаюцца выпадкі непаслядоўнага падыходу да практыкі аб’яднання слоў у адзін словаўтваральны тып, у прыватнасці,

не засяроджаецца ўвага на катэгарыяльным адзінстве ўтваральных асноў слоў аднаго і таго ж словаўтваральнага тыпу [2, 135]. Катэгарыяльная агульнасць у сістэме ўтваральных асноў, адзінства значэнняў вытворных слоў і адзін утваральны афікс паслядоўна становяцца асновай выдзялення словаўтваральных тыпаў у “Беларускай граматыцы” [3, 44].

Названыя палажэнні Е. А. Земская лічыць вызначальнымі словаўтваральнага тыпу, калі гаворыць аб ім, як аб схеме (формуле) пабудовы вытворных слоў, якія характарызуюцца агульнасцю трох элементаў: 1) часціны мовы ўтваральнай асновы, 2) семантычных узаемаадносін паміж вытворнымі і ўтваральнымі, 3) фармальных суадносін паміж вытворнымі і ўтваральнымі, а іменна: агульнасцю спосабу словаўтварэння, а для афіксальных спосабаў тоеснасцю афікса [4, 182–184].

Блізкім з’яўляецца вызначэнне словаўтваральнага тыпу ў працы В. В. Лапаціна, І. С. Улуханава [5; 6], якія ў якасці асноўнай адзінкі словаўтварэння выдзяляюць словаўтваральны тып, які вычляняецца ў межах словаўтваральнай катэгорыі і акрэсліваецца агульнасцю трох элементаў: 1) адзінствам анамастычнай структуры (адзінствам цэласнага структурнага значэння і адзінствам узаемаадносін састаўных частак гэтай структуры); 2) адзінствам лексіка-граматычнага характару словаўтваральнай асновы; 3) агульнасцю фарманта (ва ўсіх часцінах мовы).

Гэтага пункту гледжання прытрымліваецца большасць лінгвістаў, якія ўлічваюць і план выражэння, і план зместу мовы. На аснове сказанага, услед за Л. М. Шакуном [7] пад словаўтваральным тыпам мы прызнаём схему пабудовы семантычна блізкіх вытворных слоў, якія характарызуюцца катэгарыяльным адзінствам утваральнай асновы і адзінствам дэрывацыйнага афікса.

Няма адзінства поглядаў і ў разуменні словаўтваральнай мадэлі. Адно лінгвісты разглядаюць мадэль як самастойную адзінку ў сістэме словаўтварэння і зводзяць яе да словаўтваральнага тыпу.

Другія лічаць, што ў мадэлі рэалізуюцца канкрэтныя марфаналагічныя разнавіднасці ў адным і тым жа словаўтваральным тыпе. У прыватнасці, Е. А. Земская выдзяляе наступныя мадэлі ў словаўтваральнай сістэме сучаснай рускай літаратурнай мовы: а) з чаргаваннем фанем на мяжы морфаў і без яго / Рига – рижанин, рижский, таганрожец – Таганрог; б) пры дапамозе інтэрфіксаў і без іх: амерыканец – Америка, орловец – Орел, ленинградец – Ленинград; в) з усячэннем асновы і без яго: тбилисец – Тбилиси, сухумец – Сухуми, жмеринцы – Жмеринка; г) з накладаннем морфаў і без яго: архангельский – Архангельск, свердловский – Свердловск [4, 12]. Такія ж мадэлі характэрны, у асноўным, і для словаўтваральнай сістэмы сучаснай беларускай мовы, што абумоўлена агульнай заканамернасцю развіцця роднасных усходнеславянскіх моў. Услед за Е. А. Земскай і Л. М. Шакуном словаўтваральную мадэль будзем разглядаць як рэалізацыю

марфаналагічнай разнавіднасці ў межах аднаго і таго ж словаўтваральнага тыпу [7].

Выдзяленне мадэлей у адным і тым жа словаўтваральным тыпе абумоўлена неабходнасцю паўней выявіць заканамернасці ўтварэння вытворных слоў, што асабліва важна для практыкі сучаснай словатворчасці.

Разглядаючы словаўтваральную сістэму лексіка-семантычнага разраду катайконімаў, паспрабуем не толькі выявіць і апісаць словаўтваральныя тыпы і мадэлі, але і паказаць іх прадуктыўнасць, рэгулярнасць, здольнасць утвараць новыя словы. Пры гэтым будзем кіравацца прынятымі намі раней вызначэннямі словаўтваральнага тыпу і словаўтваральнай мадэлі.

Аналіз фактычнага матэрыялу паказвае, што пры словаўтварэнні назваў жыхароў Гомельшчыны прымяняюцца розныя спосабы: сінтаксічны, марфалага-сінтаксічны і марфалагічны. Выбар кожнага з названых спосабаў абумоўлены пэўнай сітуацыяй, моўным стылем. Асабліва гэта датычыць адтапанімічных назоўнікаў мужчынскага полу, якія ўтвораны ад аднаслоўных тапонімаў-назоўнікаў мужчынскага полу, так як яны, як і прыметнікі, а таксама састаўныя тапонімы, маюць адно і тое ж семантычнае і словаўтваральнае значэнне, параўн.: бярозавец – п. Бяроза, дубровенец – в. Дуброўнае, слабаджанін – в. Другая Слабодка, краснаселец – в. Краснае Селішча, вятчынец і руднік – в. Вятчынская Рудня.

На даследаванай тэрыторыі намі выяўлена 2234 намінацыі асоб мужчынскага полу, якія ўтвораны ад тапонімаў-назоўнікаў. Спецыяльных дэрывацыйных суфіксаў для такіх намінацый у сучаснай беларускай мове не існуе, таму ў якасці ўтваральных выкарыстоўваюцца суфіксы, якія з’яўляюцца агульнымі і для намінацый іншых лексіка-семантычных разрадаў, параўн.: нахавец – в. Нахаў, падлукавец – в. Падлукі, сапрычанін – в. Сапрыкі і армеец, мічурынец, прафкомавец.

У якасці суфіксаў-мадыфікатараў выступаюць: -ец/-ац, -авец/-явец, -овец/-ёвец, -евец, -анец/-янец, -енец, -інец/-ынец, -анін/-янін, -чанін, -чанец, -аўчанін, -лянін, -лянец, -нянін, -ук/-юк, -чук, -ік, -ак/-як, -няк, -ік, -нік, -авік, -іч, -ун, -арац, -ар, якія рэалізуюцца ў канкрэтных словаўтваральных мадэлях у залежнасці ад марфаналагічных асаблівасцей утваральнай асновы – тапонімаў у форме адзіночнага ліку мужчынскага, жаночага, ніякага роду і множнага ліку.

Словаўтваральны тып з суфіксам -ец/-ац характарызуецца найбольшай прадуктыўнасцю, ён аб’ядноўвае вялікую групу асабовых намінацый, якія структурна і семантычна суадносяцца з назвамі:

а) гарадоў і гарадскіх пасёлкаў: брагінец – Брагін, жлобінец – Жлобін, жыткавец – Жыткавічы, мазырац – Мазыр; камарынец – Камарын, лоевец – Лоеў, туравец – Тураў;

б) вёсак і пасёлкаў: азяранец – Азяраны, асінавец – Асінаўка, залазец – Залаззе, збровец – Збароў; грабавец – Грабава, дзятлавец – Дзятлаўшчына;

в) геаграфічных, прамысловых і культурных аб'ектаў: берзаводзец, вуганец, забродзец, манастырац, прыгарадзец, шкловодзец.

Суфікс *-ец/-ац*, які выкарыстоўваецца ў дэрывацыйнай сістэме названага словаўтваральнага тыпу, полісемантычны ў сучаснай беларускай мове: акрамя адтапанімічных асабовых намінацый ён афармляе словы, якія абазначаюць асоб мужчынскага полу па нацыянальнасці, прыналежнасці да якой-небудзь арганізацыі, установы, па роду заняткаў, агульнай дзейнасці і г. д., параўн.: каўказец, кубанец, суданец, мічурынец, баец, купец, шчаслівец [3, 98–136].

Словаўтваральны суфікс *-ец/-ац* актыўна ўдзельнічае пры ўтварэнні новых вытворных са значэннем 'жыхар той або іншай мясцовасці': баравічац – в. Баравічы (да 30 ліпеня 1964 г. Гразліва), палесец – в. Палессе (да 20 красавіка 1939 г. Кабыльшчына), чкалавец – в. Чкалава (да 20 красавіка 1939 г. Жаробнае).

Фактычны матэрыял сведчыць аб тым, што практычна ад кожнага новага тапоніма ўтвараюцца аднакаранёвыя асабовыя намінацыі. Характэрна, што ад адной і той жа геаграфічнай назвы ў розных рэгіёнах (вёскі Навасёлкі ў Калінкавіцкім, Кармянскім, Рагачоўскім, Хойніцкім раёнах) бытуюць аднолькавыя асабовыя намінацыі: напасёлцы, напасэлец, напасёлка. Як вядома, магчымасць папаўняць рад слоў новымі ўтварэннямі аднаго і таго ж словаўтваральнага тыпу вызначае яго рэгулярнасць, у тым ліку і пры выкарыстанні дэрывацыйнага суфікса.

Вытворныя з суфіксам *-ец/-ац*, утвораныя ад тапонімаў мужчынскага роду па наступных словаўтваральных мадэлях:

'Аснова тапонімаў на *-оў/-аў, -еў,-ёў + -ец/-ац*': камановец – в. Каманоў, нежыхавец – в. Нежыхаў, манеевец – в. Манееў, бялёвец – в. Бялёў. Прааналізавана 146 асабовых намінацый з суфіксам *-ец/-ац*, якія ўтвораны па гэтай словаўтваральнай мадэлі. За выключэннем адзінкавых выпадкаў, ён далучаецца да поўнай асновы тапоніма: баркавец – в. Боркаў, востравец – в. Востраў, грабавец – в. Грабаў, дзедлавец – в. Дзедлаў. Пры гэтым адбываецца чаргаванне фанем: *ў–в*: гарошкавец – в. Гарошкаў, гіровец – в. Гіроў, пятровец – в. Пятроў, чэрневец – в. Чэрнеў.

Аднакаранёвыя адтапанімічныя намінацыі мужчынскага полу і тапонімы звычайна маюць адну і тую ж акцэнталагічную мадэль: месца націску ў іх супадае: мінькавец – в. Мінькаў, ніжавец – в. Ніжаў, камановец – в. Каманоў, рыславец – в. Рыслаў.

Актыўна выкарыстоўваецца суфікс *-ец/-ац* таксама пры ўтварэнні катэйконімаў па мадэлі: 'аснова тапонімаў на *-ін/-ын + -ец/-ац*': кіцінец – в. Кіцін, радуцінец – п. Радуцін, сыцінец – в. Сыцін, стрэшынец – в. Стрэшын, шчадрынец – в. Шчадрын.

Як і папярэдня, гэтая словаўтваральная мадэль з'яўляецца прадуктыўнай (каля 100 вытворных). Адтапанімічныя асабовыя намінацыі,

утвораныя па гэтай словаўтваральнай мадэлі, шырока вядомы на ўсёй тэрыторыі Гомельшчыны: напрыклад, намінацыя каралінец (п. Каралін) вядома ў Гомельскім, Ельскім і Хойніцкім раёнах.

Суфікс *-ец/-ац* далучаецца толькі да поўнай утваральнай асновы: калоцінец – п. Калоцін, красінец – п. Красін, любавінец – в. Любавін, пянчынец – в. Пянчын.

Значную групу вытворных ў сістэме словаўтваральнага тыпу складаюць намінацыі, якія ўзыходзяць да мадэлі: ‘усечаная аснова на *-ск + -ец/-ац*’: дняпровец – п. Дняпроўск, драгунец – в. Драгунск, кучынец – п. Кучынск, казанец – в. Казанск. Пры ўтварэнні такіх катайконімаў адбываецца ўсячэнне ўтваральнай асновы: альбінец – в. Альбінск, арленец – п. Арленск, іволец – в. Івольск, луначарац – п. Луначарск.

Намінацыі асоб мужчынскага полу на *-ец/-ац*, утвораныя па названай словаўтваральнай мадэлі, з’яўляюцца прадуктыўнымі і рэгулярнымі (зафіксавана 55 такіх адзінак): іх папаўненне адбываецца ў асноўным за кошт перайменавання населеных пунктаў: дзяржынец – в. Дзяржынск (да 1939 г. Святоцк), першамаец – в. Першамайск (да 1931 г. – вёскі Засунне, Кабылева).

Асабовыя намінацыі з суфіксам *-ец/-ац* ад утваральнай асновы на *-ск* шырокаўжывальныя на Гомельшчыне, аб чым сведчыць характар іх функцыянавання: першамаец, первамаец – вёскі Першамайск вядомы ў Буда-Кашалёўскім, Жлобінскім, Лельчыцкім, Лоеўскім, Рэчыцкім, Хойніцкім і Чачэрскім раёнах.

Характэрна, што ад 22 назваў населеных пунктаў на *-ск* катайконімы мужчынскага полу з суфіксам *-ец/-ац* не ўтвараюцца. Так, ад тапонімаў Грабск, Вольск, Лобск, Майск, Райск, Славінск і інш. не выяўлены намінацыі на *-ец/-ац* тыпу *грабец, волец, лобец*. Ад іх вядомы назвы з іншымі суфіксамі. Абмежаванні ўтварэнняў з суфіксам *-ец/-ац* ад такіх тапонімаў тлумачацца фанетычнай непаўнатой патэнцыяльна “магчымай” намінацыі.

Пэўныя абмежаванні мае і словаўтваральная мадэль ‘аснова тапонімаў і асоба мужчынскага полу на *-ец/-ац*’: дабраволец – в. Добраволец, перасяцінец – в. Перасяцінец, трасцянец – в. Трасцянец, званец – в. Званец. Тлумачыцца гэта наяўнасцю ў самім тапоніме суфікса *-ец/-ац*, паўтарэнне якога прывяло б да непажаданай аманіміі формаў, якія абцяжарваюць камунікабельнасць мовы і патрабуюць дадатковага кантэксту. Выяўлены такія асабовыя намінацыі з іншымі суфіксамі або толькі ў множным ліку, а таксама прыметнікі, якія ўжываюцца ў народна-гутарковым стылі, іншы раз са зменай месца націску: лехавец – в. Ляхавічы, ужынец – в. Ужынец.

Словаўтваральная мадэль ‘аснова тапонімаў на мяккі зычны + *-ец/-ац*’ аб’ядноўвае намінацыі на *-ль, -нь*: антопалец – в. Антопаль, горвалец – в. Горваль, завужалец – в. Завужаль, чэрвенец – в. Чэрвень, церабенец –

в. Церабень, ясенец – в. Ясень. Большасць такіх геаграфічных назваў, як зазначае В. П. Лемцюгова, жыхары Гомельшчыны ўспрымаюць у форме жаночага роду, а да мужчынскага адносяць толькі тыя, якія маюць суадносіны з мужчынскім граматычным родам называемага аб'екта [8, 84–111].

Суфікс *-ец* далучаецца ў гэтай словаўтваральнай мадэлі да поўнай асновы тапоніма: камянец – в. Камень, кокалец – в. Кокаль, ясенец – в. Ясмень.

Катайконімы мужчынскага полу, утвораныя па названай мадэлі, з'яўляюцца прадуктыўнымі і рэгулярнымі. Практычна ва ўсіх раёнах Гомельшчыны выяўлены такія вытворныя намінацыі.

Прадуктыўнай выступае таксама мадэль 'аснова тапонімаў на зацвярдзелы зычны + *-ац*': бердыжац – в. Бердыж, жаліборац – в. Жалібор, камунарац – в. Камунар. Такія асабовыя намінацыі шырока вядомы на Гомельшчыне. Яны з'яўляюцца характэрнымі для сучаснай беларускай літаратурнай і народна-гутарковай мовы.

Катайконімы мужчынскага полу, утвораныя ад тапонімаў жаночага роду

Найбольшая колькасць адтапанімічных асабовых намінацый мужчынскага полу ўтворана ад тапонімаў жаночага роду па мадэлі 'аснова тапонімаў на *-г/а/*, *-к/а/*, *-х/а/* + *-ец/-ац*': акулінец – в. Акулінка, антонавец – в. Антонаўка, тварычавец – в. Тварычаўка.

Пры ўтварэнні катайконімаў мужчынскага полу па названай мадэлі, суфікс далучаецца да ўсечанай асновы на *-к/а/*, да поўнай – на *-г/а/*, *-х/а/*: давыдавец – в. Давыдаўка, гаравасец – в. Гаравыха, радужац – в. Радуга. Пры гэтым на марфемным шве ўтваральнай асновы і суфікса вытворнай адбываецца чаргаванне зычных фанем.

У сістэме разглядаемага словаўтваральнага тыпу прадуктыўнай таксама выступае мадэль 'аснова тапонімаў на *-нь*, *-ня*, *-ля* + *-ец/-ац*': свержанец – в. Свержань, чамярэнец – в. Чамярня, мерабелец – в. Мерабеля. Адтапанімічныя асабовыя намінацыі названай структуры тыповыя для сучаснай беларускай мовы.

Мадэль 'аснова тапонімаў на цвёрды зычны + *-ец/-ац*' аб'ядноўвае намінацыі, якія аформлены непасрэдным далучэннем суфікса да поўнай утваральнай асновы са змякчэннем зычнага, які папярэднічае суфіксу: беразінец – в. Беразіна, варонінец – в. Вароніна.

'Аснова тапонімаў на *-шчын/а/* + *-ец/-ац*' – словаўтваральная мадэль, вытворныя якой утвораны пры дапамозе дэрывацыйнага суфікса *-ец* ад усечанай асновы тапоніма: дубровец – в. Дуброўшчына, дзятлавец – в. Дзятлаўшчына, норкавец – в. Норкаўшчына.

Невялікая колькасць катайконімаў, утвораныя па мадэлі 'аснова тапоніма на *-іца* + *-ец*' – вынік абмежаванага складу тапонімаў на *-іца*,

а таксама магчымасць замены суфікса -ец сінанімічнымі суфіксамі: курганец – в. Курганіца, глінец і глінічанец – в. Глініца.

Вытворныя з суфіксам -ец/-ац ад тапонімаў ніякага роду

Самая прадуктыўная ў гэтай групе слоў мадэль ‘аснова тапонімаў на -ава/-ова, -ева + -ец/-ац’. На тэрыторыі Гомельшчыны намі зафіксавана 70 такіх вытворных. Суфікс -ец далучаецца да поўнай асновы тапоніма: гадзічавец – в. Гадзічава, куляшовец – в. Куляшова, радзеевец – в. Радзеева, салаўёвец – в. Салаўёва.

Разглядаемая словаўтваральная мадэль з’яўляецца рэгулярнай: яна паслядоўна папаўняе свой склад за кошт новых лексічных утварэнняў у сувязі з перайменаваннем таго або іншага населенага пункта: кавалёвец – в. Кавалёва (да 1932 г. Антонова), ніканавец – в. Ніканава (да 1965 г. Рылавічы), чкалавец – в. Чкалава (да 1939 г. Жаробнае).

Рэгулярнай і прадуктыўнай выступае таксама мадэль ‘аснова тапонімаў на мяккі зычны + -ец/-ац’: залазец – в. Залаззе, зазерац – в. Заазер’е, стараселец – в. Стараселле. Ад перайменаваных населеных пунктаў узніклі і новыя аднакаранёвыя катайконімы, краснаселец – в. Краснаселле (раней Рачкі).

Словаўтваральная мадэль ‘аснова тапонімаў на -іна, -іно, -но + -ец/-ац’, як і папярэдняя з’яўляецца прадуктыўнай і рэгулярнай: намі выяўлена каля 50 катайконімаў, якія дэрывацыйна суаднесены з тапонімамі на -іна, -іно, -но, у тым ліку 9 ад перайменаваных вёсак тыпу грачыхінец – в. Грачыхіна (да 2 чэрвеня 1977 г. Багуславец), ленінец – в. Леніна (да 25 кастрычніка 1922 г. Папоўка), хлявенец – в. Хляўно.

Катайконімы з суфіксам -ец/-ац, утвораныя ад тапонімаў множнага ліку

Словаўтваральная мадэль ‘аснова тапонімаў на -овічы/-евічы, -авічы, -эвічы, -ічы + -ец/-ац’ з’яўляецца прадуктыўнай. На Гомельшчыне намі зафіксавана 125 тапонімаў множнага ліку, ад якіх утворана 130 асабовых намінацый з суфіксам -ец/-ац. Для гэтай мадэлі характэрным з’яўляецца тое, што суфікс далучаецца толькі да ўсечанай асновы тапоніма: махнавец – в. Махнавічы, ходасавец – в. Ходасавічы, цімашовец – в. Цімашэвічы, балажовец – в. Балажэвічы. У некаторых адтапанімічных асабовых назвах этымалагічнае э ў закрытых складах пад націскам пераходзіць у о: губаровец – в. Губарэвічы. Такія назвы распаўсюджаны ў народна-гутарковай мове на Мазыршчыне.

Да ўсечанай асновы далучаецца суфікс -ец/-ац у мадэлі ‘аснова тапонімаў на -к/і/, -ц/ы/ + -ец/-ац’: вішанец – в. Вішанькі, козенец – в. Козенкі, казялужац – в. Казялужцы.

Прадуктыўнымі і шырока вядомымі з’яўляюцца катайконімы, утвораныя па мадэлі ‘аснова тапонімаў на цвёрды і мяккі зычны + -ец/-ац’: акрыёнец – в. Акрыёны, белінец – в. Беліны, сцяпец – в. Сцяпы.

Вынікі даследавання паказваюць, што ў сучаснай беларускай мове пры словаўтварэнні назваў жыхароў населеных пунктаў словаўтваральны тып з суфіксам -ец/-ац з'яўляецца найбольш прадуктыўным. Гэта пацвярджаецца і даследчыкамі В. А. Гуліцкай, М. А. Дарошкай, Л. В. Жураўскай, В. А. Купрэнкам, У. Ц. Піскуном, Т. М. Шчур, ва ўсходнеславянскіх мовах – В. А. Гарпінічам, А. А. Дзяменцьевым, Е. А. Земскай, В. А. Ніканавым, І. С. Улуханавым і інш.

Такім чынам, праведзены аналіз назваў асоб адносна месца жыхарства дазваляе заключыць, што станаўленне і развіццё адтапанімічных вытворных у сучаснай беларускай мове неразрыўна звязана з агульным працэсам развіцця яго лексіка-семантычнай і словаўтваральнай сістэм.

Літаратура

1. Троицкий, В. Н. Основные принципы описания словообразования / В. Н. Троицкий // Уч. записки Первого ЛГПИ иностранных языков. – Л., 1940. – Т. 1.
2. Виноградов, В. В. Словообразование и его отношение к грамматике и лексикологии / В. В. Виноградов // Исследования по русской грамматике: Избранные труды. – М.: Наука, 1975. – С. 166–220.
3. Беларуская граматыка: у 2 ч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1986. – Ч. 1: Марфалогія. – 431 с.
4. Земская, Е. А. Понятие производности, оформленности и членности основ / Е. А. Земская // Развитие словообразования современного русского языка. – М., 1966. – С. 3–12.
5. Лопатин, В. Словообразовательный тип и способы словообразования / В. Лопатин, И. Улуханов // Русский язык в национальной школе. – 1969. – № 6. – С. 4–13.
6. Улуханов, И. С. О принципах описания значений словообразовательных мотивированных слов / И. С. Улуханов // Изв. АН СССР. Сер. литер. и языка. – М., 1970. – Т. 39. – Вып. 1. – С. 14–22.
7. Шакун, Л. М. Словаўтварэнне / Л. М. Шакун. – Мінск: Выш. школа, 1978. – 128 с.
8. Лемцюгова, В. П. Уласныя геаграфічныя назвы: Скланенне // Сучасная беларуская мова: Пытанні культуры мовы / В. П. Лемцюгова. – Мінск: Навука і тэхніка, 1973. – С. 84–111.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

И. Ю. Веракшич

Н. В. ГОГОЛЬ В ТВОРЧЕСКОЙ СУДЬБЕ Ф. С. ФИЦДЖЕРАЛЬДА (к проблеме русско-американских литературных связей)

Ф. С. Фицджеральд является одним из крупнейших американских прозаиков первой четверти XX века. В настоящее время накоплен значительный критический материал о творчестве писателя, о чем свидетельствуют работы А. Майэенера, Э. Тернбулла, К. Кросса, А. Зверева и Ю. Лидского. Однако ряд вопросов фицджеральдистики еще ждёт своих заинтересованных исследователей. Один из них – вопрос о влиянии Н. В. Гоголя на формирование поэтической манеры американского художника. Несколько ценных замечаний в монографиях Т. Мотылёвой, Д. Затонского, В. Кухалашвили – вот, пожалуй, исчерпывающий список литературы, посвященной влиянию русского классика на Фицджеральда. Принимая во внимание сравнительную неразработанность данной темы, мы не ставили себе задачей исчерпать все её возможности, а ограничились лишь попыткой выявления типологических сходжений в творчестве Фицджеральда («Алмазная гора», «Великий Гэтсби», «Ночь нежна») и Гоголя («Петербургские повести»).

Как явствует из высказываний американского писателя, он был хорошо знаком с творчеством Гоголя [1, 215]. Отдельные отзвуки этого факта биографии писателя можно обнаружить в целом ряде произведений, где в текст включены скрытые цитаты из «Портрета», «Невского проспекта». Однако одними заимствованиями проблема «Гоголь и Фицджеральд» не исчерпывается, так как введение в новый текст «чужого слова» не всегда свидетельствует о глубокой типологической связи между произведениями и – шире – двумя художественными системами. Для новаторского, творческого развития традиции необходимо, чтобы у предшественника и последователя существовала некая изначальная общность на том уровне, где выявляются основные законы построения мира. Только в таком случае «чужое слово» может сыграть роль катализатора, увеличивающего вероятность того, что процесс формирования художественного сознания писателя пойдет в русле данной традиции.

Основными творческими устремлениями Гоголя и Фицджеральда, определившими особенности их произведений, были глубокий интерес к социальным процессам, типическим чертам человеческой психологии,

критический анализ явлений общественной жизни, осмеяние низменного, ничтожного и пошлого.

Типологическое сходство в разработке социально-нравственной проблематики Гоголем и Фицджеральдом предопределено не в последнюю очередь тем, что реалистическое искусство обладает важной особенностью: оно вскрывает объективные социальные и этические закономерности бытия. Этим объясняется тот факт, что американский писатель, исследуя проблему трагического положения личности в обществе потребления, приходит к тем же выводам, к которым приходил в свое время русский классик.

Дик Дайвер, главный герой романа Фицджеральда «Ночь нежна», в один из периодов своей жизни говорит: «Крепче всего запирают ворота, которые никуда не ведут. Потому, наверное, что пустота слишком неприглядна» [2, 228]. Пустота души человеческой неприглядна во сто раз, если это душа художника. И не важно, на каком поприще он трудится, гораздо важнее то, чего пытается он достичь. Но если на своем пути он позволил проникнуть в душу пустоте, то человек этот, в конце концов, придет к могильной плите с начертанной на ней эпитафией своему таланту. Это произошло с талантливым психиатром Диком Дайвером, та же участь ждала его товарища по несчастью, не менее талантливого художника Чарткова, героя повести Н. В. Гоголя «Портрет».

Пустота в души героев вползла вместе с деньгами. Пути к богатству Чарткова и Дайвера, на первый взгляд, могут отличаться, но в корне своем они есть суть одного и того же явления. Стремясь к славе, оба персонажа получили взамен богатство, но именно получили, а не заслужили, поскольку и к Дайверу и к Чарткову деньги пришли сами: к одному – в виде богатой жены, к другому – в виде червонцев, выпавших из рамы старого портрета. Незаслуженные деньги явились своего рода катализатором, показавшим истинные ценности и цели обоих героев.

Таким образом, мы видим, что Гоголь и Фицджеральд сходятся в мысли: талант и деньги – понятия взаимоисключающие. Однако деньги губят не только талант, но и душу, о чем свидетельствует новелла американского писателя «Алмазная гора». Для воспроизведения этой идеи автор руководствуется теми литературными приемами, которыми в большинстве своем были насыщены произведения Гоголя и которыми достигалась целевая установка русского классика. Гротеск и гипербола, отступление от внешнего правдоподобия были сатирическим оружием прозаика, поскольку укрупняли объект изображения, одновременно подчеркивая и отрицая его негативные стороны, выявляя социальное зло.

Американский прозаик резко вычленяет гротескную коллизию, для того чтобы изобразить свойственные современному обществу процессы. История семьи Вашингтонов – это гипертрофированная и гиперболизи-

рованная американская мечта: Бреддок Вашингтон оказался прямым потомком первого президента Джорджа Вашингтона. Но если главнокомандующий армии колонистов был не только виргинским спекулянтом земельными участками, но и выдающимся деятелем периода борьбы за независимость, то его потомки стали убийцами, не щадящими во имя наживы ни родственников, ни друзей. Сконцентрированная в гротескной форме метафора общества, где все продается и все покупается, проявляется прежде всего в сцене попытки подкупа миллиардером господина Бога. Вашингтон предлагает всевышнему огромный алмаз, но Бог отказывается от сделки, и империи с самым большим в мире алмазом, олицетворявшим почти неограниченную власть его владельца, приходит конец. С неба, в виде карающих ангелов-аэропланов, пришло возмездие. Разверзнувшаяся преисподняя поглотила и «алмаз величиной с отель Риц», и его всемогущего хозяина, оставив в живых лишь троих, надежда на духовное возрождение которых еще теплится в душе автора. Неслучайно же Кисмин, в суматохе сборов, берет вместо драгоценных камней обычные стекляшки. Пресытившись мертвой красотой окружающей ее роскоши, холодным сверканием бриллиантов, алмазов и прочего, она обратилась к естественной красоте, к тому, чего в алмазном королевстве, где даже тарелки «были цельно бриллиантовыми», практически не было — к обыкновенным стеклянным камешкам.

Если Кисмин сумела «отделить зерна от плевел» то художник Чартков («Портрет») и Ричард Дайвер («Ночь нежна»), оказавшись в подобной ситуации выбора, правильно поступить не смогли. Всё дело в том, что виноваты в случившемся не столько сами герои, сколько система, порождающая бездуховность, безжалостно перемалывающая таланты и «творившая» из них банальный стандарт.

Исследователи редко обращают внимание на стихию комического в «Великом Гэтсби», которая берет свое начало из творческого наследия Гоголя и играет важную роль в романе, накладывая отпечаток на события и характеры произведения. В свете иронии (причем горький юмор часто граничит здесь с едкой сатирой) дается описание жизни Гэтсби на вилле Уэст-Эгг. Среди его многочисленных, нарядно одетых гостей нет ни одного запоминающегося лица. Все они подобны повторяющимся друг друга комическим маскам, которые существуют, пока есть «великий» Гэтсби, но после его смерти в конце романа бесследно исчезают.

В манере «комедии нравов» написаны и сцены с участием делового «патрона» — Мейера Вулфшима. Этот человек, в прошлом спокойно «сыгравший на доверии пятидесяти миллионов с прямолинейностью грабителя, взламывающего сейф» [4, 342], изображен в грубо сатирическом плане, как откровенно гротескная фигура марионетки с подрагивающим «трагическим» носом и «парой узеньких глазок» [4, 339]. Комически

нелепы и внешность, и манера речи, и поведение этой, в сущности, зловещей личности. Известная американская писательница Эдит Уортон, высмеивающая в своих книгах преуспевающих выскочек, считала этот персонаж лучшим в романе Фицджеральда, высоко оценивая комическую сторону дарования автора «Великого Гэтсби».

Советский ученый А. Н. Горбунов писал о том, что Гэтсби «тоже может показаться личностью абсурдно-комической и немного нереальной» [3, 148]. Это сказано о Гэтсби – владельце огромного богатства, выскочке в нелепом розовом костюме, к которому автор относится с нескрываемой иронией. Критик пишет и о втором плане «величия» героя, однако свою мысль далее не развивает. Если по мере развития образа «абсурдно-комическая» личность уступает место личности по-настоящему трагической, то «нереальность» Гэтсби сохраняется и в те моменты, когда Фицджеральд изменяет точку зрения на своего героя, используя приём «двойного видения», который был распространён и в творчестве русского писателя. Как отмечал Фицджеральд, «свидетельством первоклассного ума является способность одновременно держать в уме две противоположные идеи, не теряя способности мыслить» [1, 206]. Подобная двойственность мировосприятия не является порождением лишь авторской фантазии: она произрастает из самой жизни писателей.

Обида за отца, желание его реабилитации создают условия той амбивалентности, которая лежит в основе отношений Гоголя и действительности. Он ищет её слабые стороны, и в то же время ищет героев, правда, отодвигая их в прошлое, когда они проявляют максимум безвредности. Поскольку произведения писателя несут на себе автобиографические черты и связаны теснейшим образом с ними самими, постольку он в состоянии более точно и более правдиво раскрыть перед читателями свою двойственность под различными обликами своих персонажей.

Амбивалентность Фицджеральда связана с тем, что молодой писатель с огромным творческим потенциалом, чтобы обеспечить богемную жизнь себе и жене, вынужден был зарабатывать деньги коммерческими рассказами – «скороспелками», не позволявшими автору раскрыть своё поэтическое «я» в полном объёме.

При анализе произведений Гоголя и Фицджеральда выявляются зрелые аналогии в приёмах типизации. Оба писателя, создавая образы главных действующих лиц, скрывают своё личное отношение к изображаемому за внешним спокойным содержанием. Несмотря на видимое различие, «Невский проспект» Гоголя и «Великий Гэтсби» Фицджеральда имеют немало общего. Подобно тому, как в образе художника Писарева русский классик отразил трагический разлад между романтической мечтой и пошлой действительностью, так и в образе Гэтсби американский прозаик показал тщетность иллюзий «последнего романтика».

Несоответствие мечты и реальности, катастрофические последствия их объединения – основной пафос обоих произведений. Стремление претворить мечту в жизнь неумолимо влекут героев Фицджеральда и Гоголя к гибели. Данное утверждение позволяет выявить типологически сходные черты в Гэтсби («Великий Гэтсби») и художнике Пискарёве («Невский проспект»).

Пискарёв, застенчивый и робкий, всегда пребывал во власти своих романтических грёз. Он плохо знал жизнь с ее суровыми законами. Восторженный мечтатель, Пискарёв самозабвенно был предан своему искусству. И надо же, первое крушение иллюзий постигло его на Невском проспекте. Красавица, пленившая его воображение, оказалась продажной женщиной. Потрясение, пережитое героем, решило его судьбу. Автор выражает двойственное отношение к своему герою. С одной стороны, ему глубоко симпатичен характер этого благородного мечтателя, с негодованием отвергающего пошлые устои современного мира. Но, с другой стороны, писатель не может не чувствовать беспочвенность романтического идеала своего героя. Дело не только в том, что этот идеал зыбок, нереален, но еще и в том, что по самой природе своей он является порождением той же самой пошлой действительности, против которой направлен. Обращаясь к роману «Великий Гэтсби», следует подчеркнуть, что ирония, столь часто употребляемая автором в произведении, является одним из полюсов «двойного видения» Фицджеральда. По мере того как спадают покровы, скрывавшие прошлое Гэтсби, читателю открывается другое лицо героя. В лирическом вступлении к роману и далее по мере развития сюжета перед нами предстает новый Гэтсби – романтический мечтатель-идеалист, резко выделяющийся на фоне окружающей его среды. Умение Фицджеральда видеть Гэтсби с двух противоположных точек зрения одновременно придает его образу особую рельефность, которой были лишены герои предыдущих романов писателя.

«Мечта» Гэтсби обладает такой силой, что создаёт впечатление сдвига реальности. Так, например, герой Фицджеральда с необычайной лёгкостью и полной уверенностью в своей правоте утверждает, что вполне возможно вернуть прошлое, второй раз войти в одну и ту же реку. Ещё большую «нереальность» образу Гэтсби придаёт его почти полное одиночество, наряду с одержимостью мечтой. И нарушить это одиночество способен только Каррауэй, который служит на первых порах средством осуществления мечты Гэтсби, а затем открыто принимает его сторону. В повести Гоголя действительность выглядит зыбкой, расплывчатой, иными словами, почти фантастической: «Он лжёт во всякое время, этот Невский проспект, но более всего тогда, когда ночь сгущённою массою наляжет на него <....>, когда весь город превратится в гром и блеск <....>».

когда сам демон зажигает лампы для того только, чтобы показать все не в настоящем виде» [5, 44].

Подобный почти незаметный сдвиг реальности, создающий особую атмосферу романа, наблюдаем и в «Великом Гэтсби»: «Уэс-Эгг я до сих пор часто вижу во сне. Это скорее не сон, а фантастическое видение, напоминающее ночные пейзажи Эль Греко: сотни домов банальной и в то же время причудливой архитектуры, сгорбившихся под хмурым, низко нависшим небом, в котором плывёт тусклая луна, а на переднем плане четверо мрачных мужчин во фраках несут носилки, на которых лежит женщина в вечернем белом платье <...>. После смерти Гэтсби я не мог отделаться от подобных видений, всё представлялось мне в уродливо искажённых формах, которые глаз не в состоянии корригировать» [4, 428].

Фицджеральд, как и Гоголь, не часто вводил конкретные элементы фантастического в свои произведения, но в то же время импрессионизм и гротеск создавали почти фантастическую атмосферу, что в совокупности становилось эмоциональной доминантой, обостряло социальное звучание таких произведений, как «Невский проспект» и «Великий Гэтсби».

Образ Нью-Йорка у американского писателя многозначен. Он выступает не просто как один из крупнейших городов Соединенных Штатов, «в которой длинным белым пирогом протянулись одинаковые многоквартирные дома» [4, 305], но в такой ипостаси он занимает «промежуточное» место между двумя другими, резко контрастирующими образами – «Долины шлака» и нетронутого лона «нового» мира.

Как и в произведениях Фицджеральда (речь идёт об изображении Нью-Йорка – И. В.), образ Петербурга в восприятии Гоголя всегда двойственен, внутренне контрастен. В сущности, и у Фицджеральда, и у Гоголя нет единого, цельного образа столицы. Богатые и бедные, беспечные бездельники и горемыки-труженики, преуспевающие пошляки, терпящие крушение романтики – каждая часть Петербурга и Нью-Йорка имеет две стороны. И их обе тщательно исследуют и русский и американский авторы. Город у обоих писателей выступает то суетно – мелочным, давящим оттенками серого и ослепляющим внезапной феерией блеклых красок, подобно Петербургу Гоголя и Нью-Йорку Фицджеральда, то выступает мёртвым и мрачным, туманным или раскалённым лучами солнца, подобно Долине Шлака в «Великом Гэтсби» или кварталу для разнородного петербургского отребья в «Портрете». И жителям этих мест дана идентичная, идеальная характеристика – шлаковые (Фицджеральд) и пепельные (Гоголь) человечки. И не ради того, чтобы унижить, настроить читателя на определённое их восприятие, а для того, чтобы показать всю серость, аморфность, утилитарность этих внешне живых, но душевно мертвых людей. И за этими людишками с презрением смотрят глаза –

живые, леденящие, с портрета в одноименной повести Гоголя, и выцветшие – на щите у дороги в «Великом Гэтсби».

Фицджеральд так же, как и Гоголь, тяготел к эмоционально-поэтическому и аналитическому осмыслению судеб социально-исторического и национального быта. Органическое сочетание реалистических и романтических элементов, столь характерных для произведений русского классика, принцип «двойного видения» позволили американскому писателю изобразить романтическую личность как трагического героя, а миф об «американской мечте» стал для писателя материалом для развенчания её иллюзорной сущности.

Многочисленное столкновение действительности с мечтой, прошлого с настоящим, реального с конкретно-символическим усиливает лирико-эмоциональное звучание романов и новелл Фицджеральда, приближает его прозу к поэтическому языку Гоголя.

Литература

1. The Letters of F. Scott Fitzgerald. Ed by Andrew Turnbull. – N. Y., 1963.
2. Фицджеральд, Ф. С. Ночь нежна // Собр. соч.: в 3 т. – М., 1984. – Т. 2.
3. Горбунов, А. Н. Романы Фрэнсиса Скотта Фицджеральда / А. Н. Горбунов. – М., 1984.
4. Фицджеральд, Ф. С. Великий Гетсби // Собр. соч.: в 3 т. – М., 1984. – Т. 2.
5. Гоголь, Н. В. Невский проспект // Собр. соч.: в 7 т. – М., 1966. – Т. 3.

Н. М. Кунгер

ПАЛЕСКІЯ МАТЫВЫ Ё ПАЭЗІІ МІХАСЯ БАШЛАКОВА

Вобразны свет пісьменнікаў уяўляе сабой цэласную сістэму, у якой вылучаюцца дамінантныя кампаненты. Увесь змест трымаецца на гэтых кампанентах. Гэта пачатак, з якога вырастае творчая індывідуальнасць, стыль пісьменніка. Стыль – гэта “адзінства зместу і формы, пастаянна зменная адзінства жыцця і свядомасці, адэкватнае адзінства суб’екта і аб’екта, якое ўстанаўліваецца на супярэчлівым узаемадзеянні свядомасці і рэальнасці” [1, 18]. Мастак успрымае навакольны свет, пераасэнсоўвае яго.

У развіцці лірыкі выразна вызначаюцца пэўныя жанрава-стылёвыя пачаткі – эмацыянальна-выяўленчы, дыдактычна-павучальны, медытатыўны. Сучаснае мастацтва спалучае ўсе гэтыя кампаненты мастацкага мыслення. Паэтычная спецыфіка лірычнага мастацкага вобраза ў тым, што гэта вобраз перажывання. Паэт праз сябе гаворыць пра час.

Самым пашыраным жанрам беларускай паэзіі з’яўляецца элегія. Элегічна-журботныя матывы характэрны для творчасці кожнага паэта ў

пэўны прамежак яго жыцця. У творчасці М. Башлакова жанр элегіі таксама атрымаў своеасаблівую ідэйна-мастацкую эвалюцыю.

Але перш чым разглядаць творчасць М. Башлакова, неабходна звярнуцца да гісторыка-літаратурнага абгрунтавання жанру элегіі ў сусветнай літаратуры. Элегія, як ода і балада, таксама мае даўнюю гісторыю. Будучы плачам над нябожчыкам у самым пачатку, яна напоўнілася яшчэ ў часы старажытнасці новай змястоўнасцю – ператварылася ў твор-зварот да суайчыннікаў бараніць Радзіму ад ворагаў.

Элегія старажытнагрэчаскіх паэтаў Філета і Калімаха, рымлян Тыбула, Праперцыя і Авідзія поўнілася эратычным зместам.

Нарэшце з'явілася і філасофская элегія, узлётам якой сталі творчасць грэка Ксенафонта, а таксама цэлы перыяд у жыцці Рыма – I ст. да н. э., калі пала рэспубліка, а мастакі адышлі ад актыўнай грамадскай дзейнасці, паглыбіліся ў свет асабістага духоўнага жыцця, заняліся аналізам, ацэнкай індывідуальнага суму. Філасофская элегія антычных часоў была трывожнай па змесце.

У эпохі ўзвелічэння чалавека як асобы, культу яго высокіх магчымасцей элегія плённа развівалася ў многіх літаратурах краін Заходняй Еўропы: «Плеяда» ў Францыі, Спенсер у Англіі, Камознс у Партугаліі.

Класіцызм адкінуў элегію як камерны жанр, надаў перавагу ўрачыстай одзе і грамадзянскай сатыры, таму элегія заняпала ў XVII – пачатку XVIII стагоддзя.

Новы перыяд узлёту элегіі – сярэдзіна XVIII стагоддзя, дарамантызм (Юнг, Грэй, Блэр, Шэнстан і інш.). У гэты час з'явілася элегія «начных дум» і медытацый пра вечнае і часовае, хуткаплыннасць і нетрываласць чалавечага жыцця. Лірычны герой у такой элегіі адкрыўся чытачу ў песімістычным настроі, асобай, расчараванай у жыцці, якая не ў стане пераадолець разлад мары з рэчаіснасцю, перамагчы сваё нявер'е ў жыццё.

У рускай і беларускай нацыянальных літаратурах лёс элегіі звязаны з лёсам рамантызму і рамантыкаў, з вызваленчым рухам, адмаўленнем трагедыіных абставін, з нарастаннем пратэсту супраць сацыяльнага, а ў беларускай літаратуры – і нацыянальнага ўціску.

Пры рамантызме склаліся сузіральна-апісальная і філасофска-медытатыўная разнавіднасці элегіі. У гэты ж час жанр набыў адзнакі глыбокага псіхалагізму. Гэта ўсё здарылася, відаць, таму, што сваёй змястоўнасцю элегія адпавядала ўнутранай настроенасці рамантызму, давала паэтам магчымасць максімальна выказацца пра набалелае, адкрыць чытачу асабістыя перажыванні. Такім чынам, у эпоху рамантызму склаліся і аб'ектыўныя, і суб'ектыўныя ўмовы для актыўнага развіцця сумных элегічных твораў. Прычым ранейшая «жалобная» змястоўнасць жанру звязалася не толькі з асабістымі стратамі, а і са стратамі грамадска-сацыяльнага парадку. Рамантызм, як бачым, адрадіў у адначасе ўсе

разнавіднасці элегіі, яе змястоўнасці, якія ведала яшчэ старажытная літаратура, і адрадзіў не на працягу стагоддзяў, а ў кароткі, абмежаваны час. Нешта падобнае назіраецца і ў нашы дні, калі элегія, як і балада, як і іншыя традыцыйныя лірычныя і ліра-эпічныя жанры, таксама развіваецца паскорана, удасканальваецца, узбагачаецца і паглыбляецца новым, скандэнсаваным зместам.

Размова пра беларускую элегію была б няпоўнай без высвятлення праблем, звязаных са станаўленнем і развіццём медытатыўнай паэзіі. Аснову гэтай паэзіі складае павышаная рэфлексіўнасць, схільнасць да агульнай ацэнкі з'яў у святле такіх катэгорый, як жыццё і смерць, праўда і мана, свабода і рабства, хваляванне і спакой, вернасць, літасць, дабро і зло. На падобнай змястоўнай аснове нараджаецца павышаны рацыяналізм, неаддзельны ад зацікаўленасці навуковымі адкрыццямі, ад захопленасці навуковымі канцэпцыямі свету і чалавека. Філасофская лірыка як бы мабілізуе мастака слова на адкрыццё цэласнага жыцця, на выяўленне яго галоўных заканамернасцей. Паэты філасофскага складу мыслення жывуць клопатамі вялікага, перспектыўнага часу, глядзяць на сённяшні дзень як на пагранічча дня ўчарашняга з будучым.

Многія вершы Міхася Башлакова ўяўляюць эмацыянальныя развагі з сабой і іншымі па многіх вечных пытаннях, спробы разабрацца ў глыбіннай сутнасці рэчаў. Асаблівасцю медытатыўнай лірыкі паэта з'яўляецца таксама і яго ўменне самых звычайных рэчэй паставіць у кантэкст незвычайных і выкрасліць з іх глыбінны сэнс.

У філасофскай лірыцы зыходная жанравая форма – верш-разважанне, верш-спрэчка, верш-роздум. Усе гэтыя паняцці сінанімічныя, бо застаецца нязменнай галоўная сутнасць – паэту перш за ўсё хочацца пераканаць чытача ў правільнасці выказаных сентэнцый і вывадаў, зацікавіць яго пастаноўкай чарговай праблемы.

Лірыка медытатыўная з апорай на апісанне і выяўленне, апісальна-выяўленчая па сваёй сутнасці. Яна не прэтэндуе на шырокі ахоп рэчаіснасці, адлюстраванне падзей у комплексе, цэласнасці. Для яе дастаткова ўзяць факт і адкрыць у ім нейкую новую грань, павярнуць яго да чытача нейкай невядомай сутнасцю. Прастора ў такой паэзіі даволі звужаная і замкнёная. Апісальна-выяўленчая лірыка грунтуецца на майстэрстве дэталі, часткі, а не цэлага. Яна па-дзіцячаму непасрэдная, метафарычная. Яшчэ адзін варыянт медытатыўнай паэзіі можна назваць эталагічным, дыдактычным. Тут ужо на першым плане аказваецца думка, разважанне, пошук адказаў на складаныя праблемы, імкненне даць цэласную карціну рэчаіснасці, дайсці да самых патаемных сховаў чалавечай душы. Стыль – больш жорсткі параўнальна са стылем апісальна-выяўленчай разнавіднасці паэзіі. Філасофская лірыка эталагічнага характару, як і апісальна-выяўленчая, умела аперыруе мастацкай дэталлю, але заўсёды надае ёй шырэйшыя

абсягі. Яе задача заключаецца ў большай ступені не ў тым, каб нешта канстатаваць, назваць, занатаваць, а каб вывесці з канстатацыі замамернасьць, а дэталі ў ёй – толькі штуршкі для выканання падобнай задачы. Складзеная з асобных трапных назіранняў над рознымі выпадкамі чалавечага і прыроднага жыцця, яна вырастае ў аб’ёмную карціну свету, дзе ўсё знаходзіцца ў руху, пастаянна мяняецца, набывае новыя якасці, пераходзіць з адной формы ў другую, дзе няма выпадковасці, нішто не знікае бяследна, дзе, нарэшце, парадаксальнае аказваецца самым нармальным і гарманічным.

Верш-разважанне – асноўная жанравая разнавіднасць філасофскай лірыкі ў цэлым, але далёка не адзіная. Філасафічнымі могуць быць і традыцыйныя лірычныя жанры – ода, элегія, балада, санет, актава, эпітафія і інш. Карыстанне тым ці іншым з гэтых жанраў абумоўлена суб’ектыўнымі фактарамі, своеасаблівасцю індывідуальнага стылю мастака, шырынёй ці звужанасцю абсягаў яго мыслення, ступенню даверу.

Прадмет нашага даследавання – творчасць Міхася Башлакова, у якой звязаны ў адзінства многія фактары. Пафас, светапогляд, прынцыпы пісьма, разнавіднасці вобраза, жанры – залежаць ад індывідуальнага погляду на рэчаіснасць. Наватарства Міхася Башлакова заключаецца ў яго далейшым руху па шляху паглыблення традыцыйнай элегічнай змястоўнасці ў рамантычным і сентыменталісцкім варыянце, у тым, што паэт надае шматграннасць і маштабнасць зместу, разнастаіць традыцыйнае элегічнае пачуццё, пераасэнсоўвае традыцыйныя рамантычныя вобразы, ставіць побач з імі наватарскія. Асаблівасцю творчасці Міхася Башлакова стаў гуманізм. Ён яскрава вылучаецца ў вобразах роднага Палесся. Паэт верыць у перамогу добра, адсюль гэтая замілаванасць, разважлівасць, апісальнасць:

Вечарэе Палессе. І туманяцца рэкі.

І сутонні паромы павольна рыпяць.

І дзявочыя песні далятаюць аднекуль.

І агні ў шызах далях таёмна гараць.

На зялёных лугах ходзяць вольныя коні.

Галасы перапёлак у жыцце густым.

На бяргавых ля хат уздыхаюць гармоні.

І плыве над зямлёй маладзік малады [2, 29].

Паэзія Міхася Башлакова – гэта паэзія медытатыўнай элегіі, якая з’яўляецца элегіяй актыўнай думкі, напружанага перажывання. Медытатыўнасць – найбольш выразная, дамінантная рыса суб’ектыўнага роду літаратуры. Лірыка можа быць пераважна скіравана да самааналізу, утрымліваць у сабе эмацыянальную ці мысліцельную рэфлексію. Менавіта рэфлексія думкі і пачуцця аўтара, іх рух, змены складаюць адметнасць лірыкі як роду літаратуры. Патрэбна адзначыць, што медытатыўнасць па-рознаму ўвасабляецца ў творах: гэта і эмацыянальнасць, і апісальнасць

з адзнакамі медытатыўнасці, і чыстая медытацыя. Часта ў такой паэзіі лірычны герой непасрэдна выяўляе свае пачуцці з пэўным элементам разважлівасці, ці аказваецца поўнасьцю падуладны самарэфлексіі, ці разважае пра лёс грамадства, выказвае свае філасофскія погляды на жыццё і смерць.

Таму пераважным жанрам творчасці Міхася Башлакова становіцца элегічна-філасофскі верш. Гэта не проста элегія – гэта элегія эпохі, у якой даюцца смутныя развагі аб лёсе свайго часу, пакалення, з якім звязаны паэт, сваёй краіны. Можна сказаць, што паэт працягвае традыцыі нацыянальнай элегіі. У М. Багдановіча ёсць знакаміты цыкл “У зачараваным царстве”, Міхась Башлакоў таксама звяртаецца да мінуўшчыны з пазіцыі свайго часу. І няхай яго творы не сабраны ў пэўны цыкл, але адвечныя вобразы роднага Палесся паўстаюць у вершах “Журавель”, “Чмель”, “Шэрая чапля”, “Лясун”, “Узвіжанне”, “Крумкач”, “Дуб”, “Радаўніца” і інш. Чытаючы гэтыя творы, адчуваеш сувязь з роднай зямлёй, казачнасць мінулага, клопат за будучыню.

У цёмным восеньскім бары
Над векавым пагоркам
Крумкач крумкача ўгары
Пранізліва і горка.

Вякі, як чорныя чаўны,
Праз нетры праплываюць.
І сосны звоняць, як званы,
Над вечаровым граем [2, 43].

У гушчары ля самага балота
Жыве лясун, ссівелы і стары.
Замшэла барада, нібы калода.
Сярмяга яго сплецена з кары.

Ні промень не праб’ецца. Ні прахожы
Не пройдзе тут. Не любіць ён людзей.
Ён з раніцы да вечара варожыць
На чорнай застаялае вадзе [2, 39].

Патрэбна адзначыць, што Міхась Башлакоў умела выкарыстоўвае словы, якія малююць колеры. Такія словы служаць для перадачы ўнутранага стану лірычнага героя, адлюстроўваюць настрой самога аўтара, дапамагаюць паэту трапіць перадаць стан прыроды, грамадства. Як сцвярджаюць даследчыкі, “на выбар пэўнага колеру ўплывае шэраг свядомых і падсвядомых фактараў: наяўнасць уласцівых беларускаму менталітэту сімвалічных колераў; змест, ідэя, задачы твора; адметнасць мастацкага светабачання

творцы; псіхічны і нават фізічны стан мастака; канкрэтная жыццёвая сітуацыя, у якой пісаўся твор” [3, 25].

Так, у вершы “Верасень” па законах кантрасту ў адным чатырох-радкоўі, паэт супастаўляе светлы і змрочны колер, светлы і сумны настрой:

Ліст залаты на срэбнай павуціне
Гайдаецца над цёмнаю вадой.
І восень у зялёных вершалінах
Вавёркаю мільгае маладой [2, 42].

І працяг разважанняў, пошукаў сябе ў вершы “Зялёная восень”:

То жоўты лісток, то зялёны лісток...
Вось так і душа мая колеру рознага –
То светлы радок, то самотны радок,
То змрочны і стылы, калі восень позняя [2, 40].

Восень – гэта не толькі пара згасання, развітання з радасцямі лета ці пара скасавання разнастайных фарбаў жыцця і трагедыйнай аднаколернай спустошанасці, не толькі, урэшце, антыпод-вясны. У адпаведнасці з аптымістычнай канцэпцыяй свету Міхась Башлакоў лічыць восень парою, калі адбываецца пераадоленне суму, бяды, настрою згасання, калі пад жоўтымі фарбамі яшчэ бачацца весялейшыя, зялёныя, калі смутак і сум тактоўна і ненавязліва выпяняюцца мужнай верай у тое, што не ўсё яшчэ страчана. «Элегія восені» ў паэта – гэта элегія перамогі светлага пачатку над змрочным. Таму не выпадкова, што вобраз восені паўстае ў яго лірыцы ў кантэксце не толькі вобраза вясны, але і вобраза сонечнай арбіты. У многіх творах на тэму восені паэт увогуле адмаўляецца ад восеньскага настрою.

Міхась Башлакоў выразна ўсведамляе цяжкасць жыццёвых сцэжак, лёсу Палесся і папярэджвае будучыя пакаленні, што можа стацца з тым народам, які адрачэцца ад роднай хаты, памяці продкаў. Вобраз маці, вобраз роднай зямлі з’яўляюцца дамінуючымі ў творчасці паэта. Аўтар ставіць знак роўнасці паміж паняццямі: Радзіма – народ – мова – маці.

“Маці”, “Матчыны грыбы”, “Сказала маці” – гэта вершы-замалёўкі. Для Міхася Башлакова вобраз маці – накірунак, які дапамагае ісці па свеце, рухацца наперад. Нават словы, голас, рухі маці могуць адрадыць да жыцця. Маці надае сілу, натхненне:

Сказала маці: “Не аглядайся,
Як з хаты выйшаў...”
Сказала маці: “Хутчэй вяртайся,
Паспеюць вішні...” [2, 26].

А ў самой сляза з вачэй
Цячэ паволі.
Душу самотай апячэ,
Агорне болем [2, 15].

Амаль кожны верш Міхася Башлакова насычаны медытатыўнасцю: і пейзажныя замалёўкі, і маналогі, і лірыка кахання маюць абавязковы выхад з асабістага пачуцця на ўсеагульны драматызм і трывогу. Паэт пакутуе ад таго, што яго родная зямля стала ахвярай экалагічнай катастрофы. Адчуваецца любоў да роднай мовы, да роднай прыроды, да блізкіх людзей. Аўтар просіць прабачэння ў сваіх землякоў за тое, што “надрыўна крычаць жураўлі”, “душа паплыла, як лісток”, за “ўсплёскі атручаных вод”, “здзічэлыя палі”, за тое, што:

Над Айчынай, над роднаю мовай
Палынее чарнобыльскі шлях... [2, 80].

Працяг чалавечага болю, болю за Айчыну мы назіраем і ў вершы-звароце, вершы-маналогу “Буслы чарнобыля”. Верш пабудаваны такім чынам, што адказы на адно-адзінае пытанне суправаджаюцца шматкроп’ямі. Душа разрываецца, не знаходзіць выхаду, пакутуе і плача. Ад людскіх слёз, ад гора чарнеюць белыя птушкі Палесся – буслы:

Вы вясну на Палессе прыносілі,
Майстравалі буслянкі да вечара...
І калі нас з тых вёсак вывозілі,
Вы кружылі ў небе знявечаным...
Клекаталі ўслед нам сіратліва
Над пустымі бязлюднымі вёскамі.
Вашы белыя, белыя крылы
Ад бяды пачарнелі чарнобыльскай... [2, 71].

Кожны паэт – сын свайго часу і сваёй зямлі. Зямля ў Міхася Башлакова адна – Беларусь, з яе непаўторна-дзівосным багаццем фарбаў і гукаў. Гэта крыніца багатай вобразнасці, міфалагічнасці, гістарычнай спадчыны. Магчыма, адсюль і цяга паэта да гістарычных асоб, да пастаноўкі сацыяльных праблем у творах. Ужо самі назвы гавораць за сябе: “Падарожжа з Міколам Гусоўскім”, “Размова з Янкам Купалам”, “Маленне Кірыла Тураўскага”, “Сустрэча з Адамам Міцкевічам”.

Аднак самае галоўнае ў жыцці паэта – Палессе і яго людзі. У вершах, прысвечаных ім, Міхась Башлакоў выступае як тонкі лірык, паказвае незвычайнасць рэальнага жыцця, своеасаблівасць светаўспрымання, нацыянальны характар. Аўтар здолеў прайсці ад простага назіральнасці за рэчаіснасцю да глыбокага асэнсавання пэўных яе праяў. У паэта ёсць вершы “Дзед Фядос” і “Пчалаяр”, у якіх ён адчуў сябе маленькай часткай прыроды, якая знаходзіцца ў непарыўнай еднасці і гармоніі з наваколлем, дзе чалавек не супрацьстаіць прыродзе:

У Ліплянах зайду да знаёмага дзеда,
Пра жыццё запытаю ў яго.
Дзед дастане кісет, згорне дзед цыгарэту,
Памаўчыць... і ўздыхне: “Нічаго...” [2, 33];

Калісьці жыў у вёсцы дзед Мікола,
Для ўсёй акругі борці ён рабіў.
Раіліся над ім, звінелі пчолы.
Кідалі цень высокія дубы [2, 34].

Ствараецца ўражанне, што творы Міхася Башлакова сапраўды народныя, расквечаныя славянскай вобразнасцю, насычаныя мелодыкай, узятая са старажытных песень. Яны ўспрымаюцца як фрагменты біяграфіі адной душы – душы паэта і душы лірычнага героя, усяго беларускага народа, які знаходзіць апору ў адзінстве ўсяго чалавецтва і прыроды.

Літаратура

1. Андраюк, С. А. Да пытання аб індыўідуальным стылі пісьменніка / С. А. Андраюк // Стыль пісьменніка; рэд. В. В. Барысенка, П. К. Дзюбайла. – Мінск: Навука і тэхніка, 1974. – С. 3–18.
2. Башлакоў, М. Матчыны грыбы перабіраю / М. Башлакоў. – Мінск: Ураджай, 2000. – 86 с.
3. Русілка, В. В. Каляровая палітра паэм Якуба Коласа “Новая зямля” і “Сымон-музыка” / В. В. Русілка // Роднае слова. – 1993. – № 11. – С. 25–29.

Т. С. Нурдзіна

АЛЯКСЕЙ ПЫСІН І ДУХОЎНЫЯ СКАРБЫ ПРЫДНЯПРОЎЯ

Мастацкі свет А. Пысіна – гэта не толькі трагічная праўда франтавых дарог, але і праўда быцця вясковага люду роднай сэрцу паэта Магілёўшчыны. Лірычны герой, бадай, усіх зборнікаў 60–70-х гадоў прамаўляе ад імя тых пакаленняў продкаў і землякоў, што даўно адышлі ў нябыт, пакінуўшы ў спадчыну жыццёвы вопыт і веды, а яшчэ – “*досціп народны, і мудрасць, і песню, і смех*” [1, 381]. Таму і гучаць гэтак часта ў яго паэзіі продкаў галасы. Разам і паасобку. Жывых і нежывых. Далёкіх і блізкіх. І калі не сказаць пра ўсё і ўсіх у сваім часе, то пазней

Ніхто не праявіць партрэты
І прозвішчы праз вякі,
Вялікія нашы паэты,
Музыкі і спевакі [1, 380].

Здзейсненае А. Пысіным бачыцца гэткім жа значным і важным у фарміраванні ментальнасці сучаснага беларуса, як і тое, што рабіў У. Караткевіч, вяртаючы сваім чытачам гісторыю ахвярнага змагання продкаў за волю і чалавечую годнасць. І калі пісьменнік-рамантык, пісьменнік-рыцар слугаваў свайму народу, адкрываючы яму ў стагоддзях

былую славу, трагічную веліч і сілу духу продкаў, то А. Пысін дзень за днём, за годам год узнаўляе ў гуках, колерах, пахах дынаміку рэальных карцін жыцця тых, чыя прысутнасць адбілася ў зямных кругах і каляінах, на пругкіх струменях вечнасці. Узнаўляе самае дарагое, што спрадзеву завецца родам, каранем, гняздом, роднай зямлёй, Бацькаўшчынай.

Увогуле цікава паназіраць за тым, як у мастацка-вобразную прастору лірыкі А. Пысіна ўваходзіць зусім рэальны чалавек, быццё якога пададзена ў канкрэтным прасторава-часавым вымярэнні. У прыватнасці, канец 50-х засведчыў творчае сталенне паэта. Паспрыяла, відаць, гэтаму і вучоба ў Маскве на Вышэйшых літаратурных курсах. Магчыма, вялікі горад, іншы свет і новае асяроддзе сталі праявай таго, што так адкрыта, на розныя галасы загучалі ў лірыцы А. Пысіна словы “Магілёўшчына”, “магілёўскі”, “дняпроўскі”. Гучна, на ўзнёслай ноце спрабуе выказаць пародненасць з дарагім яму краем. Магілёўшчына для лірычнага героя верша “За палямі лугі і лясы...” – і маці, і сястра, і дняпанка, і працавітыя людзі. І многае іншае. Сказана гучна і пафасна. Не стае яшчэ характэрнай – пысінскай – суцішанасці слова пры ўнутранай напятасці эмоцый, няма той драматычнай цішыні, што абвастрае слых і зрок. Блізкія па танальнасці да названага твора і такія вершы, як “Краснаполле”, “Магілёўскія дзяўчаты”, “Першамайская вуліца”, “Дзявочыя хусткі” і іншыя. І ўсё ж гэта было прадвесце: у тым жа 1958 годзе паявяцца і такія характэрныя для пазнейшага А. Пысіна вершы, як “Вузел”, “Перад фатографам жанчына...”.

У сваім абвостраным адчуванні часу і цяжару пройдзеных дарог творца спяшаўся “адбіць” у мастацкім свеце аблічча кожнага, хто сеяў збожжа, аздабляў зямлю, бараніў яе ад ворагаў, расціў людскія душы святлом і цеплынёй, мудрым заветам. І паэт патлумачыць, чаму яго паэтычныя радкі так густа населены людзьмі – з імёнамі і без. Пры гэтым кожны, з кім зводзіў творцу жыццёвы лёс або выпадак, заўсёды пададзены ў канкрэтных абставінах, з канкрэтнай “прапіскай” – у полі, лесе, лузе, на ўзбярэжжы рэчкі, ля крыніцы, у вясковай хаце, горадзе, бо яны, яго землякі, суседзі, сябры, аднафамільцы, родныя, прадстаўлялі свой час і здзейсненую ў часе правату: *“Помню добрых людзей... Няхай // Будуць светла ўпісаны ў памяць”* [1, 328].

З вершамі “Не пялёсткі ганак усцілаюць” (1960) і “Яшчэ мне верыцца, яшчэ мне верыцца...” (1960) у творчасць А. Пысіна ўваходзіць вобраз маці. Апошняе развітанне і вечнае расстанне далі адчуць, які ён *“глыбокі карань радавы”* [1, 83]. Якраз у той трагічны час і прыйшло ўсвядомленае разуменне бяспечнасці скарбаў, што пакідаюць у спадчыну продкі: *“Са мной душа і мова матчына // І песня вечная яе”* [1, 84]. Крок за крокам будуць вывучацца ўрокі роду, заветы продкаў. Дыялог з маці стаў той неабходнасцю, без якой не мыслілася далей яго чалавечае і творчае жыццё

(“Дарагія сябры і суседзі...”, “Жніво. Смуга над плёсам. Воз снапоў...”, “У запозненым прызнанні...”, “Лугоў зялёнае міжброў’е...”, “Светла так на могілках і суха...”, “Матчына чаканне” і інш.). Думка пра дабрату, якой праявілася душа маці, прымушае лірычнага героя А. Пысіна напружана шукаць адказ на пытанне, дзе ўзяць (“намыць”) тыя “залацінкі дабаты” [1, 196], каб у свеце стала святлей і чалавечней. Зразумела, што патрэбны намаганні – і не абы якія. Таму і гучыць так актуальна мацярынскі наказ сыну і ўсім жывым:

Прыпыні свой натомлены крок,
Не спяшайся ка мне, сыноч.
Мне не будзе з табой весялей –
Дачакайся сабе дзяцей.

На магілках трава і пясок –
Ціхі голас кранае слых:
– Вучы дабрыні
унукаў маіх,
Не спяшайся ка мне, сыноч... [1, 360].

А ён спяшаўся. Спяшаўся сказаць сваім “адбеленым словам” [1, 195] усё пра Магілёўшчыну, якою жыў і дыхаў, сказаць пра ўсіх, хто быў яму цікавы, блізкі лёсам, жыццёвай пазіцыяй. Часта згадвае ў апошняе дзесяцігоддзе свайго быцця мудрых дзядоў і бабуль: то гэта дзед Ярошка, то дзед, які “як лес, – ён і цёмны і светлы” [1, 250], то той, што “з жыццёвай спускаецца горкі” [1, 248]. Прыгадае бабуль, бабулек і бабулечак (“Балада сагнутых бабуль”, “На лавачцы сядзяць з вясны...”, “Бабулька”, “Маёй бабулі”). Зварот да жыццёвых дарог і вопыту мінулых пакаленняў – гэта, па-першае, выказаная ў слове пашана, павага да нялёгкай долі вясковай жанчыны:

Па зёлках, па жыце, па бульбе,
На рэчку, на млын і за млын
Прайшлі вы свой шлях, бабулі,
Ў паклоне глыбокім зямным [1, 363].

Па-другое, з гадамі вастрэй заяўляе пра сябе памяць-пакаянне, памяць-прабачэнне. Напрыклад, перад дзедам, якому пазайздросціў калісьці: “Да дзе-вяноста б вам і мне!” [1, 275]. А далей – глыбока народная выснова: не пры-мервай чужога, у кожнага – свой лёс-наканаванне:

Даўно старэю не па ўзросце,
І, можа, ўсё таму, братва,
Што вельмі дзеду пазайздросціў,
Калі было мне дваццаць два [1, 275].

І хоць дасведчаны ў паэзіі А. Пысіна чытач разумее, што віной ранняга адчування цяжару яшчэ не пражытых героем гадоў суровасць жыццёвых выпрабаванняў, аднак і тыя словы паэта пра зайздрасць не шкодзіць таксама ўключыць у кола маральных арыенціраў. Адчувае сябе вінаватым лірычны герой і перад роднай бабуляй, “ні твару, ні ўсмешкі” якой памяць дзіцячая не зберагла. Праўда, у свядомасці зафіксаваўся выпадак, калі, парушыўшы наказ дарослых хворай бабулі не даваць вады (лячылі бязводдзем), малы ўважыў яе просьбу: “Унучак, піць...” [1, 368]. Цяпер жа, з узвышша пражытых гадоў, асабліва балюча адчуваецца неаплачаны доўг-абавязак перад усімі – далёкімі і блізкімі, хто вечнасцю стаў:

Ты долю маю люляла,
Глядзела ў мае гады.
Зрабіў для цябе так мала:
Паднёс аднойчы

вады... [1, 368].

Сваё адчуванне віны перад бязлюддзем спусцелых вёсак і родных двароў А. Пысін выяўляе ў многіх вершах, асабліва ў 70-я гады. Таму і згадваюцца гэтак часта землякі і родныя. Згадваюцца пайменна, з абазначэннем крэўнай роднасці і быццёвай значнасці: “*Праскоўя-Проня // Стрыечная // Сардэчная // Сястра*” [1, 285], Варачка, што засталася ўдавой маладзенькай і дзетак “*чацвёрка пры ёй*” [1, 313]. Помніцца і дзядзька Міхалап, які “*жыццё правёў, як светлы снеў*” [1, 306].

Яшчэ ў 1972 годзе (зборнік “Да людзей ідучы”) пісьменнік паставіў перад сабой задачу: весці мастацкае слова і лірычнага героя ў сучаснае жыццё сваёй радзімы. Ён прымусяў чытача ўслухацца і прыняць магілёўскую гаворку, захапіцца талентам жанчын, што так умеюць па-мастацку трапна і ашчадна выяўляць у слове побытавую сітуацыю або сваю рэакцыю на з’явы ці падзеі. Паэт, безумоўна, не мог не выказаць захаплення ўнікальным талентам жанчын, вясковых словатворцаў, якія “*нам мову па слоўцу, па зернетку // Сабралі для добрай сяўбы*” [1, 322]. Нават падкрэсліць, што

У вёсак жаночыя назвы,
Бабулі, матулі для нас вы:
Малінаўка, Змітраўка, Горна,
І Мар’іна Буда, і Горка [1, 341].

Можна прыгадаць і такія радкі: “*Жалезніца, Касцягаўка і Горна, // І вёска маці – светлыя Мануйлы*” [1, 272].

Гучаць і рэхам паўтараюцца назвы дарагіх пісьменніку паселішчаў і ў вершы “Успомняцца – і адзавуцца...”. Відаць, яны, гэтыя “густыя вёскі” [1, 238], настолькі блізкія сэрцу паэта, што двойчы паўтараюцца ім – на пачатку твора і ў заключнай страфе:

Успомняцца – і адзавуцца,
Падступяць з чатырох бакоў
Падгор’і, Селішчы і Вусці,
І сотні палявых Баркоў.

.....
І ўспомняцца, і адзавуцца
Таварышы-франтавікі,
Падгор’і, Селішчы і Вусці,
Падгор’і, Селішчы, Баркі [1, 238].

Не пакідае адчуванне, што паэту радасна ўслухоўвацца ў гучанне знаёмых назваў, шукаць асобы сэнс і захапляцца, напрыклад, талентам спеўных жанок, што звязалі свой жыццёвы лёс з Панкратаўкай або Усцінавічамі. Не праміне падкрэсліць і характэрную для вясковых кабет “традыцыйна-фальклорную прыгажосць” [1, 322], і перадаць сваё разуменне значнасці духоўных скарбаў продкаў, народнага этыкету і культурных традыцый, якімі кіруюцца ў сваёй справе спявачкі. Яны толькі “часам песню сваю вывозяць на людзі – у цэнтр абласны” [1, 322]. За гэтым пысінскім “вывезці на людзі песню” чуецца і адказнасць, з якой спявачкі паказваюць сябе і сваю песню, і тое, што паездка ў раён, выхад на людзі – падзея, з’ява.

І як тут не прыгадаць словы В. Арцем’ева, з якім сябраваў паэт, пра стасункі А. Пысіна з народнай песняй, якая была для яго “вяршыняй, узорам паэзіі” [2, 63]. Згадвае В. Арцем’еў і пра тое, што паэт і журналіст А. Пысін не толькі слухаў народныя песні, захапляўся іх акапэльным выкананнем вясковымі жанчынамі, але і “нястомна прапагандаваў народную песню і яе выканаўцаў сваімі нарысамі ў газеты і часопісы” [2, 63]. Дададзім, і паэтычнымі творамі ў тым ліку. Сказанае В. Арцем’евым вельмі стасуецца, напрыклад, са словамі Я. Сіпакова, які пераконвае сучасніка ў тым, што “народныя спевакі збераглі народную песню. А ўжо песня выратавала нашу мову, а яна, у сваю чаргу, дзяржаву, краіну, народ. Калі ёсць песня – значыць, жыве народ!” [3, 105].

Вось і А. Пысін уражаны не толькі эмацыянальна-пачуццёвым дыяпазінам народнай песні, але і тым, што пры кожным новым выкананні яна “ў чысціні, ў характэры сваім абнаўляецца” [1, 324]. І таму апраўданым у мастацкім кантэксце бачыцца паўторанае на розныя лады рытарычнае пытанне лірычнага героя, адрасаванае самому сабе і наступнікам, сусветнай прасторы і часу: “Хто яна, хто яна, хто яна, // Першы паэт той, першая тая спявачка?” [1, 324].

Вопыт абыходжання А. Пысіна з народнай песняй цікавы яшчэ і тым, наколькі змястоўна вядзе паэт размову пра месца і ролю песні ў фарміраванні духоўна-маральнага патэнцыялу грамадства. Так, з сярэдзіны

70-х гадоў слова “песня” або вытворнае ад яго часта выкарыстоўваецца ў назвах вершаў (“Даўняя песня дзявочая”, “Спеўнае”, “Успамін пра жніўную песню”, “Заспявай, мой дружа, заспявай” і інш.). У свой час падобная з’ява была адметнай рысай мастацкага мыслення ранняга Я. Купалы. І калі для Я. Купалы такія стасункі з народнай песняй былі найбольш выяўнымі ў першае дзесяцігоддзе літаратурнай дзейнасці, то ў пысінскай лірыцы дух народнай песні, яе духоўна-эстэтычныя біятокі асабліва значна, адкрыта заявяць пра сябе напрыканцы творчага шляху пісьменніка. Як вынік. Як падсумаванне, абагульненне пражытага і перажытага з народам і яго песняй.

Здараецца, у сваё мастацкае поле аўтар уключае вядомыя песенныя радкі або дасціпныя прыпеўкі (“Чабарок, мой чабарок...”, “Дарогай на Панкратаўку”, “Даўняя песня дзявочая” і інш.). Апошняю кропку ў размове пра ачышчальную сілу народнай песні, пра яе ўнікальныя здольнасці яднаць родных і чужых, далёкіх і блізкіх А. Пысін паставіць у вершы “Харошкі” (1981). На розныя лады (да дзесяці разоў!) паўтараецца паэтам такая розная і такая знакавая назва ансамбля – “Харошкі”:

“Харошкі” – чараў сувязны.

Ёсць над Дняпром сяло Харошкі.

“Харошкі” – з поля, з баразны,

“Харошкі” – з жыта, як валошкі [1, 385].

Нават народнае выслоўе “і жнец, і на дудзе ігрэц”, – мяркуе творца, – ці не ў тых, што на Дняпры, Харошках нарадзілася. Сапраўды, – далучымся да аўтара, – з такімі “Харошкамі” нічога іншага не застаецца, як толькі харашэць. Душой, абліччам, думкамі. Таму і нагадае ў сваіх радках не толькі невядомых паэтаў і спявачак, але і многіх творцаў, каго ўзгадала Прыдняпроўе з яго багатым прыродным светам і народнымі духоўнымі скарбамі.

У пару творчай сталасці А. Пысін выказаў “Чынш прызнасці людской...” [1, 273] кожнаму, хто лёсам і справам прычыніўся да магілёўскай зямлі. Ён удзячны ўсім, хто памнажаў духоўныя скарбы продкаў шчырым служэннем беларускаму слову або чый талент абарвала вайна. Напрыклад, яго душу прыемна грэюць успаміны пра тое, што ў навакольных вёсках і “аж дзесьці ў Саматэвічах” “прыгадваюць Бялькевіча: // “Краёвы слоўнік” разам мы збіралі...” [1, 372]. Многія вершы, напісаныя ў апошняе дзесяцігоддзе, з’яўляюцца “адраснымі” – маюць канкрэтныя прысвячэнні (“Палёт”, “Калі б вясне, Дняпру і чайцы...”, “Падымаецца камочак песні...”, “Заспявай, мой дружа, заспявай...”, “Сцяжынкі лясныя стаптаны да дзір”, “Лугоў зялёнае міжброўе...” і інш.). Здараецца, што і назву твору дае імя (прозвішча) рэальнай асобы – “Пятрусь Бядулін”, “Вершы Міколы Сурначова”, “Балада пра Фёдара Ракушава, запісаная ў вёсцы Ракушава Круглянскага раёна”.

Нельга не заўважыць, наколькі таленавіта, з глыбокім адчуваннем трагізму жыццёвага і літаратурнага быцця тых, чый лёс дачасна абарваўся, вядзе свой роздум-рэквіём А. Пысін. Прынамсі, першаму вядомаму паэту Краснаполля Петрусю Бядуліну прысвячаецца ўсяго 20 радкоў, а за імі – жыццё чалавека: маленства, вучоба, першая публікацыя ў сталічным выданні, сталенне таленту і нарэшце – такі вось па-пысінску лаканічны і па-мастацку вялікай сілы заключны акорд-абагульненне:

I – зіма ў глыбіні фронтавой.

I – акуп на краёчку планеты.

Той зімою

пісалі паэты

Па снягах, на марозе

кывёй... [1, 312].

Вось так, ад верша да верша, доўжыць А. Пысін здзейсненае ў слове кароткае жыццё П. Бядуліна ці А. Сербантовіча. Прымушае сённяшняга чытача прыняць душой працулыя “вясновыя радкі” Міколы Сурначова. Таленавіта шчырымі радкамі прамовіць паэт да А. Куляшова, М. Стральцова, С. Гаўрусёва і многіх іншых. Адзначым, што менавіта С. Гаўрусёву прысвяціў паэт глыбока філасофскі верш “Забыта многае ў жыцці...”, які з’яўляецца сапраўды вяршынным дасягненнем беларускай паэзіі. Відаць, радніў гэтых паэтаў, розных узростам і жыццёвым лёсам, сур’ёзны погляд на свет, глыбіня паэтычнага мыслення, унутраная засяроджанасць, няспешная роздумнасць рытмаў і амаль малітоўнае абагаўленне ўсяго прыроднага, вясковага, зямнога. Варта ледзь дакрануцца да лірычнай душы Гаўрусёва, як адразу адчуецца пульсацыя адзіных з Пысіным крэўных токаў. Гэтак жа, як Пысін, умее ён імгненне ўзняць да вечнасці, касмічнай надзяліць душой ляснога мураша, жыццё якога ў сваёй драматычнай штодзённасці вырастае пад пяром паэта да гістарычнай сутнасці народнага быцця і лёсу.

Словам, пра магілёўскаю зямлю, пра бацькоўскі край і яго духоўную спадчыну А. Пысін паспеў сказаць так значна, так праўдзіва і па-мастацку так высока, як мог, як умеў рабіць гэта толькі ён, паэт і чалавек Аляксей Васільевіч Пысін.

Літаратура

1. Пысін, А. Збор твораў: у 2 т. / А. Пысін. – Мінск: Маст. літ., 1989. – Т. 1: Вершы. – 399 с.

2. Арцем’еў, В. Паэт вузел завязаў: успаміны і роздум пра жыццё і творчасць А. В. Пысіна / В. Арцем’еў. – Магілёў: Могилев. обл. укр. тип., 2008. – 72 с.

3. Сіпакоў, Я. Зялёны лісток на планеце Зямля: партрэт Беларусі: эсэ / Я. Сіпакоў. – Мінск: Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2010. – 368 с.

А. У. Сузько

**РЭГІЯНАЛЬНЫ КАЛАРЫТ ПАЭЗІІ М. ТАНКА, Р. БАРАДУЛІНА,
Л. ДРАНЬКО-МАЙСЮКА**

Рэгіянальны кампанент у мастацкай карціне свету, створанай арыгінальным талентам, сведчыць пра ступень яго патрыятызму, ступень духоўнай культуры. Сапраўдны мастак усведамляе значнасць рэгіянальных першапачаткаў для самасцвярджэння ў паэтычнай творчасці і прасторава-часавым вымярэнні.

У мастацкай сістэме М. Танка рэгіянальныя вобразы і матывы з’яўляюцца ідэйна-эстэтычным падмуркам своеасаблівай нацыянальнай філасофіі быцця. Сам М. Танк неаднойчы прызнаваўся, што, нягледзячы на даволі частае расстанне з роднай зямлёй, абумоўленае яго грамадска-палітычнай дзейнасцю, на эстэтычнае паглыбленне ў стыхію культурнага і побытавага жыцця іншых народаў, ён усё больш глыбока і пранікліва ўсведамляў сваю кроўную сувязь з радзімай, разумеў яе першаснае значэнне для станаўлення чалавечай асобы. Лірычны герой М. Танка свядома і падсвядома імкнуўся пераканацца, “як яму дораг пакінуты край, дзе зацепліўся верас у засені наднарачанскага бору” [1, т. 3, с. 65]. Такім чынам, наяўнасць у паэзіі М. Танка рэгіянальных вобразаў і матываў засведчыла яго чалавечую, мастакоўскую і грамадзянскую сталасць. Зварот да рэгіянальнага – прыкмета творчага росту мастака, апраўданне яго быццёвай прысутнасці ў гэтым свеце, бо чалавек без каранёў, без пачуцця радзімы, без адчування яе на інтуітыўна-эмацыянальным узроўні, – не чалавек. Тым больш мастак. Так, і М. Танк (а адпаведна і яго лірычны герой) “нават будучы глухім, між тысяч іншых сосен адрозніў бы іх пошум (нарачанскіх сосен – А. Сузько) і, нават будучы сляпым, абняўшы ці пацалаваўшы, іх пазнаў бы” [1, т. 4, с. 167].

Для М. Танка Пількаўшчына, Нарачанскі край, сама духоўна-творчая атмасфера роднай зямлі – крыніца натхнення, паэзіі. Гэта край, самой сутнасцю якога, квінтэсенцыяй з’яўляюцца паэзія, творчасць, бо крэатыўным патэнцыялам пазначаны ўсе здабыткі працоўнай дзейнасці тутэйшых майстроў (“Як я стаў паэтам”, “Тут”): “... Набыў я, // За прададзеныя лапці і венікі, // Вялізнае рэшата. // І калі пачаў на ім – // Жменьку за жменькай – // Прасяваць нашу зямлю, // Ubачыў на дне рэшата // Песні” [1, т. 4, с. 210]. Так, з мудрага, таленавітага песеннага кангламерату народных талентаў М. Танк вылушчыў, прасеяў праз сіта (адабраў з любоўю і пшчотай) самае істотнае, вызначальнае. І на гэтай рошчыне вырасла яго паэзія, глыбока народная, балюча беларуская і кранальна агульначалавечая.

Неаднойчы М. Танк праводзіў паралель паміж этымалогіяй узнікнення сапраўднай паэзіі, таямніцай яе нараджэння ў народных песняроў розных

краін і народаў. Заканамерным у гэтым аспекце з’яўляецца згадванне легенды пра тое, што славыты велічны і ўрачысты рытм гекзаметра Гамеру падказаў акіян, стыхія, арганічна звязаная з яго роднай зямлёй. Згадаем В. Зуёнка, які гаварыў, што ў паэзіі М. Танка адчуваецца подых гекзаметра нарачанскіх хваль [2, 240]. Такім чынам, можна прасачыць тыпалогію працэсу творчасці, што мае агульныя параметры, парадэгмы для ўсіх мастакоў. Сапраўдная творчасць мае непасрэдня сувязі з карцінай нацыянальнай светабудовы, а значыць, з рэгіянальным пачаткам.

Рэгіянальнае ў М. Танка – гэта мінімадэль нацыянальнага быцця і, бясспрэчна, агульначалавечага. Адначасова, як, скажам, у вершы “Гісторыя вёскі Пількаўшчына”, пэўны тапонім ці хранатоп – абагульнены, сінтэтычны вобраз усёй Беларусі. На прыкладзе змадэляванай на аснове старажытнагрэчаскага эпасу і творчай фантазіі гісторыі ўзнікнення роднай вёскі М. Танк раскрывае гісторыю цэлай краіны з яе велічнымі і трагічнымі момантамі: “... Тут неверагодная колькасць // Слоў грэцкіх бытуе ў фальклоры, // Як: пан, тэлебачанне, грэчка, // Амброзія, флора... // Тут першая выйшла // На мове тубыльцаў газета, // У якой ўсе вучоныя // Не разбіраюцца дагэтуль” [1, т. 4, с. 267].

У паэзіі М. Танка вобразы і матывы роднай яму Нарачаншчыны сведчаць пра жаданне аўтара расказаць у мастацка-паэтычнай форме пра свой самабытны, таленавіты народ цывілізаванай агульначалавечай супольнасці. Акрамя таго, у паэтычнай філасофіі М. Танка, якая тым не менш мае выразны прадметна-рэчыўны характар, належнае месца займае выяўленне адметна беларускага погляду на свет, на жыццё, на людзей. Невыпадкова ў вершы “Гісторыя вёскі Пількаўшчына” рэгіянальнае быццё ўведзена паэтам у кантэкст агульначалавечай, няхай сабе і міфалагічнай гісторыі. Паводле мастацкіх высноў М. Танка, яго землякі маюць высокае, амаль рымска-патрыцыянскае паходжанне, пацвярджэнне якому ён знаходзіць у летапісах Вялікага княства Літоўскага.

Такім чынам, рэгіянальныя пачаткі ў творчасці М. Танка міфалагізуюцца, набываюць касмалагічныя, сутнасныя для светабудовы характарыстыкі. Падобныя атрыбуты набывае вобраз малой радзімы ў творчасці Р. Барадуліна. Для яго родны край – аснова Сусвету, гарант быццёвай трываласці. Відаць, таму ў паэзіі Р. Барадуліна адчуваюцца невымерны маральна-этычны і духоўны комплекс віны, разуменне свайго глабальнага сіроцтва і бадзяжніцтва пасля смерці маці (“Трэба дома бываць часцей...”, “Наведвайце бацькоў...”, “Мамы не стала – не стала радзімы...”). Увогуле, у паэтычных разважаннях аўтара пра чалавека, свет, народ пастаянна прысутнічаюць прыкметы малой радзімы, без якіх нельга ўявіць яго складаную вобразна-мастацкую сістэму.

Сціплую прыгажосць роднай зямлі, вартую паэтызацыі, прыкмеціў і Л. Дранько-Майсюк. Яшчэ ў зборніку “Тут”, пазначаным 1990 годам, паэт адзначае: “Што ні было – усё ж радзіма, // І што ні ёсць – усё ж свая, //

Часцей з самотнымі вачыма, // Чым з вольным горлам салаўя. // Радней няма, бліжэй таксама. // Мой родны кут, мой мілы кут... // І застаецца лепшым храмам // Твой кожны дол, твой кожны груд” [3, 128]. Своеасаблівым храмам, куды прыходзяць, каб далучыцца да боскай мудрасці, прычасціцца спрадвечным спакоем і чысцінёй, з’яўляецца для лірычнага героя Л. Дранько-Майсюка яго малая радзіма. Сюды ён вяртаецца, нягледзячы на штодзённую мітусню і дробныя непаразуменні, якія ўзнікаюць паміж людзьмі. Пазней у мастацка-эстэтычны свет паэта-палешука арганічнымі атрыбутамі яго культу прыгажосці, чыстай красы ўвойдуць дзве аднакі роднага мікрасвету, вобразы дзвюх рэк, з якімі звязана яго чалавечае і духоўнае сталенне – Прыпяць і Гарынь: “Над Прыпяццю і над Гарыню, // Не дакранаючыся да зары, // Хрысціў ерусалімскай сінню // Свой век, што перайшоў за трыццаць тры” [3, 232]; “Мы там сустрэнемся абавязкова, // Узяўшы Прыпяць і Гарынь, // І нашая вясёлкавая мова // Разбудзіць медную латынь” [3, 233] і г. д. Л. Дранько-Майсюк як паэт-эстэт зачараваны не толькі музычнасцю, напеўнасцю гучання родных назваў, але і ўпэўнены ў тым, што воды рэк, што працякаюць праз яго радзіму, валодаюць гаючымі чарамі, здольны ажывіць, вярнуць да жыцця нават культуру старажытных цывілізацый. Характэрна, што вобразы Прыпяці і Гарыні набываюць у паэзіі Л. Дранько-Майсюка статус сродкаў духоўнага і фізічнага ачышчэння чалавека.

Імкнучыся засвоіць каноны еўрапейскай кніжнай інтэлектуальнай культуры, яе багемнасць, вытанчанасць, ён неаднаразова вяртаецца да прыкмет і рэалій давыд-гарадоцкага быцця. Паэт – прыхільнік эстэтыкі чыстай красы – пачынае ўсведамляць вытокі свайго лірычнага светабачання: “З гарода бацькі, з матчынай гаруткі, // Абтрэсваючы каранёў цяжар, // За мной бягуць лілеі, незабудкі // І шольсіі лімонавы пажар” [3, 30]. Менавіта дзякуючы кветкавай шматколернасці матчынага агарода, кволасці і някідкай яго прыгажосці абудзілася ў душы будучага паэта лірычна-рамантычнае светабачанне: “З любой грады, бы ў нейкім набажэнстве, // Расой хрысцілі мой няўцямны лоб...”; “Красой ахвярнай кветкі ратавалі // Мой талент кволы, мой адчайны крок...” [3, 146]. Спасцігнуўшы вялікую сімволіка-культуралагічную змястоўнасць вобразаў кветак, замацаваную ў сусветнай культуры, найперш у паэзіі сімвалізму, Л. Дранько-Майсюк лічыў неабходным уводзіць іх амаль ва ўсе свае лірычныя эцюды. Яго паэзію нельга ўявіць без вобразаў з давыд-гарадоцкага кветкавага раю: “Я знаю ўсё па матчыным гародзе: // Там раніцаю шольсія ў акно // Мне кідае з расою кіmano, // І сонца іерогліф узыходзіць. // Настуркі мне захоўваюць эмаль, // Календула мне дорыць залатоўкі, // А ўсе чарнічна-жоўтыя галоўкі // Сямейных братак – неспакой і жаль...” [3, 240]. Такім чынам, вобразы кветак у паэзіі Л. Дранько-Майсюка – не толькі неад’емны атрыбут культу красы, але і зашыфраваныя ў мастацкія вобразы, скандэнсаваныя чалавечыя пачуцці. Праз алегарычныя

сюжэты паэт выкладае гісторыю сваёй душы, чуйнай да прыгажосці, бязмежна закаханай у свет і людзей.

Такім чынам, рэгіянальныя вобразы і матывы, правінцыйная ментальнасць з'яўляюцца арганічнымі элементамі нацыянальнай карціны свету, адлюстраванай у паэзіі М. Танка, Р. Барадуліна, Л. Дранько-Майсюка. Так, у паэзіі М. Танка, Р. Барадуліна нарачанскія, вушацкія рэаліі – вытокі духоўнасці, вызначальныя імператывы будовы ўсёй паэтычнай карціны свету, выяўленай у іх паэзіі. Л. Дранько-Майсюк, нягледзячы на выразна кніжную прыроду сваёй паэзіі, імкненне да вытанчанасці, крышталёнасці радка, уключае ў мастацкую сістэму вобразы кветак з матчынага агарода, з якіх, на яго думку, і пачынаецца паэзія агульначалавечага гучання і вышэйшай мастацкасці.

Любая самадастатковая нацыянальная культура, і народная ў тым ліку, павінна быць прызнанай у агульначалавечай супольнасці. Задачу культурнай рэпрэзентацыі свайго народа, у прыватнасці набыткаў матэрыяльнай і духоўнай культуры малой радзімы, сваіх землякоў ставяць перад сабой і паэты, і пісьменнікі. Так, у паэзіі М. Танка сцвярджаецца, паэтызуецца, узводзіцца ў своеасаблівы духоўны культ сам лад нацыянальнага, а дакладней нарачанскага, нават пількаўскага быцця. Увагу паэта да нязначных, на першы погляд, праяў сялянскага побыту, прылад працы аднавяскоўцаў можна растлумачыць не толькі яго схільнасцю да эпічнага адлюстравання жыцця, але і жаданнем прадэманстраваць культурнаму свету ўнутраную паэзію спрадвечнага сялянскага побыту, душэўную прыгажосць аднавяскоўцаў, іх невычэрпную мудрасць і дасціпнасць. У вершах “Печ”, “Смаленне кабана”, “Бібліятэка”, “Жазло” сцвярджаецца духоўны прыярытэт для лірычнага героя М. Танка самых звычайных прадметаў, якія знаходзяцца ў сялянскай хаце. Так, печ – гэта не толькі сэрца хаты, сведчанне яе жыццядайнасці, але і сцэна, дзе разгортваецца своеасаблівае чароўнае дзейства, рэжысёрам якога ўяўляецца маці; а таксама крыніца цяпла, энергіі і, як нядзіўна, паэзіі. Своеасаблівае свята душы, рытуал, ушанаванне сялянскага каляднага “бога” (кабана) адбываецца ў вершы “Смаленне кабана”. А штуршком для нараджэння цэлага верша, своеасаблівага гімна жыццю, стаў кавалак сала, які маці паклала ў далёкую дарогу сыну. Одай гасціннасці, суседскай узаемавыручцы, хлеба-сольнасці землякоў з'яўляюцца і вершы Р. Барадуліна “Традыцыі”, “А бяседа цячэ...”. Традыцыя запрашаць суседа “на навіну, на свежыну”, беларускі звычай бяседы сведчаць, на думку Р. Барадуліна, пра душэўную шчодрасць яго землякоў, пра шырыню іх душы і талерантнасць.

Нягледзячы на выключную інтэлігентнасць, глыбокі інтэлект М. Танка, у яго паэзіі відавочны гонар за сваё сялянскае паходжанне. Таму без ўсялякага сорама, аптымістычна і надзвычай упэўнена паэт услаўляе тыя рэчы, сялянскія “кнігі”, дзякуючы якім ён спасцігаў навуку жыцця (“Бібліятэка”). Па сутнасці, так актуалізуецца генеалогія беларускіх народных геніяў, што

дзякуючы сваёй інтуіцыі, адчуванню прыроднай нормы, разумнай уладкаванасці жыцця сталі сапраўднымі прафесійнымі мастакамі. Землякі М. Танка ў яго паэтычным выяўленні з'яўляюцца не толькі талентамі-самавукамі, але і дэміўргамі, стваральнікамі мінісусвету. Так, у вершы “Жазло” звычайны атрыбут працы пастуха становіцца прычынай разумнага светаўладкавання: “Калі падымеш // Гэта жазло – // Усходзе сонца, // Калі апусціш – вечарэе // І пахне // Духмянай жвачкай, // Сырадоем, // Цішынёй” [1, т. 5, с. 285].

У вершах “Аўсяны кісель”, “Калі б вы паслухалі...” М. Танк паэтызуе, узвялічвае беларускае народнае кулінарнае майстэрства, народныя промыслы. Вынікі прыкладання народнага таленту становяцца для мастака сінонімамі верша, песні. Р. Барадулін у вершы “Калаўроты” шкадуе пра сучасную незапатрабаванасць прылад спрадвечнай сялянскай працы, бо толькі тое, што зроблена таленавітымі рукамі яго землякоў, можа зрабіць “з воўны шоўк чароўны”. Лірычнага героя Р. Барадуліна ўражвае здольнасць народа да тэатралізацыі святаў, да рытуалізацыі звычайных хатніх спраў. Так, у вершы “Слаўлю чысты абрус...” маці лірычнага героя карануе нядзельны стол, засцелены бялюткім, адпрасаваным абрусам, “зямным і надзённым богам... жытнёвым боханам...” [4, 25]. Названыя вершыносяць не толькі павучальна-дыдактычны характар, але і рэпрэзентатыўны.

Вобразы і матывы беларускай вуснай народнай творчасці выкарыстоўваюцца М. Танкам з мэтай выяўлення народнай мудрасці, паэтычнасці народнай душы, яе таленавітасці (“Казкі”, “Паўказка”, “У беларускую восень”, “Выкуп нявесты” і інш.): “... Ўсіх гадуюць нас // Матчыны казкі. // Яны вучаць // Родную мову любіць, // На крылах юнацтва // Ўздымацца пад хмары, // З няпраўдай змагацца, // А з праўдай дружыць...”; “У беларускую восень // Нат і верабей багацее, // Лес на грыбы не скупіцца, // Пуні хмялеюць ад сена, // Мёдам вуллі набракаюць, // Сцежкі гараць ад лістоты, // Скрыпкі звяняць на вяселлях, // І маладзіцы дабрэюць – У беларускую восень” [1, т. 4, с. 123].

У творчасці М. Танка створаны і тыпова беларускі, пранікнёна-зямны тып Мадонны (“Готыка Святой Анны”, “Мадонны на арэлях”, “Ave Maria”). Танкаўская Мадонна – “з нагамі, паколатымі іржышчам, // З грудзьмі, набраклымі жніўнымі песнямі, // З рукамі, загарэлымі ад абдымкаў з сонцам, // З косамі, расчэсанымі ветрам, // З вуснамі, прагнымі да шчасця, // З вачамі бяздоннага блакіту...” [1, т. 4, с. 187].

На думку Л. Дранько-Майсюка, у таемных глыбінях давід-гарадоцкага быцця, утульнай хатняй цішыні здзяйсняюцца боскія справы; сам Бог, апрануўшы сялянскую світку, завітвае на бераг Гарыні, каб здабыць матэрыял для творчасці: “А бог – няма каго паслаць – // З мяшком залапленым, вялізным // Спусціўся гліны накапаць // На жоўтым беразе гарынскім” [3, 30]. Паэт выяўляе ў сваіх вытанчаных вершах эстэтыку бацькоўскага дома, роднага правінцыйнага гарадка (“Гарышча”, “Выцягну

з калодзежа ваду...”, “Комін”, “Сталяр”, “Балея” і інш.). Такім чынам, рэаліі рэгіянальнага быцця, адлюстраваныя ў лірыцы М. Танка, Р. Барадуліна, Л. Дранько-Майсюка, спрыяюць вырашэнню важнай для беларускай літаратуры задачы актуалізацыі і самасцвярджэння беларускага этнасу ў агульначалавечай культурнай супольнасці.

Рэгіянальна-мясцовы, спадчынны кампанент у лірыцы М. Танка, Р. Барадуліна, Л. Дранько-Майсюка падкрэслівае агульначалавечае гучанне і маштабнасць іх творчых пошукаў. Прычым, кожны з названых пісьменнікаў па-свойму, арыгінальна ідзе да спасціжэння агульначалавечых маральна-этычных, духоўных, эстэтычных каштоўнасцяў.

Літаратура

1. Танк, М. Збор твораў: у 13 т. / М. Танк. – Мінск: Бел. навука, 2008–2011. – Т. 3, 4, 5.
2. Зуёнак, В. Пад нарачанскім знакам / В. Зуёнак // Палымя. – 1992. – № 9. – С. 238–241.
3. Дранько-Майсюк, Л. Гаспода: Выбранае / Л. Дранько-Майсюк. – Мінск: Маст. літ., 1998. – 382 с.
4. Барадулін, Р. Евангелле ад Мамы: Кніга паэзіі / Р. Барадулін. – Мінск: Маст. літ., 1995. – 462 с.

И. Л. Чернейко

«ПРОРОК ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ...»: ХРИСТИАНСКИЕ ИСКАНИЯ И ДУХОВНЫЕ ОСНОВЫ ТВОРЧЕСТВА Н. В. ГОГОЛЯ

Николай Васильевич Гоголь относится к «загадочным», «сложным» авторам в русской литературе. «Пророк православной культуры» (В. Зеньковский), «избранник Христа» (П. Михед), «самый церковный писатель» (иеромонах Симеон (Томачинский)), «кающийся колдун, бедный одержимый» (А. Терц), «великий нерусский писатель» (А. Шумский) – весь этот далеко не полный перечень таких противоречивых определений Гоголя свидетельствует о его тернистом духовном пути становления как писателя и религиозного мыслителя.

Религиозное воспитание Гоголь получил в семье. Несколько поколений предков Н. В. Гоголя имели духовное образование. Прадед, выпускник Киевской Духовной академии, служил Богу в сане священника. Дед тоже закончил Киевскую Духовную академию, а отец, Василий Афанасьевич, учился в Полтавской Духовной семинарии. Мария Ивановна, будущая мать писателя, переживала вместе с мужем смерть своих детей, едва

успевших появиться на свет. И тогда перед иконой Святителя Николая Чудотворца она дала обет: если Бог даст ей сына, то назовет его Николаем. Спустя год, 20 марта 1809 года, родился Николай Васильевич Гоголь.

Помещичий быт в Васильевке, где прошли детские годы писателя, отличался обрядовой, патриархальной религиозностью. Ребенком Гоголя постоянно водили в церковь, возили по богомольям в Диканьку, Булищи, Лубны, заставляли поститься. С детства Гоголь был склонен к уединению. В последнее десятилетие жизни он также оставался одиноким человеком в кругу своих «светских» друзей, «почитателей» его таланта. Это холодное одиночество могло быть одной из причин желания писателя уединиться в монастырских стенах и обрести там тепло. Только в последние годы своей жизни Гоголь обрел братьев во Христе, настоящих друзей, за которых смиренно будет молиться перед смертью. Речь идет о лицах духовного звания, которые видели в Гоголе прежде всего человека слабого, мнительного, но всей душой стремящегося к Богу (Иннокентий, архиепископ Херсонский, игумен Антоний, настоятель Черноостровского Николаевского монастыря, оптинский старец Макарий и др.). У Гоголя постепенно вырабатывается аскетический тип поведения, вырисовывается монашеский идеал. Он систематически читает книги духовного содержания, отдавая предпочтение святоотеческой литературе, посещает русские монастыри, Оптину Пустынь, Троице-Сергиеву лавру, совершает паломничество в Иерусалим, у Гроба Господня молится за всю Россию. Однако обретение нового пути давалось писателю нелегко. Он сомневался в своих силах и испытывал мучительный разлад между художественно-эстетическими и религиозными устремлениями.

Постепенно к Гоголю пришло осознание того, что «искусство свято», и, чтобы спасти душу, необязательно уходить в монастырь – можно сделать это на поприще писателя. Он посвящает себя Богу в своем писательском служении, верит в неограниченную всеильность художественного слова. В последние годы жизни Гоголь начинает сомневаться в своем таланте, подвергает сомнению все написанное. Писатель-реалист уступает место проповеднику религиозно-мистических идей. Это было вызвано не только физическим и душевным недомоганием Гоголя, но и влиянием реакционно настроенных друзей (Жуковский, Погодин, Шевырев и др.). Особую роль в духовной драме писателя сыграло и его долгое пребывание за границей, которое мешало ему осмыслить новые социально-исторические веяния, происходящие на родине. В конце июня – начале июля 1845 года разразился духовный и творческий кризис писателя. Как бы предчувствуя смерть, он пишет духовное завещание, впоследствии включенное в книгу «Выбранные места из переписки с друзьями», и сжигает рукопись второго тома «Мертвых душ».

Свою христианскую позицию Гоголь показал в книге «Выбранные места из переписки с друзьями», которую опубликовал в 1847 году. Замысел книги относится к весне 1845 года, к периоду затяжного приступа

болезни и душевной депрессии писателя. Ее появление было вызвано огромной тревогой Гоголя за состояние России, желанием «очистить» душу русского человека, указать ему верный путь. Вся она написана в манере проповеди, в слогe торжественном и пророческом. В этой книге он во всеуслышание высказал свои взгляды на веру, Церковь, царскую власть, Россию, слово писателя, поэзию. В «Выбранных местах...» Гоголь выступает как государственный человек, стремящийся к наилучшему иерархическому устройству общества, в котором каждый человек достойно выполняет свой гражданский долг. Отсюда обилие и разнообразие адресатов гоголевских писем: от светской женщины до государственного деятеля. Гоголь как бы «раскраивал» в своей книге русскую жизнь сверху донизу, разрушал все ее институты, чтобы затем вновь собрать ее усилием своей поэтической мечты. Через всю «Переписку» проходит тревога о неблагополучии современной ему России, спасти которую может православная Церковь и русское духовенство.

Церковь для Гоголя – не просто социальный институт. По мнению писателя, она должна внести в общество дух всеобщего примирения. С этим связаны новые мысли Гоголя об особом призвании России в деле «оцерковления» мира. О «качествах» русского духа Гоголь писал еще в «Тарасе Бульбе». Позднее тема России была эпически представлена в «Мертвых душах». В «Выбранных местах из переписки с друзьями» он вообще замечает, что одна только Россия ощущает приближение «истинного царствия» и ближе других стран подошла к Христу. Русское государство в представлении Гоголя приравнивается к «небесному государству». Писатель резко высказывается против «квасных патриотов» и «очужеземившихся русских», у которых нет в душе «русской России» в ее подлинной силе и глубине. Эта тема художественно реализована в главе «Светлое Воскресение». «Не умрет из нашей старины ни зерно того, что есть в ней истинно русского и что освящено самим Христом. Разнесётся звонкими струнами поэтов, развозвестится благоухающими устами святителей, вспыхнет померкнувшее – и праздник Светлого Воскресенья воспряднуется как следует прежде у нас, нежели у других народов» [3, 379]. Почему же только в России так радостно и торжественно «воспряднуется» этот день? Гоголь замечает, что в русском народе есть то, что делает его особенным: «начало братство Христова», идея покаяния и любви, веры и согласия, стремление к «соединению людей и братской любви между ними» [3, 380].

В чем же состоит христианская позиция Гоголя? В том, что каждый человек должен честно служить и стать христианином, каждый должен заглянуть себе в душу, познать ее, проанализировать, потому как «найдя ключ к своей душе, найдешь ключ и к душам других людей». Писатель глубоко верил в человеческую натуру, в её духовную силу и мощь.

Литературное наследие Н. В. Гоголя традиционно представлено в школьном курсе литературы («Вечера на хуторе близ Диканьки», «Петербургские повести», «Ревизор», «Мертвые души»). Программа по русской литературе предусматривает изучение творчества писателя в его социально-критическом и сатирическом аспектах. Нравственно-философские искания Гоголя не являются предметом осмысления учащихся. Эта сторона творческого наследия Гоголя предлагается нами в качестве объекта изучения на факультативных занятиях в 9 классе, тема которых «Нашим современникам открывается подлинный лик Гоголя как великого духовного писателя России». Для понимания данной темы школьникам предлагаются фронтальные, индивидуальные и групповые задания.

Фронтальные задания

1. Назовите известных художников, создавших портреты Н. В. Гоголя.
2. В 1841 году портрет Гоголя создает известный русский художник А. Иванов, в этом же году портрет писателя пишет Ф. Моллер. Как вы думаете, какому из этих двух портретов отдавал предпочтение сам Гоголь?
3. Кто делал иллюстрации к произведениям Н. В. Гоголя?
4. Н. В. Гоголь любил разные виды искусства, но особенно выделял «трёх прекрасных цариц мира»: первая «внушает наслаждение», вторая – «тихий восторг и мечтания», третья – «страсть и смятение духа». Назовите этих «цариц».
5. Почему сегодня Н. В. Гоголя называют «пророком православной культуры»? Какая икона особенно почиталась в семье Гоголя и почему?
6. Н. В. Гоголь в своей жизни много путешествовал, объездил всю Европу, совершил паломничество в Иерусалим, собирался ехать на Святую гору Афон. Назовите известные русские монастыри, в которых бывал Гоголь.
7. В конце июня – начале июля 1845 года разразился душевный кризис писателя, в результате которого он сжёг рукопись второго тома «Мертвых душ». В последнем письме из «Четырех писем к разным людям по поводу “Мертвых душ”» Н. В. Гоголь писал о том, как «нелегко было сжечь пятилетний труд, где всякая строка досталась потрясеньем...» Подумайте, какие причины привели писателя к сожжению рукописи?
8. В 1846 году появилась книга «Выбранные места из переписки с друзьями», свидетельствующая о том, что автор «Мертвых душ» окончательно уверовал в свое избранничество – быть тем, кто укажет России путь к ее спасению. Как вы понимаете предсмертные слова Н. В. Гоголя: «Будьте не мертвые, а живые души»?
9. Определите основные социально-исторические, культурные события русской жизни в 40-е гг. XIX века. Каковы предпосылки появления книги «Выбранные места из переписки с друзьями»? В чем особенности ее жанра и композиции?

10. Назовите основные проблемы, которые поднимает Гоголь в «Переписке...»? Каковы ключевые идеи гоголевской программы переустройства России?

11. Отрывки из каких писем Н. В. Гоголя представлены? Назовите их и определите ключевую идею.

• *«Завещаю не ставить надо мною никакого памятника... Кто после моей смерти вырастет выше духом, нежели как был при жизни моей, тот покажет, что он, точно, любил меня и был мне другом, и сим только воздвигнет мне памятник...»;*

• *«Поэт на поприще слова должен быть так же безукоризнен, как и всякий другой на своем поприще...»;*

• *«Жизнью нашей мы должны защищать нашу церковь, которая вся есть жизнь; благоуханием души наших должны мы возвестить ее истину...»;*

• *«Нет, вы ещё не любите Россию. А не полюбивши России, не полюбите вам своих братьев, а не полюбивши своих братьев, не возгореться вам любовью к Богу, не спаслись вам...»;*

• *«Позаботься прежде всего о себе, а потом о других; стань прежде сам почище душою, а потом уже старайся, чтобы другие были чище...»;*

• *«...Жуковский – наша замечательная оригинальность... высшею волею вложено было ему в душу... стремление к незримому и таинственному.*

Пушкин был для всех поэтов, ему современных, точно сброшенный с неба поэтический огонь, от которого, как свечи, запылились другие самоцветные поэты...»

12. В чем, по мнению Н. В. Гоголя, раскрывается глубочайшая истина русского православия?

13. Как была встречена современниками Гоголя книга в России? Почему В. Г. Белинский в «Письме к Н. В. Гоголю» выступает против «Выбранных мест из переписки с друзьями»? Почему Гоголя и Белинского можно назвать центральными фигурами в литературе 40-х годов, а их идейный спор – историческим?

14. Замысел композиции «Явление Христа народу» возник у А. Иванова в середине 30-х годов, работа над эскизами началась в 1837 г., а завершил свой труд художник лишь в 1857 г. Чем привлекла А. Иванова тема пришествия Христа? Какие чувства пробуждает у вас эта картина?

15. Для какой картины А. Иванова позировал Н. В. Гоголь?

16. По словам В. В. Зеньковского, в Гоголе «есть именно пророчество о том, как должно жить и действовать русским людям. В этом незабываемое значение Гоголя в истории русской культуры, русской жизни». В чем, на ваш взгляд, историческое и общечеловеческое значение творчества писателя?

Индивидуальные задания

1. Познакомьтесь с высказываниями Н. В. Гоголя и А. Иванова о духовных истоках творчества. Найдите ключевые слова в двух высказываниях

и определите общее. Что объединяет Гоголя и Иванова в жизни, искусстве, философских воззрениях?

• *«Исследуй, изучай все, но по всем умеи находить мысль и старайся постигнуть высокую тайну Создателя» (Н. В. Гоголь).*

• *«Отцу моему я обязан жизнью и искусством, которое внушено мне как ремесло. Вам я обязан понятием о жизни и об понятии искусства моего к источнику его – душе» (Из письма А. А. Иванова).*

2. Подготовьте выразительное чтение молитвы Н. В. Гоголя «К Тебе, о Матерь Пресвятая».

3. В «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголь выступает как государственный человек, стремящийся к наилучшему иерархическому устройству общества, когда каждый человек достойно выполняет свой долг на своем месте. Назовите адресатов гоголевских писем. Сочините свое письмо-обращение к Гоголю.

4. Напишите научный доклад на тему «Художественная философия Н. В. Гоголя – автора «Выбранных мест из переписки с друзьями».

Групповые задания

1. Подберите цитатный материал по теме «Духовное наследие Н. В. Гоголя».

2. Подготовьтесь к конкурсу иллюстраторов «Мой Гоголь».

3. Напишите эссе «“Русь святая” в творчестве А. Иванова и Н. Гоголя».

4. Проведите встречу в литературном салоне «В мире Н. В. Гоголя».

Фронтальные задания, предлагаемые программой факультатива, позволяют выявить уровень изученного материала. Задания для групповой и индивидуальной работы носят исследовательский и творческий характер. Изучение жизни и творчества Н. В. Гоголя в контексте христианской этики способствует формированию духовного мира школьников.

Таким образом, воцерковленность, идея соборности, склонность к созерцательному уединению, стремление к духовному общению, семейные традиции благочестия, серьёзное отношение к художественному творчеству характерны для Н. В. Гоголя как духовного писателя.

Литература

1. Воропаев, В. «Дело, взятое из души». Поэма Гоголя «Мертвые души»: история замысла и его осуществление / В. Воропаев // Литература в школе. – 1996. – № 4. – С. 5–19.

2. Воропаев, В. Н. Н. В. Гоголь: жизнь и творчество. В помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам / В. Н. Воропаев. – 2-е изд. – М.: Изд-во МГУ, 1999. – 128 с.

3. Гоголь, Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями // Собр. соч.: в 9 т. – М.: Худож. лит., 1978. – Т. 6. – С. 110–392.

4. Капитанова, Л. А. Н. В. Гоголь в жизни и творчестве: учеб. пособие / Л. А. Капитанова. – 2-е изд. – М.: Рус. слово, 2006. – 159 с.

5. Манн, Ю. В. Поэтика Гоголя / Ю. В. Манн. – 2-е изд., доп. – М.: Худож. лит., 1988. – 413 с.

6. Храпченко, М. Б. Николай Гоголь: Литературный путь. Величие писателя / М. Б. Храпченко // Собр. соч.: в 4 т. – М.: Худож. лит., 1975. – Т. 1. – С. 200–270.

В. П. Шаўчэнка, М. М. Шаўчэнка

ПАРТРЭТНЫЯ АПІСАННІ І РЭГІЯНАЛЬНЫ КАЛАРЫТ У РАМАНЕ КУЗЬМЫ ЧОРНАГА “ПОШУКІ БУДУЧЫНІ”

Партрэт для Кузьмы Чорнага з’яўляецца важным сродкам раскрыцця псіхалагічнага стану герояў рамана, дапамагае больш яскрава ўявіць характар чалавека, у знешнім абліччы якога заўсёды адбываецца яго ўнутраны свет. Партрэтны малюнак персанажа пісьменнік дае не адразу, а паступова, у сувязі з раскрыццём вобраза, што абумоўлена ахопам гістарычнага часу, рэгіянальнага каларыту ў рамане і звязана з тым, што ўнутраная, псіхалагічная абмалёўка герояў змяняецца ў залежнасці ад таго, у якія абставіны пастаўлены чалавек, наколькі моцнае ўражанне робяць на яго тыя ці іншыя падзеі, у якой меры яны пакідаюць свой адбітак у чалавечай душы.

Кузьма Чорны з’яўляецца мастаком эпічнага складу, схільным да філасофскіх і інтэлектуальных разважанняў, да паглыбленага пранікнення ў жыццё. У цэнтры ўвагі пісьменніка заўсёды чалавек з яго думкамі, пачуццямі, настроймі, перажываннямі, менавіта па гэтаму напоўнены разважаннямі многія старонкі рамана “Пошукі будучыні”. Так, напрыклад, глыбокімі роздумамі Нявады, Сымона Ракуцькі, Кастуся Лукашэвіча абрастаюць такія паняцці, як Час, Шчасце, Маленства, Будучыня. Пра шчасце мараць па-рознаму ўсе персанажы твора. Для адных яно – у нарабаваным золаце, пошук і вяртанне якога ператвараюцца ў мэту візіту Шрэдэр-старэйшага і яго жонкі Гертруды на Беларусь. Для ўдзельніка грамадзянскай вайны Нявады шчасце – у захаванні любымі сродкамі жыцця нашчадкаў, жыцця ўнучкі Лізачкі, якое стане гарантыяй нязгаснасці, прадаўжэння роду, зарукай будучыні. Кастусь Лукашэвіч – колішні бежанец з-пад Вілейкі, а цяпер сумліцкі гаспадар, муж Волечкі Нявады – бароніць краіну і народ са зброяй у руках, сваё асабістае шчасце ён не аддзяляе ад шчасця агульнанароднага. Густаў Шрэдэр-малодшы ўласнае шчасце хоча пабудаваць на людскім горы, на спаленых хатынях, пры дапамозе салдацкіх штыхоў, канцлагаў. На такі самы спосаб дасягнення шчасця спадзяюцца расчараваны Люцыян Акаловіч і граф Паліводскі. Вобразы Будучыні і Мінулага ўпісваюцца пісьменнікам у падобную песімістычную канцэпцыю рэчаіснасці, паўстаюць са старонак рамана з эпітэтамі *ўкрадзеныя, адабраныя* “страшным злодзеям”.

Хвароба, патрэба спяшацца, адчуванне, што дні злічаны, сама трагедыяная плынь часу, пры ўсім аптымізме пісьменніка, наклалі пячатку суму на твор ваеннай пары. Відзец, таму так многа ў “Пошуках будучыні” і разваг пра адзіноту і смерць: “А ці не згубіўся гэты кут у гэтым, няхай

сабе хоць і родным, прасторы? Можа, яго стапталі чужынцы, якія так многа тут хадзілі? А можа, трэба будзе пачынаць жыць спачатку? А можа, малое Волечкі жывое няма? А можа, ужо тут няма нічога, за што так трымалася душа?” [1, 64]; “Можа, увесь свет такі дзікі, што чалавеку не можна гаварыць праўду і баяцца другога чалавека. І, можа, ужо скоро пачнецца тая зноў навада? Можа, ўжо зноў тут блізка ходзіць той вялікі злодзей, што ўкраў у яго Волеччына маленства?!” [1, 102] – няспынна, на працягу ўсяго твора задае сабе гэтыя балючыя пытанні Нявада.

Значнае месца ў рамане пісьменнік адводзіць партрэтным абмалёўкам герояў. “Партрэт – апісанне ў літаратурным творы знешняга выгляду персанажа, яго твару, фігуры, адзення, манеры паводзіць сябе. Партрэт з’яўляецца сродкам раскрыцця характару героя. У ім можа выяўляцца індывідуальнасць персанажа, яго сацыяльная і нацыянальная прыналежнасць, духоўны свет, псіхалогія. Кампазіцыя, будова партрэта можа быць разнастайнай. Яна залежыць ад метаду і стылю пісьменніка, ад жанру твора. Пісьменнік можа даваць цэласны партрэт пры першым паяўленні персанажа. Партрэт можа быць дынамічным, гэта значыць можа змяняцца на працягу развіцця дзеяння, развіцця характару героя. Часцей за ўсё мы сустракаем з псіхалагічным партрэтам, калі дэталь знешнасці персанажа характарызуюць яго ўнутраны, духоўны свет” [2, 114].

Звычайна партрэт героя Кузьма Чорны дае не адразу, а паступова, у сувязі з раскрыццём вобраза, так, што партрэт як бы зліты з ім. Перад чытачом вар’іруюцца ўласцівыя персанажу партрэтныя дэталь і старанна фіксуюцца відазмяненні таго ж самага знешняга аблічча.

Так, напрыклад, у вобразе Волечкі аўтар падкрэслівае яе раннюю сталасць. Трагізм ваеннага часу, дзіцячага лёсу прасочваецца ўжо ў партрэце дзяўчынкі: “Унь на самым крайнім палетку ходзіць за плугам чатырнаццацігодняя Волечка Нявадавых. Сам Нявада больш як паўгода не шле пісем з вайны. Волечкін голас, калі яна паганяла каня, чуўся на полі круглы дзень. Сама яна даволі рослая, і ранняя праца выраўняла яе, твар яе абветрыўся, рукі папрутчэлі і паходка стала цвёрдай. Асмугласць ляжала на яе шчоках, і босыя ногі не баяліся ржэўя” [1, 14]. Вось такой паўстае перад намі гераіня ў пачатку твора. Кузьма Чорны нездарма ўводзіць партрэт дзяўчынкі, калі гаворка ідзе пра ваенны час. Волечка, як і многія іншыя дзеці, сем’і якіх закранула вайна, вымушана самастойна араць поле, займацца гаспадаркай. Яе знешнасць нагадвае дарослую жанчыну, патузаную жыццём. Зусім па-іншаму мы ўспрымаем знешнасць Волечкі, калі яна гатуе вячэру для Кастуся: “Яе твар быў падобен да твару зусім малой дзяўчынкі, якая пераймае ўчынкі свае маці” [1, 33]. Калі малая гаспадыня захварэла, вялікі майстар слова праз успрыманне Кастуся ўводзіць у партрэт сваёй гераіні яшчэ адну рысу – “востры нос”: “Волечка ляжала

сцішыўшыся. Відзён быў яе твар, ружовы і спацелы. “Няўжо ў яе і раней быў такі востры нос?” – думаў ён, гледзячы на яе” [1, 43]. Праз некаторы час пісьменнік малюе партрэт ужо пасталелай дзяўчыны. Ён ужо пазбаўлены дзіцячай гарэзлівасці, непасрэднасці і збянтэжанасці: “Волечка была ўжо мажняя і павальнейшая ў рухах” [1, 54]; “высокая ростам, з пышнымі бландзіністымі валасамі, густа прычэсанымі пад хусцінку. І сукенка на ёй стракатая, лёгенькая, і яна мерзне ў ёй, так стоячы. І пазнае і не пазнае яго. Твар яе так пільна напружаны, і лоб моршчыцца. Карціны пражытага маленства ўстаюць перад ёю” [1, 66]. Такой яе і ўбачыў Нявада, вярнуўшыся з нямецкага палону. Цяпер гэта ўжо не тая малая дзяўчынка, якую можна пасадзіць сабе на калені, расказаць казку, паглядзіць па бялявай галоўцы.

З Нявадай мы ўпершыню сустракаемся ў дарозе, калі ён, змучаны вайной і палонам, ідзе дадому: “... нейкі падарожны з такім замучаным тварам, што на ім ужо страцілася пячаць чалавечага вобліку, роўнай хадой ішоў гасцінцам з захаду на ўсход... Чалавек успёрся локцямі на... агароджу і так стаяў у задуме... Чалавек доўга глядзеў на рыжую карову і ўсё стаяў. Магло здавацца, што яму вельмі соладка стаяць на холадзе ў нерухомасці. Можна чалавек крыху адпачыў стоячы, бо праз нейкі час вочы яго як бы ажывіліся...” [1, 57]. Герой углядаецца ў кожную дробязь. Складваецца такое ўражанне, што Нявада атрымлівае неверагоднае задавальненне ўжо ад таго, што ідзе па роднай зямлі, удыхае роднае паветра.

Кузьма Чорны пільна засяроджвае ўвагу на знешнім выглядзе гэтага персанажа: “Здавалася, што ў гэтым чалавеку няма і кроплі крыві. Твар худы і выцягнуты нос. Здавалася, што скура на твары хутка стане празрыстая, як шкло і праз яе лёгка будзе ўбачыць чалавека ў сярэдзіне. Кароткае шчацінне выстрыжанай барады тырчэла ва ўсе бакі, а адзежа – адкуль толькі мог і назбіраць яе?! На нагах падшытыя кавалкамі скурата лапці. Нагавіцы нямецкія, салдацкія і вылатаныя дзесяткамі рознакаляровых кавалачкаў. Кароткая вопратка, можа, нават і на ваце, цывільная, з плеч простага чалавека, якога-небудзь рабочага або панскага парабка, міжнацыянальнага і разам – няпэўнага выгляду, падпяразаная вярхоўкай. А шапка – рэшткі польскай канфедэраткі: без казырка, з адарванымі рагамі і залатанымі дзірамі на месцы іх. Пад гэтым падабенствам галаўнога ўбрання на галаву была закручана і закрывала вушы ні то хустка, ні то рушнік, брудны і дзіравы. Усё гэта тырчэла гузамі і камякамі на чалавечай галаве” [1, 57]. Ужо па адзенні, па знешнасці героя мы можам уявіць, наколькі складана і цяжка прыйшлося чалавеку, для якога куды важнейшымі за гэтае вонкавае з’яўляюцца Волечка і шывшына. Хоць ў лахманах, хоць паўзком, але да іх, родных! І гэтым нас так прываблівае вобраз старога Нявады.

Ён бачыць сэнс свайго жыцця ў працы. Калі Нявада гаворыць аб гэтым, вочы яго чырванюць. Можна сабе толькі ўявіць, што адчувае

чалавек, які на некалькі гадоў адарваны ад любімага занятку. Ды і не толькі ад занятку. Так гаварыць – значыць спрошчваць гэты вобраз. Праца для героя неадлучна ад Радзімы і сям’і.

У другой частцы рамана мы бачым некалькі іншы партрэт гэтага персанажа: “Расказвалі пра яго, што ён ні тое што каб сказаць астарэў вельмі. Больш таго, у добрым жыцці дома ён выраўняўся і скінуў з сябе тую лушпавіну, што нарасла на ім за час бадзянняў па чужыне і па чужых людзях. Ён здаваўся кожнаму здравым і зусім не падобным на сябе самога тады, калі толькі яшчэ сцягваў з плеч чужацкія транты. Некаторыя казалі, што ён аднак жа насіў у сабе нейкую хваравітасць, хоць нічым ніколі не хварэў. Як бы там ні было, але, можа, і сапраўды ён насіў у сабе або хворасць, або, можа, толькі нейкія непатрэбныя думкі, якія тачылі яго. Быў час, што ён нават з твару асунуўся, і гэтая хударлявасць дала яму некалькі новых рысаў старасці. Часамі нават ён пачынаў ні то гаварыць, ні то штосьці разважаць сам з сабою” [1, 93]. Такім чынам, мы бачым, што Нявада, з аднаго боку, акрыяў пасля бадзяння па свеце, а з другога – новая думка пазбавіла яго спакою: хто топча перасаджаныя ім дрэўцы? Нездарма пісьменнік засяроджвае на гэтым моманце нашу ўвагу. Само сабой узнікае пытанне: чаму аўтар даручае перасаджваць гэтыя парасткі менавіта гэтаму герою? Думаецца, таму, што гэты вобраз бліжэй за ўсіх стаіць побач са словам “Беларусь”. Нявада і Беларусь – адно цэлае (успомнім Няваду і шыпшыну, выпадак, калі Нявада б’е Люцыяна Акаловіча, калі ратуе параненых дзяцей).

Надзвычай глыбокім псіхалагізмам у творы вылучаецца партрэт Люцыяна Акаловіча: “Гэта быў чалавек малады і нерашучы, нават вялы рухам сваім. Ён хваляваўся і дзіка пазіраў на Няваду і Лізавету. Ён вылез з рова і сеў на краі яго. Некалькі кропак рабаціння было на яго твары, і валасы на галаве мелі нахіл да кучаравасці. Або ён выглядаў на многа маладзейшы сваіх год, або і сапраўды быў толькі ў першым сваім юнацтве. Адзежа на ім не мела пашаноўлі і догляду, у ёй заўсёды валяліся па мокрай траве і па пяску, яе рвалі аб сукі ў лясным гушчары, падсцілалі пад сябе нанач або, яшчэ лепш, спалі ў ёй. Яна была простая, як і ва ўсіх людзей на дарозе, але больш мятая і ўбруджаная. Ці было ўсё гэта непрыемна чалавеку? Ніякіх адзнакаў гэтага не было, хоць і льга было заўважыць, што на плячы ў пінжаку брудную лапіну не вельмі даўно так старанна церлі, што аж сукно выцерлі. Пакуль ён так сядзеў над ровам, Лізавета і Нявада глядзелі на яго, а ён маўчаў, пазяхаў і як бы чакаў. Пасля спрытна скруціў з махоркі папяросу, дастаўшы канцамі пальцаў махорку проста з кішэні. Закурыўшы, ён, надзьмуты і злы, паглядзеў на Няваду... Здавалася, ён ненавідзіць гэтых людзей, што выпаралі яго з рова... Хлопец паволі рушыў на сваю дарогу, яшчэ больш злы і нахмураны” [1, 100]. Пісьменнік падкрэслівае

хваляванне, злосць і нейкую нянавісць гэтага чалавека да людзей, якія, быццам бы, яго пабудзілі, а на самой справе – заўважылі. Колькі часу, бадзяючыся па лясках-балотах, ён меў пэўную мэту, дзеля дасягнення якой не зважаў на свой неахайны выгляд, якім (і ўвогуле сваім стаўленнем да незнаёмых яму людзей) выклікае ў нас антыпатыю. Партрэт героя будзеца на градацыі: спачатку Кузьма Чорны гаворыць пра Люцыяна Акаловіча як пра “маладога і нерашучага”, потым – “надзьмутага і злога”, далей здаецца, што хлопец “ненавідзіць гэтых людзей”, затым “яшчэ больш злы і нахмураны”, хлопец ужо гатовы “змясіць кулакамі і нагамі Няваду” [1, 102].

У нашай здагадцы, што гэты таямнічы незнаёмец чагосьці баіцца, ад некага хаваецца і нечага чакае, мы больш пераконваемся пры чытанні другой партрэтнай характарыстыкі героя: “... гнучыся паўз жыта, ён ішоў у глыб поля, дзе сінявілася далёкая істужка лесу” [1, 103], а потым “як бы паўзучы знік у кустах... Доўга прыглядаўся і прыслухоўваўся. Нідзе нікога і нічога не заўважалася. Стаяла цішыня. Ён пачаў асцярожна станавіцца на ногі. Бадай што бегам ён даскочыў да вялікага дрэва і як бы ўліп у яго. Зноў пільныя абгледзіны ўсяго навокал і прыслухоўванне... Яшчэ раз прыслухаўшыся, ён раптам перахрысціўся па-каталіцку” [1, 104]. Вобраз гэтага героя зрастаецца ў нашай свядомасці з атмасферай цішыні і таямнічасці. Кузьма Чорны вельмі ўважліва і дакладна, псіхалагічна грунтоўна падае вобраз гэтага персанажа. Письменнік звяртае ўвагу, што хлопец “асцярожна” стаў на ногі, “бадай што бегам” даскочыў да дрэва і “уліп” у яго.

Гэты персанаж Кузьма Чорны ўводзіць у твор не адразу. Чытач паступова знаёміцца з ім, таму што аўтару важна паказаць духоўную сутнасць Люцыяна Акаловіча. Унутраныя пачуцці героя письменнік адлюстроўвае на яго знешнасці. Так, напрыклад, калі Акаловіч дазнаўся аб наступленні нямецкіх войск, ён акрыяў, ажывіўся і пазбавіўся ад нудотнага чакання: “На твары маладога чалавека напісалася надзея і радасць чакання... З пячаццю шчасця на твары ён угнуўся ў зямлю над стаптаным маладым дрэўцам, выцягнуў дрэўца і выграб на тым месцы з зямлі звязак нейкіх паперак... Каб хто бачыў яго ў гэтыя моманты, заўважыў бы, як свяціліся яго вочы і пячаць усмешкі час ад часу перасмыквала яго твар. Здавалася, ён зараз увойдзе ў нейкі незвычайны рух, і гэта будзе выяўленне яго душэўнага захаплення. Губы яго пачалі нешта шаптаць” [1, 105].

Кузьме Чорнаму не патрэбны доўгія апісанні душэўнага стану герояў твора. Ён выдатна перадае яго адным рухам, жэстам, адной знешняй дэталлю, вельмі лаканічна, але ў той жа час надзвычай змястоўна і поўна. Так, напрыклад, каб чытач зразумеў, наколькі вялікі боль душыць Кастуся Лукашэвіча, бацьку адзінай любай дачкі, якую ён павінен адпусціць дадому, у вёску, не ведаючы, што там можа яе чакаць, письменнік-псіхолаг выкарыстоўвае адну ёмістую дэталю: “... рукі яго дрыжэлі, калі ён трымаў

яе плечы” [1, 122]. Боль, адчай, нянавісьць у душы бацькі не даюць яму спакою. Адсюль і той “заклапочаны нябыт”, у якім знайшоў Кастуся Нявада: “Не зважаючы на гарачае надвор’е, ён стаяў у суконнай жакетцы і курыў, высокі, танклявы паводле росту, з рыжаватым шчаціннем з тыдзень няголенай барады” [1, 123].

Такім чынам, у Кузьмы Чорнага партрэт нельга аддзяліць ад псіхалагічнай абмалёўкі персанажаў, бо ў знешнім абліччы заўсёды адбіваецца іх унутраны свет. Важнае месца ў рамане “Пошукі будучыні” Кузьмы Чорнага займаюць аўтарскія апісанні і разважанні. Партрэтныя апісанні маюць выключнае значэнне ў рэалізацыі ідэйнай задумкі твора: паказваюць месца і час дзеяння, адлюстроўваюць рэгіянальны каларыт, раскрываюць плынь часу, ствараюць пэўны настрой, з’яўляюцца важным сродкам раскрыцця ўнутранага свету чалавека.

Літаратура

1. Чорны, К. Пошукі будучыні: раман, аповесць, апавяданні: для сярэд. і ст. шк. узросту / К. Чорны; уклад. І. Дабрыян; прадм. М. Тычыны. – Мінск: Маст. літаратура, 2001. – 335 с.
2. Лазарук, М. А. Слоўнік літаратуразнаўчых тэрмінаў: дапаможнік для настаўнікаў / М. А. Лазарук, А. Я. Ленсу. – Мінск: Нар. асвета, 1983. – 191 с.

ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

А. Я. Барсук

САЦЫЯЛЬНА-ЭКАНАМІЧНАЕ РАЗВІЦЦЁ ПАСЛЯВАЕННАГА МАЗЫРА ПАВОДЛЕ АРХІЎНЫХ ЗВЕСТАК

Галоўнымі крыніцамі вывучэння сацыяльна-эканамічнага становішча Мазыра пасля вызвалення ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў з'яўляюцца матэрыялы занальнага дзяржаўнага архіва ў Мазыры, у першую чаргу, пратаколы пасяджэнняў выканаўчага камітэта гарадскога Савета дэпутатаў працоўных і перыядычны друк – газеты “Большэвік Палесся” і “Зара”. Яны дазваляюць прасачыць шляхі і сродкі вырашэння сацыяльна-эканамічных праблем горада ў час аднаўлення гаспадаркі, акрэсліць стан дабрабыту і найбольш вострыя пытанні паўсядзённага жыцця мазыран.

На працягу другой паловы 40-х – 50-х гг. найважнейшымі задачамі гарадскіх улад Мазыра заставаліся забеспячэнне насельніцтва жыллем і харчаваннем, аднаўленне працы прадпрыемстваў горада і навучальных устаноў, падтрыманне санітарных умоў жыцця і працы.

Першачарговага вырашэння патрабавалі задачы размініравання і ачысткі вуліц горада ад смецця, рамонт будынкаў, дарог і мастоў. Так, на пасяджэнні Мазырскага гарвыканкама ад 11 жніўня 1945 г. (пратакол № 18) паведамлялася аб заканчэнні размініравання і збору трафейнай зброі на тэрыторыі Мазыра сіламі абласнога Асаавіяхіма (Таварыства садзейнічання абароне, авіяцыйнаму і хімічнаму будаўніцтву), было ліквідавана 350 выбухованебяспечных адзінак і 300 артылерыйскіх снарадаў [1, 226].

Хуткаму аднаўленню гаспадаркі ў горадзе садзейнічалі рэгулярныя “воскреснікі”, для арганізацыі працы якіх утвараліся вулічныя камітэты. Яны адказвалі за ачыстку вуліц ад смецця, проціпажарную бяспеку, падпіску на дзяржаўную грашовую пазыку (аблігацыі), выдавалі працоўныя лісткі. Паміж прадпрыемствамі Мазыра праводзілася сацыялістычнае спаборніцтва па аднаўленні горада, па выніках якога пераможцы атрымлівалі прэмію. Да канца лістапада 1945 г. было адрамантавана 2 масты па вул. Кімбараўка [2, 433].

Даволі цяжкімі былі ўмовы паўсядзённага жыцця насельніцтва: недахоп звычайных рэчаў – бялізны, адзення, абутку, прадуктаў харчавання, паліва.

Такія жыццёвыя складанасці яскрава адлюстроўваюцца ў пратаколах пасяджэнняў Мазырскага гарвыканкама, асабліва пры вырашэнні праблем

забеспячэння выхаванцаў дзіцячага дома і прыёмніка НКУС. У жніўні 1945 г. (ужо ўзгаданы пратакол № 18) санітарна-эпідэміялагічная сітуацыя ў дзіцячым доме заставалася складанай – выяўлена 33 выпадкі стрыгучага лішаю, недахоп пасцельных рэчаў і нацельнай бялізны, рушнікоў. Для забеспячэння харчаваннем дзяцей была створана падсобная гаспадарка, якая налічвала 3 кані, 6 кароў (2 дойныя), 11 свіней, 14 курэй, засеяна 2 га грэчкі, 2,5 га бульбы, 1 га агародніны, скошана 12 га і нарыхтавана 8 тон сена [1, 233].

Значныя аб’ёмы пасеваў былі абумоўлены вялікай колькасцю выхаванцаў. Калі патрэбы дзіцячага дома ў Кімбараўцы больш-менш задавальняліся, то гэтага нельга сказаць аб беспрытульных дзецях, якія траплялі ў прыёмнік.

У пачатку кастрычніка 1945 г. у парадку дня гарвыканкама было пытанне аб умовах жыцця ў дзіцячым прыёмніку НКУС (пратакол № 22), якія былі недавальняючымі – “дети грязные, недостаток верхней одежды, нательного белья и обуви для воспитанников, овощами на зимний период не обеспечены, разбазаривание продуктов, необходимо организовать контроль за выдачей продуктов, дежурство при получении и закладке продуктов в котлы” [1, 316].

На пасяджэннях гарвыканкама таксама неаднойчы абмяркоўвалася праблема працы гарадской лазні. Так, нават у рэспубліканскім друку (газета “Звязда” ад 16 студзеня 1945 г.) крытыкавалася яе недавальняючая праца (атрыкул “Дзе мазыраніну памыцца?”). У сувязі з гэтым абмяркоўвалася праблема нарыхтоўкі дроў для мазырской лазні [1, 15].

Пратакол № 19 ад 23 жніўня 1945 г. устанаўліваў расцэнкі за карыстанне лазняй:

Агульная лазня для дарослых за 1 чалавека – 1 рубель;

Агульная лазня для дзяцей да 5-гадовага ўзросту – 50 капеек;

Агульная лазня для дзяцей старэй 5 гадоў – 1 рубель;

Парная лазня для дарослых за 1 чалавека – 1 рубель;

Венік у парную лазню (1 адзінка) – 1 рубель [1, 263].

Для забеспячэння жылём дэмабілізаваных з арміі гарадскія ўлады вырашылі размясціць у доме № 41 па вул. Розы Люксембург, пабудаваным пад час акупацыі, інтэрнат [1, 316].

Першы ток мазырская электрастанцыя дала ў лістападзе 1945 г., аднак існавала абмежаванне на карыстанне электраэнергіяй. Напрыклад, забаранялася ўключаць лямпачкі больш за 40 ватт на прадпрыемствах і больш за 25 ватт – у кватэрах, што сведчыла аб недастатковай матэрыяльна-тэхнічнай базе прадпрыемстваў горада [1, 430].

Вяртанне да мірнага жыцця адбывалася складана, дзякуючы працоўнаму энтузіязму мазыран. На працягу 1948 – вясны 1949 гг. на разбуранай у час

вайны мэблевай фабрыцы “Прафінтэрн” было ўстаноўлена новае абсталяванне. Зімой 1948 – 1949 гг. быў адноўлены Мазырскі чыгуначны мост, па якім 1 сакавіка 1949 г. прайшоў першы поезд.

У Мазыры ў 1950 г. працавала 20 прадпрыемстваў: электрастанцыя, арцелі “Чырвоны швейнік”, “Наперад”, металаапрацоўчая “Молат”, “Аб’яднаная праца”, трыкатажная “імя Н. К. Крупскай”, мэблевая і швейная фабрыкі, рыбны, хлебны, піваварны заводы, лесакамбінат “Пхоў” і інш.

Надзённай заставалася задача арганізацыі працы навучальных устаноў горада, падрыхтоўкі педагагічных кадраў і пашырэння сярэдняй і сярэднеспецыяльнай адукацыі. Так, на 4 лютага 1945 г. у Мазыры існавала 9 школ, з іх пачатковых – 4 (камплектаў з 1 па 4 класы – 24), сямігадовых – 3 (камплектаў з 1 па 4 класы – 25; з 5 па 7 класы – 15), сярэдніх – 2 (камплектаў з 1 па 4 класы – 14; камплектаў 8–10 класы – 6).

На 22 ліпеня 1945 г. у пратаколе № 14 пасяджэння гарвыканкама паведамлялася, што вучняў у 1944–1945 навучальным годзе налічвалася 2122, з іх у пачатковых класах – 1580, сярэдніх школ – 1, сямігадовых – 3, пачатковых – 4 [1, 102].

Адной з самых вострых праблем да сярэдзіны 50-х гг. заставалася праблема падрыхтоўкі кваліфікаваных кадраў. Напрыклад, для забеспячэння вучэбнага працэсу ў 1953–1954 навучальным годзе педагагічнаму інстытуту патрабавалася 16 выкладчыкаў [3, 24].

22 ліпеня 1952 г. Савет Міністраў прыняў пастанову аб рэарганізацыі настаўніцкага інстытута ў Мазырскі дзяржаўны педагагічны. У ім былі наступныя кафедры: марксізма-ленінізма, педагагікі і псіхалогіі, рускай і беларускай моў, фізікі і матэматыкі, гісторыі, прыродазнаўства і геаграфіі. У гэтым жа годзе пачалося будаўніцтва новага вучэбнага корпуса для вышэйшай навучальнай установы ў горадзе.

А 33 і 34 нумары за 1955 г. (18 і 20 сакавіка) раённай газеты “Зара” на першых старонках паведамляюць аб адкрыцці новага корпуса педагагічнага інстытута. 14 сакавіка адбыўся мітынг, прысвечаны адкрыццю будынка інстытута, на якім выступілі “дырэктар інтытута тав. Эльман, сакратар гаркома партыі тав. Дворак, упраўляючы будтрэста № 13 тав. Баровіч, студэнт – сталінскі стыпендыят Дударэнка... стужку перарэзаў старшы выкладчык Іван Васільевіч Пісарчык” [4].

“У 1955 г. на двух факультэтах: літаратурным і фізіка-матэматычным займалася 640 студэнтаў, на завочным аддзяленні 500 чалавек” [5]. “У новым будынку працавалі 3 аўдыторыі – залы для “зводных лекцый”, кабінеты і лабараторыі розных аддзелаў фізікі. Абсталяваны кабінет марксізма-ленінізма, хутка пачне працаваць бібліятэка і чытальная зала, кабінеты педагагікі, рускай і беларускай літаратуры, рускай і беларускай мовы, матэматыкі. У 1955–1956 навучальным годзе будзе абсталявана

вялікая спартыўная зала... У інстытуце працуюць харавы, драматычны, танцавальны гурткі, гурткі сольных спеваў і мастацкага слова, у іх займаюцца 107 юнакоў” [6]. Рашэннем Мазырскага гарадскога выканаўчага камітэта ў сакавіку 1955 г. вуліца Рамашоў роў была перайменавана ў Студэнцкую [7].

У гэты час у горадзе таксама працавалі медыцынскае вучылішча, музычная школа і 9 сярэдніх школ. У красавіку 1955 г. адбыўся першы выпуск школы механізатараў [8].

Газета “Зара” ад 5 жніўня 1955 г. адзначала, што ў Мазыры працавала завочная сярэдняя школа (5–10 класы) для моладзі ад 16 гадоў, якая размяшчалася па вул. Камсамольскай. Вучням, скончыўшым 7 класаў школы, выдавалася пасведчанне аб атрыманні няпоўнай сярэдняй адукацыі, скончыўшым 10 класаў – атэстат сталасці [9].

Аб даволі значных поспехах у аднаўленні гаспадаркі ў 50-я гг. таксама сведчыць “Зара”. У параўнанні з 1945 г., мазырская электрастанцыя ў 1954 г. вырабляла ў 10 разоў больш электраэнергіі. У гэтым жа 1954 г. было пачата будаўніцтва завода жалезабетонных канструкцый [10].

За пасляваенны час у горадзе пабудавана 45 тыс. м. кв. жылой плошчы, у тым ліку чатырохпавярховы дом па вуліцы Рамашоў Роў, інтэрнат будаўнічага трэста па вул. Пушкінскай, 20-кватэрны дом па вул. Розы Люксембург.

Нягледзячы на значныя тэмпы будаўніцтва жылля, праблема вырашалася вельмі марудна, таму ў 1954 г. было прынята рашэнне аб перадачы лішняй плошчы, што займалі райвыканкам, гарсавет, рэдакцыя газеты, гарадскі камітэт ЛКСМБ, у жыллёвы фонд горада.

У 1952 г. у Мазыры налічвалася 38 вуліц, 9 завулкаў і плошча Леніна. Некаторыя з вуліц назаўсёды зніклі з карты горада ці перайменаваны, з’явіліся новыя. Так, вуліцы Карла Лібкнехта і Розы Люксембург утварылі сучасную вул. Савецкую ад Прымаставой плошчы да вул. Гоголя.

К сярэдзіне 50-х гг. былі пабудаваны новыя вуліцы: Экскаватарная, Прамысловая, Нова-Сацыялістычная, Высокая. Павялічылася працягласць Камуністычнай, Першамайскай, Інтэрнацыянальнай вуліц. У раёне двух апошніх з’явіліся новыя жылыя кварталы. У 1954 г. пабудавана набярэжная – ад рачной прыстані да маставой пераправы. Таксама пабудаваны 4 жалезабетонныя масты праз рвы [10]. У 1955 г. пачалося будаўніцтва новага жалезабетоннага маста праз Прыпяць – буйнейшага па працягласці ў рэспубліцы – 20 апор і 18 пралётаў.

У планах галоўнага архітэктара на другую палову 50-х гг. пазначалася: “на цэнтральнай плошчы, перад паркам “Перамога” зрабіць галоўным будынкам заатэхнічны тэхнікум з даўжынёй фасаду 98 м. Па вул. Леніна будуць знесены будынкі гарадской бібліятэкі і дзіцячага

сада і на іх месцы пабудаваны чатырохпавярховы жылы дом швейнай фабрыкі даўжыней 85 м” [10].

На пачатак 1955 г. у Мазыры працавалі драматычны тэатр, кінатэатр “Радзіма”, Дом культуры, клубы, краязнаўчы музей, парк “Перамога”, стадыён “Спартак”, Дом піянераў, станцыя юннатаў, юнацкая спартыўная школа [10]. Адкрыта новая аптэка па вул. Пролетарская, 86 [11].

Выдзеленых дзяржавай сродкаў на добраўпарадкаванне гарадоў не хапала, магчыма таму Мазырскі гарвыканкам 1 снежня 1956 г. прыняў рашэнне аб увядзенні разовага падатку на ўладальнікаў транспартных сродкаў і ўласнікаў жывёлы на тэрыторыі горада:

- аўтамабілі і маторныя лодкі з кожнай конскай сілы – 15 рублёў;
- матацыклы з кожнай конскай сілы – 7 рублёў;
- веласіпед – 7 рублёў;
- лодкі, якія выкарыстоўваліся ў якасці “промысла” для перавозкі людзей – 30 рублёў, у астатніх выпадках – 7 рублёў;
- коні, што выкарыстоўваліся для “ізвозу” – 150 рублёў;
- каровы – 30 рублёў;
- быкі і валы старэй 2,5 гадоў для “ізвозу” – 50 рублёў.

Ад падатку вызваліліся грамадзяне, якія плацілі сельскагаспадарчы падатак, інваліды Вялікай Айчыннай вайны, удовы і сіроты. Значная частка гэтых грошай затрымалася ў гарадскім бюджэце, пайшла на добраўпарадкаванне Мазыра.

У 1957 г. у горадзе было 24 прамысловых і 7 транспартных прадпрыемстваў, 3 будаўнічыя арганізацыі, на іх працавала больш 9 тыс. чалавек. К сярэдзіне 60-х гг. былі пабудаваны: завод меліярацыйных машын, завод “Мазыркабель” і завод жалезабетонных канструкцый, швейная фабрыка, фабрыка “Радзіма”, будтрэст № 6, 3 аўтабазы, дзе было занята каля 20 тыс. рабочых і служачых.

Калі меркаваць аб прынятых гарадскім выканаўчым камітэтам рашэннях, у другой палове 50-х гг. сацыяльна-бытавыя ўмовы жыцця мазыран былі складанымі, і многія праблемы заставаліся нявырашанымі. Першачаговымі задачамі савецкай дзяржавы былі аднаўленне народнай гаспадаркі і павелічэнне аб’ёмаў вытворчасці, а клопат аб чалавеку быў другарадным. Сярод такіх пастановаў можна назваць: “Аб захаванні чысціні і парадку у г. Мазыры”, “Аб устанаўленні месцаў гандлю прадуктамі харчавання і іншымі таварамі”, “Аб упарадкаванні гандлю гарэлкай прадпрыемствамі гандлю і грамадскага харчавання”, “Аб мерах па паляпшэнні бытавога абслугоўвання насельніцтва горада і раёна”.

Газета “Зара” ад 17 сакавіка 1960 г. надрукавала на сваіх старонках праграму развіцця горада па наступных накірунках: жыллёвае будаўніцтва, культурна-бытавое будаўніцтва (сталовая, кафэ, рамеснае вучылішча па

вул. Чапаева, клуб, сярэдняя школа па вул. Пушкіна, 4 дзіцячыя садкі на 375 месцаў), будаўніцтва каналізацыі і водаправода, 20 водараборных калонак, будаўніцтва дарог і тратуараў, іншае добраўпарадкаванне горада. У сувязі з гэтым гарвыканкам прыняў рашэнне аб адпрацоўцы кожным працоўным горада на добраўпарадкаванні не менш 10 гадзін, аб арганізацыі спаборніцтва камсамольскіх арганізацый, правядзенні сходаў вулічных і дамавых камітэтаў па гэтым пытанні [12, 226–227].

Поспехі сацыяльна-эканамічнага развіцця пасляваеннага Мазыра былі відавочнымі, асабліва, калі параўнаць колькасць насельніцтва адразу пасля вызвалення ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў і ў пачатку 60-х гг. (4700 жыхароў, амаль палову іх складалі дзеці). Аднак даволі складана вырашалася жыллёвая праблема. У 1956 г. жыллёвы фонд Мазыра складаў 107 тыс. кв. м на кожнага жыхара прыходзілася каля 4 кв. м. Часткова гэта пытанне вырашалася за кошт індывідуальнай забудовы. Да 1960 г. агульная жылая плошча горада налічвала 157 тыс. кв. м [12, 216].

Такім чынам, сацыяльна-эканамічны стан Мазыра ў час аднаўлення гаспадаркі вызначаўся пэўнымі дасягненнямі і цяжкасцямі, выкліканымі недастатковай матэрыяльна-тэхнічнай базай, вялікімі разбурэннямі.

Адносна хуткае аднаўленне горада тлумачыцца працоўным гераізмам гараджан і матэрыяльнай дапамогай іншых рэгіёнаў Савецкага Саюза.

Літаратура

1. Занальны дзяржаўны архіў Мазыра (ЗДАМ). Ф. 172. – Воп. 2. – Спр. 8.
2. ЗДАМ. Ф. 172. – Воп. 2. – Спр. 41.
3. ЗДАМ. Ф. 1149. – Воп. 1. – Спр. 14.
4. З наваселлем, дарагія сябры // Зара. – 1955. – 18 сак. – С. 2.
5. Педагагічны інстытут // Зара. – 1955. – 20 сак. – С. 1.
6. Эльман, А. Каштоўны падарунак / А. Эльман, дырэктар педагагічнага інстытута // Зара. – 1955. – 20 сак. – С. 2.
7. Ганчарова, В. Па гораду Мазыру. Вуліца Студэнцкая / В. Ганчарова // Зара. – 1955. – 20 сак. – С. 3.
8. Ісакаў, М. Маладыя спецыялісты / М. Ісакаў, выкладчык школы // Зара. – 1955. – 8 крас. – С. 3.
9. Завочная сярэдняя школа г. Мазыра аб'яўляе прыём навучэнцаў // Зара. – 1955. – 5 жніўня. – С. 4.
10. Бурлачэнка, М. З кожным годам прыгажэе Мазыр / М. Бурлачэнка, галоўны архітэктар горада // Зара. – 1955. – 6 лют. – С. 2.
11. Аб'ява Галоўнага абласнога ўпраўлення. Новая аптэка 34 // Зара. – 1955. – 16 сак. – С. 4.
12. Бобр, А. Г. Послевоенный период / А. Г. Бобр // Мазыр: гісторыя і сучаснасць / рэдкал.: С. В. Целепень (адк. рэд.) [і інш.]. – Гомель: КВПУП “Сож”, 2005. – 352 с.

Г. М. Дашкевіч

НАЗАЎЖДЫ ПАЯДНАНЫ З МАСТАЦТВАМ

“Захварэў” ён тэатрам з дзяцінства. Падлеткам сустрэў перамогу. Пераросткам пачынаў вучобу. Не хапала сшыткаў, кніг, вопраткі, але была неадольная прага ведаў, якая засланыла ўсё. А вайна ўсё яшчэ стаяла перад вачамі белагаловага хлопчыка. За яе час ён страціў брата, перанёс цынгу і тыф. Былі дні, калі сям’я ляжала ўпокат. Поўзала і даглядала ўсіх адна маці. Дванаццацігадовы брат пасля тыфу вучыўся хадзіць. “Я стаю! Мама, я стаю!” – радасна крычаў хлопчык.

“Хаваліся ад немцаў у лесе на востраве. Маці аднойчы сэрцам адчула бяду: “Дзеці, так нешта на душы неспакойна... Кінем усё і пойдзем на балота”. Толькі адышлі, як побач загергеталі немцы. Гаршкі пабілі, падралі вопратку, што сохла на вяроўцы, закруціліся каля каровы, а мы, маці і пяцёра дзяцей, у дзесяці метрах ад іх. Я ўпаў галавой у купіну і не дыхаў. Сястрычцы малой толькі год было – хоць бы піскнула”, – успамінае Міхаіл Яўхімавіч.

Ён з захапленнем гаворыць пра першыя пасляваенныя гады, вечары ў калгасным клубе, на якія збіралася ўся вёска. У другім класе яму даручылі ролю містэра Кука ў п’есе С. Міхалкова “У іх ёсць радзіма”. Тады і пачуў першую пахвалу: “Сапраўдны артыст!” Народ вясковы – шчодры на жарт. Да гэтага часу застаўся містэрам Кукам. “Спяваў у хоры, як усе, танцаваў “Крыжачок” і “Лявоніху”, але п’есы ставіў сам, змалку “выбіваўся ў рэжысуру”, – жартуе Міхаіл Яўхімавіч.

Выбраў прафесію медыка, а са сцэнай не развітваўся – увесь вольны час аддаваў ёй. Паступова тэатр выцясняе ўсё астатняе з яго душы. Дваццацішасцігадовы фельчар спрабуе паступіць у тэатральны інстытут. Спроба не ўдалася. Даведаўся, што Віцебскі тэатр набірае студыю маладога акцёра. Паехаў. Прынялі. Днём працаваў на санэпідэманстанцыі, а вечарам, як на крылах, імчаў у тэатр. Урокі Сяргейчыка, Шмакава, Ільінскага засталіся ў памяці на ўсё жыццё. Тая сур’ёзнасць адносін да сцэнічнага мастацтва, якую яны імкнуліся перадаць сваім выхаванцам, не прапала бяследна.

Заканчваў студыю, калі заняла душа, пацягнула на Палессе, бліжэй да бацькоў, да родных лельчыцкіх мясцін. Неўзабаве Міхаіл Яўхімавіч Колас становіцца рэжысёрам Мазырскага народнага тэатра.

Ён і цяпер не разумее, адкуль у яго, сялянскага сына, бралася энергія, жаданне мяняць прафесію, ехаць у невядомы горад, шукаць сувязі з тэатрам праз студыю...

Напэўна, прага да мастацтва, закладзеная ў сэрцы змалку, павінна была праявіцца, яго мара аб сцэне павінна была здзейсніцца. І яна здзейснілася. Тэатр стаў яго прызваннем, яго болям і радасцю, яго жыццём.

Мне пашчаслівілася быць сведкам яго першай самастойнай работы, у якую ён уклаў усю сваю душу, увесь запал сваёй няўрымслівай, гарчай натуры. На маіх вачах упершыню ствараўся сапраўдны спектакль, у якім і ад мяне залежала многае. Ствараўся ў поце твару, з найвялікшымі цяжкасцямі пошукаў і радасцямі адкрыццяў. Гэта было “Раскіданае гняздо” Янкі Купалы.

Нялёгка было маладому рэжысёру пачынаць з класічнай купалаўскай спадчыны. Шмат сілы трэба было патраціць, каб пераканаць людзей працаваць без аглядкі на суфлёра, начыста пазбавіцца ад дапатоўных, застарэлых прыёмаў, каб давесці выканаўцам, што маналогі купалаўскіх герояў глыбока эмацыянальныя, па-народнаму філасафічныя, патрабуюць сур’ёзнай, заглыбленай разумовай працы ад акцёра, вывучэння народных традыцый, народнага характару ва ўсіх яго шматгранных адценнях. А з якой апантанасцю ваяваў ён за чысціню мовы, беражліва вывяраючы кожны інтанацыйны рух!.. Некаторыя ўдзельнікі вымаўлялі мяккае “ч” і ўзрыўное “г”, на рускі лад, ён жа на кожным кроку напамінаў, што падобныя памылкі – недаравальныя для акцёра, бо яны адразу ж ствараюць бар’ер недаверу паміж ім і глядачом. Не ўсе разумелі яго. Часам былі спрэчкі, былі і хвіліны адчаю. Ён не мог ігнараваць расхлябанасць, няўважлівасць, недысцыплінаванасць. Прывучаў усіх да разумення, што рэпетыцыя – складаны, напружаны працэс творчага пошуку, у якім творцамі павінны быць усе: хто працуе на сцэне, хто чакае свайго выхаду за кулісамі ці проста сядзіць у зале ў якасці глядача. Усе героі “Раскіданага гнязда” глыбока драматычныя, яны ўвасабляюць лёс усяго беларускага народа, і ў той жа час кожны з іх – непаўторны свет чалавечага духоўнага характава. Узнёслая, паэтычная Зоська, па-дзіцячы ўдумлівы, засяроджаны Данілка, рэзкі, напорысты Сымон, Лявон і Марыля, іх бацькі, расчараваныя, стомленыя ад змагання за хлеб надзённы. Рэжысёру трэба бачыць усё, і ён імкнуўся бачыць падрабязна, дэталізавана. Стварылі кампазіцыю з народных песень і вершаў Купалы, ездзілі ў купалаўскі музей, пабывалі на спектаклях купалаўцаў. Гадзінамі раіліся з мастаком Пятром Сяргеевічам Захаравым аб афармленні спектакля. Разам рэжысёр і мастак ездзілі па вёсках, набылі хатнія рэчы, сялянскую вопратку, прылады працы, гутарылі з землякамі, пабывалі ў Тураве, у суседзяў-тонежцаў, якія славяцца песнямі на ўсю Беларусь, і як бы душой паздаравелі – адкуль тая сіла ўзялася. Еднасць з роднымі каранямі надала рэжысёру і мастаку ўпэўненасць, веру ў поспех. І поспех прыйшоў. “Раскіданае гняздо” стала лаўрэатам рэспубліканскага, а затым – усесаюзнага фестывалю самадзейнага тэатральнага мастацтва ў Маскве.

Мы, нашчадкі дрыгавічоў, унукі дзеда Талаша пывучай купалаўскай мовай апавадалі са сцэны Крамлёўскага тэатра пра гаротны лёс свайго народа. І нас усе зразумелі. Пасля спектакля падхапіла, ускрыліла, аб’яднала ўсіх пачуццё роднасці, чалавечнасці: нас акружылі глядачы, ціснулі рукі, абдымалі, запрашалі ў госці, давалі свае адрасы. Памятаю мноства кветак,

золата медалёў на нашых грудзях, майскую сонечную раніцу, калі мы ўсім тэатрам ускладалі кветкі на магілу Невядомага салдата. Там стаялі ўсе разам у глыбокім маўчанні і там па-сапраўднаму адчулі вытокі сваёй роднасці, якая ўчора аб'яднала нас з зусім незнаёмымі людзьмі.

А рэжысёр думаў пра будучыню. Сваю і тэатра. Пospех акрыліў, але і ўзвысіў пачуццё адказнасці перад сабой і калектывам. Неабходнасць вучыцца прывяла яго ў Маскву. Міхаіл Яўхімавіч стаў студэнтам-завочнікам вышэйшага Маскоўскага тэатральнага вучылішча імя Шчукіна пры тэатры Вахтангава. Чатыры гады вучобы ўзбагацілі і ўзмацнілі цікавасць да сваёй справы. Народны артыст СССР, прафесар Захава, рэктар вучылішча, вучань і паслядоўнік Вахтангава, вёў курс рэжысуры, уважліва сачыў за творчым ростам сваіх выхаванцаў, не прапусціў ніводнай іх пастаноўкі. Звярнуў увагу і на маладога рэжысёра з Беларусі, вельмі яму спадабаліся ўрыўкі з яго дыпломнай работы “Людзі на балоце”, а таксама выкананне ім ролі Прысыпкіна ў спектаклі “Клоп” па п’есе У. Маякоўскага. Барыса Яўгеневіча цікавіла ўсё да самых драбніц, нават тое, як вырашаюцца самыя будзённыя пытанні народнага тэатра: “А як у вас справы з асвятленнем, касцюмамі? Хто майструе дэкарацыі?” Адзінадушна кампетэнтным журы быў прыняты дыпломны спектакль Міхася Коласа. Сваёй рукой выпісаў яму рэктар дыплом рэжысёра драмы і сказаў: “Няхай будзе для Беларусі гэты самародак з дыпламам рэжысёра-прафесіянала”.

За час навучання Міхаіла Коласа ў Шчукінскім вучылішчы рэпертуар Мазырскага народнага тэатра значна ўзбагаціўся за кошт лепшых твораў беларускай драматургіі. Аднавілі і перапрацавалі спектакль “Канчане – суседзі мае” па п’есе І. Козела, адбылася прэм’ера “Партызан” К. Крапівы, шэрагу казак для дзяцей, пастаноўка спектакля “Людзі на балоце” па раману І. Мележа.

М. Колас з самага пачатку імкнуўся спалучыць місію рэжысёра з актёрскай дзейнасцю, бо не мог не іграць. Яго Сымон у “Раскіданым гняздзе” вельмі імпануе характару самога выканаўцы – адкрытаму, рашучаму, няспыннаму ў дасягненні пастаўленай мэты. “Эх, мой жа ты братачка родны! Горды, непакорны чалавек з цябе выйшаў. Птушкаю-арлом быць бы табе і лётаць па паднябессі, як лётае вецер гэты вольны! Толькі ж бяда – крыл не дадзена табе, саколе ты мой заркавок”, – гаворыць пра яго Зоська [1, 306].

Даніла Дрыль у “Партызанах” К. Крапівы – як бы своеасаблівы працяг лініі характару Сымона. Бунтарскі дух Сымонавай натуры нібыта знаходзіць выйсце ў абдуманай, мэтанакіраванай барацьбе камандзіра партызанскага атрада, які кожны свой ваенны манеўр вывярае з дзейнасцю Чырвонай Арміі. У спектаклі “Людзі на балоце” ён сыграў ролю Васіля. Сыграў бліскуча. За знешняй такой натуральнай, амаль дзіцячай непасрэднасцю яго героя – цэлая бура чалавечых пачуццяў, адчаю, няздзейсненых мар, неапраўданых надзей. Упартасць, з якой змагаецца Васіль за лепшы кавалак зямлі, –

упартасць чалавека, які не ўяўляе сябе без зямлі і які цвёрда перакананы, што потам сваім, гаротнай сіроцкай доляй сваёй ён заслужыў гэты кавалак. “Кеб з таго кавалка, што каля цагельні, дасталося. То б надзел буў!.. Мёду прадаў бы, насення б купіў адборнага... Пабачылі б!” – выказвае ён сваю заповітную мару Ганне [2, 42]. Беражліва, з пачуццём глыбокага разумення сялянскай душы, нясе Колас-акцёр на суд гледача душэўную драму Васіля, уласніцкая сутнасць якога пераборае ўсё тое юначае, узнёслае, што запаліла ў ім каханне да Ганны, і нараджае неадольную прагу выбіцца з “галоты дзіравай” у заможнага гаспадара.

Прыязджаў у Мазыр на прэм’еру Іван Паўлавіч Мележ. Быў прыемна ўзрушаны, усхваляваны. “Мне здалося, што я сустрэўся сягоння не з самадзейнымі артыстамі, а з сапраўднымі куранёўцамі – сваімі землякамі, сярод якіх правёў сваё дзяцінства”, – сказаў пісьменнік пасля спектакля мазырскім гледачам.

Неўзабаве ў “Літаратуру і мастацтва” прыйшло пісьмо маскоўскага рэжысёра: “Я нават не магла ўявіць, што ўражанне ад убачанага мною спектакля трэба будзе вызначаць словам “незабыўнае”. “Спектакля я не ўяўляў без народнасці – стыхійнай, спрадвечнай. А гэтага можна было дасягнуць толькі работай, часам пакутліва цяжкай і заўсёды настойлівай. І не толькі інтуіцыя, як гаворыцца, азарэнне, не проста падгледжанае ў прыроды і жыцця, – а пераасэнсаванае, выпрацаванае, прапушчанае праз думку, душу, нервы...” – скажа потым пра свой спектакль М. Колас.

Тэатр упэўнена ішоў па шляху, пракладзеным “Раскіданым гняздом”. Ім створана своеасаблівая сцэнічная эпапея жыцця беларускага народа. Ажыццявілася пастаноўка “Трыбунала” А. Макаёнка, “Брамы неўміручасці” К. Крапівы, “Адкуль грэх” А. Петрашкевіча, “Люцікаў-кветчак” Г. Марчука і іншых драматычных твораў. Мазыране не абмяжоўваліся толькі беларускім рэпертуарам. Аб шырыні, разнастайнасці іх творчага дыяпазону сведчаць такія пастаноўкі, як “Конармія” І. Бабеля, “Краіна Айгуль” М. Карыма, “Праўда – добра, а шчасце – лепш” А. Астроўскага, шматлікія спектаклі для дзяцей і падлеткаў. І ў кожным з іх – водбліск душы рэжысёра і акцёраў, творчай індывідуальнасці, грамадзянскай пазіцыі, мастацкага густу і тэмпераменту.

Мала любіць сваю справу і добрасумленна выконваць яе. Важна ўсвядоміць яе значнасць. Іменна гэтае ўсведамленне і дапамагала Коласу як рэжысёру не збіцца на шэрасць, пазбавіцца ад дробных, склееных наспех спектакляў. Іменна гэтае пачуццё кіравала ім, калі ў час работы над “Раскіданым гняздом” ён едзе ў Віцебск, каб параіцца з коласаўцамі наконт музычнага афармлення, клапаціцца аб стварэнні аркестра народных інструментаў, які б суправаджаў спектакль, калі ў час пастаноўкі “Паўлінкі” і “Людзей на балоце” ўключае ў масавыя сцэны лепшыя фальклорна-этнаграфічныя ансамблі горада, калі ў перыяд работы над “Краінай Айгуль” едзе ў далёкую Уфу, каб сустрэцца з народным паэтам Мустаем

Карымам – аўтарам п’есы, каб бліжэй адчуць, зразумець характар, культуру, звычай башкірскага народа.

“Навучыць ставіць спектакль ніхто не можа. Кожная п’еса – гэта новы замок, да якога трэба знайсці ключ. Бывае так, што спектакль здадзены, а замок так і застаўся адкрытым, і артысты, як тыя каларадскія жукі, сядзяць на яго паверхні. Пошук гэтага ключа трэба пачынаць з рэпертуару,” – гаворыць Міхаіл Яўхімавіч. І працягвае з уласцівым яму запалам, эмацыянальнасцю: “Купалаўская драматургія – матэрыял вечны. У яе прастане – усё геніяльна. Бо ў Купалы за кожным словам, рухам героя – усё жыццё. Здавалася б, звычайная сітуацыя: жонка лае Пранцыся за тое, што пра шапку забыўся. Той адказвае: “А баба нашто? Каб за ўсім глядзець”. І тут я раптам зразумеў Пранцыся абсалютна. Ён – тыповая фігура беларуса, якая і цяпер не перавялася. Пранцысь ніводнага свайго кроку не ўяўляе без жонкі, прывык да гэтага так, што і пры любой няўдачы, не задумваючыся, ёсць на каго спаслацца. Або што значаць словы Крыніцкага ў фінале “Паўлінкі”: “Дзве дзюркі ў носе і сканчылося?” Усё. Скончылася яго мара выбіцца ў багатыя. Сцяпан жа гатоў быў звязваць Паўлінку, каб аддаць за Быкоўскага. Хаця гэта не шкодзіць яму пасля вышвырнуць таго са сваёй хаты. Таму і фінал купалаўскай “Паўлінкі” я не дазволіў сабе сапсаваць, перарабіць на іншы лад. Я шчаслівы, што на пачатку сваёй працы неяк інтуітыўна пацягнула мяне да Купалы. На такім матэрыяле трудна звіхнуцца, бо яго жыццёвасць і рэалізм пазбаўляюць магчымасці круцеліць і выпендрывацца. Пасля яго ў кожнай п’есе шукаеш вытокі пераканаўчасці, непадробнай праўды”.

Неўміручая купалаўская “Паўлінка” ў рэжысёрскай інтэрпрэтацыі Міхася Коласа набыла сваю асаблівую непаўторнасць і характэрнасць. Ён аздобіў яе вянком цікавых мастацкіх знаходак, дзякуючы якім увесь спектакль і вобраз галоўнай гераіні набываюць глыбокі сімвалічны сэнс.

Гучыць чароўная, да болю знаёмая мелодыя “Спадчыны”. Нібыта з карагоду дзяўчатак, светлавалосых сялянак-канапляначак, выходзіць Паўлінка. Яна, на першы погляд, такая ж, як і ўсе. У ёй увасоблены рысы звычайнай сялянскай дзяўчыны. Шчабятуха, дасціпная, паслухмяная, уважлівая да людзей. Але чаму ў яе хапае адвагі ісці наперакор бацькам? Яе весялосць і дасціпнасць змяняюцца на гнеў, пратэст, калі справа датычыць яе кахання, яе чалавечай годнасці, якую хочучь прынізіць, затаптаць. “А няхай сабе будзе, што мае быць, я свайго-такі даб’юся, або згіну, каб і следу не засталася!” [1, 201]. Яна – дзіця новага часу, бо калі не розумам, дык сэрцам адчувае яго свежы подых, аздараўляющую сілу. Вось чаму рашуча парывае са старымі, струхлелымі парадкамі жыцця. Яна – сімвал новай, вольнай Беларусі.

Падае Паўлінка ў непрытомнасці на зямлю, даведаўшыся аб арышце Якіма... як раптам над ёй схіляюцца рукі з вяночкамі, родная мелодыя

гучыць над ёй, і нібы нейкая невядомая сіла яе паднімае. Гордая, мужная, непакорная ідзе яна ў сваю будучыню.

Гэты спектакль, прысвечаны 100-годдзю з дня нараджэння народных песняроў Янкі Купалы і Якуба Коласа, стаў лаўрэатам рэспубліканскага фестывалю.

15 верасня 2010 года Міхаілу Яўхімавічу Коласу споўнілася 75 гадоў. Каля трыццаці з іх ён кіраваў Мазырскім тэатрам. З яго прыходам дзейнасць тэатра набыла акрэсленасць і мэтанакіраванасць. Радзіма высока ацаніла яго творчую працу. Міхаілу Яўхімавічу прысвоена званне заслужанага работніка культуры БССР, Мазырскі народны тэатр – пераможца шматлікіх конкурсаў і тэатральных фестываляў – быў шырока вядомы ў рэспубліцы і за яе межамі.

Як шкада, што чарнобыльская бяда параскідала па беламу свету тысячы беларускіх сыноў і дачок. Міхаіл Яўхімавіч цяпер жыве з сям'ёй у Расіі ў горадзе Калязіне Цвярской вобласці, дзе таксама стварыў народны тэатр. Бо для яго тэатр заўсёды застаецца болей і радасцю, святлом яго душы, яго святыняй.

Літаратура

1. Купала, Я. Збор твораў: у 7 т. / Я. Купала. – Мінск: Навука і тэхніка, 1975. – Т. 6: Драматычныя творы, паэмы, п'есы. – 390 с.
2. Мележ, І. Збор твораў: у 10 т. / І. Мележ. – Мінск: Маст. літ., 1981. – Т. 5: Людзі на балоце: раман з “Палескай хронікі”. – 415 с.

С. В. Кунгер

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ

Идущие в современном мире объективные процессы культурной и иной гомогенизации, сопутствующие им поиски неких общих ценностных предпосылок приобретают глобальный характер, приводят к стремлению людей утвердить разнообразные формы своей идентичности, в том числе этнокультурной, защитить свой традиционный образ жизни и образ мысли.

В то же время становление нового типа цивилизации сопровождается ростом индивидуализации, повышением значения индивида и его автономии в ситуации свободного выбора ценностей. Не только осознание собственных этнокультурных ценностей, но и понимание, уважение чужих традиций и ценностей является условием нарастания и укрепления международных связей, диалога культур, определения ценностных ориентиров своей жизнедеятельности.

Культура на уровне мирового целого существует, прежде всего, в форме этнического бытия своих частей, она развивается, в первую очередь, в русле этносов. А этническая самобытность в силу этого выступает как основополагающая форма гетерогенности культурного процесса, как показатель нормативно-группового самовыражения и идентификации человека.

Культура этноса имеет сложную структуру и включает в себя как общее, так и особенное:

- признаки, характерные только для данного этноса;
- полностью ассимилированные культурные заимствования;
- черты и особенности, характерные для многих этнических культур.

Этническая культура развивается как неповторимая, уникальная часть мировой культуры, осознающая и проявляющая себя в ней. Но в обоих случаях этническая культура выражает в той или иной степени общечеловеческое начало. В диалектическом ряду единичного, особенного и общего, на уровне характеристики единичных явлений и их свойств, мировая культура выступает как «общее»; индивид выступает как «единичное» как носитель этнической культуры, как предельная, самая меньшая единица культурной реальности, как «особенное» выступает этнос – субъект культуры определенного типа.

Этнологический ракурс культуры исходит из ее неизбежного проявления и существования в этносе, который является субъектом культуры. Этнический уровень этнокультурной реальности выражает существование реальных устойчивых человеческих общностей в их пространственно-временной и локальной дискретности. На универсальном уровне этнокультурные типы выступают не альтернативой, а границей всеобщего, локальными необходимыми составляющими культурного универсума. При анализе культуры как определенной системы ценностей следует учитывать, что весь комплекс ценностных ориентаций этноса структурирован аксиологической осью, которая обеспечивает его целостность и стабильность. Самые высокие уровни аксиологической оси этноса характеризуются абсолютностью и тесной связью с понятием ценного самого по себе. Реализация универсальных нравственных принципов и смыслов невозможна иначе, как через «частичное» осуществление в пределах этнических общностей.

Человечество, как самоорганизующаяся живая система, ищет выходы из кризисных ситуаций, борется за свое существование, стремится к лучшему будущему. При этом глобальные проблемы не оставляют человечеству иного выбора, как преодолевая разногласия идти к своему единству, сохраняя самобытность культур, вековых традиций и особенностей отдельных народов.

Ведущей тенденцией мироустройства в настоящее время является тенденция к интеграции народов и государств, проявляющаяся, в частности, в создании единого экономического и информационного пространства в

мировом сообществе. В то же время в мире наблюдается возрождение интереса к этнической истории, традициям, языку, особенностям культуры и быта. Противоречивое взаимодействие этих двух социокультурных явлений представляет собой этнический парадокс современности.

Изучение этнического возрождения как одного из видов переходных процессов приобретает особое значение на современном этапе общественного развития в контексте изменений как в мире в целом, так и в отдельных обществах. Растущая информационная взаимозависимость мира ведет не к стиранию, а к усилению различий, что выражается в существовании различных форм социокультурной динамики в синхронной среде исторического процесса.

Выделяют ряд закономерностей, обуславливающих этническое возрождение:

- процесс разворачивается в условиях формализации или разрушения институциональной системы отношений;
- в обоих случаях происходит коммуникация с собственным историческим прошлым и генетическими структурами, устойчивыми к течению времени;
- субъектом этнического возрождения рефлексировается несоответствие современной ему системы отношений историческим и генетическим основаниям целостного и непрерывного социокультурного порядка;
- процесс формализации и разрушения институциональной системы отношений приводит к высвобождению потенциалов личности и общества, которые могут быть направлены как на развитие, так и на разрушение.

Возникает необходимость исследования культурного наследия, изучения проблем духовной культуры, осознается необходимость сохранения существующего культурного опыта как необходимых критериев дальнейшего развития.

Проблема преемственности этнокультурных ценностей и культурного наследия затрагивалась Э. Маркаряном, который предложил интересную трактовку культурной традиции, остающейся, по его мнению, «универсальным механизмом, который благодаря селекции жизненного опыта, его аккумуляции и пространственно-временной трансмиссии позволяет достигать необходимой для существования социально организованной стабильности» [1, 63]. По его мнению, традиции включают в себя «процесс и результаты стереотипизации как сгусток социально-исторического опыта людей» [2, 17].

Анализируя современные проблемы сохранения культурного наследия, Ю. Веденин относит к наследию «систему материальных и интеллектуально-духовных ценностей, созданных и сбереженных предыдущими поколениями и представляющими исключительную важность для сохранения культурного и природного генофонда Земли и для ее дальнейшего развития» [3, 38].

Суть процесса наследования состоит в том, чтобы, осознав заданные формациями различные общественные задачи, критически отнестись к различным проявлениям преемственности, поскольку культура каждого нового поколения, каждой новой исторической эпохи всегда преемственно связана с культурой прошлых исторических эпох. При наследовании традиции воспроизводятся сознательно, следовательно, проекция традиции как таковой может различаться в зависимости от целей, ценностей и установок субъектов наследования.

Наследие органично входит в суперсистему самой культуры, являясь, с одной стороны, характеристикой и способом рассмотрения культуры, с другой – ее своеобразной памятью. Наследие является основой информационных кодов, которые обеспечивают производство, накопление и передачу информации в человеческой цивилизации. Таким образом, образуется система взаимосвязей между культурой, наследием и информацией, функционирование которой позволяет воспроизводить и совершенствовать достижения культуры для нового поколения людей.

Суть закона исторической преемственности культурного наследия заключается в том, что история мировой культуры сохраняется, несмотря на трагические периоды уничтожения культурной памяти. Каждое поколение всегда начинает свой жизненный путь с освоения культурного прошлого, включающего коллективный и индивидуальный исторический опыт, ценности и достижения, составляющие духовное и материальное богатство общества. Связывая настоящее с прошлым и будущим, преемственность обуславливает устойчивость целого. Преемственность означает опору на собственные силы, на свой жизненный потенциал. Культурные традиции, передаваясь от поколения к поколению, совершенствуются, отрицаются, оттачиваются, становятся все более «человечными» и объемными. Процесс трансляции культурного наследия, реализуемый, материализуемый и определяемый индивидом в продуктах его интеллектуальной деятельности, способствует духовному обогащению, развитию и совершенствованию.

Отличие наследования от преемственности состоит в том, что общество в процессе наследования имеет возможность оценить следствия объективной закономерности преемственности и организовать свои действия в соответствии с этой оценкой. Культурное наследие является результатом особой формы преемственности, основанной на критической переработке и использовании положительных достижений, накопленных прошлыми поколениями, а не на полном и абсолютном отрицании ранее достигнутых в развитии духовной культуры результатов. Сущность такой формы связи между новым и старым в развитии духовной культуры, когда новое полностью отрицает старое, ничего не наследуя из его содержания (негативная), в противоположность позитивной (сохранение и развитие положительных результатов, накопленных прошлыми поколениями),

состоит в достижении новых выводов вопреки ранее сделанным и в противовес им. Но такая, негативная, преемственность, находится за пределами понятия «наследование». Культурное наследие характеризуется как система материальных и интеллектуально-духовных ценностей, созданных и сбереженных предыдущими поколениями, и представляющая исключительную важность для сохранения культурного генофонда и дальнейшего культурного развития. В новую историческую эпоху человечество всегда критически взвешивает доставшиеся ему в качестве наследия культурные ценности, дополняет, развивает и обогащает их в свете новых возможностей и задач, встающих перед обществом, в соответствии с потребностями определенных социальных сил, решающих эти задачи в плане научно-технического и социального развития. В настоящее время обращение к культурному наследию и освоение духовных богатств прошлого призвано выполнять важную синтезирующую функцию в жизнедеятельности каждого общества, гармонизировать бытие людей, пробуждать в них потребность к постижению мира как целого, что имеет непреходящую ценность в условиях современной социальной модернизации. На основе культурного наследия возможна разработка новых подходов к развитию культуры, обслуживанию населения, сохранению и использованию культурного наследия.

В самом общем виде наследование как социокультурный феномен может быть представлено как процесс освоения многомерного социокультурного опыта: необходимого набора представлений, символов, традиций, стереотипов и образцов деятельности, позволяющих людям рефлексировать свое представление о мире, конкретном социуме, уточнять ролевые функции в обществе, удостоверить собственную культурную идентичность. В условиях трансформирующегося общества данные характеристики культурного наследования приобретают сложные коннотации, поскольку определяются не классическими моделями образовательной и просветительской деятельности, традиционно управляющими процессами ротации культурного наследия, а условиями переходного общества.

Если обычаи выступают как одно из проявлений традиций, то не все традиции являются обычаями. Объем понятия «традиция» шире объема понятия «обычай», так как под традицией понимаются исторически сложившиеся формы поведения людей во всех областях общественной жизни, а под обычаями подразумевается преимущественно сфера бытовых отношений. В процессе наследования традиции воспроизводятся сознательно. Следовательно, традиция как таковая может различаться в зависимости от целей, ценностей и установок субъектов наследования. Отсюда следует вывод: нельзя воспроизвести в традиции то, чего нет в наследии. Проблема традиции методологически формулируется как соотношение факта и идеи, ценности, как тот исторический опыт, который оценивается как положительный.

Особенностью культурного наследия является сознательное наследование исторического опыта, то есть преемственность. Механизм культурного наследования осуществляется главным образом посредством традиции. Так как развитие культуры и общества идет от прошлого к настоящему, от настоящего к будущему, в социуме всегда существуют традиции, представляющие собой квинтэссенцию опыта и современности, которые, в свою очередь, станут наследием грядущих поколений. Так как условия жизни изменяются, традиции уступают место новациям, которые затем сами превращаются в традиции, продолжая процесс культурного развития. Сочетание отдельных элементов культурного наследия создает индивидуальный образ народов, формирует культурное многообразие современной цивилизации. Культурное наследие является неотъемлемым компонентом культуры, совокупностью представленных во всем многообразии культурных ценностей, переосмысливаемых, обновляемых и исторически транслируемых, главным образом посредством традиции. Культурное наследие включает в себя и элементы массовой культуры прошлых эпох, и образцы элитарной культуры, распространенной в сравнительно узком кругу ценителей. Культурное наследие представляет те компоненты культуры, которые делают возможным дальнейшее ее воспроизводство, самосохранение и сохранение самобытности культуры, ее идентичности.

Важно учитывать, что история любого этноса – это история последовательной смены его поколений. Следовательно, посредством преемственности культурных традиций осуществляется социальное воспроизводство этноса. Этим обеспечивается его самосохранение в качестве равноправного социального субъекта современной мировой цивилизации. Человек входит в человечество через национальную индивидуальность, как национальный человек. Именно поэтому каждый человек должен воспитываться как достойный представитель своего родного этноса в смысловом поле определенных знаков, значений, ценностей, присущих его народу. Но каждый человек является одновременно и равноправным членом мирового сообщества, в котором все отчетливее дают о себе знать процессы глобализации.

Литература

1. Маркарян, Э. С. Узловые проблемы теории культурной традиции / Э. С. Маркарян. – Ереван: «ЕГИ», 2009. – С. 62–63.
2. Маркарян, Э. С. Культурная традиция и задача дифференциации ее общих и локальных проявлений / Э. С. Маркарян // Методические проблемы этнических культур: материалы симпозиума, Ереван, 26 апреля 2010 / «ЕГИ»; редкол. А. В. Васканын (отв. ред.) [и др.]. – Ереван: «ЕГИ», 2010. – С. 16–17.
3. Веденин, Ю. А. Современные проблемы сохранения наследия / Ю. А. Веденин // Культурное и природное наследие в региональной политике: тезисы докладов республиканской научно-практической конференции, Ставрополь, 20 мая 2009 г. / СГУ; редкол.: А. Н. Попов (отв. ред.) [и др.]. – Ставрополь: «СГУ», 2009. – С. 36–38.

Т. А. Нікіціна

МАЗЫРШЧЫНА Ў ПАСЛЯКУПАЦЫЙНЫ ВАЕННЫ ПЕРЫЯД (14 студзеня 1944 г. – 9 мая 1945 г.)

У выніку асенне-зімовага наступлення Чырвонай Арміі 1943–1944 гг. поўнасьцю ці часткова было вызвалена 40 раёнаў Беларусі, сярод іх быў і Мазырскі, адзін з раёнаў Палескай вобласці [1, 35].

У загадзе Вярхоўнага Галоўнакамандуючага ад 14 студзеня 1944 г. паведамлялася, што “войскі беларускага фронту, у выніку ўмелага абыходнага манеўра... штурмам авалодалі абласным цэнтрам Мазыр і вялікім чыгуначным вузлом і горадам Калінкавічы – важнымі апорнымі пунктамі абароны немцаў на Палескім напрамку” [2].

Першачарговымі задачамі, якія стаялі перад органамі дзяржаўнага і мясцовага кіравання, з’яўляліся ліквідацыя наступстваў вайны і аднаўленне гаспадаркі. Яшчэ ў верасні 1943 г., напярэдадні вызвалення ўсходніх тэрыторый Беларусі, ЦК КП(б)Б зацвердзіў абласныя, гарадскія і раённыя аператыўныя групы Гомельскай, Палескай і Магілёўскай абласцей, на якія ўскладаліся задачы аднаўлення савецкіх органаў і іншых структур улады [3, 156].

Галоўныя накірункі дзейнасці партыйных і савецкіх органаў на вызваленай тэрыторыі былі вызначаны ў пастанове ЦК ВКП(б) і СНК СССР “Аб неадкладных мерах па аднаўленні гаспадаркі ў раёнах, вызваленых ад нямецкай акупацыі” (жнівень 1943 г.), матэрыялах VI сесіі Вярхоўнага Савета БССР (сакавік 1944 г.), пастанове ЦК ВКП(б) “Аб бліжэйшых задачах партыйных арганізацый КП(б) Беларусі ў вобласці масава-палітычнай і культурна-асветніцкай работы сярод насельніцтва” (жнівень 1944 г.) і інш. Яны прадугледжвалі мабілізацыю працоўных на аказанне дапамогі Чырвонай Арміі ў справе поўнага разгрому нямецка-фашысцкіх захопнікаў і на хуткае аднаўленне народнай гаспадаркі [4, 469].

На тэрыторыі вызваленых раёнаў Палескай вобласці была праведзена мабілізацыя ў Чырвоную Армію. На Мазыршчыне ў войскі было прызвана каля трох тысяч чалавек. Працоўныя Палесся ўнеслі ў фонд Чырвонай Арміі на будаўніцтва танкавай калоны 2 млн. 415 тыс. рублёў і прасілі перадаць танкі ў вайсковыя злучэнні, якія мелі назву “Мазырскіх” і “Калінкавіцкіх” [5, 485].

З дня свайго вызвалення і да пачатку наступальнай аперацыі “Баграціён” Мазыр з’яўляўся прыфрантавым горадам. Гэта ў значнай ступені ўплывала на жыццё яго жыхароў. “С наступлення темноты и до рассвета” забаранялася паліць кастры, аўтатранспарту ў межах горада не дазвалялася працаваць без светамаскіровачных фар. Невыконваючыя гэтыя патрабаванні падвяргаліся штрафу, а злыя парушальнікі прыцягваліся да крымінальнай адказнасці “по законам военного времени” [6, 7]

Аднаўленчыя работы вяліся ў вельмі цяжкіх умовах. Вайна нанесла краіне значныя людскія і матэрыяльныя страты. Гэта датычылася і Мазыра. Па розных крыніцах, колькасць страт цывільнага насельніцтва горада вагаецца ад 4432 да 5884. Не вярнуліся з фронту 2708 мазыран. 800 жыхароў горада былі вывезены на прымусовыя работы [7, 2], [8, 624].

Агульныя страты, якія панесла народная гаспадарка Палескай вобласці ў гады вайны, акрамя прадпрыемстваў рэспубліканскага і саюзнага значэння, складалі 5 млрд. руб. Толькі па камунальнай гаспадарцы Мазыра яны складалі 3 млн. 210 тыс. 450 руб. [9, 88], [10, 51].

Першачарговае значэнне для Савецкай краіны паслякупацыйнага ваеннага перыяду мела развіццё энергетыкі і транспарту. У сувязі з гэтым, пастановай СНК БССР прадуглежвалася завяршыць да 1 студзеня 1945 г. будаўнічыя работы па аднаўленні Мазырской электрастанцыі, да 15 снежня 1944 г. неабходна было аднавіць першую чаргу гарадскіх электрычных сетак. Наркамат аўтатранспарту выдзяліў Мазыру дзве аўтамашыны, пачалася дзейнасць аўтаэксплуатацыйнай базы [11, 6].

У лютым 1944 г. быў адноўлены вадаправод, але поўнасцю забяспечыць патрэбы горада вадой ён не мог. Таму паводле пастановы СНК БССР прадпісвалася ў другім квартале 1944 г. пабудаваць у Мазыры новую артэзіянскую скважыну [12, 10]. У горадзе пачала працаваць арцель “Молат”, якая вырабляла сельскагаспадарчы інвентар і рэчы хатняга абіхода. У Мазыры напрыканцы 1944 г. ужо дзейнічалі цэхі па індывідуальным пашыве адзення і абутку, малаказавод, пякарня. Шпаларэзны завод “Пхоў” за чацвёрты квартал 1944 г. адпусціў для чыгункі 4000 шпал, выпусціў 286 коп гонты [13].

Адраджэнню Беларусі дапамагалі ўсе савецкія рэспублікі, і ў першую чаргу РСФСР. Саюзны ўрад асігнаваў для БССР 429 млн. руб., выдзяліў 1 тыс. станкоў, 2 тыс. тон металу, 1542 трактары, а таксама лес, шкло і іншыя будаўнічыя матэрыялы [14, 477].

Тылавыя раёны Савецкага Саюза бралі шэфства над пацярпелымі абласцямі і гарадамі. Над Мазыром – цэнтрам Палескай вобласці – узяў шэфства Ульянаўск, жыхары якога на працягу некалькіх тыдняў сабралі абсталяванне для дзіцячага садка, сямігадовай школы, кнігі для гарадской бібліятэкі, 2 вагоны будаўнічых матэрыялаў, абсталяванне МТМ, каля 7,5 тысяч розных рэчаў хатняга абіхода і адзення. Першы эшалон з гэтымі рэчамі прыйшоў на Палессе ўжо ў сакавіку 1944 г., летам 1944 г. у Мазыр з Ульянаўска прыбыў другі эшалон, у якім знаходзілася 20 тон цэменту, 5,5 тон цвікоў, грузавае аўтамашына, 11 швейных машынак, вагон ваты, школьныя дапаможнікі, вопратка для дзяцей і цацкі [15].

Для аказання дапамогі насельніцтву г. Мазыра на бягучы рахунак Мазырскага гарвыканкама ўльянаўцамі было пералічана 250 тыс. рублёў.

[6, 309]. Гэтыя грошы ў першую чаргу выдаваліся шматдзетным маці, параненым франтавікам і партызанам.

У аднаўленні Мазыра актыўны ўдзел прымалі яго жыхары. Для розных катэгорый насельніцтва былі ўстаноўлены нормы рабочага часу, якія яны павінны былі адпрацаваць. Для рабочых і служачых з 8-гадзінным днём і вальнанаёмнага саставу вайсковых злучэнняў яна складала 30 гадзін у месяц; для рабочых і служачых з працяглым рабочым днём, студэнтаў і вучняў – 15 гадзін у месяц; для грамадзян, якія не былі задзейнічаны ў грамадскай вытворчасці, – 60 гадзін у месяц [12, 6].

Са студзеня 1944 г. па студзень 1945 г. тысячы жыхароў з кіркамі, лапатамі, тачкамі выходзілі на нядзельнікі. Яны адпрацавалі 128 тысяч чалавека-гадзін, адбудаваў 52 разбураныя дамы плошчай 7 538 квадратных метраў, ачысцілі і склалі 250 тыс. штук цаглін, 25 кубаметраў будавага каменю, сабралі 17 тон металалому [13].

Дзякуючы гераічнай працы насельніцтва, дапамозе з боку саюзных рэспублік да заканчэння Вялікай Айчыннай вайны ў Палескай вобласці былі адноўлены і прыступілі да работы 122 прадпрыемствы і розныя арцелі, у Мазыры дзейнічалі 7 прамысловых прадпрыемстваў і арцелей. [9, 89], [15, 53].

Пасля выгнання нямецка-фашысцкіх захопнікаў у рэспубліцы была складаная санітарна-эпідэміялагічная сітуацыя. У 1944 г. толькі на каросту хварэлі ў Беларусі каля 4 млн. 230 тыс. чалавек. Шырока былі распаўсюджаны малярыя і сыпны тыф. Эпідэмія і небяспека заражэння павялічвалася з-за вялікай колькасці непрыбраных трупаў жывёл і людзей [1, 36]. У выніку акупацыі, як адзначаў старшыня Палескага абласнога Савета дэпутатаў працоўных В. Ляднёў, “резко повысилась смертность, особенно детская. Все дети, болевающие дифтерией, как правило погибали. Ввиду крайне тяжёлых бытовых условий и отсутствия жилищ, сожжёных немцами, вспыхнула крупная эпидемия сыпного тифа, кроме того, всё население оказалось поражённым чесоткой” [9, 90].

Такая сітуацыя існавала і ў Мазыры: сыпны тыф, кароста, сустракаліся асобныя выпадкі брушнага тыфу і інш. Для барацьбы з захворваннямі праводзіліся рэгулярныя абходы гараджан з мэтай выяўлення захварэўшых і іх гаспіталізацыі, рабілася санапрацоўка ачагоў захворвання. Шмат намаганняў прыкладалася па адбудове сеткі медыцынскіх устаноў. У студзені 1945 г. у Мазыры дзейнічалі бальніца на 125 ложкаў, два дыспансеры, тры станцыі: санітарная, малярыйная, пералівання крыві [6, 319].

Увогуле ў 1944 – першай палове 1945 гг. у Палескай вобласці былі адноўлены 23 бальніцы, 16 амбулаторый, 14 жаночых кансультацый, 6 дзіцячых ясель, 10 санэпідэманстанцый, 1 малярыйная станцыя, 1 тубдыспансер, 1 вендыспансер, 51 сельскі ўрачэбны ўчастак, 107 фельчарска-акушэрскіх пунктаў. Дзякуючы прынятым мерам была поўнасьцю ліквідавана эпідэмія

сыпного тыфу, праведзена значная работа па ліквідацыі захворвання на каросту [9, 90].

Санітарна-эпідэміялагічны стан у значнай ступені быў звязаны з чысцінёй у горадзе і яго добраўпарадкаваннем. Пастановай Мазырскага гарвыканкама ад 23 студзеня 1944 г. прадпісвалася, што “все руководители учреждений и владельцы домов до 28 января 1944 г. обязаны были очистить от мусора находящиеся в их ведении дворы и прилегающие территории” [6, 3]. Кантроль за захаваннем чысціні ў горадзе быў ускладзены на міліцыю.

Значныя страты за час акупацыі былі нанесены сістэме адукацыі. За ваенны час ў Мазыры было знішчана 9 школ, у раёне ўсе 54 школьныя будынкі былі прыведзены ў непрыгоднасць [16]. Ужо ў лютым 1944 г. у горадзе пачалі дзейнічаць шэсць школ з агульнай колькасцю 960 вучняў, у студзені 1945 г. было ўжо 8 школ, у тым ліку: 1 сярэдняя, 3 сямігадовыя, 4 пачатковыя, у якіх навучалася 2180 вучняў і працавала 93 настаўнікі [17, 1].

Пастановай Савета Народных Камісараў БССР у лютым 1944 г. у Мазыры быў адкрыты настаўніцкі інстытут – першая вышэйшая навучальная ўстанова, якая пачала працаваць на вызваленай тэрыторыі БССР. Заняткі на яго трох аддзяленнях пачаліся ў кастрычніку 1944 г. Адначасова з настаўніцкім інстытутам у горадзе пачало дзейнічаць і педагагічнае вучылішча, якое рыхтавала настаўнікаў пачатковых класаў для школ Палескага рэгіёна. Таксама для падрыхтоўкі настаўнікаў пачатковых класаў ствараліся курсы, на якіх у 1944/1945 навучальным годзе ў Палескай вобласці займалася 250 чалавек. Курсы па перападрыхтоўцы настаўнікаў гісторыі, географіі, матэматыкі і фізікі дзейнічалі і пры Мазырскім настаўніцкім інстытуце.

У пасляакупацыйны ваенны перыяд адным з галоўных накірункаў дзейнасці партыйных і савецкіх органаў быў ідэалагічны. На афіцыйным узроўні неаднаразова падкрэслівалася, што “трехлетняя оккупация не могла не оставить известных последствий у некоторой части населения”, што людзі ў час акупацыі былі не толькі пазбаўлены “правдивой информации о происходивших событиях, но и усиленно подвергались обработке вражеской пропагандой”, і таму патрэбна праяўляць “большевистскую бдительность и непримиримость” да ўсялякага роду дзеянняў “враждебных элементов”. На гэта звяртаў увагу П. Панамарэнка – Старшыня СНК БССР, сакратар ЦК КПБ(б), які падкрэсліваў, што нямецка-фашысцкія захопнікі ў часы акупацыі вялі “бешеную идеологическую войну против белорусского народа. Для этого они всеми силами стремились создать впечатление силы германского оружия с тем, чтобы подорвать веру нашего народа в неизбежную победу Советского Союза над фашистской Германией, парализовать волю к борьбе, привить идеологию рабского повиновения” [18, 6].

Асобая ўвага надавалася выхаванню моладзі. Выкладанне ў школах было глыбока ідэйным, палітычна завостраным. Вучні выходзілі ў духу нянавісці да ворага і непахіснай веры ў перамогу савецкага ладу. На абласной нарадзе настаўнікаў, што адбылася ў Мазыры ў жніўні 1944 г., падкрэслівалася, што “трэба больш і лепш папулярызаваць гераічную барацьбу Чырвонай Арміі і на гэтым выходзіць патрыятызм, любоў да сваёй Радзімы ў сэрцах савецкай дзетвары” [19].

Любоў да Бацькаўшчыны самі мазырскія педагогі яскрава праявілі ў гады вайны. Так, настаўнік матэматыкі Мазырскага педвучылішча Дубінін Павел Іванавіч у часы акупацыі распаўсюджаў сярод насельніцтва зводкі Саўінформбюро. Сярод удзельнікаў Мазырскага падполля значную колькасць складалі настаўнікі: Канстанцін Васільевіч Катлінскі, Надзея Васільеўна Замыка, Авер’ян Сцяпанавіч Мураўёў, Васіль Філіпавіч Хархалёў, Таццяна Яўстраф’еўна Есьман і інш. Настаўнікі-падпольшчыкі зрывалі адпраўку моладзі ў Нямеччыну, здолелі зрабіць так, што за часы акупацыі немцы так і не змаглі адкрыць ніводнай школы ў Мазыры.

Такім чынам, у студзені 1944 г. у Мазыр – цэнтр Палескай вобласці – вярнулася Савецкая ўлада. Пад кіраўніцтвам партыйных і савецкіх органаў пачалося аднаўленне народнай гаспадаркі, шмат было зроблена па барацьбе з захворваннямі і развіцці адукацыі. Улада клапацілася аб сем’ях франтавікоў, інвалідах вайны і шматдзетных маці.

І ў той жа час існаваў пэўны недавер з боку ўлады да людзей, якія тры гады пражылі пад нямецкай акупацыяй. У сувязі з гэтым адным з галоўных накірункаў дзейнасці ўладных структур таго часу была ідэалагічная работа сярод насельніцтва.

Літаратура

1. Кузьменка, У. Беларусь пасля вызвалення (восень 1943–вясна 1945 гг.) / У. Кузьменка // Беларус. гіст. часоп. – 2004. – № 8. – С. 35–39.
2. Загад Вярхоўнага Галоўнакамандуючага // Савецкая Беларусь. – 1944. – 17 студз. – С. 1.
3. Мурашка, М. Н. Гомельшчына пасля акупацыі: праблемы аднаўлення (1943–1945) / М. Н. Мурашка, В. А. Міхедзька // Гомельшчына ў Вялікай Айчыннай вайне: матэрыялы навук.-практ. канф., прысвеч. 60-годдзю Вялікай Перамогі, Гомель, 7–8 крас. 2005 г. / ГДУ імя Ф. Скарыны; рэдкал.: В. А. Міхедзька (адк. рэд.) [і інш.]. – Гомель, 2005. – С. 156–165.
4. Пропаганда и агитация в решениях и документах ВКП(б). – М.: ОГИЗ, 1947. – 480 с.
5. Памяць: гіст.-дак. хроніка Мазыра і Мазырскага р-на / уклад. М. А. Копач, В. Р. Феранц; маст. Э. Э. Жакевіч. – Мінск: Маст. літ., 1997. – 574 с.
6. Занальны дзяржаўны архіў у г. Мазыры (ЗДАМ). – Ф. 172. – Воп. 2. – Спр. 3.
7. ЗДАМ. – Ф. 172. – Воп. 2. – Спр. 2.
8. Памяць. Беларусь: Рэсп. кн.: Энцыкл. / Б. І. Сачанка (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларус. энцыкл., 1995. – 624 с.
9. Седьмая сессия Верховного Совета БССР, 3–5 июля 1945 г.: стенографический отчет. – Минск: Госиздат БССР, 1947. – 178 с.

10. Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне, 1941–1945: энцыкл. / рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БелЭС, 1990. – 780 с.
11. ЗДАМ. – Ф. 172. – Воп. 2. – Спр. 1.
12. ЗДАМ. – Ф. 172. – Воп. 2. – Спр. 6.
13. Напрэеў, Л. А. Год вольнай працы на вызваленнай зямлі. Слаўная гадавіна / Л. А. Напрэеў // Большэвік Палесся. – 1945. – 14 студз. – С. 2.
14. История Белорусской ССР: в 2 т. / под общ. ред. Л. С. Абецедарского [и др.]. – Изд. 2-е, дополн. – Минск: Изд-во АН БССР, 1961. – Т. 2. – 702 с.
15. Никитин, А. Мозырь: Историко-экономический очерк / А. Никитин, Е. Зальцман. – Минск: Беларусь, 1973. – 95 с.
16. Аляксандраў, С. Глыбей удумвацца ў жыццё школ / С. Аляксандраў // Большэвік Палесся. – 1945. – 3 крас. – С. 3.
17. ЗДАМ. – Ф. 172. – Воп. 2. – Спр. 9.
18. О работе отделов кадров партийных органов. – Минск: Госиздат БССР, 1945. – 280 с.
19. Абласная нарада настаўнікаў // Большэвік Палесся. – 1944. – 23 жн. – С. 1.

Т. Н. Сыманович

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ НА МОЗЫРЩИНЕ В 1945–1965 гг.

Освобождение Беларуси от немецко-фашистских захватчиков позволило сразу же начать восстановление системы народного образования, учреждений науки и культуры, которые были разрушены либо полностью уничтожены немецко-фашистскими оккупантами. Одновременно на государственном уровне была разработана перспективная Программа развития системы образования на 1946–1950 гг., соответствующая задачам постепенного перехода от социализма к коммунизму. В области просвещения ставилась задача осуществления обязательного начального обучения и перехода ко всеобщему семилетнему обучению [1, 454].

Уже к 1950 году показатели экономического развития Полесской области, как и БССР в целом, превысили довоенный уровень. Это создавало хорошую материальную базу для развития системы народного образования. Кроме того, следует отметить, что за годы первой пятилетки повысилось материальное благосостояние и культурный уровень советских людей, что также способствовало более эффективному развитию системы просвещения.

В первом после освобождения учебном году школы работали в тяжелых условиях, не хватало учебников, наглядных пособий, письменных принадлежностей. Нехватка учебных площадей на территории области вынуждала проводить занятия в школах в две, а иногда и в три смены. Распространенным явлением были самодельные буквари.

Развитие школ Полесского региона сдерживалось из-за нехватки учителей. Если перед войной в школах Полесской области работало 9,2 тыс. учителей, то в конце 1944/45 учебного года их насчитывалось 2,1 тыс. человек. Высшее образование из них имели 503 человека, большая часть учителей вообще не имела педагогического образования [2].

Острую потребность в педагогических кадрах приходилось удовлетворять путем подготовки молодых учителей на краткосрочных курсах. Эта часть учительства еще не имела достаточного опыта, но его недостаток в значительной мере компенсировался энтузиазмом в работе, горячим стремлением овладеть педагогическим мастерством.

Работа по подготовке педагогических кадров для Полесского региона поднялась на качественно новый уровень с открытием Мозырского учительского института в 1944 году.

Дальнейшее развитие народного просвещения в 1946–1950 гг. шло в соответствии с задачами пятилетнего плана в направлении осуществления начального и перехода ко всеобщему семилетнему обучению. Борьба за всеобщее семилетнее обучение в послевоенные годы имела исключительно большое значение, так как от этого зависело расширение сети профессиональных и средних специальных учебных заведений, что было вызвано все возрастающей потребностью в кадрах средней квалификации. Одновременно с этим важно было всячески расширять сеть средних школ с тем, чтобы подготовить контингент для высших учебных заведений. В первые послевоенные годы наблюдалась явная диспропорция между количеством выпускников средних школ и плановыми цифрами набора в высшие учебные заведения (1577 человек на 4,5 тыс. мест) [1, 455].

XIX съезд КПБ (1949 г.) принял решение о введении в 1949/50 учебном году обязательного семилетнего обучения. Всеобщим обучением необходимо было охватить всех детей и подростков в возрасте от 7 до 15 лет, которые проживают в городах и поселках городского типа, а в сельской местности охватить учебой в V классе всех выпускников четвертых классов. Съезд также поставил задачу увеличения контингента учеников VIII–X классов как в городе, так и в деревне. Для решения этой задачи необходимо было резко увеличить количество семилетних школ. На протяжении 1949–1950 гг. количество данных школ на территории Полесской области превысило уровень 1940 г. Созданная сеть школ обеспечила семилетний всеобуч.

Большое значение в осуществлении всеобщего обучения имела материальная помощь, которую оказывали правительство и общественность школе в организации горячего питания, приобретении одежды и обуви для учащихся. Исключительным вниманием и заботой были окружены дети погибших воинов и инвалидов Великой Отечественной войны, а также дети с физическими недостатками. Открывались спе-

циальные школы для глухонемых, слепых и умственно отсталых детей, где кроме общеобразовательных знаний, ученики получали трудовую, профессиональную подготовку в слесарных, столярных, швейных и других мастерских. При этих школах имелись интернаты, дети находились на полном государственном обеспечении.

На территории Полесской области, как и по всей стране, при школах и органах народного просвещения создавались Комитеты содействия всеобщему обучению. Повсеместно организовывались специальные фонды в помощь школам и ученикам. Из этих фондов в 1946/47 учебном году в Полесской области было бесплатно выдано ученикам 85 тыс. единиц разной одежды и 10 тыс. пар обуви [3].

Параллельно развивалась сеть вечерних школ. Еще летом 1943 г. СНК СССР принял постановление об обучении подростков, которые работают на предприятиях. В 1944 году правительство СССР приняло решение об организации вечерних школ сельской молодежи при МТС, совхозах и колхозах. Две вечерние школы были открыты в г. Мозыре [4].

Правительство требовало от советских органов, руководителей предприятий и учреждений создания необходимых условий для обучения в вечерних школах рабочей и сельской молодежи. Для лиц, которые учились в этих школах, были установлены дополнительные отпуска на период экзаменов с сохранением заработной платы. В основу учебно-воспитательной работы в вечерней школе были положены программы общеобразовательной школы.

Школы рабочей и сельской молодежи стали постоянно действующими учебными заведениями. Они комплектовались педагогическими кадрами, имеющими соответствующее образование. В работе школ для взрослых большое внимание уделялось вопросам связи обучения с производством. Многие из выпускников вечерних школ поступали на заочные и вечерние отделения высших и средних специальных учебных заведений.

С целью трудового воспитания учащихся в общеобразовательных школах создавались учебные мастерские. Совет Министров СССР в 1952 г. разрешил предприятиям и ведомствам бесплатно передавать школам оборудование, которое не использовалось на производстве, но могло быть пригодным для политехнического обучения. Предприятия Полесской области передали школам много тракторов, автомобилей, двигателей внутреннего сгорания, станков по обработке металла и древесины и др. [4].

Наряду с восстановлением школ постепенно восстанавливалась и расширялась сеть внешкольных детских учреждений: Дворцы пионеров, технические станции, станции юных натуралистов, спортивные школы. Увеличилось количество детских музыкальных школ.

Разнообразные массовые мероприятия, которые проводили внешкольные учреждения, содействовали развитию детских способностей и талантов в области искусства и технического творчества. Интересную работу развернули Мозырский Дом пионеров, Станция юных техников, Детская музыкальная школа.

В начале 1950-х гг. назрела необходимость по-новому решить вопрос о роли общеобразовательной школы в общественной жизни страны. Стало очевидно, что прежняя целевая установка школы устарела и было бы неправильно ограничивать ее функции только подготовкой абитуриентов для высших учебных заведений. Количество выпускников средней школы с каждым годом увеличивалось, основная их масса должна была непосредственно включаться в производственную деятельность. В обязанность школы ставилось осуществлять политехническую подготовку, привлекать учеников к производственному труду, прививать практические умения и навыки.

В 1954 году началась работа по внесению в учебный план и программы некоторых корректив, продиктованных задачами политехнического обучения и трудового воспитания. Новый учебный план, введенный в 1954 году, явился необходимым условием для осуществления первых шагов на пути политехнизации школы [1, 463]. Было увеличено количество часов на предметы физико-математического и биологического циклов, удельный вес которых (вместе с черчением) составлял 35% учебного времени.

Новый период в развитии образования Полесского региона начался с 1959 г. В этом году сессия Верховного Совета БССР утвердила Закон о школе в Беларуси. В Законе предусматривалось введение всеобщего обязательного восьмилетнего образования, превращение школ с десятилетним сроком обучения в средние одиннадцатилетние рабочие политехнические школы с производственным обучением, расширение сети заочных и вечерних школ, разработка и введение новых, усовершенствованных учебных планов, программ и учебников, укрепление учебно-материальной базы школы. Работа в данном направлении осуществлялась во всех школах Мозырщины. В районном центре действовало 5 трудовых школ, 2 вечерние школы [2]. Продолжалась работа по развитию сети школ-интернатов. Новым явлением в работе школ стало открытие групп продленного дня. С 1 сентября 1960/1961 уч. года группы продленного дня стали действовать во всех школах г. Мозыря.

В учреждениях образования Полесского региона систематически контролировалось выполнение всеобщего обучения, и материалы проверок обсуждались на заседаниях городского и районного исполкомов, городского и районного Советов депутатов.

Однако, несмотря на мероприятия, проводимые в регионе, в отдельных населенных пунктах Закон о всеобщем обучении исполнялся не полностью из-за неудовлетворительной постановки учебно-воспитательной работы, что приводило к оттоку учеников. Из школ в основном выбывали неуспевающие ученики, и поэтому всеобщее обучение становилось, прежде всего, педагогической проблемой.

Партийные органы и органы народного образования провели значительную работу по улучшению качества и активизации методов обучения и усилили среди родителей пропаганду необходимости получения их детьми восьмилетнего образования, навели порядок по учету детей школьного возраста.

В 1960/1961 уч. году в школах Полесского региона на второй год было оставлено 1789 учеников 1–7 классов. Из общего количества детей, выбывших из школ по завершению семилетнего образования, 34% составляли второгодники [2]. В некоторых школах встречались случаи неправильного использования фондов всеобуча, существовала недопустимая практика перевода неуспевающих и недисциплинированных учеников школьного возраста в вечерние школы. Данные факты подвергались тщательному анализу со стороны партийного и советского руководства, сделанные выводы легли в основу дальнейшей работы по переводу средних школ на обязательный восьмилетний срок обучения. Были предприняты меры по укреплению отстающих школ квалифицированными кадрами, по активизации деятельности депутатских комиссий. Комсомольские органы создали во всех населенных пунктах Полесья посты и штабы всеобуча, организовали шефства бригад ударников коммунистического труда над школами и микрорайонами [3].

Массовый характер в рассматриваемый период приобрело заочное и вечернее образование. Практически во всех школах создавались учебные мастерские.

Политехническая подготовка углублялась и дополнялась в 9–11 классах изучением машиноведения и электротехники. Серьезное внимание уделялось эстетическому и физическому воспитанию школьников. С 1 по 8 класс вводилось пение. На физическую культуру отводилось 800 часов вместо 680. В выпускных классах средней школы вводилось обществоведение.

В новых учебных планах восьмилетней школы на изучение общеобразовательных предметов отводилось 7709 часов вместо 6528 в семилетней. Принципиальное отличие программ восьмилетней от программ семилетней школы состояло в том, что в них наиболее полно определено содержание систематических курсов основ наук, политехнического обучения и трудового воспитания учащихся.

Новые программы освобождались от лишнего и устаревшего материала, обращалось внимание на повышение научного уровня преподавания

физики, химии, биологии, увеличился удельный вес лабораторных и практических заданий, больше внимания уделялось трудовому воспитанию.

В выпускных классах средней школы вводилось обществоведение. Кроме того, в восьмилетней школе давались важные сведения по новой и новейшей истории и истории БССР в курсе истории СССР.

Следует отметить, что в осуществлении Закона о школе была проявлена определенная поспешность. Практически до середины 1980-х гг. оставались нерешенными важнейшие вопросы педагогической науки о соотношении общего, политехнического и профессионального образования в средней школе, о содержании и сроках производственного обучения учеников старших классов. Плановые органы не проанализировали возможности создания учебно-материальной базы. Дополнение программ новыми разделами и сведениями без изменения их структуры значительно расширило объем учебного материала и увеличило учебную нагрузку школьников, особенно за счет производственного обучения.

В 1965/1966 уч. году школы перешли на изучение курса истории, построенного по линейному принципу [1]. В связи с подготовкой к празднованию 50-летия Октябрьской революции в школах Мозыря и Мозырского района на уроках истории особенно большое внимание уделялось воспитанию учеников на революционных и трудовых традициях советского народа. На уроках истории начинают работать с первоисточниками (произведения К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Ленина), справочным материалом, статистическими данными и т. д. Внеклассная учебно-воспитательная работа по истории осуществлялась и через создание краеведческих музеев, Музеев боевой славы при школах. Первый школьный Музей боевой славы в Мозыре был открыт в СШ № 4.

Таким образом, в течение 1945–1965 гг. на территории Мозыря и Мозырского района была восстановлена и получила дальнейшее развитие система народного образования, деятельность которой направлялась, в первую очередь, на решение задач социально-экономического и культурного развития Мозырского Полесья.

Литература

1. Нарысы гісторыі народнай асветы і педагагічнай думкі ў Беларусі / рэд. калегія: С. А. Умрэйка [і інш.]. – Мінск: Народная асвета, 1968. – 634 с.
2. Государственный зональный архив в городе Мозыре. – Фонд 60. – Оп. 1. – Д. 706. – Л. 55.
3. Государственный зональный архив в городе Мозыре. – Фонд 60. – Оп. 1. – Д. 702. – Л. 75.
4. Государственный зональный архив в городе Мозыре. – Фонд 60. – Оп. 1. – Д. 39. – Л. 318.

С. В. Телень

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИДЕОЛОГИЯ И ПРОПАГАНДА В РАННЕЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Изучение идеологической практики в ее различных исторических формах остается неизменно актуальным. Так, большое научное значение имеет исследование государственной идеологии ранней Римской империи. Соответствующая работа нами проводилась в ходе выполнения в 2004–2006 гг. исследования «Военно-политический аспект системы принципата в ранней Римской империи» по заданию Белорусского республиканского Фонда фундаментальных исследований (договор подряда Г04М – 064).

Обращение к идеологической составляющей военной монархии в Риме периода становления Империи, т. е. времени принципата, побудило нас уделить внимание как собственно идеологии принципата, так и ее пропаганде, особенно в армейской среде. Для новых властителей мировой державы было жизненно важно, чтобы в отредактированный соответствующим образом общественно-политический «римский миф» верили не только жители Италии, но и провинциалы, а также, конечно, армия. В эту эпоху получила развитие невиданная по своим масштабам и многообразию приемов система государственной пропаганды. Лозунг «Res publica restituta» – «Возвращенная республика» был обращен, главным образом, к римско-гражданскому населению. Обозначал он возвращение к республике идеальной, к республике легендарных предков, какой она представляла в данном общественно-политическом мифе. А потому основным здесь было не восстановление в прежнем виде институтов республиканской власти, а восстановление внутреннего согласия римской гражданской общины.

Создатели принципата постарались учесть опыт государственной пропаганды Афин эпохи Перикла и эллинистических государств. Важнейшим средством утверждения обновленного «римского мифа» стало монументальное зодчество. Речь идет не только об Алтаре мира и Августовом форуме в самом Риме. Засвидетельствовать наступление «золотого века» была призвана грандиозная программа строительства общественных зданий – храмов и портиков, форумов и крепостных стен, развернувшаяся в тысячах больших и малых городов от Атлантики до Закавказья и от Британии до Сахары [1, 435].

Строительные работы сопровождались созданием эпитафических памятников. Именно с Августа, прекрасно понимавшего пропагандистскую силу высеченного в камне слова, начинается феномен римской имперской эпитафики. Известно, что от всего республиканского периода сохранилось 3000 монументальных надписей, тогда как от эпохи Империи, прежде всего принципата, – около 300000 [2, 7]. Так, например, в стиле мону-

ментальной эпиграфики были исполнены и растиражированы по крупным городам империи знаменитые «Деяния Божественного Августа», которые можно расценивать как манифест «римского мифа» [3, 7].

Отметим также такое средство пропаганды «римского мифа», как государственные праздники. С 17 г. до н. э. возобновляются «вековые» игры. Они были проведены раньше назначенного срока. Дело в том, что в 49 г. до н. э. «вековые» игры не проводились по причине гражданской войны. Август выбрал комету, пролетевшую над небом Вечного города в 17 г. до н. э., как знак небес, призывающий провести, наконец, отложенные «вековые» игры. Тем самым подводился итог череды гражданских войн и провозглашалось вступление в жизнь нового поколения, призванного жить в «золотом веке». Впоследствии «вековые» игры стали проводиться часто, в нарушение хронологической последовательности. Следующие «вековые» игры состоялись в 47 г. при Клавдии (в связи с 800-летием Рима). Затем их провел Домициан в 88 г. Столетние игры проводили также императоры Антонин Пий в 149 г., Септимий Север, Галлиен. Филипп Араб организовал игры «тысячелетия». «Государственный век» все более стал ассоциироваться с периодом правления данного правителя. Кроме того, проводились Пифии, Дионисии, игры, посвященные конкретным императорам. Атмосфера частых и потрясающих по своему размаху и роскоши публичных зрелищ должна была поддерживать в людях уверенность в том, что они живут в счастливейшие из времен.

Важным средством имперской пропаганды, начиная с Августа, стала монетная чеканка. Август – первый из императоров, кто запечатлел на монетах проведенные в период своего правления «вековые» игры. Эта практика была продолжена другими императорами-устроителями «вековых» игр: Клавдием, Домицианом, Антонином Пием, Септимием Севером, Филиппом Арабом, Галлиеном. Свое отражение в легендах монет находили также Пифии, Дионисии, игры, посвященные отдельным императорам [4, 492–493]. Монеты такого рода часто предназначались для раздачи солдатам. Армия, будучи главным ресурсом императорской власти, должна была быть подвергнута соответствующей идеологической обработке в первую очередь.

Не удивительно, что последний из великих римских завоевателей – император Траян выпустил целую серию копировавших республиканские денарии II–I вв. до н. э. монет с изображением божеств и обожествленных понятий «римского мифа» [5, 31–32]. На монетах Антонина Пия мы видим воплощение нового века – младенца Юпитера на спине козы Амальфии, Рею Сильвию, Капитолийскую волчицу с близнецами и орлом, Энея и Аскания, Энея и Турна, Нуму, Тарквиния Древнего и авгура Атта Навия, поединок Горациев и Куриациев, переплывающего Тибр Горация Коклеса [4, 391, 576].

Большая серия монетных выпусков 140–152 гг. посвящена Гераклу-Геркулесу. На них мы видим Геракла в саду Гесперид, получающего приветствия после схватки с огнедышащим великаном Какос, сидящего с дубиной в руке на скале, венчаемого Викторией у алтаря [4, 392, 576]. Ромул запечатлен на монетах Коммода, который пытался выступить в качестве переоснователя Вечного Города [6, 292–297].

Монеты эпохи Антонинов часто воспроизводят статуарные изображения античных мифологических героев, выполненные зодчими греческой классики. Моду на греческий классицизм, как известно, стал утверждать еще Август. На его денарии в образе коровы представлена Ио, повторенная затем на ауреусе Веспасиана. Как обнаружил российский исследователь М. Г. Абрамзон, этот мотив, распространенный на римских фресках и геммах, служил репликой скульптурного шедевра Мирона [7, 128].

На монетах и конторниатах, датируемых, главным образом, эпохой Антонинов, изображались Прометей, лапифы с кентаврами, герои произведений Гомера – Одиссей, Ахилл, сам Гомер [7, 121]. Статуи мифологических персонажей, исполненные мастерами греческого классицизма, появлялись на местных монетных выпусках. Так, например, Афина и Марсий Мирона представлены в чеканке города Апамеи, а фидиевский Зевс – на монетах Элиды и Олимпии [7, 128]. Мифологические образы на имперских монетах появлялись в связи с юбилейными датами в истории Вечного города, победами римского оружия и как проявление своеобразной культурной пропаганды принцепсов [7, 120–133].

Важно, что большинство монет с мифологическими сюжетами являлись императорскими подарками – донативами, т. е. как раз предназначавшимися для награждения солдат [4, 391]. Особое распространение использовавшихся в качестве медальонов-конторниатов ассов с мифологическими сценами при Антонинах объясняется не только усиленной пропагандой при Адриане и Антонине Пие идей «золотого века» и стремлением связать свое правление с римской древностью. Мифологические сюжеты в монетной чеканке являлись также эффективным средством приобщения солдат к морально-политическим ценностям «римского мифа» и к началам античной культуры. Дело в том, что при Антонинах в римской армии уроженцев Италии и эллинистического Востока было уже немного. И в легионы, и во вспомогательные войска во II веке набирались, в основном, провинциалы, часто обладавшие правами римского гражданства, но весьма далекие от римской духовной традиции и античной культуры в целом. Армия становилась для них школой римлянства. Монеты-донативы, следовательно, играли роль не только платежного средства, но и выполняли образовательно-воспитательную функцию.

В III в., отмеченном многосторонним кризисом империи, обращенная к армии государственная пропаганда все более активно использует темы из

античной мифологии. Монетные выпуски императоров III в. отличаются особым разнообразием программ лозунгов, связанных с пропагандой «золотого века»: SAECULUM FRUGIFERUM (Плодоносящий век), SALVO AUGUSTO SAECULUM AUREUM (Золотой век спасителя-императора), SPES FELICITATIS ORBI (Счастливая надежда Рима), FELICITAS TEMPORUM (Счастливый век), ABUNDANTIA TEMPORUM (Щедрое время), CLEMENTIA TEMPORUM (Доброе время), AETERNITAS (Вечность), UBERITAS AUGUSTI (Изобилие Августа) [4, 477].

На первый взгляд, жесточайший кризис, в котором оказалась империя, едва ли совместим с «золотым веком», в наступлении которого пытались убедить своих подданных эмиссиями постоянно девальвируемых денег императоры-временщики. Между тем, именно в критические моменты истории наиболее явно и проявляются общественно-политические мифы в интегрирующей роли [3, 648].

Из персонажей «римского мифа» наиболее часто присутствует в монетной чеканке этого времени Капитолийская волчица. Помимо нумизматики этот персонаж пропагандировался и в монументальном зодчестве. При раскопках лагеря легиона I Italica в Новэ (Болгария) обнаружен массивный фундамент с надписью SIGNUM ORIGINIS и здравицей в честь Северов от лица легионного центуриона – примипила (ILN, 28). Как можно предположить, на фундаменте стояла статуя Капитолийской волчицы. Надпись же поясняла солдатам ее истинное значение, поскольку Iura по-латыни не только «волчица», но и «блудница» (ILN, 58). Можно полагать, что солдаты в конечном счете правильно понимали образ Капитолийской волчицы, поскольку ее изображение вместе с близнецами Ромулом и Ремом встречалось на ветеранских надгробных памятниках (IMS I (Singidunum), 32=CIL III 1666).

Август позаимствовал и распространенную в эллинистическом мире практику использования произведений глиптики для династической пропаганды. Вывезенные им из Александрии мастера стали изготавливать камеи и геммы, прославлявшие принцепса и членов его семьи. В число созданных египетскими мастерами творений входят упомянутые выше шедевры ювелирного искусства. Они не были украшениями в прямом смысле слова. И Августова, и Тибериева геммы могут рассматриваться как особый разряд фалер – воинских наград. О металлических бляшках – фалерах и фиалах, используемых для награждения римских воинов, рассказывал еще Полибий. С начала империи фалеры – своеобразные прототипы современных медалей – стали изготавливаться из стекла и полудрагоценных камней. Можно предположить, что при Августе и династии Юлиев-Клавдиев сложилась своеобразная иерархия фалер. Медали из металла являлись наградами низшего ранга. Они выдавались награжденному в виде целого набора из 5, 7, 9, 12 штук. Небольшие, до 6 см

в диаметре и сравнительно простые по исполнению, фалеры из стекла и полудрагоценных камней являлись, видимо, более престижной наградой. Они занимали центральное место среди наград, украшавших панцирь заслуженного легионера. Крупные и дорогие камеи, сложные по исполнению, являлись наградой для имперской элиты. Египетские мастера укоренили в римской глиптике эллинистическую традицию изображать властителей государства и членов их фамилии в виде богов, в том числе, олицетворяющих моральные добродетели, являющиеся неотъемлемой частью «римского мифа», а также в виде мифологических персонажей. Еще оппонент Октавиана в борьбе за власть Марк Антоний вместе с его царственной супругой Клеопатрой изображались на многочисленных александрийских геммах как Осирис и Исида, а их маленький сын – в виде Эроta [8, 73].

На Gemma Augustea, изготовленной в последние годы жизни Августа, принцепс изображен как Юпитер. На появившейся вскоре «Большой камее Франции» в виде Юпитера запечатлен уже принцепс Тиберий. При Августе распространился обычай изображать в виде богов и мифологических персонажей не только правителя, но и членов его семьи. Супруга Августа Ливия на монетах, в скульптуре и глиптике показывалась как PIETAS [7, 127].

Таким, образом, анализ нумизматического и иного источникового материала позволяет прийти к заключению, что в III в. происходит корректировка системы римских ценностей. Если FIDES (Верность) все еще в соответствии с традицией, связывается с верностью воинов, то VIRTUS (Доблесть) и PIETAS (Благочестие) – уже с добродетелями императора [7, 128]. Однако неизменной остается опора на идеологию «римского мифа». Главной его составляющей стал величественный образ государства, обязанного своим возникновением старореспубликанским добродетелям древнейших римлян. Среди этих добродетелей важнейшее место заняли воинские доблести. Закономерной стала эксплуатация в эпоху принципата темы качеств, воплощенных в мифологических образах и присущих полководцам и воинам, посвящающим себя Республике во имя идеи величия Рима. Характерный для древних римлян пафос государственности и величия родного города перерос в пафос мирового господства, когда вселенское владычество стало самоцелью. Так оформилась идеология Рима-миротворца, Рима-объединителя цивилизованного мира и человечества.

Литература

1. Kienast, D. Augustus, Prinzepe und Monarch / D. Kienast. – Darmstadt, 1982. – 658 s.
2. Alfoeldy, G. August i inskrypcje: tradycja i innowacje. Narodziny epigrafiki imperialnej / G. Alfoeldy. – Poznan., 1994. – 439 s.
3. Чернышов, Ю. Г. Социально-утопические идеи и миф о «золотом веке»: в 2 ч. / Ю. Г. Чернышов – Новосибирск: Изд-во Новосибирск. гос. ун-та, 1994. – Ч. 2. – 704 с.
4. Абрамзон, М. Г. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи / М. Г. Абрамзон. – М.: Изд-во РАН, 1995. – 644 с.

5. Абрамзон, М. Г. Римская армия и ее лидер по данным нумизматики / М. Г. Абрамзон. – Челябинск: Изд-во Челябинск. гос. ун-та, 1994. – 352 с.

6. Schroeder, S. F. Hadrian als neuer Romulus. Zum letzten Portraet Kaiser Hadrians / S. F. Schroeder // Madrider Mitteilungen. – 1995. – № 36. – S. 245–301.

7. Абрамзон, М. Г. Культурная политика Римской империи и ее пропаганда на монетах / М. Г. Абрамзон // Проблемы истории, филологии, культуры. – М.; Магнитогорск, 1996. – № 3, ч. 1. История. – С. 110–131.

8. Неверов, О. Я. Античные геммы в собрании Эрмитажа / О. Я. Неверов. – Ленинград: Изд-во Ленинград. гос. ун-та, 1988. – 447 с.

Список сокращений

CIL – Corpus Inscriptionum Latinarum, Berlin

ILN – Inscriptions latines de Novae, Poznan

IMS – Inscriptions de la Mesie Superieure, Beograd

В. А. Трезуб

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА СОВРЕМЕННОГО БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

Изменение фундаментальных социальных ценностей происходит в процессе социально-политического и экономического развития общества. Так, главной тенденцией культурного развития, трансформировавшей как мировые, так и постсоветские ценности, по мнению Г. Алмонда, является модернизация.

Другая тенденция, представляя собой один из вариантов модернизации, охватившая Восточную Европу, Восточную Азию и другие части развивающегося мира, выражается в демократизации.

Роль политических ценностей безусловно велика вне зависимости от типа самой политической системы. Политические ценности представляют по своей сути определённые нормы, идеалы и принципы, регулирующие политические отношения в обществе. Первое значение политических ценностей обусловлено их направленностью на мотивацию и человека в частности, и социума в целом. Анализ политических ценностей конкретного общества на определённом этапе своего развития даёт право не только понять действия участников (акторов) политического процесса, но и оценивать уровень развития конкретного общества на определённом историческом отрезке.

Политические ценности связывают отдельную личность и политическую власть, так как они задают определённые правила отношениям между людьми. Нормы, регулирующие властные отношения, выступают в качестве «универсальных правил политической игры», в отличие от специфических норм,

проявляющихся в экономике, религии и в других сферах человеческих взаимоотношений, которые можно показать «автономными универсумами, своего рода игровыми площадками, на каждой из которых игры ведутся по особым правилам, отличным от правил игры в соседнем пространстве» [1, 52].

Политические ценности представляют собой ядро политической культуры общества. Мы исходим из того, что **политическая культура – это исторически сложившаяся система политических знаний и убеждений, норм и ценностей, воплощающихся в политическом поведении людей и в практике функционирования политических институтов.**

Под культурой вообще принято понимать совокупность создаваемых людьми материальных и духовных ценностей, а также способность людей эти ценности создавать, использовать и потреблять. То же можно сказать и про политическую сферу. Культура политическая, будучи фрагментом общей культуры, должна включать в себя как определённые политические ценности, так и способность людей к их созданию, усвоению и использованию.

В политической культуре ключевым является создание, производство политических ценностей. Изобретение древними греками демократической формы правления, обоснование философами Нового времени необходимости признания неотчуждаемых прав и свобод человека можно воспринимать как акты творения политической культуры. Созданные как инструменты регуляции политических отношений и доказавшие свою практическую эффективность, эти политические институты и нормы становятся очевидными ценностями, т. е. регуляторами политического поведения индивида и на внешнем и на внутреннем уровне. Убеждённость людей в их безусловной важности, значимости, необходимости сохранения, а также готовность действовать соответствующим образом составляют ценностный каркас политической культуры.

Правда не все политические ценности имеют столь яркое выраженное институциональное и нормативное содержание. Есть и ценности более общего, абстрактного характера: политическая справедливость, свобода, равенство и пр. Они являются ценностями универсального характера и их создание нельзя приписать конкретному автору, это результат деятельности социума.

При этом сотворение политических ценностей это только полдела. Главное, что большинству населения их надо ещё и понять, усвоить и использовать по прямому назначению. Данный процесс протекает посредством интернализации т. е. принятия ценностей в качестве собственного убеждения. В данном случае они превращаются в движущий мотив политического поведения.

Стоит помнить, что политические нормы создают саму систему принципов политического порядка и организации общества, а также кодекс правил политической игры. Известный немецкий философ, политолог и

социолог М. Вебер писал: «Содержание социальных отношений мы будем называть «порядком» только в тех случаях, когда поведение (в среднем и приближенно) ориентируется на отчётливо определяемые максимы» [2, 36].

Очевидно, что порядок нарушается в условиях невозможности определения ценностных векторов движения. А именно дезориентация сковывает политическое сознание обычного человека в период осуществления изменения политической системы.

Системный политический кризис, охвативший СССР, затронул и этап становления суверенной Республики Беларусь. Стоит подчеркнуть, что это было только начало тяжёлого процесса перехода от авторитарной номенклатурно-бюрократической политической системы советского типа к демократической политической системе постиндустриального общества. Это было закреплено в четвёртой статье Конституции Республики Беларусь [3, 2].

Как известно, любой переход должен проходить в условиях рациональных политических решений, чёткого взаимодействия всех ветвей власти и социума, координации общих усилий по достижению поставленных политических целей.

Как и в России, трансформация политической системы в Беларуси проходила в ряд этапов.

Первый этап охватывает период с апреля 1985 по конец 1991 г., то есть с начала курса на реформирование советской модели развития и заканчивая денонсацией союзного договора. На данном этапе определяющую роль в модернизации политической системы сыграли изменения в сфере производственных отношений. В недрах социалистической системы осуществлялся в латентных формах непрерывный процесс первоначального накопления капитала.

Вслед за изменениями в сфере производственных отношений начались преобразования и политической системы. В феврале 1990 г. КПСС была лишена политической монополии. Устранение из политической системы социалистического типа коммунистической партии привело не только к разрушению самой партии, но и всей политической системы. Разрушению подвергся весь идеологический механизм, общественное сознание, система ценностей, а также система социальных гарантий и прав.

Второй этап охватывает вторую половину 1991 – июль 1994 гг. Этот период можно охарактеризовать как этап борьбы за власть и за выбор типа власти. Начинает складываться парламентская форма правления – полномочие Верховного Совета Республики Беларусь. Председатель Верховного Совета Республики Беларусь – глава государства. Правительство подотчётно парламенту. Нерешительность председателя Верховного Совета Республики Беларусь привела к тому, что власть концентрируется у Совета Министров

Республики Беларусь. В 1993 г. Верховный Совет Республики Беларусь дважды высказывался за введение поста Президента. Можно сказать, что именно на данном этапе системный кризис достиг своего пика. Данный кризис выражался в:

- 1) инфляции государственной власти сверху донизу;
- 2) противопоставлении законодательной и исполнительной власти, неработоспособности принципа разделения властей;
- 3) вакууме политического самоопределения многих граждан страны;
- 4) резком падении политической активности граждан;
- 5) падении интереса граждан к политической сфере;
- 6) спаде промышленного и сельскохозяйственного производства;
- 7) разрыве складывающихся столетиями внешнеполитических связей с ближним зарубежьем;
- 8) растущей смертности и безработице;
- 9) огромнейшем дефиците бюджета;
- 10) прогрессирующем обнищании больших масс белорусского населения, люмпенизации, углублении социального неравенства.

Проводимые реформы в денежно-кредитной и бюджетной сферах практически не были связаны с промышленной и аграрной отраслями, что ещё более усугубляло кризисные процессы.

После распада СССР на независимые государства была разрушена система традиционных хозяйственных связей, в которой БССР выступала «сборочным цехом» всего советского государства. Следствием этого стало резкое падение уровня жизни, увеличение количества безработных, снижение ВВП, галопирующая инфляция, отсутствие каких либо долгосрочных экономически обоснованных программ. Правящая элита, по сути, отказалась от определяющей роли государства в экономике, что являлось классической социалистической ценностью. Слепое копирование и прививание теоретических западных ценностных моделей в сфере экономики, таких как конкуренция, рыночная экономика, частная собственность в условиях иного типа мировоззрения и менталитета, постсоветского системного кризиса, охватившего все сферы общественной жизни, не могло принести сиюминутные успехи.

Произошли существенные изменения в системе политических ценностей. В условиях кризиса возникает своеобразное кризисное сознание. Значительно изменились политические ориентации и политическое сознание людей, кардинальным образом поменялись установки. Власть практически уничтожила общепринятые социальные и нравственные идеалы, резко деградировало дошкольное и внешкольное воспитание.

Третий период модернизации политической системы продолжался со второй половины 1994 по ноябрь 1996 гг. Президент и исполнительная власть сразу же стали принимать меры по повышению уровня управляемости в стране.

Четвёртый этап начинается после ноябрьского референдума 1996 г., когда начинается выстраивание полноценного белорусского правового государства.

Особенностью данной трансформации является сильная ориентация социума на органы государственной власти. Если проанализировать функции главы государства, то в первую очередь стоит выделить, что Президент – гарант прав и свобод человека и гражданина, Президент – арбитр во взаимодействиях органов государственной власти. Таким образом, ввиду особенностей государственного строительства в Беларуси, Президент с помощью авторитетной, монолитной и стабильной государственной власти выступает гарантом построения правового государства и гражданского общества. Несомненно, что большую роль в осуществлении демократизации Беларуси сыграл Президент А. Г. Лукашенко. «Программа, с которой Лукашенко шёл на выборы, отвечала коренным интересам белорусского народа. Поэтому победа вполне законна. Во многом её предопределила и личность тогда претендента, а ныне Президента. Лукашенко – человек мужественный, волевой, от земли. Он не только говорит, но и делает. В данный момент стремится хоть как-то приостановить падение республики в пропасть экономического хаоса» [4, 112].

На мой взгляд, было бы обоснованным на современном этапе развития независимого белорусского государства конструировать политический процесс исходя из разумного соотношения ценностей рыночной представительской демократии и сильного правового государства. К важнейшим ценностям представительской демократии (рыночной демократии) можно отнести:

- 1) политический плюрализм;
- 2) свобода идеологий;
- 3) свобода выражения политических суждений и согласующееся с этим наличие разнообразных средств массовой информации;
- 4) свобода артикуляции политических интересов и согласующееся с этим наличие развитой многопартийной системы.

Под ценностями сильного правового государства стоит понимать: суверенитет народа, конституционно-правовую регламентацию государственного суверенитета, всеобщность права, его распространение на всех граждан, организации и учреждения, разделение законодательной, исполнительной и судебной властей государства.

Особенностью развития белорусского государства на современном этапе является то, что часть участников политического процесса, находящихся в оппозиции к органам государственной власти, не считают нужным участвовать в выборах, а если и участвуют, то заранее объявляют их недемократическими. Данное политическое поведение является нецелесообразным, и оно не содействует строительству цивилизованного механизма взаимодействия акторов политического процесса.

Политические ценности испытывают на себе влияние ментальности, самосознания, самоидентификации носителей этих ценностей. Особенностью белорусского общества является его социокультурная самобытность. Характерными чертами сознания большинства социума выступает религиозная и национальная толерантность, склонность к мирному урегулированию конфликтов и гуманизм.

Белорусское общество в ценностном отношении невозможно охарактеризовать посредством какой-то одной категории. В ней присутствуют и социальные общности с доминирующими традиционными ценностями, и социальные группы с социалистическими ценностями (в основном старшее поколение), социальные группы – приверженцы ценностей современности.

Учитывая современную политическую реальность, очевидно, что идеологическим фундаментом белорусского демократического общества может стать система, объединяющая три содержательных элемента:

- 1) ценности национального самосознания (Родина, долг, семья, традиции);
- 2) ценности гражданского общества и правового государства (свобода и права человека, законность, механизм разделения власти, социальная справедливость);
- 3) общечеловеческие моральные ценности (совесть, милосердие, добро, истина, справедливость).

Практика трансформирующихся государств доказала, что одним из ключевых стержней преобразований является сильный государственный аппарат, регулируемый четкими нормами и правилами. Особенностью белорусской модели перехода является необходимость наличия сильного, авторитетного политического лидера, способного руководить внутренней и внешней политикой независимого государства. Ситуация в Беларуси показывает, что нынешний Президент Беларуси А. Г. Лукашенко стимулирует динамику политического процесса на современном этапе в соответствии с политическими ценностями и ориентациями большинства белорусских граждан.

Таким образом, можно отметить, что динамика политических ценностей современного белорусского общества во многом обусловлена распадом СССР, а значит, и отказом от доминирующей роли социалистических ценностей, а также трансформацией политической системы. В наши дни происходит диалог ценностей предыдущих периодов развития белорусской государственности и общества с современными ценностями, находящимися в процессе системной трансформации.

Литература

1. Ильин, М. В. Слова и смыслы: Политика. Республика. Конституция. Отечество / М. В. Ильин // Полит. исследования. – 1994. – № 4. – С. 47–61.

2. Арон, Р. Этапы развития социологической мысли / Р. Арон. – М., 1993. – 369 с.
3. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Минск, 2005. – 20 с.
4. Тихиня, В. Г. Тернистый путь к правовому государству / В. Г. Тихиня. – Минск, 1999. – 189 с.

М. Б. Урыцкі

УСТАЛЯВАННЕ АКУПАЦЫЙНАГА РЭЖЫМУ НА ТЭРЫТОРЫІ КАЛІНКАВІЦКАГА РАЁНА

19 жніўня пасля надзвычай цяжкіх баёў немцы ўварваліся ў Гомель, і стварылася рэальная пагроза акружэння часцей Чырвонай арміі ў раёне Калінкавіч. Рэшткі Чырвонай Арміі з баямі адышлі за Прыпяць. Абаронцы горада ўзарвалі бронепаязды, якія абаранялі раённы цэнтр, а потым і сам чыгуначны вузел. 21 жніўня 1941 г. нямецкія войскі ўвайшлі ў Калінкавічы.

З першага дня акупацыі гітлераўскія заваёўнікі адчувалі сябе на захопленай тэрыторыі гаспадарамі. Ва ўмовах акупацыйнага рэжыму Беларусь падлягала карэнным зменам. На тэрыторыі Палескай вобласці былі ўтвораны Ельская, Мазырская, Васілевіцкая і Петрыкаўская акругі, якія ўваходзілі ў склад генеральнай акругі “Жытомір” рэйхскамісарыята “Украіна”. Тэрыторыя Калінкавіцкага раёна ўвайшла ў склад Мазырскага гебітскамісарыята. У Мазыры размясціліся органы акупацыйнай улады: гебітскамісар, контрразведвальныя і карныя органы, паліцыя бяспекі і СД. [1, 200–201].

У Калінкавічах немцы размясціліся ў ваенным гарадку, у ветлячэбніцы, занялі некалькі будынкаў у раёне вакзала [2, 2]. У верасні 1941 г. у горадзе былі адчынены гарадская і раённая ўправы, паліцыя, лясніцтва. У гэтым жа месяцы пачалі працаваць млын, сталовая, лесапілка, электрастанцыя. У горад пачалі вяртацца бежанцы, якія не паспелі з’ехаць з горада.

Бургамістрам раёна быў прызначаны Васіль Гарашчук, якога немцы праз некаторы час расстралялі, намеснікамі бургамістра – Яўген Дмахоўскі і Іван Бажко. Начальнікам паліцыі стаў Андрэй Петухоў. За службу ў нямецкіх установах улады плацілі грошы, давалі дамы, жывёлу, паёк, абмундзіраванне. На вуліцах з’явіліся нямецкія патрулі і паліцаі з белымі павязкамі на рукавах [3, 3].

Пасля прыходу фашысты пачалі шукаць прыхільнікаў сярод мясцовага насельніцтва. Нямецкі прапагандысцкі апарат імкнуўся прыцягнуць жыхароў да супрацоўніцтва. Міністэрства па справах акупіраваных усходніх тэрыторый выдала загад, які дазваляў вяртаць былым гаспадарам маёмасць, канфіскава-

ную савецкай уладай. Быў дазволены дробны гандаль, прыватная практыка медыцынскім і некаторым іншым работнікам, дапускалася валоданне саматужнымі прадпрыемствамі, майстэрнямі, крамамі, была праведзена зямельная рэформа. Зямлю абяцалі ў першую чаргу тым, хто падтрымае “новы парадак”, нямецкую армію і адміністрацыю.

Асноўным заняткам вясковага насельніцтва ва ўмовах акупацыі заставалася сельская гаспадарка. У гарадах і рабочых пасёлках, каб выжываць неабходна было знайсці працу на прадпрыемствах ці ў акупацыйных установах, што азначала супрацоўніцтва з уладамі, або займацца гандлем, абменам рэчаў на прадукты, саматужнымі промысламі.

Першачарговай задачай акупантаў было аднаўленне чыгуначнага вузла. Вузлавая станцыя Калінкавічы мела стратэгічнае значэнне ў забеспячэнні войскаў. У першыя дні немцы сабралі ўсіх чыгуначнікаў і прымусілі іх аднаўляць вузел. Але работа не ладзілася: не было патрэбных матэрыялаў, інструментаў, не хапала спецыялістаў. Ухіленне ад работы разглядалася як сабатаж.

Насельніцтва было пазбаўлена ўсялякіх грамадзянскіх правоў, свабоды, уведзілася надзвычайнае становішча [4, 1–2]. Жыццё ў горадзе было распісана і абмежавана шматлікімі загадамі і распараджэннямі каманданта, бургамістра і начальніка паліцыі. Кожны загад утрымліваў бясконцыя “забараняецца”, “не дазваляецца”, “канфіскуецца”, “смяротная кара”.

Калінкавічы былі агароджаны калючым дротам. Нягледзячы на аддаленнасць ад фронту, было ўведзена асіднае становішча, з 8 гадзін вечара да 6 гадзін раніцы жыхарам горада не дазвалялася выходзіць са сваіх кватэр [5, 2].

Усё насельніцтва павінна было зарэгістравацца ва ўправе, якая размясцілася ў будынку былога Дома піянераў. Кожнаму ў пашпарце ставілі штамп, пыталі аб спецыяльнасці і ставілі на ўлік, каб пры неабходнасці мабілізаваць працаздольнае мужчынскае насельніцтва і моладзь на работу ў Германію або на аднаўленне прадпрыемстваў, неабходных нямецкім уладам. На рэгістрацыю людзі ішлі неахвотна, пакуль не з’яўляўся паліцай і, пагражаючы арыштам ці расстрэлам, прымушаў выконваць загад. Рабочых, узятых на ўлік, выклікалі на работу. Хто не з’яўляўся, прыводзілі пад канвоем [6, 13].

Пасля правядзення рэгістрацыі немцы фактычна падзялілі насельніцтва: адны павінны былі працаваць, а другія, у асноўным яўрэі, павінны быць знішчаны. Ім было прадпісана прышыць на верхнюю вопратку жоўты круг ці шасцікутную зорку.

Уводзіліся шматлікія падаткі, якія павінна было плаціць насельніцтва. Акрамя асноўных былі і дадатковыя – падатак на дом, жывёлу, птушку і нават на кошак і сабак [7, 2]. За несвоечасовую выплату падатку налічвалася пеня ў памеры 10%, у выпадку нявыплаты – турма або расстрэл. Вялікай

колькасцю падаткаў абкладалася вясковае насельніцтва. Была ўстаноўлена месячная норма ўжывання хлеба: даросламу – 6 кг, дзіцяці да 10 гадоў – 3 кг. Каб забяспечыць кантроль за выкананнем гэтага распараджэння, сяляне павінны былі малоць зерне толькі на млыне, які належаў акупацыйным уладам, з дазволу старасты або бургамістра. За самавольны памол пагражаў расстрэл.

У Калінкавічах адкрылася паліклініка, насельніцтва абслугоўвалася за плату. Стцыянарнае лячэнне ў мазырскай бальніцы таксама было платным і са сваім харчаваннем. Дзе-нідзе адкрываліся школы, у якіх шмат часу адводзілася вывучэнню нямецкай мовы, закона Богага і біяграфіі Гітлера [8, 284].

Палітыка генацыду ў дачыненні да яўрэйскага насельніцтва яскрава прасочваецца на прыкладзе стварэння гета ў Калінкавічах.

20 верасня ў горадзе вывесілі аб’яву, згодна з якой яўрэям патрэбна было перасяліцца ў гета па вуліцы Дачнай, адведзенай ім для жыхарства. Калі яўрэйскае насельніцтва перасялілася, наступнае распараджэнне загадала ўсім, ад старых да дзяцей, прыбыць на станцыю Калінкавічы на сход, на якім будуць абмяркоўвацца пытанні паляпшэння іх матэрыяльнага становішча. Тых, хто сабраўся, акружылі ўзброеныя аўтаматамі нямецкія салдаты і заганалі на тэрыторыю, агароджаную дротам, а на світанні 22 верасня 1941 года ўсё яўрэйскае насельніцтва на грузавых аўтамашынах было перавезена ў раён дудзіцкага чыгуначнага пераезда (паўтара кіламетры на паўночны ўсход ад горада) і расстраляна аўтаматчыкамі пры ўдзеле мясцовых калабарантаў. Цэлы расстраляных, сярод якіх было шмат дзяцей, жанчын, старых, скінулі ў роў. Да канца года ў горадзе і ў вёсках яўрэйскае насельніцтва было амаль поўнасцю знішчана [8, 199–201].

Сведка тых жудасных падзей Шапавалава Марыя Пятроўна распавядае: “22 верасня 1941 г. каля чыгуначнага тупіка спынілася легкавая машына, з якой выйшлі чатыры афіцэры з павязкамі на рукавах. Яны агледзелі пад’езд каля чыгуначнага тупіка і паехалі. У хуткім часе да гэтага месца прыбылі чатыры грузавыя аўтамашыны, напоўненыя людзьмі. Сярод іх былі старыя, жанчыны, дзеці. Нямецкія салдаты сцягвалі з машыны людзей, цягнулі да ямы, клалі ўніз тварам каля ямы і чэргамі з аўтаматаў расстрэльвалі. Чутны быў крык, плач, стогны, просьбы злітавацца. Але немцы нікога не шкадавалі. Адна жанчына, схапіўшы трох дзяцей, крычала, каб хутчэй стралі і не палохалі дзяцей. Яе тут жа немец застрэліў разам з дзецьмі. Дзяўчына гадоў сямнаццаці падала ў ногі немцу, прасіла не расстрэльваць, але ад удару ботам у твар яна ўпала, заліваючыся крывёй. Мужчына, гадоў трыццаці, перад расстрэлам крыкнуў, што вы заб’еце нас, але будзе жыць Савецкая ўлада. Усе людзі былі дастаўлены на дванаццаці грузавых аўтамашынах, у кожнай з якіх змяшчалася па 50–60 чалавек” [8, 201].

Напярэдадні 1942 г. пачалася зверская расправа над яўрэйскім насельніцтвам в. Юравічы. З Калінкавіч на грузавіках прыехалі 50 карнікаў-немцаў і паліцаяў. У Юравічах жыло больш за 150 яўрэйскіх сем'яў – мясцовых і бежанцаў з іншых раёнаў. У першы ж дзень гітлераўцы сагналі ў адну калону чалавек 400–500 яўрэяў і павялі па вуліцы Мазырскай да ракі Прыпяць. Паміж прыстанню і возерам Грыбным усіх расстралялі з кулямётаў. Дабівалі з вінтовак, а трупы кідалі ў Прыпяць. Адзін з паліцаяў сам забіў сваю жонку-яўрэйку разам з дачкой. Толькі некалькі чалавек са шматлікага яўрэйскага насельніцтва вёскі ўратаваліся, бо ў час расправы яны кінуліся ўцякаць. Астатніх яўрэяў, якія не трапілі ў калону, вылоўлівалі і расстрэльвалі на месцы. Многа яўрэйскіх сем'яў пахавана ў неведомых магілках [8, 202–203].

Чалавечае жыццё ва ўмовах акупацыі няшмат каштавала, што пацвярджаюць наступныя факты.

У пачатку верасня 1941 года двое нямецкіх салдат запрэгли пятнаццацігадовага хлопчыка ў фурманку і прымусілі яго вазіць у бочцы ваду. Хлопчык надрываўся з усіх сіл, але не мог дацягнуць фурманку з вадой да месца. Тады немцы пачалі біць яго бізуном [6, 204].

У кастрычніку 1942 года начальнік жандармерыі арыштаваў мужа і жонку Зінаіду і Віталя Дзмітрыевічаў. Падчас вобыску на кватэры арыштавання былі збітыя да паўсмерці іх збівалі гумавай палкай з медным наканечнікам, білі галавой аб сцену. У выніку ў сярэдзіне снежня Віталь Дзмітрыевіч быў расстраляны, а яго жонцы цудам удалося пазбегнуць смерці [6, 217].

Узімку 1942 г. нямецкімі салдатамі расстраляны 7 грамадзян, сярод якіх было 4 мужчын, жанчына і двое дзяцей. Перад расстрэлам усе яны былі зверскі збітыя. Гэтых людзей вывелі за горад і жывымі кінулі ў калодзеж на тэрыторыі ваеннага гарадка, а затым застрэлілі [6, 203].

У красавіку 1943 г. нямецкі афіцэр у двары тэкстыльнай фабрыкі на вуліцы Кагановіча застрэліў 4-гадовае дзіця, а двух хлопчыкаў, якія гулялі там, параніў [8, 221].

У сярэдзіне верасня 1943 года на вуліцы Падольскай нямецкі патруль схапіў Марыю Маісеенка і пад падставай медыцынскага агляду завёў ў лагер на станцыі Калінкавічы, які быў абнесены калючым дротам. Есці і піць у лагеры не давалі. Праз пяць гадзін Марыя пералезла праз дрот і змагла бегчы. Па ёй адкрылі агонь, але прамахнуліся. А раніцай усіх тых, хто знаходзіўся ў лагеры (а іх было каля 300 чалавек), пагрузілі ў эшалоны і адправілі ў Германію [4, 3].

У кастрычніку 1943 г. немцамі была расстраляна настаўніца гарадской школы Валянціна Іванаўна Янкавіч. Яе труп быў знойдзены ў лесе за станцыяй Калінкавічы [9, 3].

У чэрвені 1943 года нямецкая адміністрацыя акружыла горад ўзброенымі салдатамі. На скрыжаваннях вуліц выставілі кулямёты, усё мужчынскае насельніцтва пад пагрозай зброі сагналі на вуліцу Кірава, насупраць жандармерыі. Калі было сабрана каля пяціста мужчын, насупраць іх выставілі кулямёты. З натоўпу выбіралі маладых мужчын, заводзілі ў памяшканне жандармерыі, дзе катавалі, дамагаючыся прызнання ў падрыве чыгуначнага маста. Насельніцтва пратрымалі ўвесь дзень пад страхам растрэлу, адабралі шэсць чалавек і адправілі ў турму. Далейшы іх лёс невядомы [8, 208–209].

Як было потым устаноўлена, даволі часта немцы расстрэльвалі мірных грамадзян у двары будынка чыгуначнай камендатуры, а перад тым, як расстраляць, вымушалі выкапваць сабе магілу [5, 2].

Варта адзначыць, што асаблівым зверствам адрозніваўся памочнік начальніка жандармерыі Хельмут Тост. Пад яго кіраўніцтвам 7 жніўня 1942 года было расстраляна каля ваеннага гарадка чапвёра чалавек, сярод якіх дзіця і дзве жанчыны. У вёсцы Савічы Даманавіцкага раёна ён уласнаручна расстраляў восем чалавек, сярод якіх двое дзяцей, дзве жанчыны і 85-гадовы мужчына [8, 210].

Разглядаючы акупацыйны рэжым Калінкавіцкага раёна ў гады Вялікай Айчыннай вайны, нельга не ўзгадаць пра лагер смерці ў гарадскім пасёлку Азарычы.

20 студзеня 1944 года нямецкія войскі былі выбіты з Азарыч. Па загаду камандуючага 9-й нямецкай арміі Харпе непадалёку ад пярэдняга краю абароны (каля пасёлка Азарычы, вёсак Дзерць і Падасіннік) у гіблых, балоцістых месцах, дзе раслі рэдкія дрэўцы, зямля была мокрай, не было ніякіх умоў для жыцця, былі створаны тры лагеры на шляху наступаючай Чырвонай арміі. Пад выглядам эвакуацыі насельніцтва з месцаў магчымых баёў у канцлагер з 9 па 15 сакавіка было гвалтоўна прывезена больш за 50 тысяч савецкіх грамадзян – непрацаздольных, жанчын, старых, дзяцей [5, 2]. Сярод вязняў гітлераўцы з загадзя абдуманымі мэтамі размясцілі сыпна-тыфозных хворых, каб распаўсюдзіць эпідэмію на воінаў Чырвонай Арміі, якія наступалі, з мэтай спыніць яе пераможнае наступленне. Людзі знаходзіліся ў нечалавечых ўмовах: іх трымалі на абгароджанай калючым дротам у 4–5 радоў балоцістай мясцовасці ў вільгаці і холадзе, дзе не было ніякіх пабудоў. Падыходы былі замінаваны, па краях тэрыторыі пабудаваны кулямётныя вышкі. Ціснулі маразы, вязням забаранялася раскладваць вогнішчы, яны вымушаны былі піць сырую балотную ваду. За супраціўленне і пратэст – расстрэл. Зняволеных марылі голадам, раз у некалькі дзён праз агароджу кідалі кавалкі хлеба, за якія людзі вымушаны былі біцца, потым пад выглядам барацьбы “з беспарадкамі” адкрывалі агонь [1, 284–285].

З матэрыялаў надзвычайнай дзяржаўнай камісіі па ўстанаўленні і расследаванні злачынстваў нямецка-фашысцкіх захопнікаў на тэрыторыі

Азарычаў: “19 марта 1944 г. нами был обследован лагерь в 3 км северо-восточнее м. Озаричи по правой стороне шоссеной дороги, идущей из Озаричей в Волосовичи. Лагерь занимает площадь около двух гектаров. Расположен в редком сосновом лесу под открытым небом. Площадь лагеря огорожена проволокой в один ряд и в пять линий по вертикали. По углам построены четыре наблюдательные вышки для охраны. Охрана была вооружена автоматами и станковыми пулемётами. Режим лагеря был невыносим. Раздетые и голодные, люди не имели права разводить костры, ходить в ближайшее болото, чтобы достать из-под мха несколько капель болотной воды. Категорически запрещалось приближаться к проволоке. За попытку приблизиться к заграждению расстреливали. На проволоке висели противопехотные мины. При малейшем прикосновении мины рвались, убивая и рая находящихся вблизи людей. Охрана лагеря избивала заключённых дубинками. В лагере был установлен режим, рассчитанный на истребление людей и голодную смерть. Раз в неделю немцы подвозили к проволоке хлеб и бросали, как собакам, в толпу изможденных людей. Маленький кусочек хлеба после систематического голодания ещё больше усиливал муки заключённых. Ежедневно в лагере умирало много людей от истощения вследствие систематического недоедания и от острых инфекционных заболеваний. Умерших в большинстве случаев не хоронили, они лежали среди живых, распространяя трупный запах и эпидемии. По всей видимости, немецко-фашистские захватчики собирались расстрелять всех заключённых, был вырыт огромный ров 6×3×2 м” [8, 209–213].

Усе выходы, калі пад ударамі Чырвонай Арміі гітлераўцы пакінулі лагерь, былі замініраваны, і шмат людзей, якія кінуліся наўцёкі, узарвалася. Да дня вызвалення савецкіх людзей з лагера (18–19 студзеня) у жывых засталася 33480 чалавек, з іх 15960 дзяцей, 13072 жанчыны і 4448 старых [6, 13].

Такім чынам, з першых дзён акупацыйнага рэжыму нямецкімі ўладамі быў уведзены жорсткі новы парадак, які праяўляўся:

1) у эканамічнай эксплуатацыі людскіх і матэрыяльных рэсурсаў – рэгістрацыі і скліканні ўсіх працаздольных людзей на работы, адпраўцы моладзі на работы ў Германію, канфіскацыі прадуктаў і хатняй жывёлы (коней, кароў, коз) на карысць акупацыйнай улады і ўвядзенні шматлікіх падаткаў;

2) у палітыцы генацыду, асабліва ў дачыненні да яўрэйскага насельніцтва, і жорсткай рэгламентацыі паўсядзённага жыцця людзей;

3) у вярбоўцы ў паліцыю і жандармерыю людзей, лаяльных да акупацыйнага рэжыму.

Літаратура

1. Памяць Беларусі: Рэспубліканская кніга / рэд. кал.: Г. П. Пашкоў [і інш.]. – Мінск: БелЭн, 2005. – 592 с.

2. Века, А. Застаюцца толькі ўспаміны / А. Века // Калінкавіцкія навіны. – 2008. – № 16. – С. 2.
3. Атаманова, Р. Фашистский «новый порядок» на Калининской земле / Р. Атаманова // Калінкавіцкія навіны. – 2007. – № 109. – С. 1–2.
4. Атаманова, Р. Год рождения: 1941-й. Место рождения: г. Калинин / Р. Атаманова // Калінкавіцкія навіны. – 2004. – № 5. – С. 3.
5. Гарист, И. Героизм и трагедия / И. Гарист // Калінкавіцкія навіны. – 2003. – № 4. – С. 2.
6. Серегин, М. Не надо упрощать / М. Серегин // Беларусь сегодня. – 2007. – № 7. – С. 13.
7. Века, А. На жыццё не трэба наракаць / А. Века // Калінкавіцкія навіны. – 2008. – № 16. – С. 2.
8. Памяць: Гістарычна-дакументальная хроніка Калінкавіцкага раёна / рэд. кал.: В. Р. Феранц [і інш.]. – Мінск: Ураджай, 1999. – 798 с.
9. Саковіч, В. Іх маладосць згарэла ў полімі вайны / В. Саковіч // Калінкавіцкія навіны. – 1999. – № 4. – С. 3.

М. М. Щербин

КАЛИНКОВИЧСКО-МОЗЫРСКАЯ ОПЕРАЦИЯ КРАСНОЙ АРМИИ

Задача по проведению Калининско-Мозырской операции была поставлена командованием фронта 2 января 1944 года (командующий – генерал армии К. К. Рокоссовский, член Военного совета – генерал-лейтенант К. Ф. Телегин, начальник штаба генерал-полковник М. С. Малинин). На подготовку операции отводилось пять суток.

Гитлеровское командование калинковичскому железнодорожному и шоссевному узлам, областному центру Мозырю придавало исключительное значение. Оборону держали 9 пехотных и 2 танковые дивизии, 3 дивизиона штурмовых орудий, кавалерийский полк. Были построены долговременные оборонительные сооружения, дзоты, линии траншей, местность была густо заминирована [1, 287].

Калинковичско-Мозырская операция осуществлялась войсками двух армий: 65-й (командующий – генерал-лейтенант П. И. Батов) и 61-й (командующий – генерал-лейтенант П. А. Белов). В состав 65-й армии был включен 1-й гвардейский Донской танковый корпус под командованием генерал-майора М. Ф. Панова.

Замысел операции состоял в том, чтобы ударами левого фланга 65-й армии из района Холодничи с севера и правого фланга 61-й армии из района Глиной Слободы в направлении на Калинин – Мозырь и одновременным охватом силами 2-го и 7-го гвардейских корпусов района Калинин – Мозырь с юго-запада разгромить вражеские войска в этом

районе, овладеть Калинковичами и Мозырем, а в дальнейшем выйти на рубеж реки Птичь [1, 290].

1 января 1944 г. командир корпуса генерал-майор А. Барейко получил приказ командующего армией генерал-лейтенанта П. Белова о подготовке наступления на Калинковичи и Мозырь. Наступление велось в очень тяжелых условиях. Освобождавшим войскам противостояла группа армий «Центр» под командованием генерал-фельдмаршала Э. Буша в составе 2, 4, 9, 3-й танковых армий. Ее поддерживал 6-й воздушный флот. В составе группы армий имелось 63 дивизии и пехотная бригада, 4 отдельных танковых батальона, 12 дивизионов штурмовых орудий, 1133 тыс. человек, 12,8 тыс. орудий и минометов, 630 танков и штурмовых орудий, 700 боевых самолетов. Немецкая оборона состояла из трех позиций на глубину до 6 км и была оборудована развитой системой траншей, проволочными и минновзрывными заграждениями [2, 123].

В районе Калинковичей противник создал мощную оборону, поэтому советское командование сконцентрировало здесь крупные силы артиллерии. Для разминирования переднего края обороны противника и инженерного обеспечения операции в район боевых действий были перекинута часть 1-ой гвардейской особой инженерно-сапёрной бригады генерал-майора М. Ф. Иофе. Активное участие в операции принимали авиационные соединения и части 16-ой воздушной армии генерал-лейтенанта авиации С. И. Руденко.

Главный удар наносился в направлении Домановичи – Горбовичи – Калинковичи, вспомогательный удар – на Озаричи. Наступление началось 8 января 1944 г. Преодолевая упрямое сопротивление врага, наши войска в тот день прошли 2–6 километров.

В 9 часов 5 минут 8 января началась артиллерийская подготовка. В течение 45 минут артиллеристы и минометчики разрушали дзоты и пулеметные гнезда, уничтожали вражескую пехоту в траншеях и укрытиях. Из-за плотной, низкой облачности авиация обеих сторон в боевых действиях не участвовала. Наступление было встречено мощным огнем противника.

2-й батальон капитана П. М. Маковецкого ворвался в Малые Автюки и закрепился в захваченных у противника траншеях и в сельских строениях.

Стрелковые батальоны 239-го полка, понеся потери от заградительного огня, выбили противника из первой траншеи и завязали бой на восточной окраине Александровки. Только в ночь на 13 января 237-й гвардейский полк овладел опорными пунктами врага юго-западнее Александровки и на шоссе на дороге, тем самым был открыт кратчайший путь на Калинковичи. Ночью 14 января части 9-го гвардейского корпуса с западного направления ворвались в город Калинковичи [2, 292].

К югу защита противника была прорвана, 75-я дивизия овладела Домановичами и успешно наступала на Тарканы. 132-я дивизия освободила

дила поселок Авангард и продвигалась на южный восток от Тарканов, 1-ый Донской танковый корпус вышел в район Кочищ. Части 69-ой Краснознаменной Севской стрелковой дивизии во взаимодействии с 162-й стрелковой дивизией, отражая безостановочные атаки противника, вели бои в районе д. Козловичи. 11 января вместе с танкистами дивизия освободила Козловичи, Сельцы, Заполье. Начался обход Калинковичей с северо-запада.

12 января в д. Туровичи ворвалась действующая в разведке танковая рота 5-й танковой бригады под командованием старшего лейтенанта В. Мартыненко. 162-я стрелковая дивизия была направлена на Казанск, 193-я стрелковая дивизия – на Капличи. В районе д. Шиичи была разгромлена большая автоколонна противника. К концу дня 12 января освобождены Горочичи, Бобровичи, Булавки. 13 января стрелковая и танковая части вели тяжелые бои в районе Дудит и Муравейницы. До 15 часов 13 января части 75-й дивизии, и танкисты ворвались в Горбовичи, но были контратакованы большими силами противника.

На рассвете 14 января 1944 года 1-ый Донской танковый корпус совместно с частями 61-й армии, 75 и 253-й стрелковых дивизий ворвался в Калинковичи. Первыми вышли сюда воины 1-й гвардейской мотострелковой бригады под командованием Героя СССР полковника Г. Н. Филипова, 15-й и 17-й гвардейских танковых бригад полковников К. Г. Кожанова и Б. В. Шульгина. 105-ый стрелковый корпус, преследуя противника, перерезал железную дорогу Калинковичи – Брест, вышел к р. Припять и закрепился на рубеже Клиск – Пхов.

В ночь на 13 января, когда войска 65-й армии обошли Калинковичи с северо-запада, гитлеровцы вынуждены были начать отход, бросив оборонительные отряды. Преследуя врага, стрелковые полки 76-й дивизии при поддержке артиллерии в ночь с 13 на 14 января ворвались в город. 77-я Черниговская дивизия вместе с танкистами ворвались на окраину города и начали двигаться в сторону к железнодорожной станции.

365-я дивизия генерал-майора Н. Г. Макарова, сломив упорное сопротивление противников в районе д. Большие Автюки, вышла в район Гулевичи – Корчага и пробилась на юго-восточную окраину города.

В ночь с 13 на 14 января части Красной Армии ворвались в город со всех сторон. На рассвете 14 января после жесточайшего боя город был очищен от врага. Комсорг 1-го батальона 237-го стрелкового полка 76-й гвардейской стрелковой дивизии лейтенант Николай Жгун поднял над городом красный флаг [2, 293].

На подступах к Калинковичам бессмертный подвиг совершил 20-летний командир отделения пулеметной роты 215-го полка 77-й стрелковой дивизии старший лейтенант Князев. Отбивая контратаку танков и пехоты противника около деревни Малые Автюки, он пулеметным огнем нанес

большие потери гитлеровцам, они вынуждены были отступить. Алексей Князев в том бою героически погиб. Ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

В уличных боях в г. Калинковичи гвардейцы Ищенко, Хорулин, Бекетов и Кусков подобрались к зданию школы, откуда вел огонь пулемет, уничтожили вражеский расчет и повернули пулемет против врага. Рядовой Юсупов ворвался в дом, где засели пять фашистов, и уничтожил их. Артиллерийский разведчик, Герой Советского Союза Терентий Брагонин одним из первых ворвался в район станции Калинковичи, пробрался на чердак трехэтажного здания и под ураганным огнем корректировал действия наших артиллеристов.

12 января 1944 г. при одном из последних воздушных налетов на станцию Калинковичи огнем зенитной артиллерии противника был подбит самолет командира 54-го авиаполка подполковника Кривцова. Экипаж самолета (подполковник М. А. Кривцов, штурман полка майор И. И. Сомов и стрелок-радист старшина М. А. Павлов) принял решение направить свой самолет в скопление живой силы и техники врага. 14 января младший лейтенант Юрий Шлыков направил в колонну гитлеровских танков и машин подбитый огнем немецкой зенитной артиллерии свой самолет-штурмовик. Такой же подвиг совершил командир эскадрильи 233-го уничтожающего авиационного полка К. Ф. Захаров [2, 294].

Главную роль в освобождении Калинковичей сыграли летчики 16-й воздушной армии. Несмотря на плохие метеорологические условия, летчики безостановочно бомбили позиции противника, скопления живой силы и техники, железнодорожный узел.

Значительную роль в проведении Калинковичско-Мозырской операции сыграли саперы, которые расчищали основной маршрут, делали проходы в минных полях. За дни боев в районе Калинковичи – Мозырь части 1-й инженерно-саперной бригады обезвредили свыше 30 тысяч мин.

В боях за Калинковичи гитлеровцы понесли большие потери. Только на участке 65-й армии за 7 дней боёв было уничтожено не меньше 10 тысяч немецких солдат и офицеров. Не меньшие потери нанесла врагу и 61-я армия.

Пополненный 111-й стрелковый полк вышел к Лубне, по льду переправившись через Припять, и вместе с лыжным батальоном с востока ворвался в Мозырь. Два других полка 55-й дивизии (107-й и 228-й) нанесли удар через позиции врага около д. Прудок и через Игнатово-Фабияновку, Гулевичи и Ситню и с боем пробились на юго-восточную окраину Калинковичей. Большие потери два полка понесли 7–9 января при прорыве укрепленной полосы врага.

В освобождении Мозыря главную роль сыграла 61-я армия, которая прошла большой боевой путь. В боях за Мозырь в оперативном подчинении

61-й армии находился 2-й гвардейский кавалерийский корпус, созданный на базе кавалерийской группы легендарного генерала Л. М. Доватора.

В районе Мозыря наши кавалерийские корпуса, обходя с юга Мозырскую группировку противника, глубоко вклинились в его расположение. Противник, стремясь закрыть имевшийся разрыв в боевых порядках, выдвинул на это направление специальную 1-ю лыжную бригаду, только что прибывшую из Германии, кавалерийский полк «Центр», находившийся до этого в резерве, части 102-й пехотной дивизии и 5 охранных батальонов. Сопrotивление вражеских войск резко возросло. 11 января 3-я гвардейская кавалерийская дивизия генерал-майора М. Д. Ягодина из состава 2-го гвардейского кавалерийского корпуса внезапным ударом овладела Скрыгаловом, расположенным в 30 км к западу от Мозыря на южном берегу Припяти. Потеряв до 100 человек, остатки вражеского гарнизона отступили на северный берег реки Припять, взорвав за собой мост. В это время части 7-го гвардейского кавалерийского корпуса, повернув круто на север, вышли непосредственно на подступы к Мозырю с юга. 12 января 14-я гвардейская кавалерийская дивизия полковника Г. П. Коблова овладела населенным пунктом Загорины, выйдя на южный берег реки Припять в 10 км северозападнее Мозыря. Основные пути отхода Мозырской группировки противника на запад вдоль южного берега Припяти были перерезаны. Враг начал поспешно отступать вдоль северного берега реки. В это время наши войска продолжали теснить противника с фронта. Еще 11 января 515-я стрелковая дивизия полковника П. И. Мощалкова овладела опорным пунктом врага городом Ельском и продолжала наступать на Мозырь вдоль южного берега Припяти. В это время вдоль северного берега на Мозырь двигалась 55-я стрелковая дивизия полковника Н. Н. Заиюльева. К 6 часам 14 января части этих дивизий во взаимодействии с 7-м гвардейским кавалерийским корпусом овладели городом и железнодорожной станцией Мозырь. Наибольшего напряжения бои за Мозырь достигли 13 января. Враг продолжал контратаки.

Первыми ворвались в город бойцы младшего лейтенанта Бойченко. К 2.00 14 января основная часть города была освобождена. Полностью Мозырь был освобожден к 6 часам утра. В освобождении Мозыря активное участие принимала и Мозырская партизанская бригада под командованием А. Л. Жильского [2, 293].

В донесении командующего 61-й армии сообщали: «Войска армии, сломив сопротивление противника на рубеже Бобренята, Булавки, к 7 часам овладели г. Мозырь и к исходу дня вышли в район Загорины, Костюковичи, Мерабель ...

В боях за Мозырь нанесены значительные потери преимущественно 86-й пехотной дивизии противника, убиты 1500 человек солдат и офицеров. Освобождено 710 кв. километров, занято более 80 населенных пунктов» [2, 293].

Но и наши войска понесли большие потери. Только части 61-й армии потеряли около 5 тысяч бойцов, 12 тысяч были ранены.

15 января 1944 года в Москве прогремел салют из 224 орудий в честь войск Белорусского фронта, освободивших Калинковичи и Мозырь. Войскам, участвовавшим в освобождении этих городов, была объявлена благодарность. 18 соединений и частей получили наименование «Мозырских», а еще 21 – «Калинковичских». Ряд соединений и частей был награжден орденами Советского Союза.

В период подготовки и проведения Калинковичско-Мозырской операции большим авторитетом пользовалась фронтовая печать. Постоянно находились в боевых действиях сотрудник газеты 51-й армии «Боевой призыв», член КПСС, автор повести и сценария фильма «Красные дьяволята» П. А. Бляхин, сотрудник газеты 65-й армии, в будущем знаменитый белорусский поэт Петр Приходько и многие другие.

Плечо в плечо сражались при освобождении Калинкович и Мозыря воины разных национальностей. Во время наступления казак Байкадамов уничтожил огневую точку противника. Мужественно сражались грузины командир роты Иордан Наведели и парторг роты автоматчиков рядовой Кирилл Гогия. Отвагу и мужество проявил еврей Рафаил Мильнер, сменивший в бою раненного командира. В боях за Калинковичи отличился узбек Н. Игамназаров, коми А. Данилов, бурят Ж. Дорижабон, еврей Н. Бескин, осетин В. Залеев, мордвин И. Демин, украинец И. Кувик, азербайджанец А. Шахнобазов, русские Ю. Друнина, Е. Есин, Р. Игнаткин, А. Тераев и многие другие.

В результате Калинковичско-Мозырской операции войска Белорусского фронта добились серьезного успеха на своем левом крыле. Враг был выбит из важных узлов, дорог Калинкович и Мозыря, которые в этом лесисто-болотистом районе имели особенно большое значение.

Противник понес большие потери и был отброшен на 20–80 км к западу. Наши войска еще глубже охватили с юга бобруйскую группировку немецких войск, что имело большое значение при проведении Белорусской операции летом 1944 года.

Литература

1. Копач, М. А. Память: Историко-документальная хроника Мозыря и Мозырского района / М. А. Копач, В. А. Ференц. – Минск: Маст. літ., 1997. – 574 с.
2. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945: в 6 т. / редкол.: Н. Горбач [и др.]. – М.: Воениздат, 1980–1985. – Т. 4. – 1983. – 543 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-------------------	---

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ В ВУЗЕ И ШКОЛЕ

Анисимов В. И. О драмогерменевтическом векторе развития современной педагогики искусства	5
Анисимов В. И. Содержательное обеспечение коммуникативно-исполнительских умений будущего учителя литературы	11
Исмайлова Л. В. Профессионально-личностное развитие будущего учителя	16
Лобан М. Г. Факультативные занятия по русской литературе в системе литературного образования школьников	23
Чечко Т. Н. Интегративный спецсеминар как способ формирования ключевых академических компетенций студентов-филологов	31
Чечко Т. Н. «Фактор первокурсника» и формирование ключевых академических компетенций будущего учителя литературы в педагогическом университете	37

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Ахраменко П. Е. Категория безличности в современном русском языке и особенности перевода на белорусский язык (на материале произведений В. Быкова и И. Мележа)	43
Боженко Л. Н. Коммуникативный характер употребления некоторых знаков препинания в русской книжной речи	50
Жураўская Л. В. Фразеалогія беларускіх народных казак	55
Кніга У. Дз. Рэгіянальны і агульнабеларускі аспекты лексікі цяслярства і сталярства Мазырска-Прыпяцкага Палесся	61
Кузьменка Г. У. Айконімы-кампазіты, матываваныя апелятывамі, што ідэнтыфікуюць тыпы паселішчаў і жылля чалавека	68
Кузьмич В. В. Концептосфера произведений Е. А. Евтушенко	74
Кураш С. Б. О результатах и перспективах выполнения финансируемых НИР на кафедре русского языка	83
Лаевская Т. Е. Особенности белорусскоязычных и русскоязычных аннотаций к современным художественным произведениям	89
Липская Т. Н. К вопросу о смысловой структуре текста	95
Мазуркевіч Л. М. Дыялектныя назвы асобных захворванняў ва ўсходнепалескіх гаворках	101
Прахарэнка Л. В. Творы А. Пушкіна як аб'ект перакладу на беларускую мову	106
Ревуцкий О. И. основополагающие свойства образного мышления и их отражение в системе тропов	114

Сергушкова О. В. Структурно-семантические особенности сегментированных конструкций	119
Сидорец В. С. Теоретические и практические аспекты исследования вербоидов.....	126
Струкаў В. В. Экспрэсіўна-ацэначнае прозвішча як лінгвістычны тэрмін (на матэрыяле мовы раманаў Івана Мележа “Палеская хроніка”).....	131
Татаринев Е. А. Textoобразующая роль библеизмов в поэзии Серебряного века	136
Татаринова Т. И. Невербальные единицы и их роль в коммуникации и художественном тексте.....	142
Шур В. В. Пра змены ў сістэме айконімаў Мазырскага Палесся	148
Шчур Т. М. Сістэма словаўтваральных тыпаў і мадэлей у лексіка-семантычным разрадзе катаяконімаў	154

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Веракшич И. Ю. Н. В. Гоголь в творческой судьбе Ф. С. Фицджеральда (к проблеме русско-американских литературных связей).....	162
Кунгер Н. М. Палескія матывы ў паэзіі Міхася Башлакова.....	168
Нуждзіна Т. С. Аляксея Пысін і духоўныя скарбы Прыдняпроўя	175
Сузько А. У. Рэгіянальны каларыт паэзіі М. Танка, Р. Бардуліна, Л. Дранько-Майсюка.....	182
Чернейко И. Л. «Пророк православной культуры...»: христианские искания и духовные основы творчества Н. В. Гоголя.....	187
Шаўчэнка В. П., Шаўчэнка М. М. Партрэтныя апісанні і рэгіянальны каларыт у рамане Кузьмы Чорнага “Пошукі будучыні”.....	193

ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Барсук А. Я. Сацыяльна-эканамічнае развіццё пасляваеннага Мазыра паводле архіўных звестак	199
Дашкевіч Г. М. Назаўжды паяднаны з мастацтвам	205
Кунгер С. В. Преемственность этнокультурных традиций в глобализирующемся мире	210
Нікіціна Т. А. Мазыршчына ў паслякупацыйны ваенны перыяд (14 студзеня 1944 г. – 9 мая 1945 г.)	216
Сыманович Т. Н. Развитие системы образования на Мозырщине в 1945–1965 гг.	221
Телепень С. В. Государственная идеология и пропаганда в ранней Римской империи.....	227
Трегуб В. А. Политическая система и политическая культура современного белорусского общества.....	232
Урыцкі М. Б. Усталяванне акупацыйнага рэжыму на тэрыторыі Калінкавіцкага раёна.....	238
Щербин М. М. Калининковичско-Мозырская операция Красной Армии	244